

С.Д. Бодрунов, С.Ю. Глазьев

ЗАКОНОМЕРНОСТИ
ФОРМИРОВАНИЯ
ОСНОВ НООНОМИКИ
КАК ГРЯДУЩЕГО
ОБЩЕСТВЕННОГО
УСТРОЙСТВА:
ЗНАТЬ И ДЕЙСТВОВАТЬ

Монография

Санкт-Петербург – Москва
2023

УДК 30.3(075.8)
ББК 65.013я73
319

Бодрунов С.Д., Глазьев С.Ю.

319 Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. — СПб. : ИНИР им. С.Ю. Витте; М. : Центркаталог, 2023. — 340 с.

Современный период мирового развития отмечился не только всплеском НТП, началом новой технологической революции, качественными изменениями в материальном производстве соответствующего этому времени уровня, но и обострением и усилением конфликтности в мире. Актуальность настоящей монографии обусловлена как необходимостью выявления причин обозначенных событий и закономерностей долгосрочного социально-экономического развития в целом, так и уже осознанной потребностью общества в создании механизмов управления этим развитием и в обучении и подготовке специалистов по всем направлениям деятельности.

Данная монография представляет собой теоретический труд (с прицелом на практическую реализацию), «произведенный» на фундаментальной научной основе, созданной и непрерывно развиваемой авторами книги на протяжении нескольких десятков лет – следующих в своих исследованиях каждый своей «колеей», но в итоге пришедших к единству по ключевым и принципиальным вопросам и положениям. Особенностью этой работы является «стыковка» авторских теорий и концепций, породившая в итоге новый научный продукт и приведшая к их содержательному обогащению. В монографии разрабатываются «кривые зеркала», созданные «мейнстримом» современной экономической мысли, анализируются фундаментальные закономерности долгосрочного социально-экономического развития как процесса смены технологических и мирохозяйственных укладов, раскрывается содержание и ключевые события новых укладов (включая эволюцию производственных процессов и формирование НИО.2), выявляются существенные изменения, происходящие в экономике и современном обществе, которые предвосхищают зарождение совершенно новой системы отношений – ноономики и ноо-общества. Особое внимание в работе уделяется привносимым в результате НТП во все сферы общественной жизни изменениям – в ценностях, культуре, восприятии и мотивации человека – которые, с одной стороны, создают угрозы существованию человечества, а, с другой стороны, открывают невиданные возможности для его развития, долгожданного «прыжка», выражаясь словами классиков, из царства необходимости в царство свободы. Но для того, чтобы распорядиться этой открывающейся свободой не во вред, а во благо человеческой цивилизации, необходимо и достижение социумом высокого уровня и культуры Знания. В работе излагаются авторские предложения и рекомендации для качественного и эффективного нооперехода (в том числе с учетом российских реалий) и многое другое.

Монография рекомендуется для исследователей и специалистов (теоретиков и практиков), студентов магистратуры, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент», «Экономика», «Политология» и т.д., аспирантов, а также для широкого круга читателей – всех, кто заинтересован не только в понимании действительности, но и во внесении личного вклада в рост благосостояния и общественный прогресс.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, знание, научно-технический прогресс, технологический уклад, мирохозяйственный уклад, управление развитием, НИО.2, ноономика, нооразвитие, нооценности, ноо-общество.

УДК 30.3(075.8)
ББК 65.013я73

ISBN 978-5-00020-108-4 (ИНИР им. С.Ю. Витте)
ISBN 978-5-903268-84-9 (Центркаталог)

© С.Д. Бодрунов, С.Ю. Глазьев, 2023

S.D. Bodrunov, S.Yu. Glazyev

REGULARITIES
OF THE NOONOMY
FOUNDATIONS
FORMATION AS FUTURE
SOCIAL ORDER:
TO KNOW AND OPERATE

Monograph

УДК 30.3(075.8)
ББК 65.013я73
319

Bodrunov S.D., Glazyev S.Yu.

Regularities of the Noonomy Foundations Formation as Future Social Order: To Know and Operate. — St. Petersburg : S.Y. Witte INID; Moscow : Centercatalog, 2023. — 340 p.

The current period of world development was marked not only by the surge of scientific and technological progress (STP), the beginning of new technological revolution, qualitative changes in material production of the appropriate level according to the time being, but also by the aggravation and intensification of conflict in the world. The relevance of this monograph is due both to the need of identification the causes of these events and regularities of long-term socio-economic development in general, and to the already realized necessity of society to create mechanisms for managing this development and to train specialists in all areas of activity.

This monograph is a theoretical work (with an eye to practical implementation), “produced” on a fundamental scientific basis, created and continuously developed by the authors of the book for several decades – who follow their own “track” in their research, but eventually came to unity and consensus on key and fundamental issues and provisions. The peculiarity of this work is the “docking” of the authors’ theories and concepts, which eventually gave rise to a new scientific product and led to substantial enrichment of developments and results. The monograph destroys the “curved mirrors” created by the “mainstream” of modern economic thought, analyzes the fundamental laws of long-term socio-economic development as a process of changing technological and world economic modes, identifies the content and key events of new modes (including the evolution of production processes and the formation of the New Industrial Society of the second generation – NIS.2). We revealed significant changes taking place in the economy and modern society, which will anticipate the emergence of a completely new system of relations – noonomy and noosociety. Special attention in the work is paid to the changes introduced as a result of STP in all spheres of public life – in values, culture, perception and motivation of a person – which, on the one hand, create threats to the existence of humanity, and, on the other hand, open unprecedented opportunities for its development, the long-awaited “leap”, in the words of the classics, from the kingdoms of necessity into the kingdom of freedom. But in order to dispose of this opening freedom not to the detriment, but for the benefit of human civilization, it is also necessary for society to achieve a high level and culture of Knowledge. The paper presents the authors’ suggestions and recommendations for a high-quality and effective nootransition (including taking into account Russian realities) and much more.

The monograph is recommended for researchers and specialists (theorists and practitioners), MA students studying “State and Municipal Administration”, “Management”, “Economics”, “Political Science”, etc., PhD students, as well as for a wide range of readers – everyone who is interested not only in understanding reality, but also in making a personal contribution to the well-being growth and social progress.

Keywords: socio-economic development, knowledge, scientific and technological progress, technological mode, world economic mode, development management, NIS.2, noonomy, noodevelopment, noovalues, noosociety.

УДК 30.3(075.8)
ББК 65.013я73

ISBN 978-5-00020-108-4 (S.Y. Witte INID)
ISBN 978-5-903268-84-9 (Centercatalog)

© S.D. Bodrunov, S.Yu. Glazyev, 2023

А счастье только знающим дано...

И.А. Бунин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная монография представляет собой научный труд двух авторов, каждый из которых, исследуя многие годы проблемы цивилизационного развития, выдвинул ставшие достаточно известными в научных кругах собственные концепции, объясняющие корни происходящих метаморфоз, показывающие перспективы формирования толерантного к человеку общественного устройства и обосновывающие предлагаемые механизмы реализации таких перспектив.

Двигаясь в своих исследованиях разными путями, авторы довольно часто приходили (и это видно из их работ предыдущих лет, ссылки на некоторые приведены в данной книге) к «параллельным» выводам, близким по смысловому наполнению и во многом взаимодополняющим.

Идея создания совместной книги зародилась довольно давно и, как ни удивительно, посетила обоих авторов еще на начальном этапе их знакомства с наработками друг друга, однако была вербализована, детально обсуждена и стала воплощаться в реальный текст только в прошлом году.

Произошло это не только исходя из искренних и проверенных временем их дружеских отношений и, что самое главное, близости их позиций по многим ключевым и принципиальным концептуальным вопросам, но и в связи с крайней необходимостью дать научно обоснованный ответ на вызовы глобальной трансформации человеческого общества, переживаемой нашей цивилизацией в последние десятилетия, и, конечно, на вызванные этим глобальным трендом мирового переустройства внутренние и внешние вызовы для России; все это подтолкнуло авторов, отложив ряд других насущных дел, заняться написанием данной книги.

По своему содержанию настоящая работа носит сугубо научный характер и представляет собой исследование, основанное преимущественно на предыдущих разработках обоих авторов, в числе которых уже известные широкому кругу наших читателей теория смены техно-

логических укладов и концепция мирохозяйственных укладов, концепция перехода к Новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2), теория ноономики и многое другое.

Однако при этом данную монографию нельзя назвать простым обобщением методологического и публицистического авторского опыта. Задумка авторов в отношении принципиального значения совместной книги состояла в том, что именно «стыковка» теоретических разработок обоих авторов (а также переосмысление и уточнение в ее ходе ряда авторских суждений и положений) позволит создать совместно обогащенный новый научный продукт. Его нацеленность на научное объяснение современных процессов для построения сценариев и прогнозов их дальнейшего развития позволила выработать рекомендации и предложения для осуществления перехода человеческой цивилизации на качественно более высокий (включая ценностно-культурный) уровень жизнедеятельности. Кроме того, ряд разделов монографии (например, о дегуманизации современного общества и путях ее преодоления, становлении и развитии седьмого технологического уклада и т.п.) представляет собой плод совершенно нового совместного авторского творчества. Насколько все это удалось — судить уважаемому читателю.

Несмотря на то что настоящая книга — это сугубо научный и теоретический труд, хотя и нацеленный на практическое применение, стиль ее изложения и «жанр» — довольно необычны. Как в старину поговаривали в Италии, «нет двух без третьего» — так и в число участников данной монографии включен и незримо присутствует третий «соавтор» — читатель. Нередко авторы умышленно использовали стиль дружеской беседы с этим третьим «коллегой», втягивая его то в дискуссию, то в лекционные сюжеты и т.д. Это позволяет доступнее объяснить логику сложнейших процессов, проанализированных на страницах данной книги, подчас дает возможность говорить «несерьезно о серьезном», дабы облегчить восприятие текста.

На презентации книги, написанной в соавторстве, ее создателям обычно задают вопрос о том, как им работалось вместе и что является ключом успеха в нахождении компромисса по различным вопросам, освещаемым в тексте. Особенно сложно в этом смысле ученому сословию — каждый специалист в чем-то, следуя мудрому Козьме Пруткову, «подобен флюсу: полнота его одностороння»; да и известная всем приверженность каждого ученого считать открытую им истину таковой «в последней инстанции» тоже не слишком способствует тесному сотворческому единению... При-

знаемся, что подобные вопросы мы уже получали в течение написания настоящей монографии от коллег и родственников, но привыкли отвечать на них словами советских писателей-сатириков И. Ильфа и Е. Петрова: «Как мы пишем вдвоем? Да так и пишем вдвоем. Как братья Гонкуры. Эдмонд бегает по редакциям, а Жюль стережет рукопись, чтобы не украли знакомые». Конечно, это шутка, но — лишь частично. Основа совместного творческого результата в данной работе (еще раз подчеркнем) — взаимное уважительное отношение к работам и бережное отношение к идеям друг друга и, конечно, сходство взглядов в отношении предмета исследования. Действительно, за время подготовки совместных материалов авторы настолько успели сработаться — и даже, можно сказать, «сродниться», что, возможно, будут продолжать и далее время от времени эту полезную практику.

И — еще о важном.

Авторы искренне благодарят своих коллег — как ныне здравствующих, так и безвременно ушедших от нас — в РАН и ИНИР им. С.Ю. Витте, которые в течение многих лет поддерживали их научно-теоретические и практические разработки, выступали соавторами и участвовали в организуемых авторами конгрессах, конференциях, семинарах и т.п. научных мероприятиях. С некоторыми из них мы вели, вместе и по отдельности, весьма полезные дискуссии в приватном порядке. Мы выражаем глубокую признательность российским коллегам А.Г. Аганбегяну, А.И. Агееву, А.Э. Айвазову, С.С. Бодруновой, А.В. Бузгалину, А.Р. Бахтизину, Р.С. Гринбергу, А.А. Золотареву, В.И. Ивантеру, В.Л. Квинту, А.Н. Клепачу, А.И. Колганову, А.В. Крюкову, Б.Н. Кузыку, Д.С. Львову, В.Л. Макарову, А.Д. Некипелову, Р.М. Нижегородцеву, Б.Н. Порфирьеву, Г.Н. Цаголову, А.А. Широу, Ю.В. Яковцу и многим другим. Их заинтересованное и даже порой по-хорошему пристрастное участие в обсуждении многих результатов авторов на научных мероприятиях под эгидой Российской академии наук, в рамках различных конгрессов, симпозиумов и конференций, семинаров Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте позволило уточнить немало позиций в авторских взглядах на исследуемую проблему.

Хотелось бы особо отметить поддержку наших иностранных коллег, которые, несмотря на напряженность в мире, многое сделали и продолжают активно содействовать в вопросе продвижения авторских идей и инициатив: одного из гуру мир-системного анализа Самира Амина, открывателя вековых системных циклов накопления капитала

Дж. Арриги и его супруги, Президента Всемирной политекономической ассоциации (*WAPE*), главного профессора Университета Китайской академии общественных наук, члена Президиума Академического отделения Китайской академии общественных наук Чен Энфу, профессора Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета Ван Вэня, профессора Университета Техаса Джеймса К. Гэлбрейта, разработчиков теории неравномерного технико-экономического развития К. Фримена, К. Перес, Д. Доси, А. Грублера, Ч. Маркетти, авторов эволюционной экономики Р. Нельсона и Уинтера, ведущих профессоров Кембриджского университета (Великобритания) Дэвида Лэйна и Питера Нолана, основателя Института Шиллера из ФРГ Хельги Зепп-Ларуш, членов Валдайского клуба — профессора Университета Манитоба (Канада), крупнейшего в мире специалиста в сфере геополитэкономии Радика Десаи и лондонского профессора, выдающегося специалиста в области креативных и ментальных структур Алана Фримена, крупного бразильского экономиста из Сан-Паулу профессора Паоло Алвеса де Лиму и многих других. Наши зарубежные коллеги, руководствуясь принципами научной объективности и глубокой порядочности, многое сделали для продвижения авторских идей в международной среде экономистов. Именно они стали инициаторами и провайдерами многочисленных переизданий книг авторов в десятках стран на многих языках, чтения курсов с элементами авторских концепций в различных университетах мира, что немало способствовало ознакомлению с ними широких кругов зарубежной научной общности.

Нельзя не отметить особый вклад в решение вопросов, связанных с подготовкой издания, старшего научного сотрудника Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей Института экономики РАН, кандидата экономических наук В.В. Архиповой, без квалифицированной, вдумчивой, ответственной и оперативной работы которой по сбору, анализу и подготовке обзорных материалов, редактированию авторских текстов издание вряд ли вышло бы в свет в обозримом будущем.

Отдельную благодарность авторы, даже не сговариваясь, адресуют Вольному экономическому обществу России, его директору М.А. Ратниковой, членам его Президиума, Правления и Сената, коллективу сотрудников за высокий профессионализм, организационную помощь и постоянную поддержку авторских начинаний.

ВВЕДЕНИЕ. О ФАКТОРАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ МИРА

Повышение уровня неопределенности в мире, особенно остро ощущаемое в последние десятилетия, привело человечество к необходимости деятельного поиска путей и способов привнесения стабильности и обеспечения устойчивости прогрессивного социально-экономического развития как одной из важнейших целей его дальнейшего благополучного существования и условия существования вообще.

Действительно, обращаясь к области психологии, следует отметить, что неопределенность будущего существенно влияет на внутреннее состояние человека и восприятие им жизни общества. Известная древняя китайская мудрость говорит о нежелательности жить в эпоху перемен, т.е. существования в некоем пограничном времени, когда люди чувствуют себя наиболее уязвимыми перед лицом неизбежных и зачастую непредсказуемых исторических событий, смутно ощущаемых угроз и неясностей. О подобном состоянии современного мира свидетельствуют не только наблюдаемые явления (в частности, ставший фактически перманентным глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008–2009 гг., кризисные «цепочки», в особенности прослеживаемые с 1980-х гг., «горячие» и «холодные» конфликты между государствами и группами стран конца XX — начала XXI в., нарастание глобальных угроз и проблем в самых разных сферах — от экономики до экологии, и многое другое), но и возникающие при этом весьма красноречивые новые термины для определения характера соответствующих перемен и их значения для человечества, таких как «новая нормальность», «турбулентность», «конец капитализма», «черные лебеди»¹ и т.п.

В подобной ситуации — всегда, а тем паче в нынешнее время — не только отдельные люди, но целые народы и государства оказыва-

¹ Например, об этих «птицах» рассуждают не только зарубежные [Талеб, 2012], но и отечественные исследователи [Бахтизин, 2021].

ются на символическом «перекрестке семи (и даже более) дорог». В попытках определить и выбрать необходимый путь цивилизационного развития мировое сообщество, влиятельные международные организации и представители различных профессиональных кругов вырабатывают и предлагают разнообразные оценки, проекты, программы, планы и т.п. Не вдаваясь во вступительной части книги в детали этих работ, тем более что ряд из них будет в том числе и упомянут, и проанализирован нами на страницах настоящей монографии далее, здесь мы лишь отметим, что до сих пор весь этот огромный пласт (Монблан!) трудов пока не привел к достижению главной цели — обеспечению длительного стабильного и благополучного общественного развития в мире. Конечно, есть примеры локальных и даже имеющих значимую перспективу результатов; в этом плане ближе всех, представляется, к решению поставленной задачи подошел современный Китай. Но даже эта страна, явив миру свое «экономическое чудо» и крупные достижения в социальной сфере, вынуждена порой оставаться перед мощными и непредсказуемыми вызовами. Мыслящим людям приходится задумываться о существенной модернизации современных подходов к планированию и прогнозированию развития и, что самое главное, о переустройстве существующего миропорядка. Прекращение пандемии в большинстве стран мира не устранило один из основных факторов риска — негативные ожидания значительной части субъектов хозяйственной деятельности и общественного сознания большинства стран в отношении перспектив мирового социально-экономического развития.

И им сейчас, как никогда, нужен надежный «компас», чтобы не заблудиться и найти верное направление дальнейшего движения и развития. Обычно под словом «компас» подразумевается точный прибор, созданный на основе человеческих знаний о естественных законах бытия для ориентации на местности и навигации. Более того, он, отметим, не только указывает направление, но и позволяет определить степень отклонения от избранного курса. В целях создания подобного «компаса» для тех стран, кто заинтересован в таком «приборе» (включая Россию), и была написана данная монография, в основу которой положено исследование, проведенное на базе авторских теорий и концепций.

Прежде всего, важно понять, что же мешает мировому сообществу найти пути устойчивого развития и обеспечить эффективное движение по ним, если все народы в каждом уголке мира, по сути, желают

одного и того же — стабильности и благополучия, мирного и комфортного сосуществования, уверенности в завтрашнем дне?

Иными словами, если приложенные до сего времени усилия общества по выходу на траекторию устойчивого социально-экономического развития не оправдались, то должны существовать факторы противодействия и сдерживания достаточной для этого мощности.

Действительно, кто или что может препятствовать достижению этой понятной каждому, прозрачной, достойной уважения и желаемой большинством цели? «Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы?», выражаясь словами булгаковского героя? Каковы эти факторы, и преодолимы ли их негативное воздействие и последствия?

На этот главный и сопутствующие ему вопросы мы — вместе с тобой, уважаемый читатель — и попытаемся ответить в настоящей монографии. При этом, исходя из имеющихся возможностей и состояния социально-экономической, политической, научной и культурно-ценностной среды России, ее особой роли в мире (о чем мы еще поговорим), мы именно ее приняли за «исходную гео-политико-экономическую основу» нашего исследования. Это позволило, с одной стороны, оценить с российской «точки зрения» глобальные проблемы цивилизационного развития, а с другой — определить как внешние по отношению к ней, так и внутренние факторы противодействия устойчивому развитию и росту общественного благосостояния. Не только в России, но и в мире.

В первой главе данной книги мы обращаемся к общим объективным законам развития, рассуждая о том, как вообще оно происходит, какие силы им движут, насколько этот процесс управляем, как это отражается на человеке и обществе, и что, в конце концов, является главным фактором социально-экономического прогресса. Особое внимание нами уделяется возникшему кризису обществознания и экономической теории. Мы попытались ответить на вопрос, почему разнообразные по своему содержанию основные направления экономической мысли сменяли друг друга, и, даже становясь «мейнстримом», и неизбежно сталкивались с кризисом, оказываясь в тупике перед лицом действительности, т.е. реальных практических проблем и задач. Это важно не только для достижения обозначенных целей исследования, но и поможет читателю в полной мере понять преимущества авторского теоретического подхода, положенного в основу настоящей монографии. Здесь же авторами вводится фундаментальная для настоящей работы

теория ноономики [см. Бодрунов, 2018с], и ее базовая категория — знание, через которую объясняются такие понятия, как научно-технический прогресс (НТП), потребности человека и общества и их классификация, производство, культура, ценности и т.д.

Вторая глава содержит сопряженные с этой категорией базовые положения теории смены технологических укладов (ТУ) и концепции мирохозяйственных укладов (МХУ) [см.: Глазьев, 1993, 2016а], позволяющие выявить логику процессов мирового экономического развития, а также определить внешние для России факторы, которые служат как ускорителями (двигателями, драйверами) развития, так и противодействующими прогрессу силами. Сюда включены важнейшие результаты «стыковки» теоретического каркаса ТУ и МХУ с идеей перехода от знаниеемкого производства к становлению и развитию НИО.2, материальной и институциональной основами для которого должны стать «вступивший в свои права» шестой технологический и Интегральный мирохозяйственный уклады. Кроме того, представлены обобщенные авторские сценарии (или возможные варианты) развития Интегрального МХУ, в привычной логике разделенные на негативные и позитивные.

Третья глава монографии предваряет осознание необходимости глобальной трансформации, кардинального переустройства современного мира ради сохранения существования человеческой цивилизации. Она включает в себя разделы, посвященные оценке текущего состояния мировой экономики в контексте смены ТУ и МХУ, классификацию и подробный анализ современных глобальных угроз и вызовов, исследование наблюдаемых в мире процессов дегуманизации, с соответствующей оценкой вероятности реализации негативного для человечества варианта развития. В то же время введение в последнем разделе этой главы нравственных императивов для формирования нового общественного мироустройства предваряет анализ позитивного сценария становления интегрального МХУ, соответствующего качественно новой ступени прогресса человеческой цивилизации.

Четвертая глава посвящена определению и анализу генезиса и ключевых императивов ноономики и ноо-общества, осмыслено значение, содержание и возможности качественного нооперехода. Особое внимание здесь уделено так называемой квадриге ноономике, к которой авторы не раз обращаются для разъяснения и обоснования смысла ноономики не только как неэкономического способа удовлетворения потребностей и управления развитием, исходя из знания его законо-

мерностей, но и как грядущего общественного устройства более высокого порядка.

Наконец, заключительная, пятая глава нашего исследования, отдав должное концептуальным нарративам мирового развития, выстроенным на предложенном авторами теоретическом фундаменте, содержит авторские рассуждения о России в современном перестраивающемся мире. Исходя из изложенной в предыдущих главах теоретической базы, в пятой главе анализируется текущее состояние отечественной экономики, изучаются возможности совершения индустриально-технологического «рывка» и включения страны в «ядро» нового МХУ, определяются механизмы повышения уровня социализации общества, перспективные векторы выстраивания ее международного сотрудничества России с партнерами, разделяющими цели и ценности, ею предлагаемые к совместному освоению в рамках нооразвития. Другими словами, в заключение монографии авторы на базе своего понимания мировых трендов цивилизационного развития попытались ответить на вопрос героя Л.Н. Толстого: «...у нас теперь, когда все это перевернулось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России».

REGULARITIES OF THE NOONOMY FOUNDATIONS FORMATION AS FUTURE SOCIAL ORDER: TO KNOW AND OPERATE

Introduction. On the factors of sustainable human development and the remaking of the world

The increasing insecurity in the world, which has been particularly evident in recent decades, has led to the need for humanity to actively seek ways to create stability and ensure the sustainability of progressive socio-economic development as one of the most important goals of its continued prosperous existence and the state of existence in general.

With regard to psychology, it should be noted that uncertainty about the future significantly affects the inner state of man and his perception of society. A well-known ancient Chinese wisdom speaks of the undesirability of living in the age of change, i.e. in a certain frontier time when people feel most vulnerable in the face of inevitable and often unpredictable historical events, vaguely perceived threats and uncertainties. Such a state of the modern world is evidenced not only by the observed phenomena (in particular, the global financial and economic crisis that began in 2008-2009, the crisis «chains» — particularly traceable since the 1980s, «hot» and «cold» conflicts between states and groups of countries in the late twentieth — early twenty-first century, The rise of global threats and problems in a variety of fields, from economics to ecology, and much more), but also the emergence of very eloquent new terms to define the nature of the relevant changes and their significance for humanity — such as «new normal», «turbulence», «the end of capitalism», «black swans»¹ etc.

In such a situation — always and even more so today — not only individuals, but whole nations and states find themselves at a symbolic «crossroads of seven (or more) paths». In trying to determine and choose the necessary path of civilisational development, the world community, influential international organisations and representatives of various professional circles develop and offer various assessments, projects, programmes, plans etc. Without going into detail about these works in the introductory part of the book — especially since some of them are also mentioned and analysed in this monograph — we only want to state here that this whole huge layer (Montblanc!) of works has not yet led to the achievement of the main goal — ensuring long-term stable and prosperous social

¹ For example, not only foreign researchers [Taleb, 2012], but also domestic researchers [Bakhtizin, 2021] argue about these «birds».

development in the world. Of course, we cannot say that «the mountain gave birth to the mouse» — there are examples of local results, and even those with significant prospects; in this respect, modern China seems closest to solving the task. But even this country, which has shown the world its «economic miracle» and its great achievements in the social sphere, sometimes faces such formidable and unpredictable challenges that it is necessary to think about a significant modernisation of modern approaches to planning and predicting development and, above all, about restructuring the existing world order. The end of the pandemic in most countries of the world has not eliminated one of the main risk factors — the negative expectations of economic actors and society in general in space.

And now, more than ever, they need a reliable «compass» in order not to get lost and to find the right direction of further movement and development. Normally, the word «compass» refers to a precise device created on the basis of human knowledge of the natural laws of being for orientation on the ground and navigation. Moreover, it not only indicates the direction, but also enables the determination of the degree of deviation from the chosen course. In order to create such a «compass» for the countries interested in such a «device» (including Russia), this monograph was written, based on a study conducted on the basis of the author's theories and concepts.

First of all, it is important to understand what prevents the global community from finding and effectively pursuing ways for sustainable development, when all peoples in all parts of the world want the same things — stability and prosperity, peaceful and pleasant coexistence, confidence in the future?

In other words: If society's previous efforts to follow the path of sustainable socio-economic development have failed, then there must be factors that counteract this, or so-called deterrents that are strong enough to prevent the achievement of this goal, which is understandable to everyone, transparent, respectable and desired by the majority.

For who or what could prevent it? «An old woman with a stick? The witch who broke all the windows and extinguished all the lamps,» as Bulgakov's hero says? What are these factors and can their negative effects and consequences be overcome?

These and similar questions we try to answer together with you, dear reader, in this monograph. Starting from the existing possibilities and the state of the socio-economic, political, scientific and cultural values, etc. environment of Russia, its special role in the world (we will come to this later), we have taken it as the «geopolitical-economic starting point» of our study, which allows us, on the one hand, to assess the global problems of civilisational development from this Russian «point of view», and on the other hand, in the first chapter of this book, then, we deal with the general objective laws of development and discuss how it generally proceeds, what forces drive it, how this process is controllable, how it affects people and society and, finally, what is the most important factor in socio-economic progress. We pay special attention to the emerging crisis in social sciences and economic theory. We have tried to answer the question of why the main schools

of economic thought, which differed in content, displaced each other and even became «mainstream», inevitably entered a crisis and found themselves at an impasse in the face of reality, i.e. real practical problems and tasks. This is not only important to achieve the intended goals of the study, but will also help the reader to fully understand the usefulness of the theoretical foundation laid by the author in this monograph. Here the authors introduce a key to the theory of Noonomy [see Bodrunov, 2018c], and for this work a special basic category — the knowledge through which such concepts as scientific and technological progress (STP), human and social needs and their classification, production, culture, values, etc. are explained.

The second chapter contains the basic provisions of the theory of change of technological orders (TO) and the concept of world economic orders (WEO) [see, e.g., Glazyev, 2021a], which make it possible to reveal the logic of global socio-economic development processes, as well as to determine the factors outside Russia that serve as accelerators (engines, drivers) of development and counterforces of progress. It contains the main results of «docking» the theoretical framework of TO and WEO to the idea of transition from knowledge-intensive production to the formation and development of NIS.2, the material and institutional basis of which is to «come into its own» the sixth technological and integral world economic order. Furthermore, the author's generalised scenarios (or possible variants) for the development of the Integral World Economy are presented, divided into negative and positive in the usual logic.

The third chapter of this monograph is preceded by the realisation that a global transformation, a fundamental reordering of the modern world, is necessary to sustain the existence of human civilisation. It includes sections dealing with the assessment of the current state of the world economy in the context of the transformation of TO and the WEO, the classification and detailed analysis of modern global threats and challenges, the study of the processes of dehumanisation observed in the world — with a corresponding assessment of the likelihood of the realisation of the negative option of integral WEO development for humanity. At the same time, the introduction of the moral imperatives for the formation of a new social world order in the last section of this chapter precedes the analysis of a positive scenario of a new WEO and a qualitatively new stage of the progress of human civilisation.

The fourth chapter is devoted to the definition and analysis of the emergence and main imperatives of Noonomy and noosociety, highlighting the meaning, content and possibilities of the qualitative noo-transition. Special attention is paid to the so-called «Noonomy quadriga», to which the authors repeatedly refer in order to explain and justify the importance of Noonomy not only as a non-economic form of satisfying needs and guiding development based on knowledge of its laws, but also as the coming social order of a higher order.

Finally, the concluding, fifth chapter of our study, which pays tribute to the conceptual narratives of the development of the world and builds on the theoretical foundation proposed by the authors, contains the author's reflections on Russia

in the modern world of reconstruction. Based on the theoretical foundation presented in the previous chapters, this chapter analyses the current state of the domestic economy, explores the possibility of an industrial and technological «breakthrough» and the country's inclusion in the «core» of the new WEO, identifies mechanisms for increasing the level of socialisation of society and promising vectors for building Russia's international cooperation with partners who share the goals and values it offers for joint development within the framework of noodevelopment. In other words: In the conclusion of the monograph, the authors, based on their understanding of the global trends of civilisational development, have tried to answer the question of the hero of L.N. Tolstoy: «...now, when everything has been overturned and is only calming down, the question of how to calm down these conditions is an only important question in Russia».

认识与行动—智慧型经济作为不远将来的社会制度，其基础形成的规律性

前言

关于人类可持续发展因素与世界秩序重建

世界发展的不确定性在不断增加，尤其近几十年来表现得尤为突出，这促使人类积极探索能够促进社会稳定和确保社会经济可持续发展的途径，这一课题已成为关乎人类能否进一步健康发展甚至生存的最重要任务之一。

事实上，从心理学角度来看，可以认为，未来的不确定性极大地影响着人们的内心状态和他们对社会的看法。中国古代智慧名言里说：不宜生活在变革时代，即人们不想生活在时代的过度阶段，此时人们面对的是无法避免且又常常是不可预测的历史事件和令人惶恐的不确定性，进而感到自己特别脆弱。当今世界就处于这种状况下，不仅产生了具有这相应特点的现象（特别是2008 - 2009年间发生的、后来几乎成为不断重复发生的全球金融和经济危机，这个危机“链”可以追溯到20世纪80年代，延续到20世纪末和21世纪初国家和国家集团之间的“热冲突”和“冷冲突”，以及各个领域的全球威胁和问题的爆发——从经济到生态，再到许多其他领域），还出现了非常形象地描述这些动荡现象性质及其对人类意义的新术语，如“新常态”、“紊流”、“资本主义末日”、“黑天鹅”¹等。

在这种情况下，过去如此，当今更甚：不仅个人，而且各个民族和国家都发现自己仿佛处于一个“七条道路交汇的路口（甚至更多条道路）”。在选择和确定文明发展道路时，国际团体、有影响力的国际组织和各种专业群体提出了五花八门的预测意见、方案、纲领和规划等等，出现了许多相关著述。在本专著的前言部分，我们不打算讨论这些著述的细节，其中一些著述将在本专著正文里做进一步分析。在此，我们只想指出，到目前为止，这个巨大的著述矿藏，虽然说可比勃朗峰，

¹ 例如，不仅国外[塔列博, 2012]，国内的研究人员也在谈论这些“鸟”[巴贺基津, 2021]。

然而还没有促成确保国际社会长期稳定和繁荣发展这一主要目标的实现。不过，却也并非“宝山空回”，出现了局部的前景可观的例子。在这方面，当代中国似乎最接近于实现既定目标，但是，在向世界展示它的“经济奇迹”和社会领域的重大成就时，也面临着非常强大和不可预测的挑战，致使人们不得不考虑对发展的规划和预测的当代方法进行重大更新，而最重要的是，对现有世界秩序进行重建。大流行病在世界上大多数国家的结束并没有消除主要风险因素之一——世界范围内的经济实体和民众对发展前景的负面预期。

而现在，他们比以往任何时候都更需要一个可靠的“指南针”，避免迷失方向，找到进一步前进和发展的正确方向。“指南针”这个词通常是指一种精确的仪器，它是在人类对自然规律认识的基础上创造出来的，用于定位和导航。此外，它不仅指示方向，而且还可以确定偏离所选路线的程度。为了给那些对这种“装置”感兴趣的国家（包括俄罗斯）创造这种“指南针”，撰写了这本专著，其基础是基于作者的理论和观点所进行的研究的成果。

最重要的是，必须认识到：既然世界各地人民实质上想要的是同一东西，就是稳定和繁荣、和平融洽的共存、对未来的信心；那么是什么在阻碍国际社会找到可持续发展的道路，并沿着这条道路不断地前行？

换句话说，如果以前社会为步入社会经济可持续发展的轨道所做的努力失败了，那么一定存在足够的阻碍因素，或所谓的遏制力量，有能力阻止这一被每个人所理解的、光明的、值得拥护的、大多数人渴望的目标的实现。

的确，谁或什么东西有能力阻止它？用布尔加科夫笔下的主人公的话说，是“一个拄着拐杖的老太婆吗，打破了所有窗户、熄灭了所有灯火的女巫？”如果女巫不存在，那么这些因素到底是什么，它们的消极作用及其后果能被克服吗？

亲爱的读者，我们将在本专著中与您一起尝试回答这一主要问题及其相关问题。同时，基于俄罗斯现有潜力和社会经济、政治、科学、文化价值等方面的背景状况，以及它在世界范围内的特殊作用（本书后面将讨论这个问题），我们把俄罗斯作为我们研究“地缘-政治-经济”的出发点，这使我们一方面能够站在俄罗斯的角度审视全球的文明发展问题，另一方面能够确定阻碍俄罗斯可持续发展和社会繁荣的外部 and 内部因素，进而将这一讨论扩展到世界范围。这样，在本书的第一章中，我们讨论了社会发展的一般客观规律；讨论一般情况下它是如何发生的；什么力量推动它；我们可以在什么程度上控制这个过程；它如何影响人

和社会；最终，影响社会经济进步的主要因素是什么。我们对社会和经济理论方面出现的危机给予了特别重视。我们试图回答这样一个问题：为什么内容多种多样的经济思想相互继承，有的甚至成为“主流”，却全都不可避免地遭遇危机，在实践面前，即在实际问题和挑战面前陷于穷途末路。这不仅对实现既定的研究目标很重要，而且将有助于读者充分理解作者的基本理论的优点，这些基本理论为本专著奠定了基础。在这里，作者介绍了作为这些基本理论要素使用的智慧经济学理论 [请参阅博德鲁诺夫，2018c]，还介绍了对本专著来说是个特殊的基本范畴的知识，通过它来解释诸如科学和技术进步、人和社会的需求及其分类、生产、文化、价值观等概念。

第二章包含了与前述范畴紧密相关的技术制度转型理论的基本原则及关于经济制度观点[例如，见格拉兹耶夫，2021a]，这些原则和观点能够帮助我们认识全球社会经济发展进程的逻辑；认识影响俄罗斯的外部因素，它们既是俄罗斯发展的加速器（引擎、驱动力）又是阻碍其进步的力量。这章还包括了将技术制度和世界经济制度的理论框架与新型工业社会2.0思想“对接”的极其重要成果。现代社会将从知识密集型生产过渡到形成和发展新型工业社会2.0阶段，这一阶段的物质和制度的基础应当是已经完全成熟的第六代技术和经整合的世界经济制度。此外，作者还提出了这种世界经济制度主要的可能发展情景（或可能方案），按照通常的逻辑把他们分为消极情景和积极情景。

这部专著的第三章排在了认识下述必要性之前：为了维护人类文明的存在，必须进行全球转型和对当代世界秩序的彻底重建。这章包括在技术制度和国际经济制度转型的背景下对世界经济现状的评估，对当代全球威胁和挑战的分类和详细分析，对世界上出现的非人道化进程的研究（包括对出现不利于人类发展的国际经济制度可能性的相应预测）。同时，本章最后一节介绍了形成新世界秩序的道德要求，并分析了新的国际经济制度的积极情景和人类文明进步的新阶段。

第四章主要定义和分析智慧经济和智慧社会的起源和关键要求，理解发生本质上的智慧转型的意义、内容和可能性。这里特别值得注意的，是所提出的“智慧经济是双轮车”的说法。作者反复提到它以澄清和证明智慧经济的意义，它不仅是一种基于对其规律性的了解来满足人类需求和管理发展的非传统经济方式，而且也代表一种即将到来的更高级的社会制度——智慧型社会。

最后一章，即第五章，是对建立在作者提出的理论基础上的全球发展概念的阐述，包含了作者对处于当代世界秩序重建中的俄罗斯发展问题的思考。从前几章揭示的理论基础出发，这一章分析了俄罗斯国内经

济的现状；研究了工业和技术“跨越式”发展和进入新的国际经济制度“核心”的可能性；社会的社会主义化机制；与具有共同目标和相同价值观的伙伴开展国际合作的前景领域，俄罗斯在智慧发展领域的合作开发。换句话说，在专著的结尾，根据自己对世界文明发展趋势的理解，作者试图回答托尔斯泰L.N. 作品主人公的问题：“.....一切都变了，只能去适应，现在，俄罗斯只有一个重要问题，就是如何去适应新形势？”

。

Глава 1 ПЕРЕСМОТР ОСНОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В этой, стартовой главе вводятся основные категории, на которых базируется теоретический фундамент данной работы, и представлен ответ на вопрос: для чего пересматривать основы экономической теории и философии?

1.1 Об общих законах развития и философском «каркасе» исследования

Как справедливо подметил еще Гераклит из Эфеса, «все течет, все изменяется». В мире постоянно «все куда-то движется и во что-то превращается». Таким образом, происходит непрерывный и необратимый процесс развития. Оно протекает по своим основополагающим законам, находящим свое подтверждение в природе и различных сферах общественной жизни. Вместе с тем в философии ряд законов в той или иной мере признаны универсальными, т.е. дающими объяснение всему сущему и всем возникающим в мире явлениям. Именно поэтому, рассуждая о вопросах глобальной трансформации и формирования нового общественного устройства, невозможно не упомянуть об этих общих законах высшего уровня (табл. 1), которые хрестоматийно считаются адекватно отражающими процессы развития.

Прежде всего, речь идет о всеобъемлющих законах развития, выделенных Г.В.Ф. Гегелем в ходе конструирования диалектики как своеобразной модели философского подхода к пониманию мира, включая следующие:

- ❑ закон взаимопроникновения (единства и борьбы) противоположностей, позволяющий ответить на вопрос о причинах и источниках развития;
- ❑ закон перехода количества в качество, дающий представление о том, каким образом происходит развитие;
- ❑ закон диалектического синтеза (или «отрицания отрицания»), отражающий нелинейный, «спиралевидный» характер процессов развития.

Данные законы тесно взаимосвязаны, и прогресс трактуется Гегелем как поступательное движение, сохраняющие свое «начало» и обогащающееся «новой определенностью» [приведено на основе: Миронов, 2011: 65, 149–150; Мареев, Мареева, 2003: 465–491]. Подобный ход мысли отражен в рассуждениях о логике общественного развития одного из авторов данной работы: «Общество развивается от менее к более сложным формам организации социального действия, что сопровождается соответствующим усложнением социальной структуры, накоплением знаний и информации» [Глазьев, 2021а: 318].

Таблица 1

Иерархия выделенных под задачи исследования законов развития

Верхний уровень (философский и общенаучный)	Основные законы диалектики и всеобщего развития	
Нижний уровень (конкретно- научный)	<p>Законы кибернетики как «науки об управлении и обработке информации в животном, машине и обществе» и об их общих закономерностях или общие законы управления:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) закон целенаправленности; 2) закон необходимого разнообразия или принцип адекватности; 3) закон синергии (эмерджентности); 4) закон внешнего дополнения («третий принцип кибернетики»); 5) закон обратной связи (причинно-следственных связей); 6) закон оптимальности. <p>Принципы функционирования сложных систем: реакции, связанности, адаптации, связанного и ограниченного разнообразия, предпочитаемой формы, цикличности прогресса.</p> <p>Принципы функционирования биологических систем, частные законы и принципы</p>	<p>Законы развития общества:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) закон (закономерность) спиралеобразной динамики в развитии общества и природы, цивилизаций (основа нелинейного подхода к динамике); 2) закон смены поколений; 3) закон периодической смены технологических укладов, проявляющейся в длинных волнах Кондратьева; 4) закон смены мирохозяйственных укладов, проявляющейся в вековых системных циклах накопления капитала; 5) закон сжатия исторического времени при смене цивилизационных циклов. <p>Универсальная форма логистической кривой для описания жизненных циклов технологий, производственных структур, социальных образований</p>

Составлено на основе: [Миронов, 2011: 65, 149; Бодрунов, 2018с: 151–165; Новиков, 2016: 9, 41–54; Акаев, 2018: 150–158].

Однако детальное изучение универсальных законов Гегеля, на наш взгляд, порождает еще больше фундаментальных вопросов, которые нередко задают студенты. Например, как возникают те самые противоположности, которые вступают в борьбу или единство, что заставляет их взаимодействовать, как протекает развитие, что определяет его «успех» (темпы, скорость, полноту и т.п.), в какой момент можно «уловить» качественный переход из одного состояния в другое — и, соответственно, на основе такого анализа выявить потенциальные прорывные направления развития в той или иной области (в частности, в технологической, социально-экономической и других сферах).

В ходе поиска ответа на эти вопросы во всех происходящих в мире процессах был обнаружен [Бодрунов, 2018с: 151–165] устойчивый феномен «сочетаемости», что позволило сформулировать закон взаимного сочетания проникновения (P , от англ. *penetration*) одного объекта в другой и восприятия (R , от англ. *readiness*) объектом действия/влияния другого объекта¹.

Ясно, что каждый объект, будучи «единым целым», в то же время «неоднороден» по своим свойствам и характеристикам, которые можно назвать тропами или направлениями (от греч. *tropos*). Например, два таких различных «тропа» кристалла природного алмаза (объекта), как механическая твердость и электропроводность, характеризуют объект по-разному. Сходность «тропов» различных объектов в таком случае будет «изотропией», различие их — «анизотропией». По «тропу» («изотропу») твердости кристалл алмаза «сильнее», чем, к примеру, стеклянная пластина, но она, в свою очередь, «сильнее», чем ясеневый брусок. В то же время по данному «тропу» R дерева «сильнее», чем R стекла, а R стекла «сильнее», чем R алмаза. Именно поэтому мы, не особенно задумываясь об этих основополагающих истинах, просто режем стекло алмазным резцом. Подобное явление неявно используется в детской считалке «камень — ножницы — бумага». Вот это «сильнее» названо « P -потенциалом» и, соответственно, « R -потенциалом». Причем, чем выше P -потенциал проникающего объекта (по соответствующему «тропу») и (или) чем выше R -потенциал объекта, воспринимающего взаимодействие, тем активнее, эффективнее (с точки зрения полноты, темпа и т.п. характеристик проникновения) будет процесс взаимодействия,

¹ В оригинальной авторской трактовке: «закон пенетрации и риднесса», или закон риднесс-пенетрационного взаимодействия. См. рассуждения автора по данной теме в следующих источниках: [Бодрунов (ред.), 2020а-б; Бодрунов, 2021g: 401–407].

представляющий собой развитие, формирование нового качественного состояния системы взаимодействующих объектов.

Таким образом, при взаимодействии любых объектов (как материальных, так и нематериальных) развитие или новое качество возникает именно в результате *PR*-взаимодействия, являющегося универсальным «способом общения» всего сущего. Так, существует и непрерывно развивается «пазл мироздания». В общем виде формулировка упомянутого закона может быть следующей: развитие представляет собой процесс проникновения чего-либо во что-либо, **чем выше изотропные *P*-потенциал и *R*-потенциал взаимодействующих объектов, тем выше вероятность возникновения соответствующего процесса развития.** Следовательно, тем активнее и эффективнее он будет протекать.

Заметим, что гегелевское наблюдение о «переходе количества в качество», очевидно, прямо вытекает из сформулированного выше закона, что подчеркивает его универсальность и особое место в системе философских воззрений.

Следует подчеркнуть: свойства *penetration* и *readiness* универсальны и присущи каждому объекту, т.е. «у всего сущего существует способность воспринимать нечто, не являющееся «им самим», «впускать в себя», некая восприимчивость — с одной стороны, с другой — возможность «проникать» в нечто иное, не являющееся «самим собой»» [Бодрунов, 2021g: 402], и второе из них (по соответствующему «тропу») есть «ответная часть» первого. Фактически отсюда вытекает и универсальное свойство отражения, зафиксированное философами. В качестве наглядного примера отражения обычно приводят вилку и розетку, гармоничное соединение которых дает новое качество — зажигается лампочка, начинает работать прибор и т.п. При этом, как следует из смысла понятия потенциала, он может быть любым. Например, нулевым или отрицательным (сопротивлением), т.е. объект может быть неспособен (по определенному «тропу») проникать в другой объект как по причине своего нулевого *P*-потенциала (либо даже отрицательного), так и по причине более высокого отрицательного *R*-потенциала воспринимающего объекта. Отсюда — конфликтогенность развития как неотъемлемый его элемент; отсюда — «развитие проистекает на основе противоречий», «борьба противоположностей», «отрицание отрицания». И отсюда, наконец — новое качество в виде распада системы в различных исходах, вплоть до аннигиляции системы взаимодействующих объектов.

В одной из работ рассматриваются некоторые расширения исследования представленного феномена [Бодрунов, 2018с]. Например, поскольку проникающее/воспринимающее начало может быть не только простого, прямого, полного и единовременного действия (род *P-I* с ответной реакцией *R-I*, на примерах вилки и розетки), но и сложного типа с разноскоростным и разноуровневым рассеиванием как напрямую по элементам объекта-реципиента (род *P-II* с ответной реакцией *R-II* при проникновении технологии в технологию), так и косвенно по компонентам целого процесса посредством сквозного перехода через объект-реципиент (род *P-III* с ответной реакцией *R-III*, что можно проследить при проникновении знаний и технологий в компоненты производства), то можно через «окно детализации» подробно изучить интересующие исследователя частные либо специальные вопросы. Более того, подобная детализация и фрагментизация исследования феномена *PR*-взаимодействия (с выделением целой классификации родов) может оказаться весьма полезной в рамках рассмотрения его практических приложений, но развитие темы в этом направлении выходит далеко за рамки нашей монографии.

Отметим, что закон сочетаемости, или *PR*-взаимодействия (от англ. *PR-law, penetration-readiness law*), тесно переплетается со всеми базовыми законами диалектики Гегеля и подводит необходимую «почву» под их основание. Раскрывая глубину и логику процессов взаимопроникновения, он поясняет, например, закон перехода одного качества через количественные изменения в другое, указывает вектор развития (образуя через цепочки «развитие — расширение проникновения — новое развитие» единый непрерывный и необратимый круговорот развития) и др., фактически связывая эти важнейшие философские законы в единую систему взглядов, целостное мировоззрение, позволяя нам в нашем исследовании опираться на наиболее общие закономерности развития.

Кроме того, для целей нашего исследования необходимо обратиться к законам развития второго (конкретно-научного) уровня (см. табл. 1). В частности, постановка вопроса о проблемах управления социально-экономическим развитием обязывает считаться с законами и принципами кибернетики. Эти законы и принципы функционирования систем (см. табл. 1), сформулированные в свое время Аристотелем, У. Эшби, С. Биром и другими, отражают глубину и масштаб философского «фундамента», подведенного под наши совместные разработки.

Мы не будем надолго останавливаться на довольно известных и подробно изложенных законах кибернетики, а обратимся к иллюстрации их взаимосвязи со сформулированным выше *PR*-законом на конкретных примерах. Прежде всего, это касается целенаправленности обоих процессов — как развития, так и управления им. Вектор развития указывает направление из одной точки (состояния) в другую, управление всегда имеет конкретную цель. Еще одним наглядным примером здесь может служить описанный нами эффект от проникновения технологии в технологию, получивший название «технологической синергии» [Бодрунов, 2018: 155–156]. Зависимость форм скорости внедрения новшеств, интенсивности их распространения от «особенностей восприятия» и «способности к их усвоению» реципиентами, проявляющаяся в различной прибыльности и эффективности результата внедрения, отмечена и в [Глазьев, 1993]. Действительно, результат «синергетического сложения» по своим свойствам не сводится к прямой сумме свойств его элементов (двух технологий), а создает некий новый *P*-эффект.

Взаимодействие концепций отражают приведенные в табл. 1 законы развития общества, которые были выявлены представителями российской цивилизационной школы. В своей статье (2018 г.) А.А. Акаев убедительно показывает, как это современное научное направление под руководством Ю.Я. Яковца, опираясь на опыт и синтезируя разработки отечественных и зарубежных мыслителей в области теории и истории цивилизаций (А. Шторха, А. Метлинского, Н. Данилевского, П. Сорокина, Н. Моисеева, Ф. Гизо, Г.Т. Бокля, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя, Э. Тоффлера), заложило фундаментальные основы новой отрасли обществознания и формирует базис для глубокого понимания современных процессов глобальной трансформации и раскрытия возможностей для достижения устойчивого развития [Акаев, 2018].

Как будет показано далее, ряд наших концепций тесно переплетается с разработками теоретиков цивилизаций. Активное сотрудничество с современной российской цивилизационной школой в изучении общих объективных законов эволюции социальной системы дает основу для совместного формирования научной парадигмы в обществознании. Приведем несколько иллюстрирующих наличие общей основы дополняющих друг друга суждений.

1. Общественное развитие — это динамичный, нелинейный и неопределенный процесс, в ходе которого происходит чередование этапов роста и структурных кризисов. Современный трансформационный

период сопряжен с «наложением» кризиса на кризис или совпадением кризисных фаз циклов развития. Подобные события приводят к кардинальным общественным изменениям и возникновению кратковременной хаотизации в структуре общества, но в результате преодоления кризисной ситуации сформируется новая более сложная и эффективная система общественного устройства [Глазьев, 2021а: 319].

2–3. Процесс совпадения глубоких многослойных кризисов с ростом и достижением предельного уровня поляризации наблюдается в настоящее время наиболее четко. Структурные кризисы сопровождаются обострением геополитической напряженности и внутрисистемных противоречий, разрастанием «очагов» локальных конфликтов, развитием санкционных режимов, войнами и революциями. При этом важную созидательную роль играет усиление консолидации и формирования разноуровневых партнерств (цивилизаций, государств, социальных групп и т.п.) на противоборствующих полюсах. В результате усиления «консолидации прогрессивных сил» по мере обострения глобальных угроз произойдет очередное «колебание исторического маятника», связанное с переходом центра цивилизационного развития и его творческой активности с Запада на Восток [сформулировано на основе: Акаев, Яковец, 2018: 21].

4. Для цивилизационного развития важным является закон смены поколений, эффект которого наблюдается раз в 30 лет. По мнению А.А. Акаева и Ю.В. Яковца, «поколению 2020-х предстоит выполнить историческую миссию преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию становления гуманистически-ноосферной интегральной цивилизации и устойчивого многополярного мироустройства, с тем чтобы передать это наследие поколению 2050-х» [Акаев, Яковец, 2018: 22].

5. Согласно закону сжатия исторического времени происходит сокращение продолжительности сменяющих друг друга долгосрочных циклов в динамике цивилизационного развития. Именно в такой сложный момент четко просматривается разрыв между всевозрастающей скоростью изменений в обществе, усиливающейся в трансформационный период, и запоздалой реакцией на них, изобличающей проблемы планирования и прогнозирования соответствующих процессов и влекущей стратегические ошибки, которых лишь усиливают риски и кризисные эффекты [Акаев, 2018: 154; Яковец, Фарах, 2014: 34–35].

Помимо общих законов развития, особую роль в формировании философского базиса данной работы играют наследие и экономические

учения Аристотеля и К. Маркса, сохранившие актуальность для современной теории социально-экономического управления.

Традиция Аристотеля возвращает к истокам понимания смысла хозяйственной деятельности человека. Разделяя понятия «экономика» (правила ведения домашнего хозяйства или естественная форма хозяйственной деятельности, необходимая для удовлетворения жизненно важных потребностей общества) и «хрематистика» («неестественная» форма, от греч. *hrema* — собственность, владение) или искусство обогащения и преумножения богатства и давая представление о двойственном характере обмена (искусственной хрематистики со «справедливыми» видами и «противным природе» ростовщичеством), Аристотель тем самым формирует особый этический подход к исследованию процессов хозяйственной деятельности. Большое значение в его учении приобретает понятие «предел»: если экономика имеет свой предел, то «искусство наживать состояние» и накапливать деньги не имеет предела. Именно поэтому те, кто постиг истинный смысл богатства, в аристотелевском понимании «ищет иного приобретения», нежели преумножение денег [приведено на основе: Конотопов (ред.), 2008: 196–197].

Философская традиция К. Маркса оставила богатое наследие для дальнейшего развития мировой экономической мысли, включая понятия нормы прибыли, базиса и надстройки, модель идеального общества, теории классов, капитала, заработной платы, производительности труда, ренты, воспроизводства и цикличности экономического развития при капитализме, стоимости и прибавочной стоимости, некоторые из которых используются в настоящей работе. Это, в частности, теория цикличности капиталистического экономического развития и диалектика взаимодействия производительных сил, с эволюцией которых мы связываем понятие «технологический уклад», и производственных отношений, ассоциирующихся с понятием «мирохозяйственный уклад» [Глазьев, 2017]. Представляет интерес и модель формационного развития общества как отражение материалистического понимания истории в условиях капиталистических реалий XIX в. Как известно, Маркс выделяет пять общественно-экономических формаций — первобытный коммунизм (первобытно-общинную), рабство (рабовладельческую), феодализм (феодальную), капитализм (буржуазную) и коммунизм (коммунистическую) — в качестве неких «органических целостностей» [приведено на основе: Мареев, Мареева, 2003:

536—537; Ядгаров, 2007: 174–186]. Таким образом, Маркс указал на тенденции общественного развития, которые казались ему из Западной Европы позапрошлого века всеобщими. В свете накопленного с тех пор исторического опыта, включая строительство социализма в СССР и опыт освободившихся от европейского колониализма азиатских стран, мы обосновываем теорию смены технологических и мирохозяйственных укладов, которая устраняет множество аномальных для марксизма фактов борьбы и единства противоположностей: коммунистической и капиталистической систем в прошлом и нынешнем столетии. Кроме того, интересны прогнозы Маркса в части долговременных тенденций развития, а именно о вытеснении человека из непосредственного процесса материального производства, которые в целом подтвердились, но оказались куда более сложными и нелинейными [Бодрунов, 2018а].

Необходимо подчеркнуть, что в данной работе мы будем использовать целый спектр категорий и понятий, традиционно считающихся объектами философии (человек, общество, знания, культура, ценности, религия), а также обращаться к анализу философских проблем, связанных с этими объектами (например, о соотношении природного и социального в развитии человека, переоценке ценностей, диалоге и развитии культур, формировании личности нового человека и т.п.). Множественность подходов к анализу указанных объектов в философии и комплексный междисциплинарный анализ указывает на общее стремление различных философских школ и научных направлений расширить сферу познания и анализа. В отличие от современного мейнстрима экономической теории, который грешит стремлением к «сужению» понятий, их редукцией к простым догмам, упрощающим и неверно отражающим реальность.

1.2 Кризис обществознания и экономической теории: «кривые зеркала» современной науки

О кризисе обществознания сегодня не говорит только ленивый. Любой вдумчивый наблюдатель легко найдет разительные противоречия между утверждениями «мейнстрима» экономической мысли и реальной действительностью. В настоящее время эти противоречия явно выражаются в неспособности ведущих мировых экономических организаций (МВФ, Мирового банка, ВТО) достоверно прогнозировать развитие экономики даже на год. В своих работах один из авторов многократно писал о неадекватности господствующей в науке неоклас-

сической парадигмы реальности, так же как о проблеме кризиса обществуознания [Глазьев, 2021а: 299-311].

В последнее время современные общественные науки демонстрируют свою несостоятельность, иными словами, неспособность объяснять действительность. Господствующие в них парадигмы либо начинают выступать в роли «кривого зеркала», преднамеренно или непреднамеренно искажая отражение реально происходящих процессов, либо указывают на «аномальность» фактов, с которыми приходится сталкиваться. «Поставить на вид» таковые ошибки и искажения, даже если они представляются очевидными, бывает довольно непросто как в силу сложности экспериментальной проверки гипотез (нередко для этого необходимы годы, например, как в ситуации с «Вашингтонским консенсусом»), так и в результате политической (и финансовой) поддержки так называемых идеологически правильных теорий и научных школ, подводящих оправдательные суждения под политические решения господствующей элиты или отвлекающие общественное внимание от анализа злободневных тем на сочиняемые в целях манипулирования общественным сознанием «модные» направления.

Наиболее ярко это проявляется в настоящее время в экономической теории, в особенности в ее «передовом» блоке — современном «мейнстриме» (от англ. *mainstream* — общепринятая, доминирующая, господствующая тенденция) экономической мысли, кризис которого стал настолько очевидным, что критика со стороны отечественных и зарубежных мыслителей льется на него буквально как из рога изобилия [например, см.: Ольсевич, 2013; Худокормов, 2012; Дзарасов, 2012].

Прежде чем перейти к детальному анализу и критике положений доминирующего в экономическом образовании «экономикс», обратимся к истории экономической мысли. В свое время ее «ядром» или «мейнстримом» становились различные по взглядам экономические «течения» и школы (табл. 2). В контексте излагаемой ниже теории смены технологических укладов уместно сослаться на научный доклад 2012 г. А.Г. Худокормова, который связывает наиболее важные этапы истории развития экономической теории (например, смену «мейнстрима» и кризисы тех или иных направлений) с движением кондратьевских «волн» [Худокормов, 2012]. В целом на развитие западной экономической мысли фундаментальное влияние оказали неоклассики, К. Маркс и Дж.М. Кейнс, идеи которых в некоторых современных «ответвлениях» от их традиций получали довольно причудливые «пе-

реплетения» (например, в форме кейнсианско-неоклассического синтеза) (табл. 3). При этом неоклассическая парадигма господствует в периоды длинноволнового экономического подъема [Глазьев, 2019: 40], демонстрируя убедительность своей догматики в те исторические периоды, когда отмечается относительная стабильность или подъем капиталистической системы (см. табл. 2–3). Как только в развитых капиталистических странах возникают структурные кризисы, необъяснимые в рамках неоклассической теории рыночного равновесия, на первый план выходят идеи иного толка — марксистского или кейнсианского типа. Однако, как можно заметить, в настоящее время **кризис охватил не только «мейнстрим», но и практически всю экономическую теорию.**

Почему так произошло?

Дело в том, что современный «мейнстрим» включает в себя те направления экономической мысли, которые объединяет одна общая базовая предпосылка — «представление о саморегулируемом рынке, способном функционировать и развиваться без государственного вмешательства, обеспечивая при этом рост эффективности и «очищение», т.е. высокую степень использования... ресурсов» [Ольсевич, 2013: 10]. Постепенно «теория рыночного саморегулирования приобрела видимость математически доказанной теоремы» [Дзарасов, 2012: 161]. Более того, возникли такие странные направления, как неоклассический синтез, который «стал экономической теорией капитализма без капиталистов, капитальных активов и финансовых рынков» [Дзарасов, 2012: 170].

Заметим, что наряду с современным «мейнстримом» значительное влияние приобрели гетеродоксальные направления экономической мысли (например, посткейнсианство, радикальная политэкономия, обновленный «старый» институционализм и т.п.) [см.: табл. 3; Мальцев, 2018].

Несмотря на наличие гетеродоксии, как альтернативного «мейнстриму» течения экономической мысли, современная экономтеория столкнулась с масштабным кризисом. Возникший кризис «мейнстрима» объясняется, с одной стороны, его идеологизацией и безусловной поддержкой со стороны финансовой элиты и крупного бизнеса, заинтересованных в либеральной экономической политике при сведении к минимуму вмешательства со стороны государства. Искажение действительности в интересах капиталистической олигархии «мейнстримом» широко транслируется и навязывается обществу (в том числе

Таблица 2
«Волны» Кондратьева и кризисы экономической теории

«Волна»/фаза	Период	«Всплески» и кризисы	Основание для кризисов
Повышательная 1)	1844–1855 — 1870–1875	Марксистская и маржиналистская революции	—
Понижательная 2)	1870–1875 — 1890–1896		
Повышательная 1)	1891–1896 — 1914–1920	I кризис и раскол марксизма	Новые процессы без теоретического охвата, теоретический и организационный раскол, переоценка положений теории и эволюция учения
Понижательная 2)	1914–1920 — 1939–1945	Кризис неоклассики и кейнсианская революция	Великая депрессия 1929–1933 гг. и вызванные ею «не-разрешимые проблемы» для неоклассиков
Повышательная 1)	1939–1945 — 1967–1973	II кризис и раскол марксизма	Рост и стабилизация капиталистической системы
Понижательная 2)	1967–1973 — 1982–1985	Кризис кейнсианства. Монархистская контрреволюция	Ухудшение динамики западных стран, «цепочки» экономических кризисов (в том числе структурных), феномен стагфляции, неподконтрольные «скачки» инфляции, крах Бреттон-Вудской мировой валютной системы
Повышательная 1)	1982–1985 — 1997–2002	«Общий кризис» марксизма и государственного социализма	Распад СССР, рост и процветание капитализма
Понижательная 2)	1997–2002 — ...	Современный кризис западной экономической теории	Глобальный финансово-экономический кризис с острой фазой в 2008–2009 гг., многослойность кризисов во всех сферах общественной жизни, усиление деглобализационных процессов, пандемия COVID-19 и т.п. Кризис теории = кризис методологии + кризис микро- и макротехники + кризис политики рыночного фундаментализма

Переработано и дополнено на основе: [Худокормов, 2012: 10-34].

	Западный марксизм	Традиционный институционализм	Неоинституционализм
Сформировавшиеся направления экономической мысли и их представители	Леворадикальный марксизм (маоизм и троцкизм) Радикальная политическая экономия П. Суизи, В. Перло Еврокоммунизм С. Каррильо Эволюционный марксизм А. Грамши	Американский институционализм К. Поланьи, У. Ростоу, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, О. Тоффлер Французский дирижизм и регуляционизм Ф. Перру, Р. Буайе	«Экономический империализм» (Г. Беккер) Теория трансакционных издержек и прав собственности (Р. Коуз) Теории экономических организаций (А. Алчиан) Теория общественного выбора (Дж. Бьюкенен) Экономика права (Р. Познер) Эволюционная экономическая теория (Р. Нельсон) Новая экономическая история (Д. Норт)
Учения и школы, подтолкнувшие возникновение или оказавшие влияние на сформировавшиеся направления экономической мысли	Марксизм начала века Троцкизм Ленинизм Каутскианство Бернштейнианство	Англо-американский институционализм Дж. Коммонс, У. Митчелл Социальная школа	Социальная школа (Германия, Франция) Р. Штаммлер, Р. Штольцман, К. Диль, Ф. Петри Неоклассическое направление
Идейный «первотолчок»	Критика «буржуазной» теории	Критика марксизма и маргинализма	
Традиция в экономической теории	Социально-историческая		

Примечание: в основу положена схема, составленная Ю.Я. Ольсевичем, Г.Г. Фетисовым, А.Г. Худокормовым.
Переработано и дополнено на основе: [Фетисов, Худокормов (ред.), 2004–2005].

Таблица 3

Западная экономическая теория в XX веке

Неолиберализм	Стокгольмская школа	Дж. М. Кейнс и Современное кейнсианство	Современная неоклассическая теория	Радикальный либерализм	
Теория социального рыночного хозяйства Л. Эрхард, А. Мюллер-Армак Ордолиберализм (Фрайбургская школа) В. Ойкен, Ф. Бем	Б. Олин, Г. Мюрдаль, Э. Линдаль	Неокейнсианство Р. Харрод, Е. Домар Монетарное кейнсианство Р. Клауэр Неоклассический синтез Дж. Хикс, Дж. Тобин, П. Самуэльсон Посткейнсианство Х. Мински, Н. Калдор, М. Калецкий, С. Вайнтрауб Новое кейнсианство Дж. Стиглиц, Дж. Акерлоф	Макротеория: Монетаризм (М. Фридмен) Экономическая теория предложения Новая классическая теория. Школа «рациональных ожиданий» Микротеория: Теории цены и ценности, капитала и дохода, несовершенной конкуренции Теории благосостояния и общего рыночного равновесия (Дж. Нейман, К. Эрроу, Ж. Дебре), роста и эволюции	Л. Мизес, Ф. Хайек	Й. Шумпетер
«Юная» историческая школа Германии М. Вебер, В. Зомбарт Неоклассическое направление	К. Виксель	Неоклассическое направление, в том числе: Кембриджская школа (А. Маршалл, А. Пигу) Лозанская школа (Л. Вальрас, В. Парето)		Австрийская школа К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер	
		Маржиналистская революция (1870-1890 гг.)			
		Субъективно-психологическая			

посредством образования по учебникам «экономикс»), поощряется и обильно спонсируется международным капиталом, наживающимся на эксплуатации человечества путем неэквивалентного обмена (а это уже аристотелевская хрематистика в чистом виде). Таким образом, под давлением доминирующих экономических интересов происходит идеологизация экономической науки, от имени которой оправдывается сложившийся порядок распределения национального дохода и властно-хозяйственных отношений посредством якобы научно обоснованной ненаучной парадигмы. Переставая быть наукой, «мейнстрим» превращается в «наукообразную квазирелигию» с собственной догматикой и даже элементами «архаичной мифологии» [Глазьев, 2021а: 303]. Однако, как показано в табл. 2, целый пласт неразрешенных проблем все-таки поставил современный «мейнстрим» лицом к лицу с той самой реальностью, которую ее представители безуспешно пытались «отрицать».

Эта история напоминает события из прошлого, на которые один из авторов монографии уже обращал внимание [Глазьев, 2019]. Так, «мейнстрим» советской экономической мысли служил интересам властвующей государственной бюрократии и партноменклатуры, игнорируя действительность и обостряющиеся проблемы (нарастающие диспропорции, падение эффективности, технологическое отставание директивно-плановой экономики и т.п.), несмотря на то, что понятийный аппарат и инструментарий для объяснения экономических процессов, находившийся в арсенале марксистской политэкономии, был весьма развитый и убедительный [Глазьев, 2019: 26, 46].

С другой стороны, особую роль в кризисе современной экономической теории сыграли «личные драмы» и личное восприятие действительности основателей ее направлений. Фактически это утверждение справедливо для всех обозначенных нами «столпов», что в дальнейшем в той или иной мере отразилось и на их последователях: неоклассики работали с целью оправдать капитализм, Маркс — «с намерением низвергнуть капитализм», Кейнс — в стремлении улучшить капитализм [см. подробнее: Дзарасов, 2012: 24; Глазьев, 2019]. И на выходе опять же возникала проблема разрыва между теорией и практикой.

Ниже дается критический анализ фундаментальных положений современного «мейнстрима», который раскрывает методологию системного искажения его представителями действительности [приведено с учетом следующих источников: Дзарасов, 2012: 181–192; Ольсевич, 2013: 11; Худокормов, 2012: 30–34; Глазьев, 2019].

Искажение образа человека и попытки его восстановления

В основе современного «мейнстрима» экономической мысли лежит положение об «экономическом человеке» (*homo economicus*) — рациональном эгоисте, подчиненном необходимости постоянно максимизировать полезность. Причем делает он это в условиях в условиях полной информированности (что нереально), с полным пониманием последствий своего выбора (что тоже вряд ли достижимо), который осуществляется на основании определенных устойчивых предпочтений, и при наличии исключительных математических способностей (что, понятно, далеко не так). Кроме того, представления о потребностях «экономического» человека также довольно своеобразны. Например, в первой же части учебника по экономикс [Макконнелл, Брю, 2003] утверждается, что «человеческие существа — несчастные создания, обремененные потребностями», но именно экономикс как состоящая «на службе гражданского общества» наука, основы которой нам «надлежит знать», чтобы «отбросить ошибочные и предвзятые представления» [Макконнелл, Брю, 2003: 3–12], якобы сможет сделать людей информированнее, счастливее и лучше. Таким образом, модель общества формируется из подобных примитивных однотипных индивидов и составляют автономные группы «экономических агентов».

Удивительно, что, несмотря на многократные убедительные опровержения модели «экономического человека» как не соответствующей реальной сложности человеческого поведения и его сущности [Глазьев, 1993, 2019], в том числе и со стороны руководителей представительных организаций ученых-экономистов, *homo economicus* остается главным героем мейнстрима как научных публикаций, так и учебников по экономической теории. При этом самое опасное заключается в том, что такое резкое упрощение и «сужение» образа человека, преподносимое в качестве некоей простой модели для изучения, фактически проецируется в реальность, поскольку именно этими «экономическими людьми» легко манипулировать и управлять. Отсюда и формирование «образцового потребителя» и «общества потребления» с его нарастающими нерациональными потребностями, и «эгоистическое самосохранение», усиливающее глобальные экологические вызовы и т.п. негативные явления [Бодрунов, 2021f: 18–31].

Неудивительно, что обозначенная базовая аксиома подверглась активной критике. Однако представители нового кейнсианства (например, Дж. Стиглиц, Дж. Акерлоф) уходят в иную крайность, заменяя

«экономическую рациональность» при полной информированности на «предсказуемую иррациональность» в условиях асимметрии информации. Причем в область «иррационального» у них попали как лучшие проявления человека (доверие, чувство справедливости), так и его отталкивающие качества (недобросовестность, денежный фетишизм, подражательство, стадное поведение) [Ольсевич, 2013: 14–16]. Итак, речь уже идет о том, что образ человека постепенно подпадает под некое ограничение рациональности¹.

Другой крайности не избежал и марксизм (а также и институционализм). Здесь происходит переключение с индивидуального на социальное — но какое переключение? Если Маркс определял природу и сущность человека через общественные отношения, то в вульгарной версии марксизма абсолютизация роли социальной среды и социального конструирования для формирования человеческого поведения и управления им дошла до максимума [Худокормов, 2012: 36–37; Колганов, 2017: 134].

На наш взгляд, от искаженного образа человека модели «мейнстрима» необходимо безоговорочно отказаться, также как и от обозначенных выше крайностей в трактовках представителей других экономических направлений. Образ человека должен быть возвращен на ту высоту, которую задает философия бытия и междисциплинарный подход к его анализу. В то же время это не значит, что его необходимо идеализировать, скорее, предлагается изучать его в «нормальной» системе координат. Подобный подход был предложен ранее [Бодрунов, 2018с] исходя из сочетания категорий «потребности-культура-знание-технологии», на основании которого выстраивается следующая логическая цепочка:

1) формирование личности человека приводит в том числе к осознанию им потребностей, которые не являются «карой Господней», а представляются нормой жизни;

¹ Образ человека в экономической теории, таким образом, проходит несколько специфических этапов модификации через понятие «рациональность»: от абсолютной (полной) рациональности до ограниченной и даже «органической» рациональности. Несмотря на то что в направлении «моделирования» человека свой вклад вносили и кейнсианцы, и представители «экономического империализма», и иные направления экономической мысли с попытками «очеловечить» создаваемый «портрет», все-таки основным мотивом формирования образа человека остается абстрагирование (в той или иной степени) от его реального внутреннего содержания и игнорирование всей полноты сложности анализируемого субъекта.

2) необходимость удовлетворения осознанных потребностей — это главный драйвер развития;

3) культура выступает естественно-историческим ограничителем для человека в процессе осознания и удовлетворения своих потребностей (здесь в определенной мере можно согласиться с классиками маркетинга, пришедшими к выводу, что потребность есть нужда, принявшая специфическую форму в соответствии с уровнем культурного и личностного развития человека [Котлер, Армстронг и др., 2003: 34–35]);

4) знание создает возможности для удовлетворения потребностей посредством технологий;

5) благодаря знаниям материальное производство конституирует человека как общественное существо;

6) культура и технология взаимосвязаны через категорию «знание» как феномены общественного развития.

Именно подобная логика поможет нам в дальнейшем показать, каким образом возникает искажение потребностей в современном обществе и как произойдут определяемые технологической революцией изменения в структуре потребностей за счет переориентации вектора потребностей с жизнеобеспечения на личностное развитие, т.е. видоизменение и «переворачивание» знаменитой пирамиды А. Маслоу [Бодрунов, 2018с].

Искажение образа экономики и будущего

Другой важный постулат современного «мейнстрима» говорит о том, что рыночная экономическая система стремится к равновесию и при отсутствии помех (со стороны внешних факторов и попыток вмешательства государства в ее процессы) функционирует в соответствии с рыночными сигналами, отраженными в ценах, а «невидимая рука» рынка и принцип свободной (спонтанной) конкуренции воссоздает картину гармоничного (т.е. предсказуемого и неизбежно достижимого) будущего. Так, образ экономики кардинально упрощается и формируется через систему ограничений и допущений как некая закрытая система, функционирование которой легко моделируется. И результаты, полученные с помощью математических моделей, кажутся впечатляющими и обоснованными. Но именно *кажутся обоснованными*, потому что принятые ограничения и допущения крайне далеки от реальности, а модели общего равновесия, создавая иллюзию прогнозирования и управляемости, нацелены все на то же оправдание капита-

лизма и выстраивание доказательной базы для сдерживания и минимизации государственного вмешательства в экономику.

В работе 2013 г. Ю.Я. Ольсевич обращает внимание на популярность в мире моделей типа *DSGE* (от англ. *Dynamic Stochastic General Equilibrium*, динамических стохастических моделей общего равновесия), которые, между прочим, активно используются МВФ, мировым банком и денежными властями многих стран, включая Банк России. Однако подобный инструментарий все чаще подвергается критике, поскольку совершенно оторван от практики и непригоден для прогнозирования вследствие неспособности «уловить» динамику сложных процессов, «провала» в учете комплексности взаимодействия субъектов хозяйственной деятельности, исключения фундаментальной неопределенности и т.п. В итоге формулируется важный вывод, сопряженный с полученными нами ранее результатами: *«Наука, игнорирующая существенные аспекты реальности, не только бессильна в прогнозировании этой реальности, но и опасна, поскольку порождает такие теоретические модели, которые способны активно влиять на эту реальность в деструктивном направлении»* [Ольсевич, 2013: 26, 30–32]. Тем самым подчеркивается опасность решений, принимаемых на национальном и наднациональном уровнях на основе моделей общего равновесия, искажающих действительность, а современному обществу приходится существовать в целой системе «кривых зеркал»: между навязанными «мейнстримом» образом поведения и «искаженной» картиной мира, с одной стороны, и проводимой «искаженной» экономической политикой, деформирующей объективную реальность, с другой стороны. При этом символически выглядит своеобразное признание П. Кругмана: *«...экономика сбилась с пути, потому что экономисты в массе своей ошибочно приняли за истину красоту, облицованную убедительно выглядящими математическими выкладками»*¹.

Справедливости ради стоит уточнить, что сама идея экономического равновесия довольно глубоко уходит «корнями» в историю развития экономической мысли и наблюдается еще в идеях К. Маркса (табл. 4). Однако, как ясно показал С.С. Дзарасов, она довольно сильно отличается от вальрасовского стиля и трактовок неоклассиков в части достижения и сохранения равновесия.

¹ Цитата приведена на основе следующего источника: <https://www.econorus.org/sub.phtml?id=129>.

Равновесие в теоретических представлениях

Категория	Равновесие	
Тип/толкование	Марксовский	Вальрасовский, теоретики общего равновесия
Название термина	«Пропорциональность»	«Равновесие», «общее равновесие»
Общее в трактовках	Экономика как единая система с взаимосвязанными и взаимозависимыми элементами, влияющими друг на друга	
Различия в трактовках	Достижение и соблюдение равновесия	
1. Оценка капитализма	Капитализм вследствие присутствия ему противоречий создает диспропорции	Оправдание капитализма
2. Природа /причина кризисов	Эндогенная (внутренняя), кризис как средство для вынужденного временного восстановления равновесия	Экзогенная (внешняя)
3. Направление развития	Экономика, скорее, стремится к нестабильности	Экономика автоматически стремится к равновесию

Составлено на основе: [Дзарасов, 2012: 154–156].

Современная критика «мейнстримовского» образа экономики и ее будущего, исходящая от представителей посткейнсианства, базируется на их выводах о необходимости и естественности сочетания рыночных механизмов с плановыми и полезности государственного регулирования, наличии фундаментальной неопределенности вследствие кризисов, нарушающих равновесное состояние, справедливости качества ценовых сигналов только в краткосрочном периоде.

В нашем же понимании экономика предстает как живая эволюционирующая и усложняющаяся система, которая не бывает в состоянии равновесия. Более того, она и не стремится к какому-то конкретному состоянию равновесия, поскольку в каждый момент времени появляются новые технологии и возникают новые комбинации факторов производства, порождающие новое теоретическое состояние равновесия. Развитие экономики можно представить как движение к постоянно меняющимся под влиянием НТП аттракторам, каждый из которых отражает гипотетическое в текущее мгновение и никогда не достигаемое состояние равновесие [Глазьев, 2019]. Более того, если бы это было

возможно, то, следуя логике «мейнстрима», достигнув в ходе свободной конкуренции точки равновесия, рациональные «экономические агенты», очутившись в идеальной ситуации, отказались бы от какой-либо инновационной деятельности из-за ее дальнейшей нецелесообразности, и социально-экономическое развитие должно было бы прекратиться. Такой абсолютно логичный вывод из «мейнстримовского» понимания экономических процессов также наглядно демонстрирует его абсурдность, как претендующей на интерпретацию реальности теории.

Искажение трактовки ключевых экономических понятий и процессов

Отталкиваясь от проанализированных выше базовых аксиом, «мейнстрим» приходит к искажению многих экономических понятий и процессов, обосновывая неадекватные реальности подходы к экономической политике и методы управления развитием экономики. Примерами подобных вредных для практики управления трактовок и рекомендаций мейнстрима являются:

1) примитивная и архаичная трактовка денег как особого товара (золотых монет) в духе количественной теории и представлений монетаризма;

2) процентная ставка в качестве главного инструмента денежной политики;

3) использование производственной функции с двумя факторами производства в макроэкономическом прогнозировании;

4) трактовка результата институциональной эволюции как результата естественного отбора наиболее эффективных институтов посредством рыночной конкуренции;

5) игнорирование структурных кризисов, неспособность объяснить накопление диспропорций и систематические отклонения экономики от гипотетического состояния равновесия, недооценка возможностей экономического роста;

6) недооценка роли знаний и научно-технического прогресса (НТП), в реальности выступающих основным фактором социально-экономического развития и несовместимых с идеей закрытой механистической модели равновесной «мейнстримовской» экономики.

Систематическое искажение экономических процессов в понятийной системе мейнстрима влечет игнорирование существующих в дей-

ствительности фундаментальных проблем (массовой бедности и голода, загрязнения окружающей среды, деградации значительной части общества, недоиспользования человеческого потенциала, социально-неравенства и др.). Вместо их решения обществу предлагается «переклЮчить» внимание, например, на моду, виртуальную реальность, разрушение традиционной морали.

Для чего это нужно?

Дело в том, что идеологически «мейнстриму» необходимо научно-образно оправдать (используя для убедительности математические методы) существующий экономический порядок, включая распределение национального дохода и богатства, свободу движения капитала, в том числе трансграничного, невмешательство государства в рыночные механизмы. Он пытается доказать, что последние автоматически обеспечивают достижение «наилучшего состояния» экономической системы с точки зрения использования имеющихся ресурсов и, за редким исключением, попытки их регулирования повлекут лишь ухудшение этого состояния. Несмотря на обоснованную критику неоклассической и неолиберальной ортодоксии, постулаты «мейнстрима» продолжают доминировать не только в экономической теории, но и в ее практических приложениях в системах регулирования экономики.

На наш взгляд, для преодоления очевидного кризиса экономической науки необходимо¹ руководствоваться следующими подходами:

осуществить квалифицированный переход к разработке теории развития общества как целостного, сложного и постоянно меняющегося «организма»;

1) главным предметом современной прогрессивной экономической науки должен стать процесс развития хозяйственной деятельности;

2) особое внимание следует уделить разработке отражающих реальные процессы развития экономики моделей;

3) выявление закономерностей развития общества подразумевает понимание процессов изменения и смены технологий;

4) выявление закономерностей развития экономики подразумевает понимание процессов изменения социальных институтов и эволюции системы ценностей;

¹ Здесь суммируются и подчеркиваются выдвинутые ранее предложения: [Глазьев, 2021а: 311–315].

5) ориентиром для целого комплекса современных общественных наук должен стать междисциплинарный подход к центральному вопросу — изучению взаимосвязи технологических, институциональных и идеологических изменений.

Наряду с кризисом, в обществензнании уже давно происходит научная революция, способная вывести его на новые рубежи познания. Авторами реализуется естественнонаучный подход к изучению развития экономики, опирающийся на теорию НТП, эволюционную экономику, теорию управления, эмпирические исследования разнообразных процессов экономического развития: от технологических траекторий до становления человеческой цивилизации. Для преодоления кризиса обществензнания необходимо междисциплинарное сопряжение имеющихся знаний о закономерностях технико- и социально-экономического развития. Примером такого подход является разрабатываемая авторами теория НТП.

1.3 НТП как главный фактор развития

Уход от искаженного понимания действительности и разработка адекватных реальности представлений о социально-экономическом развитии связан с всесторонним изучением и признанием должной роли НТП как главного фактора развития. Современный «мейнстрим» либо вовсе игнорирует НТП как модели рыночного равновесия, либо представляет его как необъяснимый остаток в производственных функциях с трудом и капиталом как факторами производства, либо включает его как дополняющий элемент (овеществленный НТП в факторе капитала производственной функции или перемещение с одного равновесного состояния в другое в моделях равновесия). Это ненамного отличается от расхожего линейного представления НТП как процесса постоянного совершенствования технологий и поступательного повышения эффективности факторов производства. В действительности НТП представляет собой нелинейный, неопределенный и неравновесный процесс. Как уже указывалось выше, современная экономика никогда не находится в состоянии равновесия и даже не стремится к нему, так как в каждый момент времени появляются новые технологии, создающие новые возможности для развития экономики, меняя ее технологические траектории. Пользуясь математической терминологией, развитие экономики можно представить как процесс постоянного движения от одного аттрактора (гипо-

тетического состояния равновесия) к другому, которого она никогда не достигает, потому что в этом процессе каждый момент времени появляются новые технологии и соответствующие им новые аттракторы.

Профессионально занимающиеся проблематикой НТП ученые хорошо понимают его неравномерность и нелинейность. Содержание этого процесса непрерывного развития средств и предметов труда, технологий и форм организации производства на базе научных, технических и практических достижений многогранно и отличается сложным сочетанием различных процессов со сменяющимися друг друга постепенными эволюционными и резкими революционными фазами [приведено на основе: Ивантер, Буданов и другие (ред.), 2007: 307]. Анализ процессов НТП невозможен без обращения к таким важным категориям, составляющим и определяющим его природу и результаты, как знания, технологии и промышленные революции.

Категория «знания» является одной из центральных для гносеологии как особого раздела философии. Под знаниями мы будем понимать результаты процесса познания, который имеет два ключевых направления: внешнее (познание человеком мира, в том числе как творения Господа и через это приближение к познанию Высших Истин) и внутреннее (познание человеком себя и своих потребностей и тем самым получение знаний второго типа) [Бодрунов (ред.), 2021: 198–199]. Подобный подход находит отражение в философии и продолжает ее традицию: например, в «сократическом диалоге» как сложной системе приемов для познания самого себя и идеи «врачевания души» через привнесение в нее особого рода знаний — знаний о добродетели. В процессе познания мира Гегель выделял возможность получения двух видов знаний: абстрактно-всеобщего или общих представлений, формируемых с помощью рассудка, и конкретно-всеобщего как опоры для науки, овладеть которым можно только с помощью разума [Мареев, Мареева, 2003: 81–82, 474].

Как таковое познание — это крайне сложный и противоречивый процесс. Его можно проиллюстрировать на примере воздушного шара, внутренность которого представляется объемом накопленных знаний, а оболочка — границей этих знаний, соприкасающейся с областью еще непознанного. Чем больше этот шар, тем шире граница соприкосновения с непознанным, и тем сильнее человек ощущает потребность в дополнительных знаниях, которая стимулирует продолжать процесс познания, а следовательно, новый поиск и очередные сомнения. Ве-

роятно, поэтому поистине мудрым считается тот, кто осознает всю глубину сократовского изречения: «Я знаю, что я ничего не знаю».

Тематика НТП как главного фактора развития обязывает нас концентрироваться только на отдельном специфическом роде знаний, а именно — на тех знаниях (как правило, научных), которые находят конкретное практическое применение в конкретное время. Отсюда и использование нами понятия «знаниеемкость» для оценки уровня материального производства, и восприятие технологии как воплощенного на практике знания, и трактовка информации как передаваемого посредством коммуникации знания [Бодрунов, 2018с] и т.п.

В контексте настоящей работы нас интересует не сам факт центральной роли знаний в развитии человечества, а их конкретное применение для получения эффекта НТП (например, технологической и промышленной революций, получения новых знаний и т.п.). В этом прослеживается действие закона *PR*-взаимодействия применительно к технологиям. Так, паровая машина русского механика-изобретателя И.И. Ползунова появилась раньше универсального парового двигателя Дж. Уатта, но для условий, сложившихся в России, она оказалась «несвоевременной», а в Англии это изобретение оказалось центральным событием промышленного переворота. Почему так произошло? На наш взгляд, именно потому, что готовность экономики России, в отличие от английской, к данной инновации (паровой машине) в то время была низкой [Бодрунов, 2018с; Конотопов, Сметанин, 2012: 142, 457–462].

Подобный подход к анализу природы НТП позволяет раскрыть взаимосвязь между изменениями в различных сферах человеческой деятельности: хозяйственной, научной, инженерной, образовательной и др. Так, промышленные революции основаны на достижениях НТП и обеспечивают ускорение общественного развития, усложняют организацию научного процесса и повышают интенсивность применения знаний (табл. 5).

По мере движения от первой до четвертой промышленной революции знания становятся специфическим ресурсом, обладающим уникальными характеристиками. Они отражены в табл. 6, при этом некоторые свойства знаний выделены условно (например, не все из них обладают неисключаемостью и неделимостью). Сегрегация общества по показателю уровня доступа к знаниям становится главным источником социальных противоречий и может выступить сдерживающим фактором НТП [Бодрунов, 2018с: 196].

Таблица 5

Связь промышленных революций, качественных технологических сдвигов, НТП и знаний

Содержание качественных сдвигов	
Этапы	IV промышленная революция (научно-техническая и технологическая)
Период	2020–2025 гг.
Пусковой механизм	Мультиферные технологические прорывы
Тип развития индустрии	Синтез и взаимодействие высоких технологий
Организация науки	Превращение знаний в главный ресурс будущего
Образование	Различные форматы образования, важность самообразования
	III промышленная революция (научно-техническая)
	Середина XX в.
	Атомный реактор, реактивный двигатель, ЭВМ и т.п.
	Компьютерная, цифровая революция
	Наука как индустрия знаний
	Повышение уровня среднего образования, быстрые темпы развития высшего образования
	II промышленная революция
	Конец XIX — начало XX в.
	Распространение электричества, внедрение конвейера
	Массовое производство
	Специализированный научный труд
	Массовое общее и специальное образование
	I промышленная революция (1760–1840-е гг.)
	Конец XVIII — начало XIX в.
	Паровой двигатель, строительство железных дорог
	Механическое производство
	Индивидуальная научная деятельность
	Расширение охвата грамотности и профессиональное обучение

Переработано и дополнено на основе: [Ивантер, Буданов и другие (ред.), 2007: 298-299; Шваб, 2016: 11-12; Бодрунов, 2018].

Некоторые условно выделенные свойства знаний как специфического ресурса

неделимость и неисключаемость (общее достоинство в частных случаях)	отсутствие пространственно-го ограничения	непрерывное увеличение объема	неисчерпаемость	отсутствие товарного дефицита	независимость «себестоимости» получения от тиражирования и числа потребителей
неотделимость от их носителя при применении на практике	ЗНАНИЯ				экономическая категория только при практическом применении
частичная чувствительность по времени					возрастающая доходность при тиражировании
консервация запасов ведет к устареванию и обесценению					чем их больше, тем они дороже и качественнее
старение без исчезновения					представляются, хранятся, передаются
сохранение полезности при многократном использовании					минимальные накладные расходы по воспроизводству при максимальном затрат на получение
	каждая передача расширяет круг их обладателей	любая деятельность порождает их больше, чем потребляет	процесс производства непредсказуем	возможность мгновенного доведения до потребителя	

Составлено на основе: [Глазьев, 2011: 447–448].

Со временем по мере возвышения практического значения знаний до основного фактора производства возникает такая самостоятельная сфера исследований, как «экономика знаний». Данный термин был введен Ф. Махлупом в начале 1960-х гг. для обозначения специализированного сектора экономики. Далее сформировалось более широкое понимание экономики знаний как «стадии хозяйственного развития» или особого типа (состояния) экономики, отличающихся главной ролью знаний, которые становятся основным источником экономического роста [Макаров, 2004; Мильнер, 2008].

Среди особенностей экономики знаний выделяются следующие [приведены на основе: Макаров, 2004; Мильнер, 2008; Клейнер, 2006: 32–34; Клейнер, 2020b: 65; Миндели, Пипия, 2007; Unger, 2019]:

- 1) трансформация знания в товар как новое явление для экономики;
- 2) превращение любого товара в продукт и источник уникального знания;

- 3) переход знания в состав основных факторов производства и его доминирование среди них;

- 4) формирование микроэкономики знаний как новой теории и практики развития и взаимодействия предприятий с учетом индивидуализации товаров и сделок, различных свойств и функций знаний (табл. 6, 7) и их персонализации, переноса акцента с конкурентоспособности производителей при экономике материальных благ на сотрудничество в экономике знаний (таким образом, вместо конфликтов — сочетание соперничества и сотрудничества, конкуренции и кооперации — так называемые коокуренция и конкоперация [термины из: Клейнер, 2006; Клейнер, 2020b]);

- 5) это постоянно обновляющаяся и самосовершенствующаяся парадигма производства и его самая передовая практика;

- 6) совмещение крупномасштабного производства с «дестандартизацией» (индивидуализацией) продуктов и переход от повторяемых к неповторимым товарам;

- 7) основа изменения способов совместной работы людей и системы разделения труда, организации и управления производственными процессами;

- 8) превращение инфраструктуры в мировую информационную сеть («паутину»);

- 9) высокие и нарастающие темпы развития и применения нематериальных активов, революционный характер и непрерывность технологических изменений;

10) четыре опоры: институциональная структура, инновационная система, образование (обучение), информационная инфраструктура;

11) более глубокое взаимодействие (практически сращивание) рынков знаний, услуг и труда;

12) быстрое расширение географии и рост количества мест производства знаний;

13) обострение проблем «утечки мозгов» и воровства интеллектуальной собственности;

14) проблема измерения знаний (традиционные подходы к количественным оценкам по предложению и спросу осложняются из-за специфики знания как своеобразного общественного блага);

15) особенности оценки эффективности экономики (например, приходится ориентироваться на отрасли, предъявляющие повышенный спрос на знания);

16) зависимость эффективности работы фирмы от непрерывных нововведений;

17) новое качество экономического роста;

18) экономика знаний как экономика изобилия, а не ограничений;

19) решающая роль знаний в общественном развитии и вероятность движения от экономики знаний к обществу знаний;

20) как правило, объемные инвестиции «на входе» в сектор знаний и при производстве нового знания-продукта;

21) специфическое ценообразование и оценка издержек.

Заметим, что положения «мейнстрима» (о равновесии, влиянии законов спроса и предложения, стремлении фирмы к максимизации дохода и минимизации издержек, классификация которых с выделением соответствующих закономерностей предлагается во всех стандартных учебниках) оказываются неприменимы к «природе» экономики знаний, имеющей иной характер издержек и, соответственно, ценообразования. Например, производители и распространители новых знаний оказываются в особом монопольном положении и стремятся получить максимальную прибыль за счет максимального охвата потребителей своей продукцией. Для этого они часто дифференцируют цены для разных групп потребителей, некоторые из которых дискриминируются или поощряются. Например, ученым необходимая им для работы знаниеемкая продукция предоставляется бесплатно, учащимся — за символическую плату, основной массе потребителей — по рыночной цене исходя из баланса предложения и спроса, а богачам

для престижного потребления — по завышенной цене. В итоге достигается максимальное удовлетворение потребностей в знаниях при сокращении распространения нелегальных копий продукта. При этом потребители втягиваются в определенную траекторию, если не сказать ловушку, получения новых знаний через приращение на базе имеющегося знания или комбинирования нескольких существующих знаний-продуктов «в один клик». Это приращение знаний может иметь нулевые издержки и быть абсолютно бесплатным. В одной из работ 2019 г. также отмечается, что в экономике знаний «предельные издержки воспроизводства ее продуктов и услуг могут быть близки к нулю», например, если это связано с расширением доступа к существующей платформе [Unger, 2019: 14]. Таким образом, каждый потребитель получит знание-товар «по своим потребностям», оплачивая по возможностям, что уже напоминает своеобразную реализацию коммунистических идей.

Таблица 7

Трактовка понятия «знание» в ходе создания и развития экономики знаний

По основным акцентам	По решаемым вопросам (в классификации ОЭСР)	По применению	По функциям (по Клейнеру)
Знание как ресурс	Знание как набор фактов (know what)	Знание научное	Знание как товар
Знание как продукт	Знание как причина и основа (know why)	Знание технологическое (техническое)	Знание как фактор
Кодифицированное знание	Знание как набор умений и способностей (know how)	Знание воплощенное (инновации)	Знание как средство тезаврации
ИКТ как основа развития знания	Знание как индикатор его носителя (know who)	Знание как определяющий элемент человеческого капитала	Знание как средство управления
Знание как основной движущий фактор экономики		Знание, выраженное в компетенциях и квалификации	
		Знание как ИКТ и информация	

Составлено по: [Миндели, Пипия, 2007; Клейнер, 2006].

Предпринимаются попытки оценить развитие экономики знаний и провести соответствующие межстрановые сопоставления. Как правило, для этой цели применяются комплексные сводные индексы. Например, один из таких индексов — Индекс экономики знаний (от англ. *Knowledge Economy Index, KEI*) использовался Всемирным банком, чтобы помочь странам путем сравнения показателей¹ определить свои конкурентные преимущества в данной сфере, подготовить проект реформ для устранения выявленных «узких мест» и грамотно выстроить национальную политику. *KEI* формировался на основе четырех компонент (подындексов), отражающих уровень развития экономики и институциональной среды, качество образования и квалификации населения, состояние и потенциал информационной инфраструктуры и инновационной системы. Каждая из приведенных компонент индекса, в свою очередь, также состоит из нескольких элементов. Согласно рейтингу *KEI-2008*, странами с самым крупным вкладом в развитие экономики знаний (топ-10) оказались Дания, Швеция, Финляндия, Нидерланды, Норвегия, Канада, Швейцария, США, Австралия и Германия (причем среди стран БРИК лидировала Россия, расположившаяся на 53-м месте) [*World Bank*, 2008]. В 2012 г., кроме того, что Дания уступила место Швеции и Финляндии, США вышли из десятки лидеров, а Новая Зеландия вошла в нее, кардинального изменения приведенного списка не последовало². В данном случае, исходя из подобного состава лидеров рейтинга, следует говорить скорее о субъективизме представленных оценок, нежели об их объективности.

В международных сопоставлениях также применяются Глобальный инновационный индекс и Глобальный индекс знаний (от англ. *Global Innovation Index, GII* и *Global Knowledge Index, GKI*), рассчитываемые с 2007 и 2017 г., соответственно. Они тоже являются сводными индексами, и базируются на нескольких комплексных компонентах (табл. 8, 9). Для создания рейтинга *GII* указанные компоненты объединяются в две большие подгруппы: ресурсы инноваций (институты, человеческий капитал и наука, инфраструктура и уровни развития рынка и бизнеса) и эффект от инноваций (развитие технологий и экономики знаний, результаты креативной деятельности). Таким образом, в рамках *GII*

¹ Имеется в виду не только межстрановое сравнение, но и сопоставление показателей по каждой стране в динамике, например, с 1995 г.

² См.: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/indeks-ekonomiki-znanij/#tabs> | Compare:Place.

экономика знаний выделена в качестве одного из компонентов (опирающегося на показатели трех групп, характеризующих создание, влияние и распространение знаний), с помощью которых рассчитывается индекс, но если рассматривать инновации как разновидность воплощенного знания (см. табл. 7), то можно использовать весь индекс целиком для более широкой оценки развития экономики знаний [приведено на основе: *WIPO*, 2021: 30; *UNDP-MBRF*, 2021].

В рейтингах *GII* и *GKI* за 2021 г. тройка стран-лидеров абсолютно идентична, и Россия в обоих списках занимает весьма далекие от топ-10 места (в диапазоне 45–54) (см. табл. 8, 9). Особые проблемы РФ отмечаются по подынкам «институты», «инфраструктура» и «уровень развития рынка» — в первом случае, и по подынкам «высшее об-

Таблица 8

Глобальный инновационный индекс и его составляющие, 2021 г.

Страны	<i>GII</i>	Институты	Человеческий капитал и наука	Инфраструктура	Уровень развития рынка	Уровень развития бизнеса	Развитие технологий и экономики знаний	Результаты креативной деятельности
Швейцария	1	13	6	2	6	4	1	2
Швеция	2	9	2	3	11	1	2	5
США	3	12	11	23	2	2	3	12
Великобритания	4	15	10	10	4	21	10	4
Республика Корея	5	28	1	12	18	7	8	8
Нидерланды	6	6	14	16	31	5	7	7
Финляндия	7	2	4	11	19	6	5	16
Сингапур	8	1	9	15	5	3	13	17
Дания	9	8	5	5	7	11	14	13
Германия	10	17	3	21	20	12	9	11
Франция	11	19	15	17	17	19	16	6
Китай	12	61	21	24	16	13	4	14
Япония	13	7	20	9	15	10	11	18
Гонконг	14	11	25	6	3	24	62	1
Израиль	15	34	19	40	8	8	6	30
Россия	45	67	29	63	61	44	48	56

Источник: [*WIPO*, 2021: 30].

Таблица 9
Глобальный индекс знаний и его составляющие, 2021 г.

Страны	GKI	Довузовское образование	Техническое и профессиональное образование, профессиональная подготовка	Высшее образование	НИОКР и инновации	ИКТ	Экономика	Благоприятная среда
Швейцария	1	4	3	1	1	13	9	5
Швеция	2	10	27	3	5	9	13	3
США	3	30	1	5	2	3	6	39
Финляндия	4	1	10	15	7	1	19	4
Нидерланды	5	8	6	6	6	12	18	8
Сингапур	6	27	17	23	11	4	1	11
Дания	7	2	33	10	9	10	5	6
Великобритания	8	22	29	2	4	6	11	17
Норвегия	9	5	14	8	27	8	10	1
Исландия	10	33	25	4	19	2	36	2
ОАЭ	11	6	8	16	28	14	2	27
Люксембург	12	55	21	7	10	7	24	7
Германия	13	29	2	14	14	28	12	13
Австрия	14	49	4	9	18	16	15	10
Эстония	15	31	18	13	17	5	21	18
Россия	54	19	60	83	57	55	65	93
Китай	35	7	20	108	12	33	37	65

Источник данных: [UNDP-MBRF, 2021].

разование» и «благоприятная среда» (включающая оценки уровня управления, социально-экономического развития, здравоохранения и состояния окружающей среды) — во втором случае. Однако рейтинг *GKI* отличает преобладание европейских стран и явная недооценка азиатских государств и участников БРИКС. Еще одним важным недостатком обоих индексов, на наш взгляд, является направленность подындексов, применяемых для оценки национальной экономики, в большей степени на возможности стимулирования, генерирования и использования знаний, а не на определение ее готовности к практическому применению знаний и связанных с ними технологий и инноваций. Кроме того, опять же нельзя не подчеркнуть субъективизм подхода к формированию соответствующих оценок и рейтингов.

Определенное представление о развитии экономики знаний призваны сформировать и отдельные индикаторы науки, рассчитываемые отечественными специалистами, и также позволяющие провести сравнительный анализ по странам, однако, также не лишённые доли субъективизма (см. рис. 1, 2; табл. 10). Так, по показателям результативности исследовательских разработок — на входе (по числу статей в научных изданиях, индексируемых в *Scopus*) и на выходе (по патентным заявкам) — в числе 15 стран-лидеров за 2020 г. оказываются Китай (1-е место), Индия, Япония, Республика Корея, Россия, Бразилия и Иран (см. табл. 10).

Пожалуй, наиболее объективными индикаторами экономики знаний являются показатели ее ресурсной обеспеченности: доли внутренних затрат на НИОКР в ВВП (научеёмкость экономики) и доли работающих в сфере НИОКР, а также ученых в численности занятых (научеёмкость труда). По первому из них в 2020 г. лидируют Израиль, Республика Корея и Тайвань. Китай попадает в топ-15, а вот Россия оказывается на далеком 36-м месте. Примерно аналогичные позиции (30-е и 34-е места) РФ заняла и по численности занятого исследованиями и разработками персонала и исследователей в 2020 г. По данным показателям на ведущих ролях закрепились (1) Тайвань, Израиль, Дания и (2) Республика Корея, Швеция, Финляндия, соответственно (см. рис. 1, 2).

Еще одна важная категория для анализа НТП, которой мы уже касались в своих рассуждениях, это «технология». Она представляет собой согласованное единство самой технологии как способа перехода из начального состояния в конечное и совокупности познанных методов и инструментов для достижения результата, реализующих данный переход техники и оборудования, организованного труда и квалифи-

Таблица 10
Ведущие страны по результативности исследований и разработок, 2020 г.

Данные по числу статей в научных изданиях, индексируемых в Scopus			Страна	Данные по патентным заявкам (по состоянию на 08.12.2021)		
Удельный вес в мировом числе статей, %	Число статей, ед.	Ранг		Ранг	Число патентных заявок на изобретения, ед.	Удельный вес в мировом числе патентных заявок, %
24,2	607 979	1	Китай	1	1 441 086	43,0
19,4	489 010	2	США	2	496 123	14,8
6,3	157 493	3	Великобритания	7	53 079	1,6
5,6	139 639	4	Индия	8	37 895	1,1
5,4	134 730	5	Германия	5	168 092	5,0
4,1	103 073	6	Япония	3	423 264	12,6
3,9	97 563	7	Италия	9	32 551	1,0
3,5	88 158	8	Франция	6	64 287	1,9
3,5	87 630	9	Испания	14	10 170	0,3
3,5	87 077	10	Канада	11	23 855	0,7
3,4	85 549	11	Австралия	12	11 907	0,4
3,2	79 582	12	Республика Корея	4	260 614	7,8
3,1	79 131	13	Россия	10	30 283	0,9
3,0	76 265	14	Бразилия	15	7271	0,2
2,5	62 019	15	Иран	13	11 550	0,3

Источник: [НИУ ВШЭ, 2022: 20].

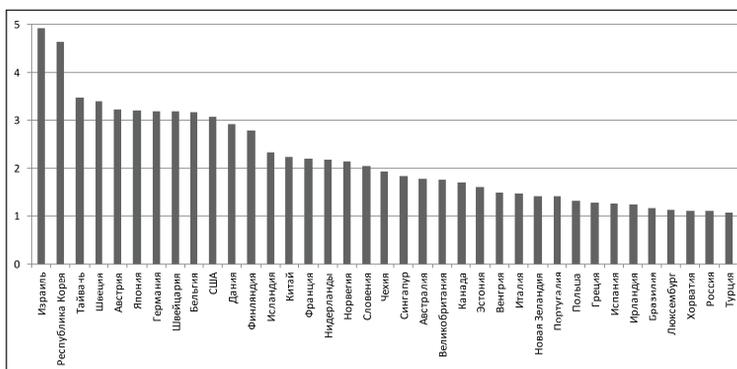

Рис. 1. Ведущие страны по внутренним затратам на исследования и разработки 2020 г., % к ВВП

Источник по рис. 1, 2: [НИУ ВШЭ, 2022: 345, 363–364]

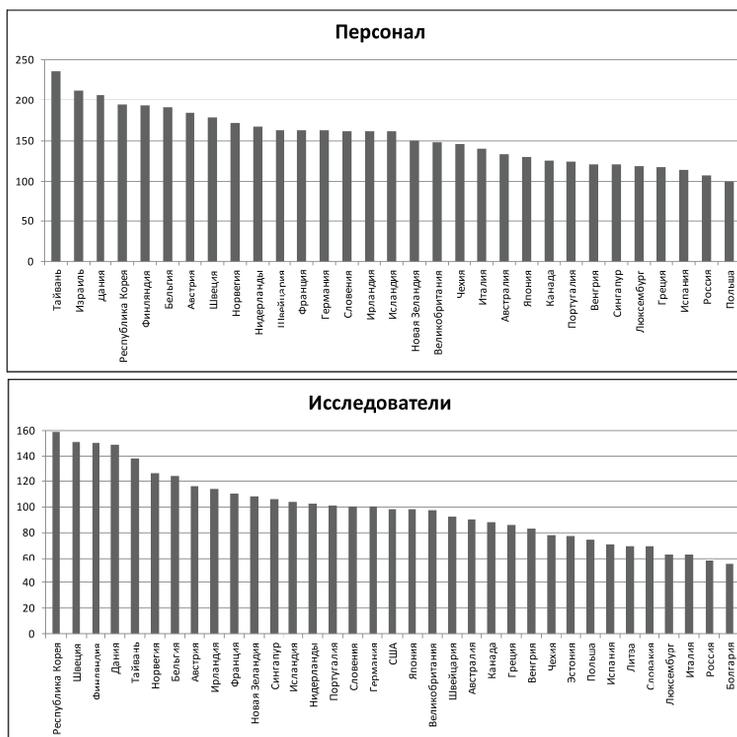

Рис. 2. Ведущие страны по численности занятого исследованиями и разработками персонала и исследователей 2020 г., в расчете на 10 тыс. занятых в экономике

Характеристика	Жизненный цикл	Поколение и его этапы	Взаимосвязь технологии и продукта	Иерархия	Завершенность
Содержание	Анализ технологии в динамике	Разделение по семействам с однородными функциями	Одна технология может дать разные продукты	Многоуровневая структура по близости к выпуску конечного продукта	По степени включенности в бизнес-процессы
Виды технологий	Технологии в соответствии с каждым этапом цикла (например, начальной стадии, расцвета, конечной стадии)	Технологии по этапам поколения (например, подъема, стабильности, завершения развития)	Технологии по видам продуктов (например, для начальных, базовых и завершающих продуктов)	Системные (метатехнологии), базовые (мезотехнологии), комплектующие (микротехнологии)	

Составлено на основе: [Ивантер, Буданов и другие (ред.), 2007: 330–341].

цированных исполнителей, а также системы управления и квалифицированных управленцев. Это воплощенное знание, подобно живому организму, зарождается и старится, преодолевая все фазы своего жизненного цикла (если, конечно, ее «жизнь» преждевременно не оборвется в так называемой долине смерти) по цепочке «идея → воплощение → обоснование → сопоставление → испытание → внедрение → адаптация → модификация → распространение → зрелость → насыщение → замещение» [приведено на основе: Ивантер, Буданов и другие (ред.), 2007: 335; Глазьев, 2019: 88–101; Бодрунов, 2018с: 108].

Технологии обладают несколькими важными характеристиками и подразделяются на различные виды по соответствующим классификационным признакам (табл. 11). На рис. 3 отражен рост уровня качества продукции Востока и Запада.

Некоторые базовые характеристики и соответствующая им классификация технологий

Компоненты	Технологические уклады	Сопряженность	Вход-выход	Конкурентоспособность	Стадия технологического цикла
По определению технологии	Совокупности взаимосвязанных технологических цепочек с ярко выраженным «ядром»	По наличию (отсутствию) потерь продукта при его передаче от предыдущей технологии к последующей	По производству и потреблению	Сравнение конкурентных преимуществ	По составным частям технологического цикла
Технология, техника и оборудование, организованный труд, система и механизмы управления	Технологии шести технологических укладов	Сопряженные и несопряженные технологии	Технологии производства и потребления	Технологии лидирующие, близкие к лидерам, аутсайдеры	Технологии ресурсодобывающих, перерабатывающих, обрабатывающих, производящих отраслей

Представленная выше классификация технологий формирует понимание их взаимосвязей, отраслевой принадлежности и существенных признаков.

НТП и связанные с ним категории нашли свое отражение в ряде теоретических разработок отечественных и зарубежных ученых, которые можно разделить на несколько этапов [Щербаков, 2019: 473]. На начальном этапе (1900–1930-е гг.) в работах М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева, П.А. Сорокина и Й. Шумпетера были заложены основы понимания роли НТП в развитии экономики. Особый интерес представляет концепция больших циклов («волн» продолжительностью около 48–55 лет с конца XVIII в.) экономической конъюнктуры Н.Д. Кондратьева, в которой центральная роль отведена научно-техническим инновациям. Движение «волн» Кондратьева связывалось

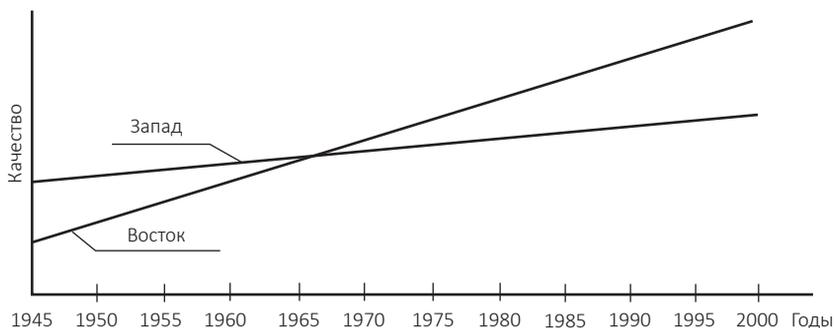

Рис. 3. Рост уровня качества продукции Востока и Запада
 Источник: [Конотопов, Сметанин, 2012: 471]

с техническими открытиями и кардинальными изменениями в социально-экономическом развитии [Конотопов, Сметанин, 2012: 474–475; Кондратьев, 1991]. Й. Шумпетер обратился к анализу связи циклов — кондратьевских «длинных», жюгляровских средних (примерно 9–11 лет) и китчиновских коротких (около 40 мес.), а также инновационной деятельности предпринимателей как основному фактору технологического обновления, конкурентных преимуществ и экономического развития. Кроме того, благодаря его идеям о неравномерности инновационной активности, в науке закрепляется новый термин — «волны инноваций» [в трактовке: Ивантер, Буданов и другие (ред.), 2007: 300; Бодрунов, 2021: 29].

Особенностями второго этапа (1940–1960-е гг.) стали углубление и детальная проработка идей в области инновационного развития и соответствующие прикладные исследования. Один из его наиболее ярких представителей — С. Кузнец, развивший гипотезу о неравномерности технико-экономического развития, проследивший связь между динамикой показателей производственного роста и жизненным циклом инновации, доминирующей в отрасли, и объяснявший развитие через «цепочку» революционных импульсов НТП, экзогенно запускающих циклы экономической активности [см. соответствующий обзор: Глазьев, 2019: 50–51].

1970-е гг. отмечены теоретическим прорывом в области исследований длинных волн Кондратьева, ассоциируемым с именами Г. Мен-

ша, открывшего длинные «волны» в динамике инновационной активности, А. Кляйнкнехта, составившего классификацию нововведений, Л. Сутэ, отмечавшего важность учета длинноволновых колебаний в научно-технической политике; К. Фримена и К. Перес, обобщивших эти исследования взаимосвязи длинных «волн» экономической конъюнктуры Кондратьева со структурой и динамикой НТП в концепции смены «техноэкономических парадигм». Большой вклад в понимание закономерностей долгосрочных технологических сдвигов внесла группа исследователей Международного института прикладного системного анализа — Ч. Маркетти, Н. Накиченович, А. Грублер, которые раскрыли связь длинных «волн» экономической конъюнктуры с долгосрочными сдвигами в структуре потребления первичных энергоносителей, со сменой технологий выплавки стали, формированием соответствующих каждой длинной «волне» технологических траекторий. Работавший вместе с этой группой Дж. Доси детально разработал понятие технологической траектории и ввел понятие интегрирующей их технологической парадигмы. Значительный вклад в теорию длинных циклов в развитии экономики внесли С.М. Меньшиков и Клименко, а также Д.С. Львов, Г.И. Микерин и Ю.В. Яковец, работы которых заложили основы теории НТП (мы не будем подробно останавливаться на анализе данного блока работ, обзор которого с соответствующими ссылками на упомянутые исследования довольно обстоятельно изложен в ряде работ одного из авторов: [см., например, Глазьев, 2019]).

В 1980-х гг. исследования длинных «волн» активно развернулись в ЦЭМИ АН СССР. С.Ю. Глазьевым было сделано научное открытие закономерности смены технологических укладов, каждый из которых составляет материально-технологическую основу соответствующей длинной «волны» Кондратьева, проведены измерения технико-экономических параметров, отражающих смену технологических укладов во второй половине XX в., выявлена технологическая многоукладность экономики СССР, ставшая причиной замедления ее роста [Глазьев, 1985; Глазьев 1990, 1993].

Современный, четвертый, этап развития теории НТП приходится на период развертывания структурного кризиса мировой экономики, который дал богатый эмпирический материал для исследования закономерностей долгосрочного технико-экономического развития. К Перес, начавшая свои исследования в период предыдущего структурного кризиса в 70—80-е гг. прошлого века, получила практическое под-

тверждение своих гипотез в ходе нынешнего мирового финансового кризиса. Она раскрыла причины периодического появления финансовых пузырей, опосредующих переток капитала из устаревших производств в новые в ходе смены технико-экономических парадигм в результате технологических революций. Она их определила как «мощный кластер новых и динамичных технологий, продуктов и отраслей», порождающий экономический подъем и оказывающий долгосрочный эффект на развитие, а также «совокупность крепко взаимосвязанных технических инноваций, обычно включающая важный низкочувствительный ресурс широкого применения». К. Перес выделила пять технологических революций (ассоциирующихся с событиями 1771, 1829, 1875, 1908, 1971 г.), связав их с «надуванием» и «схлопываем» пузырей и периодами процветания (*Golden Age*), и соответствующих им технико-экономических парадигм как «моделей наилучшей деловой практики», объединяющие «технологические и организационные принципы, которые отражают наиболее эффективный способ воплощения определенной технологической революции в жизнь» [сформулировано на основе: Павлов, 2013: 9–15; Перес, 2011]. Среди ключевых характеристик новой информационно-технологической парадигмы можно выделить восприятие информации как сырья, а знаний — как капитала; всеобъемлемость эффектов, производимых новыми технологиями; сетевую логику; растущую технологическую конвергенцию [приведены на основе: Конотопов, Сметанин, 2012: 538–544].

Следует также отметить работы М. Хирооки, в которых он ввел понятие «инфратраектории» и описал некоторые из них. Инфратраектории описывают длительные периоды эволюции инфраструктурных отраслей, которые охватывают жизненные циклы двух и более технологических укладов, обеспечивая преемственность между ними. На этом же этапе развития теории НТП авторы данной монографии выступают с развитием своих подходов. С.Ю. Глазьев дает прогноз происходящей в настоящее время смены технологических укладов и разрабатывает предложения по приоритетным направлениям НТП, формулирует стратегию опережающего развития России на длинной волне роста нового ТУ. В дополнение к теории смены технологических укладов он выдвигает научную гипотезу смены мирохозяйственных укладов, завершая разработку теории долгосрочного развития экономики [Глазьев, 2019]. С.Д. Бодрунов разрабатывает концепцию НИО.2 и выдвигает идеи о ноомике, формулирует закон о *PR*-взаимодействии и дает пример его

проявления во взаимопроникновении технологий. Он проводит исследование знаниеемкости экономики, описание «креста Бодрунова», выявляет особенности знаниеинтенсивного производства, дает характеристики ноопроизводства и другое) [подробнее см.: Бодрунов, 2018с].

Экономическая теория НТП, объективно отражающая реальные процессы развития экономики, продолжает успешно развиваться. На ее основе были заблаговременно даны прогнозы структурного кризиса мировой экономики, взлетов цен на нефть, изменений в структуре энергопотребления. Они оказались проигнорированы «мейнстримом» экономической мысли, догмы которого не позволили ни предвидеть, ни объяснить структурный кризис и турбулентность современной экономики. Страны, руководство которых отказалось этих догм и взяло на вооружение излагаемую здесь теорию НТП, совершили скачок в своем развитии. К сожалению, это не относится к России, денежные власти которой продолжают исповедовать догматику мейнстрима в самой вульгарной интерпретации Вашингтонского консенсуса.

1.4 Взаимовлияние НТП и процессов формирования общественных институтов

Взаимовлияние НТП и процессов формирования и развития общественных институтов описывается взаимодействием технологических и мирохозяйственных укладов. В этом взаимодействии проявляется диалектика раскрытой в историческом материализме закономерности сочетания производительных сил и производственных отношений в процессе социально-экономического развития.

Согласно хрестоматийному определению производительные силы представляют собой совокупность работников и материально-вещественных факторов, необходимых для преобразования природных веществ в изделия и продукты, а производственные отношения — это отношения, возникающие между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Причем между этими двумя категориями существует глубокая внутренняя связь: производительные силы (как отношения людей к природе) формируют содержание способа производства, а производственные отношения — его общественную форму [Цаголов, 1973].

Марксистский подход к периодизации истории базировался на представлении о взаимодействии производительных сил и производствен-

ных отношений как о диалектическом процессе единства и борьбы противоположностей. Согласно этому подходу устойчивое развитие экономики предполагает соответствие производственных отношений и производительных сил на конкретной ступени эволюции. В этом случае производственные отношения способствуют развитию производительных сил и стимулируют его. И наоборот, развитие производительных сил способствует укреплению производственных отношений. Однако со временем наступает момент, когда производительные силы перерастают сложившиеся производственные отношения. Последние становятся препятствием дальнейшему социально-экономическому развитию. Это приводит к возникновению конфликта производительных сил и производственных отношений, который проявляется в обострении классовой борьбы, что завершается социальной революцией, уничтожающей устаревшие производственных отношений и заменяющей их новыми, более передовыми, открывающими новые возможности для дальнейшего развития производительных сил. Например, социалистические революции ликвидируют устаревшие капиталистические производственные отношения и устанавливают вместо частной общественную собственность на средства производства, снимая противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения его результатов. Именно на основе этой логики выстраивается учение К. Маркса о периодической смене социально-экономических формаций, обусловленной объективной необходимостью приведения производственных отношений в соответствие с уровнем развития производительных сил. Это происходит, согласно данной теории, через периодически совершающиеся социальные революции, опосредующие смену социально-экономических формаций. Исключение представляет ожидавшийся в марксистско-ленинской доктрине бесконфликтным переход от социализма к коммунизму планомерным, а не революционным способом.

Согласно данной теории «совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще». Причем производительные силы выступают практической основой исторического процесса, связывая людей и целые поколения, поскольку

ку общество вынуждено приводить в действие производительные силы, полученные от предков. При этом учение Маркса не следует отождествлять с технологическим детерминизмом, поскольку уровень свободы и необходимости для человека определяется развитием и техники производства, и общества, обратный эффект от которого может привести к тому, что высокий уровень производительных сил может привести к снижению человеческой свободы¹.

Маркс не рассматривает НТП как самостоятельный фактор производства. В его теории он косвенно проявляется в поступательном повышении органического строения капитала, т.е. в увеличении объема овеществленного в машинах и оборудовании труда по отношению к живому труду в процессе создания стоимости. Из этой предпосылки выводилась закономерность долгосрочной тенденции снижения нормы прибыли капитала. Из этой закономерности, в свою очередь, следовало постепенное снижение стимула у капиталистов к инвестициям, следствием чего становилось замедление роста производства. В пределе тенденция к снижению нормы прибыли должна была привести к прекращению накопления и остановке экономического роста в рамках капиталистической формации. Этого, однако, не произошло. Тенденция снижения нормы прибыли была преодолена благодаря способности НТП преодолевать технологические ограничения. НТП также сопровождался поступательным увеличением инвестиций в человеческий капитал, которые с середины прошлого века в развитых капиталистических странах стали превышать объемы инвестиций в машины и оборудование, следствием чего оказались колебания в органическом строении капитала. Оно периодически падало под влиянием как повышения доли оплаты труда в распределении национального дохода, так и обесценения капитала в устаревающих под влиянием НТП производствах.

Справедливости ради стоит отметить, что во времена Маркса еще не были очевидны возможности НТП, так же как и значение человеческого капитала вне зависимости от роста фондовооруженности труда. То, что Маркс вслед за классической экономической школой воспринимал снижение нормы прибыли вследствие роста органического строения капитала как необратимую долгосрочную тенденцию, в дей-

¹ Приведено на основе: [Мареев, Мареева 2003: 531–536 (в том числе со ссылкой на К. Маркса и Ф. Энгельса)].

ствительности имело циклическую динамику. Эта тенденция периодически сменялась на повышательную вследствие появления и распространения радикальных нововведений, резко снижавших издержки производства и создававших принципиально новую потребительскую стоимость, благодаря чему новаторы получали сверхприбыль. Ее источником является присвоение неоплаченного труда наемных работников, а интеллектуальная рента образуется благодаря технологическому превосходству. Конечно, и в этом случае в рамках общих предпосылок учения Маркса об отчуждении наемных рабочих от собственности и продуктов их труда, лежащих в основе его теории прибавочной стоимости, интеллектуальную ренту можно трактовать как разновидность доходов от собственности в результате эксплуатации наемного труда. Однако и при такой трактовке тенденция снижения нормы прибыли оказывается не постоянной, так же как и лежащая в его основе гипотеза о повышении органического строения капитала [Глазьев, 2019: 75; Глазьев, 2017: 187–191, 203, 216].

Продолжая исследования диалектики взаимоотношения производительных сил и производственных отношений в их реальной сложности, нелинейности, неравновесности и неопределенности, один из авторов данной работы [Глазьев, 1990, 1993, 2017: 191] ввел понятия технологических и мирохозяйственных укладов как воспроизводящихся технологических и институциональных целостностей, определяющих состояние, соответственно, производительных сил и производственных отношений. К. Маркс объяснял техническое развитие через призму повышения органического строения капитала, из которого выводил упомянутую тенденцию к снижению нормы прибыли. Эта тенденция, действительно, имеет место — только в рамках **жизненного цикла одного ТУ** в результате постепенного исчерпания возможностей совершенствования производств, составляющих его. Она является отражением известной в теории НТП ограниченности жизненного цикла любой технологии, описываемого с помощью логистической кривой. В силу технологической сопряженности составляющих ТУ производств их развитие синхронизируется, а жизненный цикл ТУ также приобретает форму логистической кривой.

С одной стороны, технологическая связанность производств в технологические уклады предопределяет синхронность их динамики и значительную инерцию совместного развития вплоть до одновременного достижения пределов роста. На основании изучения длинных

циклов макроэкономических показателей, включая норму прибыли, автором была разработана теория смены технологических укладов, описывающая закономерности неравномерного и неравновесного развития производительных сил. С другой стороны, производственные отношения, раз возникнув, не остаются неизменными и могут существенно меняться в рамках социально-экономических формаций. В рамках капиталистической формации эпоха первоначального накопления капитала со сверхэксплуатацией наемного труда, ограблением аристократии и торговлей людьми сменилась эпохой социальных государств всеобщего благосостояния, с устойчивым ростом доли зарплаты в структуре распределения национального дохода и доли его перераспределения на общественные нужды посредством налогово-бюджетной системы. Инерция экономических интересов властвующей элиты, действительно, приводит к исчерпанию возможностей экономического роста в рамках определенной системы управления воспроизводством экономики, следствием чего становятся социальные революции и мировые войны, в результате которых мировая экономика переходит к качественно иным, более эффективным системам организации производства и хозяйственных связей. Для их описания автором было введено понятие мирохозяйственного уклада и выдвинута научная гипотеза об их периодической смене [Глазьев, 2016а; Глазьев, 2021а]. Таким образом, процесс долгосрочного экономического развития, главным фактором которого является НТП, раскрывается в диалектике взаимодействия закономерностей развития производительных сил как процесса последовательной смены технологических укладов (ТУ) и производственных отношений как системы институтов, кардинально изменяющейся в ходе смены мирохозяйственных укладов (МХУ) за период с первой промышленной революции. Этот подход позволяет дать современную трактовку открытой Марксом диалектики взаимодействия производительных сил и производственных отношений (табл. 12).

Далее приведем основные авторские категории и их определения [на основе: Глазьев, 2011: 328–336; Глазьев, 2017: 203, 205; Глазьев, 2016: 61; Глазьев, 2019].

Технологические уклады представляют собой самовоспроизводящиеся целостности, которые образованы группами технологических совокупностей, связанными однотипными технологическими цепями, в результате чего техническое развитие экономики может происходить исключительно посредством последовательной смены ТУ. Каждый

Таблица 12

**Парадигмы периодизации истории социально-экономического развития
и диалектика взаимодействия ее основных движущих сил**

Авторство	по Марксу	по Глазьеву
Концепции	Материалистическое понимание истории, теория базиса и надстройки	Концепция смены технологических и мирохозяйственных укладов
Трактовка истории	Последовательная смена социально-экономических формаций	Описание жизненных циклов технологических и мирохозяйственных укладов
НТП	Сведение НТП к повышению фондовооруженности труда, игнорирование его способности преодолеть ресурсную ограниченность	Раскрытие закономерностей НТП как главного фактора развития экономики
Норма прибыли	Гипотеза о долгосрочной тенденции к снижению нормы прибыли	Цикличность колебаний нормы прибыли в процессе развития и смены технологических укладов
Экономический способ производства	Диалектическое единство производительных сил и производственных отношений	
Базовые категории:	Основные определения	
Производительные силы	Субъективные и материально-вещественные факторы (работники, предметы и орудия труда, наука), наиболее чувствительная и подвижная сторона и содержание способа производства	Развитие производительных сил как процесс последовательной смены технологических укладов
Производственные отношения	Экономическая (отношения в обществе в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ) и техническая (технология производства и организация труда) составляющие	Система институтов, меняющаяся со сменой мирохозяйственных укладов
Изменения производительных сил и производственных отношений	Производительные силы меняются непрерывно, производственные отношения — дискретно	
Характер взаимодействия базовых категорий	Глубокая внутренняя связь, взаимовлияние	

Авторство	по Марксу	по Глазьеву
Толчок к развитию	Диалектическое противоречие и конфликт между динамичными производительными силами и сдерживающими их развитие производственными отношениями → обострение классовой борьбы	НТП, генерирующий как смену ТУ посредством технологических революций, так и смену МХУ посредством социально-политических революций и мировых войн
Закономерности развития	Закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил	Жизненные циклы ТУ и МХУ, определяющие ритм экономического развития индустриального общества

Составлено на основе: [Глазьев, 2019: 74–75; Глазьев, 2017: 187–232].

технологический уклад — это целостное устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный замкнутый макропроизводственный цикл, включая добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих потребности соответствующего типа общественного потребления. В динамике ТУ — это воспроизводственный контур, содержащий совокупность базовых технологий нового технологического уклада, развивающихся и воспроизводящихся синхронно. В статистке ТУ рассматривается как хозяйственный уровень или совокупность подразделений, близких по качественным характеристикам технологий, ресурсов и выпускаемой продукции. ТУ характеризуется единым техническим уровнем составляющих его производств, которые связаны вертикальными и горизонтальными потоками качественно однородных ресурсов, опираются на общие ресурсы квалифицированной рабочей силы, общий потенциал НТП и т.п.

Каждый ТУ обладает сложной внутренней структурой, включающей следующие различные по своему функциональному значению элементы:

- 1) комплекс базисных совокупностей технологически сопряженных производств;
- 2) образованное им «ядро» ТУ;
- 3) ключевой фактор или технологические нововведения, обуславливающие формирование «ядра» ТУ и совершенствующие технологическую структуру экономики;

- 4) несущие отрасли — интенсивно использующие ключевой фактор и играющие ведущую роль в распространении нового ТУ отрасли;
- 5) технологические цепи, охватывающие технологические совокупности всех уровней переработки ресурсов и замыкающиеся на соответствующий тип непроемкого потребления;
- 6) совокупности технологически сопряженных производств (технологические совокупности);
- 7) технологические траектории.

Долгосрочное технико-экономическое развитие осуществляется посредством становления технологических цепей, объединяющих новые технологические совокупности в технологические уклады. **Технологическая революция** опосредует смену технологических укладов¹ путем распространения кластера базисных нововведений, формирующих новые технологические совокупности, замещающие устаревшие производства.

Жизненный цикл ТУ проявляется на поверхности экономических явлений в форме длинной «волны» Кондратьева (рис. 4) и формирует содержание определенного этапа технико-экономического развития. Фазы жизненного цикла ТУ соответствуют фазам длинной «волны» экономической конъюнктуры Кондратьева: фаза депрессии — этапу «зарождения» ТУ, фаза оживления — этапу становления ТУ, фаза «волнового» подъема — этапу роста ТУ, фаза рецессии — этапу зрелости ТУ (когда происходит исчерпание ресурсов для экономического роста, возможности для поддержания и продолжения которого формируются уже с переходом к новому ТУ).

Формирование воспроизводственного контура нового ТУ состоит из двух ступеней. На первой ступени образуются его ключевой фактор и «ядро» в условиях доминирования предыдущего ТУ, накладывающего на становление нового ТУ некоторые вызванные собственными потребностями воспроизводства ограничения. С исчерпанием внутренних «сил» старого ТУ и соответствующим ослаблением этих ограничений создаются условия для технологической революции и широкого распространения базисных нововведений нового ТУ. Он выходит на фазу

¹ См. подробнее: Научное открытие С.Ю. Глазьева «Закономерность смены технологических укладов в процессе развития мировой и национальных экономик» (свидетельство о регистрации № 65-5 выдано Международной академией авторов научных открытий и изобретений под научно-методическим руководством Российской академии естественных наук).

быстрого роста, который обеспечивается благоприятной для него перестройкой системы экономических оценок и сопровождается модернизацией экономики на его основе.

Рис. 4 иллюстрирует жизненный цикл ТУ технологического уклада, в котором совмещается проходящий фазу родов новый ТУ и достигший пределов роста уходящий ТУ с соответствующими фазами длинных «волн» Кондратьева. Жизненный цикл ТУ описывается двумя последовательными логистическими кривыми: первая из них отражает эм-

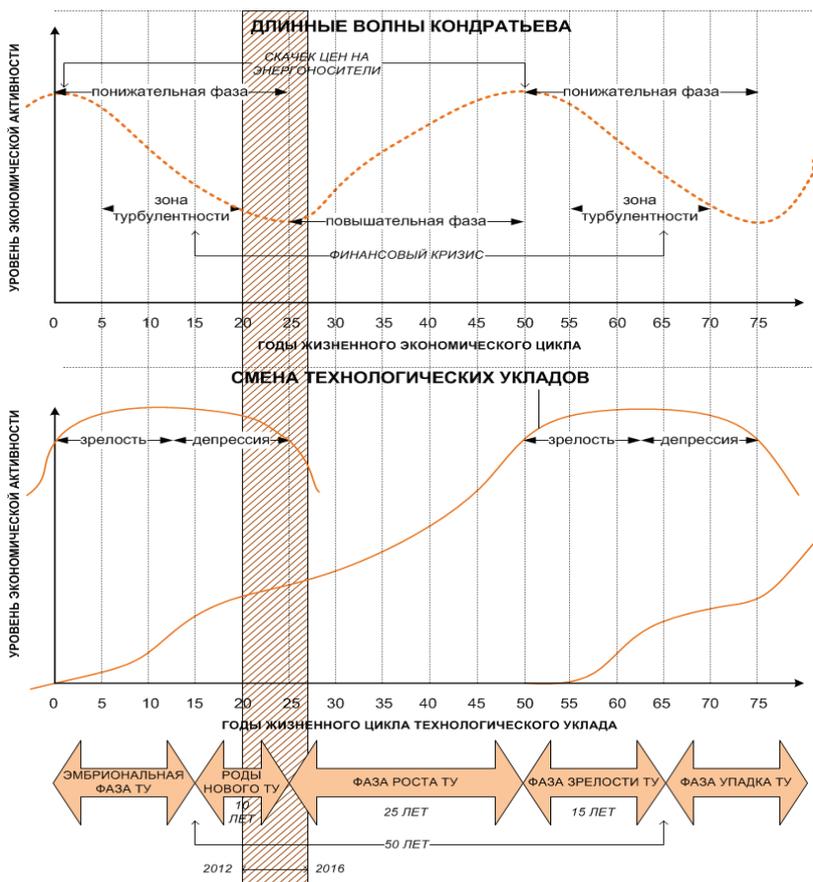

Рис. 4. Жизненный цикл ТУ

Источник: [Глазьев, 2018: 47]

бриональную фазу его развития (в условиях доминирования предшествующего ТУ, достижение которым пределов роста влечет переход экономики на понижающую фазу длинной «волны» и депрессию), вторая (более масштабная) — подъем экономики на новой технологической основе и новый подъем инвестиционной и инновационной активности, стартующие с переходом нового ТУ в фазу роста.

Связь предыдущего и последующего ТУ обусловлена следующими взаимодействиями:

1) заключительная фаза старого ТУ совпадает с фазой зарождения следующего ТУ, развитие которого может задерживаться неблагоприятной технологической и социально-экономической средой;

2) развитие нового ТУ опирается на материальные условия и производственный потенциал, созданные в ходе предыдущего этапа технико-экономического развития;

3) существует противоречие между одновременно существующими старым и нарождающимся новым технологическими укладами — между ними обязательно происходит конкуренция за ограниченные ресурсы;

4) целостный воспроизводственный контур нового ТУ формируется не сразу, поскольку технологические совокупности некоторое время не образуют самовоспроизводящейся целостности и остаются временно сопряженными с технологическими совокупностями старого ТУ;

5) отсутствие на начальном этапе нового ТУ некоторых элементов его воспроизводственного контура компенсируется перетоком к нему «жизненных соков» (в виде потоков ресурсов) от предыдущего ТУ;

6) изменение соотношения цен стимулирует рост эффективности технологий нового ТУ, а при вытеснении старого ТУ — рост эффективности общественного производства в целом;

7) только с достижением пределов роста старого ТУ начнется массовое перераспределение ресурсов в технологические цепи нового ТУ;

8) зарождение нового ТУ происходит в условиях ориентации общества на сложившийся тип потребления, когда ограниченность последнего уже осознается, но новые потребности еще не актуализировались. Таким образом, происходит постепенное формирование нового типа непродуцированного потребления, связанного с потребностями и требованиями нового ТУ;

9) рост нового ТУ сопровождается соответствующими изменениями в структуре потребления первичных энергоносителей — каждому технологическому укладу соответствует свой базовый энергоноситель,

на использование которого ориентируются его базовые технологические совокупности [Глазьев, 2021а: 33–34].

Мирохозяйственный уклад (МХУ) представляет собой систему взаимосвязанных институтов, которая обеспечивает расширенное воспроизводство капитала и обуславливает характер и механизм глобальных экономических отношений. Жизненные циклы МХУ проявляются в соответствующих вековых **системных циклах накопления капитала**.

В исследовании Дж. Арриги предлагается выделение этапов развития капитализма на основе последовательности вековых системных циклов накопления капитала [Arrighi, 1994]. По названию стран-лидеров, выстраивавших свой образец организации воспроизводства капитала, в том числе на интересующем нас временном интервале, он выделяет Голландский, Английский и Американский циклы, каждый из которых занимал порядка 100 лет. Данное исследование не раскрывает механизмы расширенного воспроизводства капитала в каждом системном вековом цикле его накопления, а содержит только анализ факторов и обстоятельств развертывания и смены выделенных циклов накопления капитала, сопровождавшейся мировыми войнами и сменой стран-лидеров. Арриги открыл закономерность периодической смены мировых лидеров, сопровождающейся мировыми войнами, и установил его общие фазы, а также особенности каждого цикла. На этой основе он сделал прогноз перехода от Американского к Азиатскому вековому циклу накопления капитала и перемещению центра мирового экономического развития смещается в Азию.

Позже теория Арриги была развита одним из авторов настоящей книги в сотрудничестве с А.Э. Айвазовым, в результате которого была предложена периодическая схема мирового экономического развития [см. ее дополненные и наиболее актуальные версии в работах Glazyev, Ajvazov, Belikov, 2018; Глазьев, 2021а], которая будет подробно проанализирована далее.

Исходя из приведенных выше концептуальных основ и ключевых определений, можно сделать следующие важные выводы о взаимовлиянии НТП и процессов формирования и развития общественных институтов [приводятся на основе: Глазьев, 2011: 335, 462–467; Глазьев, 2017: 201, 208–209; Глазьев, 2021а: 94–101].

Во-первых, понимая закономерность смены ТУ, в практике хозяйственного управления можно заблаговременно готовить соответству-

ющие периодически происходящие изменения в социальных и институциональных системах, которые помогают обществу и организациям (всем субъектам хозяйственной деятельности) адаптироваться к новым условиям и выйти на новый уровень развития, тем самым снимая социальную напряженность, способствуют массовому внедрению прогрессивных технологий нового ТУ, соответствующего ему типа потребления и образа жизни. Основным препятствием на пути роста нового ТУ является неадекватность существующей институциональной структуры требованиям и возможностям его развития. Дело в том, что имеющиеся институты «заточены» под воспроизводство старого ТУ. Именно поэтому социально-экономическая политика государств в этот непростой переходный период должна быть комплексной и системной, включать денежно-кредитную, инвестиционную, промышленную, внешнеторговую, научно-техническую, образовательную и т.п. компоненты для скорейшей прогрессивной институциональной трансформации, которая в свою очередь раскроет новые горизонты для НТП. После этого начинается фаза быстрого расширения сформировавшегося ТУ, превращающегося в основу ускоряющегося экономического роста и закрепляющегося на доминирующих позициях в структуре экономики. В фазе роста нового уклада большинство технологических цепей предшествующего перестраиваются в соответствии с его потребностями. В это же время зарождается следующий, новейший ТУ, пребывающий в эмбриональной фазе до достижения пределов роста доминирующего ТУ, что свидетельствует о начале очередной технологической революции.

Во-вторых, используемое понятие «уклад» позволяет отразить воспроизводящуюся целостность взаимосвязанных элементов: соединенных технологической кооперацией производств (ТУ) и объединенных институтами хозяйственных образований (МХУ). Связанность элементов предопределяет синхронизацию их жизненных циклов и спиралевидную цикличность социально-экономического развития, в ходе которого периодически возникает одновременная смена множества элементов, приобретающая скачкообразный характер технологических (при смене ТУ) и политических (при смене МХУ) революций. Технологические революции отражают качественные изменения в составе производительных сил, а политические — в содержании производственных отношений. Эти качественные изменения не обязательно должны совпадать, хотя их взаимовлияние и принцип соответствия пред-

ставляются очевидными. Отметим, что инерционность производственных отношений существенно выше, чем у производительных сил, поэтому жизненный цикл МХУ вдвое длиннее технологического. Согласно гипотезе Айвазова, один жизненный цикл МХУ вмещает два ТУ (см. табл. 12). Один из них приходится на фазу производственной экспансии МХУ, другой — на фазу финансовой экспансии его жизненного цикла. Возможно, такая синхронизация обусловлена эволюцией поведенческих стереотипов и мотиваций сменяющих друг друга поколений властвующей элиты. По завершении фазы становления нового МХУ, проявляющейся в материальной экспансии прогрессивных способов организации производства лидирующей страны, новое поколение ее властвующей элиты больше полагается на инвестиции накопленных капиталов в освоение глобальной периферии, чем на развитие производства, а в заключительной фазе финансовой экспансии паразитирует на эмиссии мировой валюты и неэквивалентном внешнеэкономическом обмене. Тем временем на «периферии» мировой экономической системы зарождается «ядро» нового МХУ, начинается процесс его материальной экспансии, который властвующая элита ранее лидировавшей страны пытается остановить посредством мировой войны. Происходящее раз в столетие совпадение фаз смены ТУ и МХУ создает опасный резонанс, разрушающий всю систему мировых экономических и политических отношений.

В-третьих, развитие передовых технологий, составляющих «ядро» нового ТУ, открывает широкие возможности для совершенствования систем управления экономикой и обществом. С одной стороны, использование этих технологий для формирования институтов нового МХУ способствует достижению качественного «рывка» в эволюции человечества. Отслеживая всю историю технологических революций, можно заметить, как человек постепенно избавляется от необходимости тяжелого, монотонного и привязанного к конкретному месту труда. У него высвобождается все больше времени для творческой активности. Именно об это мечтали классики марксизма, рассуждая о переходе человека из условий необходимости и вынужденности в царство свободы. С другой стороны, возникают новые технологические возможности манипулирования обществом и эксплуатации людей. Как выявил в своем фундаментальном труде Пикетти [Пикетти, 2015], уровень социального неравенства в обществе с развитием его производственно-технологической базы и совершенствованием систем управ-

ления не снижается. Вместе с тем, как отмечал Маркс, человек — это не только продукт общественных отношений (благодаря социализации и через нее формированию личности, превращению его из биосущества в существо социальное), но и их творец, а общество — это продукт сотворчества людей-творцов [из речи С.Д. Бодрунова, см.: Бодрунов (ред.), 2021: 193]. Именно поэтому прогресс НТП и развитие общественных институтов имеет необратимый характер.

1.5 Проблемы управления социально-экономическим развитием

Социально-экономическое развитие — это постоянно усложняющийся процесс, имеющий широкий охват различных сфер общественной жизни. Чтобы управлять этим процессом, нужно знать его закономерности обладать достаточно высокой избирательной способностью системы управления. Не меньшей, чем нарастающая сложность объектов управления. Несмотря на то что мы уже формулировали и анализировали некоторые фундаментальные закономерности социально-экономического развития, все же стоит подчеркнуть, что эти закономерности еще не в полной мере изучены и в силу динамичности этого процесса не могут быть вечными. Вышеописанные механизмы взаимодействия технологических сдвигов и институциональных изменений в ходе развития и смены ТУ и МХУ возникли и воспроизводились в рамках индустриального общества и капиталистической формации, включая, соответственно, длинные «волны» Кондратьева и вековые системные циклы накопления капитала Арриги. С переходом к экономике знаний и сокращением научно-производственных циклов, а также продолжающейся, несмотря на крах СССР, социализации экономики возникает некоторое сомнение в сохранении длинных «волн» в будущем. В силу развития технологического прогнозирования и цифровизации снижается инерционность производственно-технических систем, а подчинение процессов воспроизводства капитала общественным интересам ставит под государственно-социальный контроль крупных собственников, что способствует снижению инерционности как производительных сил, так и производственных отношений, что влечет размывание длинных циклов. Повышение эффективности системы управления развитием экономики ослабляет механизмы циклического развития [Глазьев, 2011: 336].

Изучение проблем управления социально-экономическим развитием, на наш взгляд, может быть сведено к комплексному анализу трех

ключевых вопросов (по аналогии с вопросами производства товаров и услуг): как управлять, кем управлять и для чего управлять?

Как управлять социально-экономическим развитием?

К детальной проработке вопроса об управлении экономическим развитием на макроуровне один из авторов [Глазьев, 2019] уже подходил довольно основательно, исследуя сферы и возможности: управления научно-технической политикой; моделирования и прогнозирования НТП; адаптации регулирования экономики к смене технологических укладов; создания макроэкономических условий для опережающего технического развития экономики, совершенствования в этих целях бюджетно-налоговой системы и денежно-кредитной политики, регулирования внешнеэкономической деятельности; выстраивания системы стратегического управления. Несмотря на широкий спектр изученных тем и изложенных рекомендаций, мы пришли к выводу о том, что теорию современного управления экономикой еще только предстоит создать, а в дальнейшем реализовать на практике [Глазьев, 2019: 73–87, 375–714, 734].

Еще сложнее обстоит дело с теорией управления обществом. Существуют различные теории и концепции управления организациями (табл. 13).

Таблица 13

Развитие концепций управления организациями как бизнесом во времени

Годы	Название концепции/теории
1900-е гг.	Концепция научного управления
1920-е гг.	Концепция административного управления
1930-е гг.	Концепция управления с позиции психологии и человеческих отношений
1950-е гг.	Концепция системного подхода
1960-е гг.	Концепция поведенческого подхода
1970-е гг.	Концепция ситуационного подхода
1980-е гг.	Концепция культуры управления
1990-е гг.	Концепция инновационного подхода
2000-е гг.	Концепция управления по целям
2010-е гг.	Концепция информационного подхода
2020-е гг.	Интеллектуальная теория фирмы

Составлено на основе рисунка и дополнено: [Конотопов, Сметанин, 2012: 480; Клейнер, 2021].

Кроме того, динамично развиваются концепции и модели манипулирования человеком и обществом. Первые примеры применения манипулятивных технологий на практике можно найти еще в истории Древних Греции и Китая, а рассуждения об искусстве манипулирования в политических целях, методологии захвата власти и методах управления — в средневековых произведениях, включая знаменитый трактат Н. Макиавелли «Государь». С давних времен по настоящее время анализируются проблемы политического манипулирования, разрабатываются механизмы управления общественным (массовым) сознанием и поведением, обозначаются этапы манипулятивного процесса, формируются манипулятивные техники и средства, создаются технологии манипулирования (в их числе технологии пропаганды), под влиянием манипулятивных подходов меняется роль массовых коммуникативных процессов и вводятся новые термины (например, термин «симулякр») и т.п. [приводится на основе: Ланге, 2015; Казаков, 2019].

Что касается теорий и концепций развития человека и социума, то здесь обычно выделяются теория человеческого капитала, концепция перераспределения, концепция базовых нужд (использовалась МОН), концепция качества жизни, концепция человеческого развития и т.п. В основном эти концепции либо имеют слишком узкую направленность (например, ориентация на так называемые базовые потребности), либо явно недооценивают роль человека в развитии (так, в теории человеческого капитала люди рассматриваются всего лишь как средство для роста производства [см.: Лазаревич, 2021]). Подобные концепции не только не помогают создать теорию социального управления, но и еще более затрудняют этот процесс, поскольку мы опять сталкиваемся с искажением действительности, которое выявили и проанализировали ранее.

В качестве некоторой опоры для создания теории управления социально-экономическим развитием могут выступить идеи Д.С. Львова и А.Г. Поршнева, сформулированные в одной из работ применительно к российской практике [Львов, Поршнева (ред.), 2002]. Однако для этого необходимо учитывать современные технологические и связанные с ними социальные изменения.

Таким образом, вопрос о том, как управлять социально-экономическим развитием, пока остается без обстоятельного ответа.

Кем управлять?

Вопросы управления обществом представляются нам одними из самых важных и в равной степени самых сложных. Прежде всего, изучение общества на основе выделения тех или иных социальных групп по различным признакам (без которого не обойтись в научной работе) практически всегда чревато для исследователя жесткой критикой, неоправданными обидами и нередко даже конфликтами. Так, антропологические работы основоположника классической немецкой философии И. Канта до сих пор вызывают бурные дискуссии о «дискриминирующем изображении неевропейских рас» и даже обвинения в расистских высказываниях, замеченных в содержании его лекций и трудов. Это продолжается, несмотря на то, что Кант был не знаком с понятием «расизм» (которого тогда еще не существовало), в ряде политических трудов выступил с решительной критикой рабства и европейской колониальной политики, а также, по мнению некоторых критиков, позднее существенно пересмотрел свои позиции в отношении классификации рас и отошел от нее как от несовместимой с идеями космополитизма. Более того, подобные негативные оценки проскальзывают и по поводу трудов других европейских философов, которые отваживались на изучение общества и различных народов: например, Вольтера, Руссо, Гегеля и т.п. [Жаворонков, 2021].

Поскольку в нашей работе мы будем обращаться к теориям и концепциям, основывающимся на разделении социума на группы и их анализе, и заранее предвидя подобную критику, сразу оговоримся, что делаем это исключительно в исследовательских целях и во всех своих работах неизменно исходим из принципа, что каждый человек, созданный «по образу и подобию Божьему», входит в общество равных и одинаково заслуживает уважения и счастья — как в общем, так и в индивидуальном понимании значения этих слов.

Прежде всего, обратимся к необходимости понимания того, **как устроено и «населено» общество**. Исходя из палеопсихологической теории антропогенеза отечественного историка, психолога и антрополога Б.Ф. Поршнева¹ и идей Б.А. Диденко, на основании существующей видовой неоднородности человека условно выделяются сформиро-

¹ В число основных работ автора входят, например: Поршнев Б.Ф. Борьба за троглодитов // Простор. 1968. № 4-7; Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. М.: Трикта: Академический Проект, 2013. 542 с.; Поршнев Б.Ф. Загадка Снежного человека: современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. М.: Эксмо; Алгоритм, 2012. 559 с.

вавшиеся в процессе антропогенеза и становления современного общества четыре разновидности *homo sapiens* (в том числе с учетом возникновения новых потребностей и способов их удовлетворения), а именно [анализ проводится на основе: Морогин, Мазилов, 2018; Комогорцев, 2022]:

I. «хищные» разновидности, которые не смогли преодолеть и искоренить в себе такое тяжелое и пагубное «наследие палеоантропов», как агрессия, проявляющаяся в современном социуме в скрытых и открытых формах манипулирования, эксплуатации, политического и психологического давления, экономического принуждения вплоть до крайних форм (торговля людьми, систематическое насилие, массовые убийства в результате войн, революций, репрессий и т.п.):

1. неотроглодиты (суперанималы) с наибольшим проявлением агрессии;

2. суггесторы как промежуточный (имитирующий поведение суперанималов) вид с внутренней подсознательной мотивацией палеоантропа и интеллектом *homo sapiens*, посредники между первым и третьим видами.

II. «нехищные» виды:

1. диффузные, стадные суггеренды — это податливый для влияния и внушаемости вид людей, к которому отнесена большая часть общества;

2. неоантропы — вид, выделившийся из диффузного «стада» и отличающийся человечностью и способностью к критическому анализу себя и других (к знанию и познанию).

Почему в данной работе мы обратились именно к такому разделению общества?

Во-первых, рассматривая его как динамично развивающийся объект, нам необходимо было для анализа выделить внутри него устойчивые группы, которые при своем количественном изменении (расширении или сужении) сохранялись бы в течение длительного периода времени общественного развития. В данном случае это требование выполняется. Во-вторых, в работах одного из авторов [см., например: Бодрунов, 2018g] исследуется проблематика перехода от «зоо» («био»)-акцента к преобладанию «ноо» в человеке и обществе. Обращение к подобной классификации общественных групп позволит углубить это исследование и в дальнейшем показать, как происходят кардинальные изменения в структуре распределения человечества по выделенным разновидностям с расширением ценностной базы, эволюцией знания

и процессов осознания, сменой вектора социально-экономического развития и т.п. Кроме того, обнаруженная ранее [Глазьев, 2021а: 48] в характере властвующих элит агрессивность, проявляющаяся в связи со стремлением сохранить доминирующие позиции на национальном, региональном и (или) международном уровнях, также может быть объяснена посредством приведенной выше классификации. Наконец, указанное разделение на группы служит доказательством обоснованности применения для анализа общественного устройства научных терминов с биологической характеристикой (например, в части изучения диффузного «стадного» рода). В данном случае акцентируется внимание исследователя на преобладании «зоо»-импульсов у представителей этой группы при принятии решений, например, в процессе формирования потребностей и поиска способов их удовлетворения.

Генеральным трендом социально-экономического развития является увеличение доли неоантропов по мере повышения значения НТП. Эта разновидность людей преобладает в научном и образовательном сообществе, в среде инженеров, работников здравоохранения — во всех наукоемких и высокотехнологических видах деятельности. С увеличением доли занятых в этих сферах автоматически растет и доля неоантропов в обществе. Также она должна расти с повышением уровня образования. Параллельно должна снижаться доля неотроглодитов вследствие их гибели в военных и прочих социальных конфликтах, в которых они выступают на первых ролях и изоляции от общества в мирное время из-за склонности к преступлениям. К сожалению, измерений распределения социума по этим разновидностям не проводилось, да и сам этот подход остается во многом табуированным. Возможно, потому, что проливает свет на генетические основы внутривидовой конкуренции и формирования властвующей элиты. Последняя для удержания господствующего положения в обществе широко использует различные способы его контроля, которому сопротивляются неоантропы, стремящиеся к меритократии.

Если властвующая элита состоит из «хищных» разновидностей и нацелена на манипулирование и эксплуатацию общества, то она инстинктивно будет стремиться к сокращению доли неоантропов в социуме. В настоящее время этот процесс наблюдается по ряду признаков в связи с социальным регрессом. Некоторые эксперты с помощью данной теории «вполне рационально объясняют все основные требования и установки современного радикального экологизма (энвайронмента-

лизма), связанные с сокращением численности *Homo sapiens*, отказом от преобразовательной активности под предлогом возвращения природы к ее «первозданному облику», фактическим сворачиваниям научно-технического прогресса», а также «стремление эволюционных конкурентов *Homo sapiens* погасить в человеке сознание своей исторической миссии, тем самым остановив его духовное прирастание и восхождение» [Комогорцев, 2022].

Процессы сокращения «неоантропов» можно отследить на российском примере. Так, ориентируясь на используемую нами важную категорию «знания», отметим, что с 2009 г. наблюдается резкое сокращение количества вузов и численности работников вузов Минобрнауки России (последнее оценивается в 30,6% за период 2011 — конец 2010-х гг.). Кроме того, согласно экспертным оценкам, имеется устойчивая тенденция к сокращению численности студентов вузов Минобрнауки России (почти в 2 раза за 2010 — конец 2020-х гг.) и аспирантов (примерно на 45% за аналогичный период времени), количества диссертационных советов и защищенных кандидатских диссертаций (почти в 2 и 3 раза с 2011 по конец 2010-х гг., соответственно) [приведено на основе данных исследования: Ридигер, 2021]. Наша страна является единственной из двадцатки ведущих стран мира, где длительно время сокращается численность ученых и инженеров. При этом со снижением уровня образованности общества и наукоемкости экономики растет доля диффузного человеческого «стада», легко поддающегося манипуляциям в силу отсутствия собственных научно обоснованных представлений о должном и сущем.

Заметим, что выделение группы неоантропов по категории «знание» довольно условно. Конечно, человечность и высокодуховное развитие присущи людям с разным уровнем образования. Более того, нередко люди, менее искушенные в знаниях, в большей степени руководствовались моральными принципами (например, религиозными) в своих действиях, нежели люди с высшим образованием, часть которых сталкивается с постановкой некоторых из этих принципов под сомнение и начинает полагаться исключительно на чистый разум. Этот результат наблюдения за обществом отметил еще Л.Н. Толстой, описывая душевное состояние Левина в период его религиозных сомнений в романе «Анна Каренина».

При сокращении доли неоантропов, управлять или руководить осознанным действием общества становится практически невозмож-

но, потому что как раз осознанность действия в таком случае «растворяется» и заменяется бессознательным «стадным» эффектом (в ситуации с третьим видом) и (или) бесконтрольными инстинктами (применительно к 1–2 видам). В подобных условиях искажается смысл термина «управление» или вовсе подменяется понятием «манипулирование», что объясняется повышенным спросом на соответствующие теории. Ярким примером такого процесса является гуманитарная катастрофа на Украине, где после прихода к власти нацистов произошла резкая деградация системы образования, переориентированной с обучения знаниям на пропаганду русофобии и национальной исключительности украинцев. Не поддающиеся этому давлению, неоантропы покинули страну, большинство населения которой посредством хорошо известных методов манипулирования общественным сознанием было искусно переведено в агрессивное русофобское состояние. Аналогичным образом за такой же 8-летний период в прошлом столетии был выращен германский нацизм. А совсем недавно возрождено средневековое по своему менталитету исламское псевдогосударство ИГИЛ. Итог всех этих социальных манипуляций один: сокращение доли неоантропов позволяет «хищным» разновидностям превратить диффузную часть общества в пушечное мясо для реализации своих агрессивных целей захвата власти над миром, которая заканчивается для этих народов катастрофой. Европейские народы прошли через серию таких катастроф, но так и не приобрели иммунитета по отношению к «хищным» разновидностям, которые продолжают ими манипулировать даже из-за океана.

Таким образом, генеральная тенденция доли неоантропов в обществе может прерываться и даже обращаться вспять в периоды войн и революций, когда остающиеся в социуме неотроглодиты дорываются до власти. Следует, однако, отметить, что в подавляющем большинстве случаев в этом и прошлом столетии им в этом помогают внешние силы, заинтересованные в хаотизации или уничтожении данной страны. Эти силы помогают неотроглодитам прорваться к власти, чтобы затем использовать их в своих разрушительных целях. Механизм таких политтехнологий к настоящему времени хорошо отработан и профессионально используется спецслужбами ряда стран для организации цветных революций, госпереворотов, религиозных и национальных конфликтов, вплоть до развязывания мировой гибридной войны.

Немаловажное значение для нашего исследования имеет *формирование общественного мнения о структуре общества*. Здесь мы опять

возвращаемся к вопросу об опасности «кривых зеркал» и обратимся к **созданию и укреплению искаженного образа общества** на примере теории расизма А. Гобино, которая якобы демонстрирует «математическую истину» (ключевые годы развития — конец 1840-х — 1850-е гг.). Так, он полагал, что расы не могут быть равны, а разделяются на высшие и низшие, причем последним он отказывал как в самостоятельном развитии, так и в способности перенять культуру первых. Подчеркнем, что белая раса (в особенности высшие классы европейских наций — потомки древних германцев) ставилась им выше других (черной, желтой и красной), таким образом возникла идея иерархии рас. Славян он относил к «застойному болоту» и к одной из «наиболее постаревших, гибридизированных и дегенерировавших семей». Оценить масштабы влияния подобного искажения образа общества можно по тому эффекту, который возник в мире вследствие действий немецких нацистов, идеализировавших подобные отвечавшие их потребностям выводы и работы. Самое удивительное, что теория и практика Гобино далеко не совпадают: посетив Россию, он даже не усомнился в великом будущем этой страны, несмотря на изложенные ранее абсурдные взгляды на славян [изложено на основе: Клейн, 2009: 70–74]. В том или ином виде «кривые зеркала», искажающие образ социума и демонстрирующие европейскую или американскую «исключительность» в мире, присутствуют в настоящее время и продолжают формировать основу для конфликтов. Подчеркнем, что именно проникновение идей и их восприятие, основанное на соответствии потребностям общества (или конкретных социальных групп) — опять-таки проявление упомянутого *PR*-закона в социальной среде — приводит в действие систему таких «кривых зеркал».

Второй важный компонент исследования в данном разделе — это изменения в структуре потребностей человека, определяемые общественными отношениями, которые, как показано выше, меняются с развитием технологий и НТП [рассмотрим их на основе следующего источника: Бодрунов, 2018с: 197–207].

Ориентируясь на выращивание «общества потребления» и манипулирование социумом, рыночная экономика перестает быть особым производственным пространством, нацеленным на удовлетворение реальных потребностей, превращается в генератор **потребностей симулятивных** (например, путем развития маркетинга, психологических тактик убеждения покупателей и т.п.), а также их транслятора и создателя специфического рода товаров — продуктов-симулякров.

Процесс *симулятизации* потребностей актуализируется с более высоким уровнем развития технологий, довольно интересен для изучения и основан на весьма важной человеческой черте — стремлении к уверенности в будущем. Крайне сложно «поймать» момент возникновения симулятивной потребности, именно потому, что на ранних стадиях симулятизации внешне она еще соприкасается с областью рационального (например, сопряжена с желанием человека перестраховаться на будущее). Кроме того, как правило, «фальшивые потребности «пристраиваются» к реальным потребностям, а симулятивная компонента как бы «надевается» на товар, удовлетворяющий эту реальную потребность», сначала этот товар — вполне нормальный обычный продукт, а затем «он обзаводится симулятивной надстройкой» и перестает быть полезным и прогрессивным [Бодрунов, 2021: 50]. Чем дальше мы следуем по классификации степени симулятизации потребностей, тем больше разрыв между их содержанием и рациональностью (табл. 14).

Таблица 14

Разновидности симулятивных потребностей

Вид и степень симулятизации	Потребность и возможность ее удовлетворения
Тип 0	Удовлетворимые потребности «с прицепом» (резервом)
Тип 1 или легкая степень симулятизации	Удовлетворимые рационализированные излишества или излишества в удовлетворении потребностей исходя из конкретных соображений
Тип 2 или средняя степень симулятизации	Удовлетворимые иррациональные излишества (излишества с выходом за рамки рационального) или укоренение излишеств под давлением навязанных рынком принципов и раздутого спроса на фиктивные блага
Тип 3 или высокая степень симулятизации	Удовлетворимые «излишества излишеств»
Тип 4 или крайняя степень симулятизации	Симуляция рациональных потребностей или неудовлетворимые потребности-фантазмы, чреватые напрасной растратой ресурсов

Составлено на основе рисунка: [Бодрунов, 2018с: 202].

При этом важно отметить, что закон возрастания потребностей справедлив как для реальных, так и для симулятивных потребностей. Скорее, он даже транслируется из области рационального в область

иррационального. Однако если для реальных потребностей сам факт их удовлетворения порождает возможность возникновения новой потребности (т.е. отмечается связь между старыми и новыми потребностями во времени), то в случае потребностей с высокой и крайней степенью симулятизации сам процесс их удовлетворения уже не имеет значения для их роста — они могут множиться и расширяться сами собой.

Тогда возникает вопрос: чем же отличается симулятивная потребность от обычной человеческой блажи? В данном случае эти понятия очень близки по своему содержанию, особенно в случае с фантазмами. Здесь сразу вспоминаются фантастические запросы героев произведений: царя из филатовского «Про Федота-стрельца, удалого молодца» — добыть «то — чего — на белом свете — вообще — не может быть» или красавицы Оксаны из гоголевской «Ночи перед Рождеством» — достать «те самые черевички, которые носит царица». Однако эти запросы как раз являются блажью, поскольку направлены на конкретного персонажа (Федота-стрельца и Вакулу, соответственно) для конкретной скрытой рациональной цели другого персонажа, а в случае с формированием симулятивной потребности — это массовый эффект, создаваемый для манипулирования общественным сознанием и генерирования «потребностей ради потребностей».

Исходя из всего вышесказанного, вопрос «кем управлять?» также остается открытым. Еще раз подчеркнем, что сама идея управления искажается в современных реалиях в результате большей привлекательности для «менеджеров» идеи манипулирования специально проработанным и подготовленным для этого, «послушным» (главным образом равнодушным) обществом.

Для чего управлять социально-экономическим развитием?

Как было показано в табл. 1 и выделенных законах развития, грамотное и четкое целеполагание и осознанный выбор путей достижения задуманного — это ключ к успеху в управлении любым процессом. Однако при этом необходимо понимать истинные причины тех проблем, которые мы собираемся решать.

Рассуждая о мировых и национальных целях современного развития, прежде всего невозможно не упомянуть о Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 2015 г., содержащей 17 пунктов и 169 подпунктов (задач) для выхода на траекторию устойчивого развития. Таким образом, предполагается следующее [ООН, 2015: 7, 17; Бодрунов, 2020е]:

1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах.
2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства.
3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте.
4. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.
5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек.
6. Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех.
7. Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех.
8. Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.
9. Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям.
10. Сокращение неравенства внутри стран и между ними.
11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов.
12. Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства.
13. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями.
14. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития.
15. Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты.
16. Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях.
17. Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

Мы специально включили весь список из 17 пунктов целиком, чтобы читатель обратил на него более пристальное внимание и подумал, достижимо ли все это полностью в современных условиях в масштабе «для всех» по всем *группам стран*. При всем уважении к государствам и ООН в целом, не напоминает ли этот список в большей степени красивые лозунги, с которыми благородный и равнодушный человек просто не может не согласиться? Затронута ли здесь хотя бы одна фундаментальная причина бегло перечисленных в списке проблем? Объемные и продуманные ответы на эти вопросы еще раз подтвердят, что эти цели — не больше чем фантастическая «картинка», созданная для успокоения и «усыпления» бедных и среднеразвитых стран, выступивших со «своеобразным призывом к действию»¹, нежели разработанная и грамотно выстроенная опора для создания и реализации конкретных стратегических планов.

Двигаясь по указанному списку, можно найти массу противоречий. Можно ли сводить главную цель (устойчивое развитие) с точки зрения развития экономики к «поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту» (пункт 8)? В одной из своих работ [Бодрунов, 2018с] мы уже рассуждали на эту тему и пришли к выводу, что нельзя ставить знак равенства между этими понятиями, тем самым подменяя главную цель, которая состоит именно в развитии.

Возможно ли построить «миролюбивое и открытое общество», опираясь на те 10 задач, которые указаны в Резолюции (а именно сократить распространенность насилия, в том числе в отношении детей, уменьшить показатели смертности, содействовать верховенству права, уменьшить незаконные финансовые потоки и потоки оружия, сократить коррупцию и взяточничество, создать эффективные учреждения и ответственное принятие решений, активизировать участие развивающихся стран, обеспечить наличие законных удостоверений у людей, а также доступ к общественной информации) [ООН, 2015: 31–32]? Опираясь на полученные нами выше выводы, это невозможно сделать с помощью благих пожеланий. Необходимо развивать общество исходя из базовых категорий единой цепочки «знание-культура и ценности-потребности-технологии», чтобы оно в целом стало «миролюбивым и открытым» (пункт 16). Безрезультативно воздействовать на послед-

¹ Цитата из: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.

ствии (например, насилие и смертность), не выявляя и не искореняя самой причины проблемы.

С успехами реализации целей устойчивого развития можно ознакомиться в соответствующих докладах ООН. Если обратиться к одной из главных категорий нашего исследования — «знаниям», то в отчете по качеству образования за 2021 г. содержится следующая информация: за период с 2010 по 2019 г. в мире доля детей, окончивших среднюю школу, увеличилась только с 46 по 53%, «повсеместно сохраняется значительный разрыв между показателями у различных групп населения», еще «до COVID-19 страны мира отставали от графика достижения целевых показателей по чтению и математике», а «в 2019 году навыками чтения владели только 59% третьеклассников», в результате роста не владеющих минимальными навыками чтения детей «прогресс, достигнутый в сфере образования за последние 20 лет, будет полностью сведен на нет», «по оценкам, с начала пандемии 65% правительств стран с низким уровнем дохода и уровнем дохода ниже среднего и 35% правительств стран с высоким уровнем дохода и уровнем дохода выше среднего сократили финансирование образования» [ООН, 2021: 34]! Таковы мировые показатели в наш век высоких технологий.

Другая ассоциация, которая возникает при вопросе о целях управления социально-экономическим развитием, связана с таким «модным» понятием, как «инклюзивный рост». Евразийская экономическая комиссия определяет его как «неотъемлемое условие экономического роста» вообще или сам «экономический рост, сопровождаемый созданием благоприятных условий для повышения качества жизни и обеспечения равенства возможностей всех групп населения страны»¹. Так, «инклюзивность» предполагает справедливое и относительно равномерное распределение в обществе полученных от экономического роста выгод. Эксперты отмечают, что особая популярность этой концепции связана с восхождением стран-лидеров «мирового Юга» (например, Китая, Индии — как тенденции действия закона исторического маятника) и сопряжена с идеей ухода от экономоцентризма к идее общей «вовлеченности» или «включенности» в процессы развития (от англ. *inclusion*). Помимо того, что мы уже упоминали об опасности отождествления экономического роста с социально-экономическим

¹ Цитата из: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/sustainable_and_inclusive.php?ysclid=l7blysq9u0815187411.

развитием [Бодрунов, 2018с], возникают и другие проблемы, а именно: а) сложность интерпретации и разница восприятия понятия «справедливое и равномерное распределение»; б) недостаточная изученность особенностей и возможностей различных групп населения его получать и осваивать; в) противоречивость взаимосвязи экономического роста и социального развития [приведено с учетом: Казакова, 2016]. Таким образом, фактически наличие этих проблем позволяет трактовать и оценивать «инклюзивность» по-разному, подавать данную идею, что называется, «под любым соусом». Вероятно, именно поэтому параллельно с ростом ее популярности возникло и альтернативное восприятие людьми, выраженное через такие негативные понятия, как «пропагандистский термин» или «инклюзивный террор» в качестве современной тактики ведения гибридной войны. Здесь вновь включаются в действие «кривые зеркала», искажающие любую благую идею, в особенности *мало проработанную*.

Наконец, еще одна ассоциация, возникающая при вопросе о целях управления социально-экономическим развитием, касается глобальных концепций «зеленого» развития. В настоящая время идет усиленная политизация идеи «зеленой» экономики развитыми странами (преимущественно США и ЕС), что демонстрирует, с одной стороны, их открытое стремление с помощью соответствующих ограничений снизить конкуренцию со стороны предприятий и организаций из других государств или привлечь дополнительные финансовые ресурсы для поддержания собственного бизнеса. С другой стороны, что наиболее важно, это предполагает скрытую глубокую социально-экономическую трансформацию посредством реализации таких программ, как «зеленые курсы» («*Green New Deal*» США и «*Green Deal*» ЕС) и им подобных планов, угрозы которых для человечества — возможность диктатуры через «экодиктатуру», манипулирование общественным сознанием, масштабная деиндустриализация и т.п. — обсуждаются экспертным сообществом [например, см.: *Zepp-LaRouche*, 2021: 3–8].

Как следует из изложенного, состояние современной системы управления социально-экономическим и научно-техническим развитием далеко от желаемого. Как на национальном, так и на мировом уровне далеко не всем понятно, как, кем и для чего управлять. Не видя истинной цели и имея перед собой только ее искаженный вариант, не понимая властно-мотивационной структуры общества, не зная закономерностей его развития, эффективно управлять невозможно, поскольку неизвестно, куда выведет выстраиваемый вслепую вектор принимаемых решений.

Глава 2 МИРОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК СМЕНА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УКЛАДОВ

Во второй главе нашей монографии мы обращаемся к анализу закономерностей мирового экономического развития. В ее названии мы упомянули и подчеркнули именно «экономическую» составляющую развития человечества, поскольку именно экономика и ее эволюция (конечно, с большим количеством условий, оговорок и допущений, которые авторы не преминут ввести и на которые обратят внимание читателя) «порождает» качественно новые способы удовлетворения потребностей человека и социума, позволяющие совершенствовать общественное устройство.

Здесь будут проанализированы такие важнейшие в истории человеческой цивилизации феномены, как технологические и мирохозяйственные уклады, факторы их возникновения и особенности становления, причины и характерные признаки их смены, хронология, а также отличительные черты новых этапов развития. Причем в данном случае авторы выходят за рамки традиционного и уже привычного для читателя изложения положений и выводов исследования С.Ю. Глазьева, дополняя и «стыкуя» теорию смены технологических укладов и концепцию смены мирохозяйственных укладов с результатами теоретических наработок С.Д. Бодрунова. В частности, в области доказательства и обоснования действия *PR*-закона на практике, НИО.2 и знаниеинтенсивного производства. Кроме того, предложены совместно проработанные сценарии дальнейшего общественного развития в рамках нового мирохозяйственного уклада — Интегрального.

2.1 Технологические уклады: хронология, факторы, практическое значение

В данном разделе мы рассмотрим подробнее хронологию и особенности развития технологических укладов, а также факторы смены каждого из них.

При изучении закономерностей технического развития экономики перед одним из авторов [Глазьев, 1993] изначально стояла задача так

представить ее структуру, чтобы основной структурный элемент не только сохранял целостность в ходе технологических сдвигов, но и остался бы носителем технологических изменений. Данную задачу удалось решить с помощью помещения на центральное место теории развития экономики понятия жизненного цикла технологии, с последующей агрегацией взаимосвязанных технологий в понятиях технологической совокупности (совокупности технологически сопряженных производств) (на мезоуровне) и технологического уклада (на макроуровне) [Львов, Глазьев, 1985; Глазьев, 1990, 1993, 2021а: 33–34].

Рис. 5 и табл. 15 иллюстрируют последовательную смену пяти ТУ, выделенных по ключевой технологии для преобразования энергии в полезную работу.

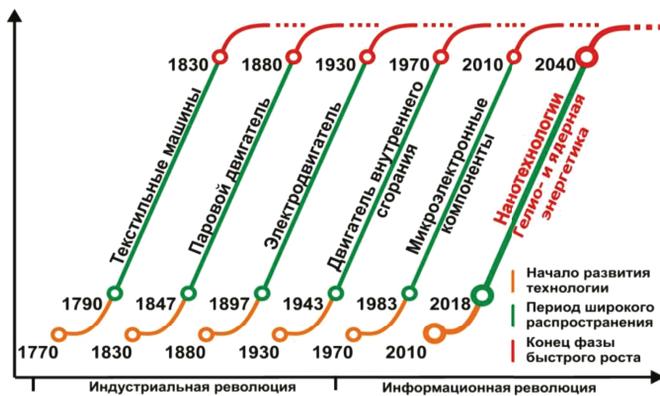

Рис. 5. Смена ТУ в ходе мирового экономического развития с выделением ключевых технологий.
Источник: [Глазьев, 2018: 55].

Подчеркнем, что смена ТУ — с соответствующим перераспределением ресурсов из технологических совокупностей старого в новый — это болезненный и довольно длительный процесс, сопровождаемый медленным высвобождением и перетоком капитала из устаревших производств в передовые (в течение 10–15 лет), падением экономической активности, банкротством опоздавших с проведением модернизации предприятий, структурными кризисами и т.п. в данном контексте негативными явлениями. Однако одновременно с ними происходит существенное нарастание инновационной и инвестиционной активности, социальное признание полезности новых технологий и продуктов,

осознание бизнесом открывающихся технологических возможностей и т.д. [Глазьев, 2021а: 38].

Становление нового ТУ открывает новые возможности экономического роста. Распространение его базисных нововведений после соответствующих институциональных изменений и структурной перестройки экономики стимулирует рост эффективности производства за счет снижения энергоемкости и материалоемкости экономики, значительно раздвигает горизонты развития, повышает качество жизни населения.

Новый ТУ-VI скоро займет свое полноправное место в табл. 15 среди остальных технологических укладов. Ранее мы демонстрировали примеры подобного встраивания и его отличительные черты [Глазьев, 2011: 337–340]. В данной работе будут приведены контуры ТУ-VI и его ключевые характеристики, которые позволят построить наиболее полную картину смены ТУ.

Как происходит замещение одного ТУ другим?

Охарактеризовать логику технологических изменений можно следующим образом [приведено на основании: Глазьев, 2011: 329, 333–336; Глазьев, 2017: 197]. Развитие любой технологической системы начинается с внедрения базисного нововведения, которое впоследствии, как правило, дополняется своими комплементарными инновациями. Базисное нововведение обычно кардинально отличается от традиционного технологического окружения и резко выделяется на общем фоне, поэтому для эффективного функционирования технологической системы, созданной на его основе, требуется организация новых смежных производств. Так образуется новая технологическая совокупность. Ее сопряжение с другими технологическими совокупностями посредством соответствующих их научно-техническому уровню технологических цепей формирует новый технологический уклад. В это же время сворачиваются производства предыдущего ТУ и размыкаются технологические цепи, обеспечивающие воспроизводства составляющих его технологических совокупностей. Высвобождающиеся ресурсы встраиваются в технологические цепи нового ТУ, на основе ключевого фактора которого происходит модернизация всей экономики и завершается процесс смены ТУ.

Несмотря на то что закономерности смены ТУ, создающих производственно-технологическую основу для кондратьевских длинных «волн», довольно детально изучены [Глазьев, 1993; Глазьев, 2010] и за-

Технологические уклады:

Характеристика	Номер ТУ	
№	ТУ-I	ТУ-II
Годы доминирования	1770–1830	1830–1880
Технологические лидеры	Великобритания, Франция, Нидерланды	Великобритания, Франция, Россия
«Ядро» ТУ	Текстильные промышленность и машиностроение, выплавка чугуна, обработка железа, постройка каналов, водяной двигатель	Паровой двигатель, железнодорожное строительство, машино- и судостроение, угольная и станкоинструментальная промышленность, черная металлургия
Ключевой фактор	Текстильные машины	Паровой двигатель, станки
Формирующееся «ядро» следующего ТУ	Паровой двигатель, машиностроение	Электроэнергетика, сталь, тяжелое машиностроение, неорганическая химия
Качественное отличие от предыдущего ТУ	Механизация и фабричная концентрация производства	Рост масштабов и концентрация производства благодаря паровому двигателю
Национальные режимы экономического регулирования стран-лидеров	Разрушение феодальных монополий, профсоюзные ограничения, свобода торговли	Свобода торговли, ограничение государственного вмешательства, отраслевые профсоюзы, социальное законодательство
Международные режимы экономического регулирования	Британское доминирование в международной торговле и финансах	Политическое, финансовое, торговое доминирование Великобритании
Основные институты	Конкуренция мелких фирм и предпринимателей, партнерства	Концентрация производства в крупных организациях, развитие АО
Организация инновационной активности	Национальные академии и научные общества, индивидуальная деятельность	НИИ, развитие профессионального образования, системы охраны интеллектуальной собственности

Источники: [Глазьев, 2011: 337-339; Глазьев, 2019: 164–167].

хронология, характеристика, институциональная структура

ТУ-III	ТУ-IV	ТУ-V
1880–1930	1930–1980	1980–2030
Германия, Россия, США, Великобритания, Франция, Швейцария	США, СССР, Япония, Германия, Франция, Британия, Тайвань	США, ЕС, КНР, Индия, Россия, Ю.Корея
Электротехническое и тяжелое машиностроение, производство и прокат стали, линии электропередач, неорганическая химия	Производство товаров длительного пользования, синтетические материалы, органическая химия, цветная металлургия, авто- и тракторостроение, нефтепроизводство и переработка	Электронная промышленность, вычислительная и опτικο-волоконная техника, ИКТ, программное обеспечение, газопроизводство и переработка, информационные услуги, роботостроение
Электродвигатель, сталь	Двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия	Микроэлектронные компоненты
Автомобилестроение, органическая химия, нефтепроизводство и переработка, цветная металлургия, автомобильное строительство	Авиационная промышленность, газопроизводство и переработка, постройка трубопроводов, радары	Биоинженерные, нано-, цифровые технологии
Повышение гибкости и стандартизация производства, урбанизация	Массовое и серийное производство	Индивидуализация и повышение гибкости производства, снижение энерго- и материалоемкости производства
Расширение государственных институтов регулирования, государственная собственность на естественные монополии и основные виды инфраструктуры	Развитие государственных институтов социального обеспечения, государственное регулирование экономики, ВПК	Государственное регулирование стратегических видов ИКТ-инфраструктур, снижение роли государства в экономике, упадок профсоюзного движения
Империализм и колонизация, конец британского господства	Экономическое и военное доминирование США и СССР	Доминирование финансовых институтов США, либеральная глобализация, региональные блоки, глобальные реформы
Слияние фирм, картели, тресты, господство монополий и олигополий	ТНК и олигополии на мировом рынке, вертикальная интеграция	Международная интеграция на основе ИКТ, интеграция производства и сбыта, органичные структуры управления в корпорациях
Внутрифирменные научно-исследовательские отделы, всеобщее начальное образование	Государственное субсидирование военных и участие в гражданских НИОКР, передача технологий ТНК, рост профессионального образования	Горизонтальная интеграция НИОКР, проектирование производства и обучения, вычислительные сети, сотрудничество бизнеса и вузов, поддержка новых технологий

регистрированы в качестве научного открытия¹, вопросы о том, каким образом, по какой причине и почему именно в конкретные годы происходит устаревание одного ТУ, «рождение» другого и их смена, долгое время оставались без обстоятельного ответа. Однако обнаруживается, что закон сочетаемости или *PR*-взаимодействия позволяет снять эти вопросы благодаря его способности объяснить причинно-следственные связи глубинных процессов, происходящих внутри каждого ТУ [отмечено ранее: Бодрунов, 2021g: 404]. Например, процесс образования нового ТУ начинается только тогда, когда возникает такая базовая технология (или совокупность взаимосвязанных технологий), *P*-потенциал которой превосходит аналогичный показатель предшествующих — уступающих свое место передовым — технологий. Кроме того, и *R*-потенциал, уровень готовности других производственных технологий и сфер общественной жизни (куда проникает новая базовая технология), должен сработать на общий результат.

Таким образом, в настоящее время мы можем говорить о том, что теория технологических укладов применительно к истории мировой и национальной экономики полностью разработана, а закономерности смены ТУ всесторонне исследованы. Опираясь на принцип единства теории и практики, можно утверждать, что это создает научный фундамент для средне- и долгосрочного прогнозирования процесса технико-экономического и социального развития, выбора приоритетных направлений НТП и формирования соответствующих государственных стратегий и политики. Научное и практическое значение данных работ состоит в следующем [приведены на основе: Глазьев, 2019: 157–160; Глазьев, 2011: 368–369; Глазьев, 2021a: 56–58]:

- 1) формируется правильное понимание об истинной сущности долгосрочного социально-экономического развития как о неравновесном и неравномерном процессе, имеющем нелинейный характер;
- 2) предоставляются возможности для качественного и точного предопределения (прогнозирования) считавшихся ранее непредсказуемыми процессов: колебаний цен на сырье, а также периодов возникновения и «схлопывания» финансовых «пузырей» любых масштабов, паде-

¹ Научное открытие Глазьева С.Ю. «Закономерность смены технологических укладов в процессе развития мировой и национальных экономик» (свидетельство о регистрации № 65-*S* выдано Международной академией авторов научных открытий и изобретений под научно-методическим руководством Российской академии естественных наук).

ния темпов экономического роста, всех типов кризисов и выхода из них, депрессивного состояния экономики и т.п. Например, в долгосрочном развитии экономики передовых стран четко выделяются этапы ее подъема — на основе фазы роста доминирующего ТУ (примерно четверть века) и этапы ее структурной перестройки — при смене ТУ (около полутора десятилетия), сопровождающиеся повышенной турбулентностью, неопределенностью и политической напряженностью.

3) выявляется неопределенность и альтернативность технологических траекторий в начале жизненного цикла ТУ и наличие преодолимых «разрывов» в них из-за смены ТУ. Особую роль здесь играет состояние институциональной среды инновационной и инвестиционной систем;

4) подтверждается отсутствие пределов социально-экономического развития, преодолеваемых при смене технологических укладов. Период стабильного роста доминирующего ТУ и бескризисного социально-экономического развития сменяется завершением его жизненного цикла, создавая иллюзию ощутимых «пределов прогресса». В реальности же границ для развития нет — они преодолеваются за счет становления нового ТУ, обеспечивающего увеличение производительности труда и улучшение качества общественной жизни;

5) предоставляются возможности для построения качественных и достоверных прогнозов долгосрочных технологических изменений в мировой и национальных экономиках, а также выявления перспективных направлений социально-экономического развития. В настоящее время мы наблюдаем становление нового шестого ТУ (см. рис. 5), и одновременно с ним формируются ключевые направления экономического роста на перспективу. Своевременное развитие ключевых производств ТУ-VI обеспечит сравнительные преимущества, которые будут определять геоэкономическую конкуренцию до середины XXI в. Его ключевые направления уже обозначились (мы проанализируем их в следующем разделе), но самое главное — это то, что произойдет еще большая интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий. Это значит, роль знаний будет продолжать расти, способствуя переходу от «общества потребления» к «обществу интеллекта». Переход к ТУ-VI традиционно совершится через очередную технологическую революцию, кардинально повышающую эффективность ключевых направлений развития экономики;

6) подводится научная основа под создание национальных стратегий социально-экономического развития. Например, применительно к России одним из авторов предлагалась смешанная стратегия опережающего развития на базе форсированного роста нового ТУ [Глазьев, 2010; Глазьев, 2019], предусматривавшая активизацию *R*-потенциала НТП и имеющегося *R*-потенциала отечественной экономики, охват всех отраслей национального хозяйства, а также приоритетное значение передовых технологий и производств. Именно в период смены ТУ для отстающих стран открывается так называемое окно возможностей, позволяющее им при сосредоточении располагаемых ресурсов и усилий осуществить качественный «рывок» на высокий уровень экономического развития. Это не значит, что нужно концентрироваться только на прогрессивных технологиях, оставляя остальные отрасли без должного внимания: необходимо стимулировать инновационную активность для динамического наверстывания упущенного в производствах, незначительно отстающих от передового мирового уровня, а также реализовывать план догоняющего развития с ориентацией на технологический импорт и иностранные инвестиции — для отраслей, попавших в группу безнадежных аутсайдеров. При этом особую роль здесь играет искусственное стимулирование спроса на новую продукцию, в частности, посредством госзакупок и финансирования роста новых технологий путем доступного кредитования;

7) выделяются требования к системе экономического регулирования и макроэкономической политике. Они могут содержать развертывание системы стратегического и индикативного планирования, механизмов долгосрочного кредитования перспективных производств нового ТУ, форм ГЧП для достижения целей модернизации и социально-экономического развития на передовой технологической основе. При этом учитываются соответствующие новому ТУ методы управления, включая системы автоматизированного проектирования, позволяющие перейти к автоматизированному управлению жизненным циклом продукции;

8) в теории смены технологических укладов отражаются закономерности воспроизводства индустриального общества, формирование которого началось с первой промышленной революции. Возникает сомнение в том, что эта закономерность сохранится в ходе дальнейшего общественного развития: вероятно, формирующийся в настоящее время шестой ТУ и обозначаемый в будущем ТУ-VII, в которых процес-

сы НТП приобретут плавный характер, а большие технологические системы преодолеют инерционность — станут завершающими в этой истории.

2.2 Новый VI технологический уклад как материальная основа НИО.2

Современный этап технического развития мировой экономики определяется переходом к шестому технологическому укладу, который входит в фазу роста одновременно со становлением нового МХУ (далее его анализ будет осуществлен на основе: [Глазьев, 2016: 62–63; Глазьев, 2019: 158–159, 186–199]). Уже пройден терминальный момент резкого повышения цен на энергоносители, запускающего переходный процесс смены ТУ посредством перераспределения ресурсов из ставших неэффективными производств старого ТУ в намного менее энерго- и материалоемкие производства нового ТУ. Пандемия коронавирусной инфекции сыграла роль «гонки вооружений» в стимулировании распространения базовых технологий нового ТУ. Составляющие его технологические совокупности вышли на экспоненциальную часть траектории роста за счет бурного распространения передовых технологий, существенно улучшающих ресурсоэффективность и снижающих энергоемкость производства, что проявляется в уже снижающейся динамике нефтяных цен. В передовых странах новый ТУ-VI уже входит в фазу роста, о чем свидетельствует динамика показателей роста соответствующих производств (рис. 5а). Напомним, что наблюдаемый сегодня период смены ТУ можно определить как революционный и в технологическом, и в управленческом отношении благодаря возникновению новых методов и институтов управления экономическим развитием. Опоздавшие с их внедрением страны рискуют оказаться на обочине НТП и мирового развития.

Для отстающих стран период смены ТУ открывает «окно возможностей» и дает шанс, раньше других «оседлав» новую длинную «волну» роста мировой экономики, «перегнать, не догоняя» лидеров на базе опережающего становления нового ТУ. Дело в том, что наиболее передовые страны старого ТУ оказываются в данной ситуации в менее выгодном положении: структурный кризис при смене ТУ мучительнее всего переживается именно ими, поскольку в них достигаются максимальные масштабы производства соответствующих технологий, процесс

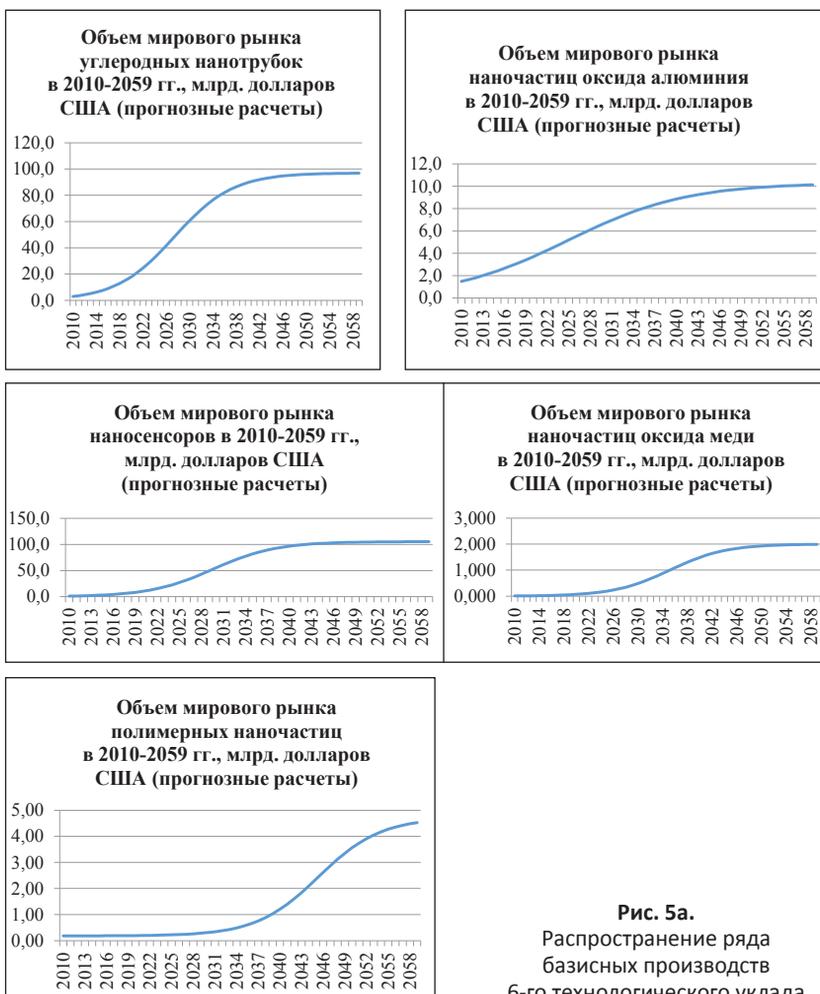

Рис. 5а.
Распространение ряда базисных производств 6-го технологического уклада

высвобождения капитала приобретает самые «болезненные» формы, и диспропорции, которые им приходится преодолевать, формируя новые технологически траектории, крайне велики. Передовые страны сталкиваются с самым масштабным обесценением капитала в устаревших производствах (а с уходом его из производственной сферы, он искусственно «затягивается» в процесс создания финансовых «пузырей»), многие профессии «устаревают» и становятся невостребованными. Таким образом, для «старых» стран-лидеров смена ТУ подобна

«Большому Вызову»: они рискуют быть сброшенными с доминирующих позиций, если вовремя не перестроят свою экономическую систему, что чрезвычайно трудно сделать. А вот у стран «периферии» таковые проблемы отсутствуют, важно только правильно расставить приоритеты и направить ресурсы в ключевые направления роста нового ТУ. Именно на этой логике и основаны все так называемые экономические чудеса, которые наблюдались в тех или иных странах в течение истории развития мировой экономики и международных отношений (см. смену технологических лидеров в табл. 15).

Динамично развивающееся «ядро» ТУ-VI уверенно растет, революционизируя технологическую структуру экономики по мере расширения несущих отраслей и распространения в смежные технологические совокупности. Среди его ключевых направлений выделяются биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и геной инженерии, нанотехнологии, аддитивные и цифровые технологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети, интегрированные высокоскоростные транспортные системы и т.п. (рис. 6). Экономический рост будет обеспечен гибкой автоматизацией производства, робототехникой, космическими технологиями, производством конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, атомной промышленностью и солнечной энергетикой, авиаперевозками. В производственной сфере произойдет переход к экологически чистым и безотходным технологиям. В структуре потребления доминирующее значение займут информационные, образовательные, медицинские услуги, обеспечивающие расширенное воспроизводство человеческого капитала.

Подчеркнем, что расширение ТУ-VI пока еще сдерживается неотреботанностью соответствующих технологий и нередко неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению (слабостью R-эффекта). Однако смеем заверить, что это лишь временное явление.

Проанализируем динамику и качество развития современных переломных технологий на конкретных примерах. Для этого на основе исследования ЮНКТАД взята репрезентативная выборка из 11 таких технологий, включающая искусственный интеллект, интернет вещей, «Большие данные», блокчейн, 5G, 3D-печать, робототехнику, дроны, редактирование генов, нанотехнологии и солнечную фотоэлектрическую систему, с приложением краткой характеристики по каждой из них (табл. 16).

Рис. 6. Структура нового ТУ-VI
Источник: [Глазьев, 2018: 56].

Таблица 16

Современные передовые технологии: выборка и описание

Технологии	Краткая характеристика
Искусственный интеллект — ИИ (Artificial intelligence, AI)	Обычно определяется как способность машины (системы) участвовать в когнитивной, творческой, интеллектуальной деятельности, которую ранее мог выполнить только человек. Узконаправленный ИИ, ориентированный на решение конкретных «узких» задач, широко используется в настоящее время, например, в сфере Интернет-покупок (формирования предложений и рекомендаций для потребителей), при создании виртуальных помощников, для обнаружения спама или мошеннических действий с банковскими картами
Интернет вещей (Internet of Things, IoT)	Относится к множеству физических устройств, подключенных к сети Интернет и собирающих и обменивающихся данными. Типичные объекты и области применения: носимые устройства (например, «умные часы»), «умные» дома и города, промышленная автоматизация и здравоохранение
«Большие данные» (Big data)	Они связаны с наборами данных, размер или тип которых выходит за рамки возможностей традиционных структурированных баз данных для сбора, управления и обработки данных. Так, открывается доступ к данным, которые традиционно были недоступны или непригодны для использования
Блокчейн (Blockchain)	Ассоциируется с неизменяемой серией записей данных с отметками времени, контролируемых кластером компьютеров, не принадлежащих какой-либо одной организации. Служит базовой технологией для криптовалют

Технологии	Краткая характеристика
5G	Сети 5G — это новое поколение мобильного Интернет-подключения с высокой скоростью загрузки (1-10 Гбит/с по сравнению со 100 Мбит/с при 4G) и более надежным соединением на смартфонах и других устройствах
Технологии 3D-печати (3D printing)	Конструирование моделей и аддитивное производство позволяет создавать трехмерные сложные объекты на основе цифрового файла при меньшей материалоемкости, чем в обычном производстве
Робототехника (Robotics)	Роботы как программируемые машины для выполнения действий (автономно или полуавтономно) и взаимодействия с окружающей средой с помощью датчиков и специальных механизмов. Существуют различные виды роботов: бытовые, промышленные, военные, транспортные и т.п.
Дроны (Drones)	Беспилотные летательные аппараты (или беспилотные авиационные системы) в форме летающих роботов с возможностями дистанционного управления или автономных полетов с помощью программного обеспечения с датчиками и GPS. Часто используются в ВПК и находят гражданское применение (например, для видеосъемки или в службах доставки)
Редактирование генов (Gene editing)	Инструмент геномной инженерии. Потенциальные области расширения применения: АПК, фармацевтика
Нанотехнологии (Nanotechnology)	Область прикладной науки и техники, занимающаяся изготовлением объектов в масштабах менее 1 микрометра. Используются для производства широкого спектра полезных продуктов
Солнечная фотоэлектрическая система (Solar photovoltaic, Solar PV)	Преобразование солнечного света в электричество

Источник (в авторском переводе с незначительными изменениями): [UNCTAD, 2021: 17].

Данные рис. 7 и табл. 17 свидетельствуют о том, насколько быстро развивается и отвоевывает себе пространство в мировой экономике рынок передовых технологий.

По показателю размера рыночного сегмента наиболее активно это пространство покоряют Интернет вещей, робототехника, *Solar PV*, дроны, «Большие данные», ИИ, 5G (причем впечатляет динамика развития всех сегментов, обусловленная положительным взаимовлиянием развивающихся технологий друг на друга и технологическим взаимопроникновением, согласно *PR*-закону). Научно-исследовательская активность, которую можно отследить по количеству публикаций и патентов

Индикаторы	ИИ	Интернет вещей	«Большие данные»	Блокчейн	3D-печать
Публикации (1996–2018)	403 596	66 467	73 957	4821	17 039
Патенты (1996–2018)	116 600	22 180	6850	2975	13 215
Цены, тыс. долл. США	Инструмент для выявления мошенничества: 100–300; Чат-боты: 30–250	Электрокардиографические мониторы: 3–4 Автоматизация зданий и домов: от 50	Создание и обслуживание 40-Тбайтного хранилища данных: 880 в год	Разработка проекта: 5–200	Первоклассный промышленный 3D-принтер: 100
Размер сегментов рынка, млрд долл. США	2017 г. — 16 2024 г. — 191	2018 г. — 130 2025 г. — 1500	2017 г. — 32 2026 г. — 157	2017 г. — 0,7 2024 г. — 61	2018 г. — 10 2025 г. — 44
Основные поставщики	Alphabet, Amazon, Apple, IBM, Microsoft	Alphabet, Amazon, Cisco, IBM, Microsoft, Oracle, PTC, Salesforce, SAP (IoT platform)	Alphabet, Amazon, Dell, HP, IBM, Microsoft, Oracle, SAP, Splunk, Teradata (storage platforms, analytics)	Alibaba, Amazon, IBM, Microsoft, Oracle, SAP (blockchain-as-a-service)	3D Systems, ExOne, HP, Stratasys
Основные пользователи	Розничная торговля, банковская сфера, отрасли с применением дискретного типа производства	Потребители, страховые компании, поставщики медицинских услуг	Банковская сфера, отрасли с применением дискретного типа производства, профессиональные услуги	Финансы, производство, розничная торговля	Отрасли с применением дискретного типа производства, здравоохранение, образование

Источник (в авторском переводе с незначительными изменениями): [UNCTAD, 2021: 23–24].

Таблица 17

Ключевые данные по передовым технологиям

Робототехника	Дроны	Редактирование генов	5G	Нанотехнологии	Solar PV
254 409	10 979	12 947	6828	15 2359	10 768
59 535	10 897	2899	4161	4293	20 074
Промышленные роботы: 25–400, гуманоиды: до 25 00	Коммерческие: до 300 Военные: 14 500 (MQ-9 Reaper)	Стандартное ЭКО: свыше 20 за попытку + 10 и более за тесты	Тарификация	Противораковый препарат: 4,3 за цикл	Residential PV system (6kW): 16,2–21,4
2018 г. — 32 2025 г. — 499	2017 г. — 69 2023 г. — 141	2018 г. — 3,7 2025 г. — 9,7	2018 г. — 0,6 2025 г. — 277	2018 г. — 1 2025 г. — 2,2	2018 г. — 54 2026 г. — 334
ABB, FANUC, KUKA, Mitsubishi Electric, Yaskawa (industrial robots) Hanson Robotics, Pal Robotics, Robotis, Softbank Robotics (humanoids) Alphabet/Waymo, Aptiv, GM, Tesla (autonomous vehicles)	3D Robotics, DJI Innovations, Parrot, Yuneec (commercial drones) Boeing, Lockheed Martin, Northrop Grumman Corporation (military drones)	CRISPR Therapeutics, Editas Medicine, Horizon Discovery Group, Intellia Therapeutics, Precision BioSciences, Sangamo Therapeutics	Ericsson, Huawei, Nokia, ZTE (network equipment) Huawei, Intel, MediaTek, Qualcomm, Samsung Electronics (chip)	BASF, Apeel Sciences, Agilent, Samsung Electronics, Intel	Jinko Solar, JA Solar, Trina Solar, Canadian Solar, Hanwha Q cells
Отрасли с применением дискретного типа производства и т.п.	Коммунальные услуги, строительство, отрасли с применением дискретного типа производства	Фарма-биотехнологии исследовательские центры и организации	Энергетика, производство, общественная безопасность	Медицина, производство, энергетика	Бытовые, коммерческие, коммунальные услуги

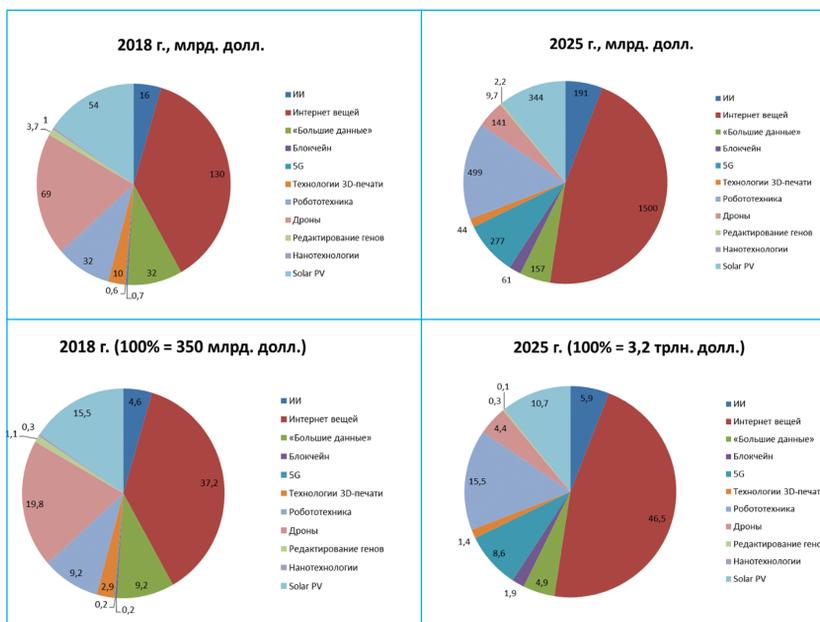

Рис. 7. Оценка (в том числе прогнозная) размера сегментов рынка передовых технологий в динамике, млрд долл. и %

Источник (с добавлением авторских расчетов): [UNCTAD, 2021: 18]

за период 1996–2018 гг., ярче всего проявляется в сфере ИИ и робототехники. Зато количество патентов превышает количество публикаций за указанный интервал времени по *Solar PV* и практически совпадает — по дронам.

Круг пользователей (физических лиц-потребителей и отраслей экономики) (см. табл. 17) передовых технологий расширяется, в том числе в связи с этим ЮНКТАД использует специальный комплексный индекс — Индекс готовности к передовым технологиям (от англ. *Frontier Technologies Readiness Index, FTRI*), позволяющий ранжировать страны по степени их готовности к использованию, внедрению и адаптации современных технологий, в том числе с учетом приведенной ранее выборки (табл. 18). Тем самым, на практике определенным образом учитывается *R*-потенциал и эффект как один из компонентов *PR*-закона.

Готовность стран к использованию, внедрению и адаптации передовых технологий

Страна	<i>FTRI</i>	ИКТ	Навыки	НИОКР	Производство	Доступ к финансам
США	1	14	17	2	20	2
Швейцария	2	7	13	13	3	3
Великобритания	3	17	12	6	11	14
Швеция	4	1	7	16	15	16
Сингапур	5	4	9	18	4	18
Нидерланды	6	6	10	15	8	23
Республика Корея	7	19	27	3	9	8
Ирландия	8	24	6	21	1	87
Германия	9	23	16	5	10	39
Дания	10	2	4	25	21	5
Россия	27	39	28	11	66	45
Китай	25	99	96	1	7	6
Индия	43	93	108	4	28	76

Источник: [UNCTAD, 2021: 25, 137–138].

Лидирующие места в рейтинге *FTRI* занимают США и европейские страны. По отдельным компонентам индекса выделяются Китай (НИОКР и доступность финансов) и Индия (НИОКР). Несмотря на непопадание РФ, КНР и Индии в двадцатку лидеров, эти государства оцениваются как участники группы с высоким уровнем готовности к использованию, внедрению и адаптации передовых технологий (в первом и втором случае) и уровнем выше среднего (в третьем случае) [UNCTAD, 2021: 137–138]. Однако, наблюдая ситуацию изнутри, нам приходится с сожалением констатировать, что за исключением ядерной и авиакосмической промышленности, обладающих накопленными конкурентными преимуществами, российская промышленность не располагает необходимыми механизмами освоения ключевых производств нового ТУ-VI, скорейшее создание которых станет решающим фактором будущего развития страны.

Дело в том, что в России формирование технологических цепочек ТУ-V было прервано распадом СССР и его единого народно-хозяйственного комплекса. Одновременно распались и воспроизводственные контуры всех предшествующих ТУ. Экономика стремительно дегради-

ровала, рынки были быстро захвачены импортными товарами, а базовые отрасли переориентировались на экспорт сырья. Фактически российская экономика «раскололась» на подмножество мало связанных между собой секторов и утратила воспроизводящую целостность. Развитие оставшейся части промышленности, по сути, оказалось подчинено внешнему рынку, следствием чего стали сырьевая направленность и деградация структуры экономики, ее сырьевая специализация.

Сегодня Россия рискует упустить шанс для совершения «рывка» в технологическом развитии, если немедленно не приступит к форсированному созданию технологических совокупностей ТУ-VI. Чтобы не прозябать на «периферии» социально-экономического развития, стране необходимо освоить ключевые производства «ядра» нового ТУ (чье дальнейшее расширение позволит получать интеллектуальную ренту в глобальном масштабе) до крупномасштабной структурной трансформации мировой экономики. Российская наука, на наш взгляд, имеет для этого достаточный потенциал, своевременная реализация которого позволит отечественным предприятиям освоить существующие научно-технические заделы и обеспечить себе на практике лидирующее положение (см. также табл. 18). Основная проблема заключается только в своевременности действий.

Обратимся к анализу достижений стран в «разбивке» по конкретным передовым технологиям. Согласно данным табл. 19, в области соответствующих исследований лидерство принадлежит Китаю и США, которые с переменным успехом делят между собой 1 и 2 места. Однако компании США выделяются масштабами контроля различных сегментов рынка передовых технологий и зачастую являются основными поставщиками соответствующих продуктов и услуг. Среди наиболее значимых факторов, сдерживающих рост передовых технологий, отмечаются недостаток квалифицированных кадров, риски безопасности и конфиденциальности, этические проблемы, вероятность негативного воздействия на здоровье человека и окружающую среду и т.п. Кроме того, фиксируется наличие интересных явлений на мировом рынке труда. Так, в индустрии ИИ и сегменте блокчейн наблюдается настоящий «бум» занятости: стремительно растет число вакансий с высокой заработной платой. Китай, США и Япония выделяются наибольшим количеством специалистов в области ИИ и создаваемых рабочих мест в сфере 5G [подробнее см.: UNCTAD, 2021: 110–120].

Отметим, что на основе рисков и угроз, связанных с разработкой и внедрением новых передовых технологий ТУ-VI, эти технологии можно условно разделить на две категории: 1) с подтвержденными преимуществами и полезностью при сравнительно низком уровне создаваемых вызовов; 2) с высоким уровнем неопределенности — как при оценке и изучении полезности, так и создаваемых рисков или негативных побочных эффектов (потенциальных или экспериментально доказанных). В контексте данных рассуждений рассмотрим два конкретных примера. Так, аддитивные технологии и производство, которые в настоящее время являются одновременно и результатом, и мощнейшим драйвером НТП, обладают явными преимуществами по сравнению с традиционным производством и способны порождать существенные положительные эффекты (рис. 8). Соответственно, мы отнесем их к первой категории передовых технологий с высоким уровнем полезности для общества и относительно низким уровнем рисков (см. табл. 19).

Другой пример — генетически модифицированные организмы (ГМО), созданные при помощи генной инженерии путем выделения гена из одного организма и встраивания его в ДНК другого, т.е. осуществления трансгенизации для изменения свойств или параметров организма-реципиента. К ГМО обычно относят генно-модифицированные (ГМ) бактерии, растения и животные [Ермакова, 2014: 5–6]. Безопасность существующих методов внедрения генов и полезность полученных с помощью генной модификации организмов пока ставятся под сомнение, и даже существуют конкретные экспериментально доказанные примеры негативных эффектов от ГМО, однако трансгенные организмы с начала своего появления (в конце 1980-х гг.) продолжают завоевывать доверие и популярность. Так, по оценкам экспертов, с 1996 г. посевные площади для них выросли в 70 раз и к 2010 г. составили порядка 20% общих посевных площадей. К середине 2010 гг. наибольшие посевные площади были заняты трансгенными культурами сои (61%), кукурузы (23%), хлопка (11%) и рапса (5%), а в мире было допущено к производству свыше 140 линий ГМ-растений [Ермакова, 2014: 6–8].

Приведенный выше анализ особенностей шестого ТУ и его базисных технологий подтверждают связанность его становления с формированием принципиально нового — знаниеинтенсивного — типа материального производства и генезиса Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2). Разработка идеи о возникновении и раз-

Категории	ИИ	Интернет вещей	«Большие данные»	Блокчейн	3D-печать
Публикации	США, Китай, Великобритания	Китай, США, Индия		Китай, США, Великобритания	США, Китай, Великобритания
Патенты	США, Китай, Германия	Китай, Республика Корея, США		США, Антигуа и Барбуда, Китай	США, Китай, Германия
Контроль над сегментом рынка и основные поставщики	США				
Основные ограничивающие рост факторы	ограниченное число экспертов, потенциальные риски для человечества	нехватка квалифицированных кадров, риски конфиденциальности, угрозы кибербезопасности		риски безопасности, непроработанность нормативной базы и соответствующих стандартов	нехватка квалифицированных кадров, высокая стоимость

Составлено на основе следующего источника: [UNCTAD, 2021: 110–120].

вити НИО.2 несколько лет является одним из центральных направлений авторских исследований, результаты которых излагаются ниже [в числе фундаментальных трудов по данной тематике можно выделить следующие: Бодрунов, 2015а; 2016а, с-е; 2017а-б; 2018с, h; 2019 а-б; 2022b; Бодрунов, Гэлбрейт, 2018; Квинт, Бодрунов, 2021].

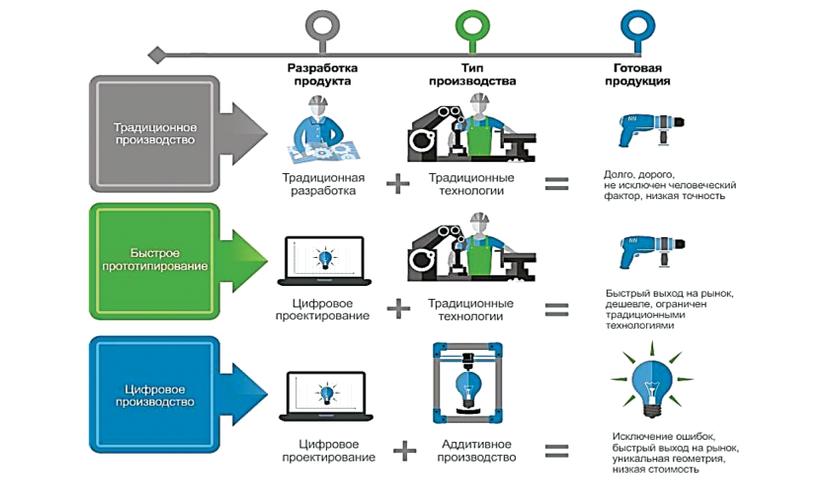
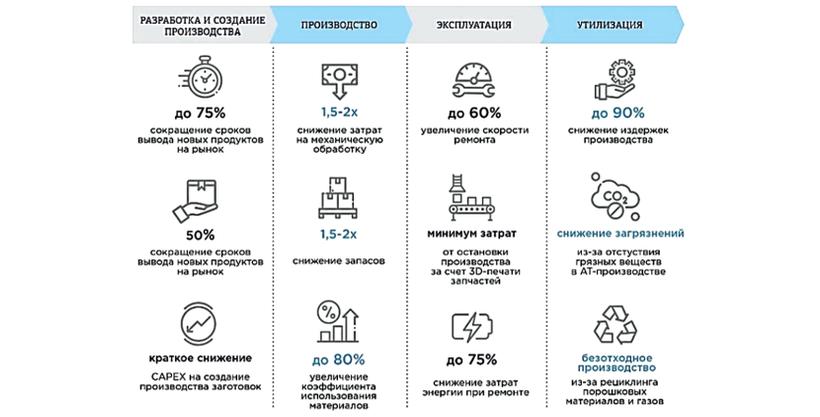
Общеизвестно, что «в спорах рождается истина». Согласно этой логике можно отметить, что на основе полученного практического опыта, в том числе в результате конструктивного анализа ряда концепций институционалистов (или, как лучше выразиться — в «спорах» данного автора на страницах его работ с Д. Беллом о «миражах постиндустриализма» и в ходе переосмысления позиции Дж.К. Гэлбрейта) родилась и развилась мысль о грядущем формировании Нового индустриального общества второго поколения и соответствующая ав-

**Страны-лидеры в области выделенных передовых технологий
и основные сдерживающие факторы их роста**

Робототехника	Дроны	Редактирование генов	5G	Нанотехнологии	Solar PV
США, Китай, Япония	США, Китай, Великобритания		Китай, США, Великобритания	США, Китай, Германия	Индия, США, Китай
США, Республика Корея, Германия	США, Республика Корея, Франция	США, Швейцария, Китай	Республика Корея, Китай, США	США, Китай, Россия	Китай, Республика Корея, США
Ряд стран (без выделенного лидера)	США (ВПК), нет выделенного лидера (кроме ВПК)	США	Ряд стран (без выделенного лидера)	США	Китай
сдержанный рост рабочих мест	риски конфиденциальности и национальной безопасности, конкуренция со стороны спутников	этические проблемы, вероятность негативного воздействия на здоровье человека	необходимость модернизации инфраструктуры	риски для окружающей среды, здоровья и безопасности, сдержанный рост рабочих мест	сдержанный рост занятости

торская концепция [подробнее см.: Бодрунов, 2016а; 2017а-б; 2018с]. Исходя из вышесказанного, НИО.2 и экономика в XXI в., на наш взгляд, «должны стать «отрицанием отрицания», диалектическим снятием и позднеиндустриальной системы, описанной Дж.К. Гэлбрейтом, и информационно-постиндустриальных трендов, рассмотренных Д. Беллом и его последователями» [подробнее см.: Бодрунов, 2018с: 68].

В числе главных ошибок создателей и апологетов постиндустриальной модели развития общества мы, как правило, выделяем недооценку роли НТП и технологического тренда в социальной эволюции, отрицание важности индустриальной основы как опоры общественного развития и полагание в большей степени на количественные показатели, нежели на качественные. Подобные идеи и выписанные по ним «рецепты» в купе с развитием «мейнстрима» экономической

Традиционное производство

Аддитивное производство

Рис. 8. Положительные индустриальные эффекты от внедрения аддитивных технологий и преимущество аддитивного производства по сравнению с традиционным.

Составлено с использованием иллюстративного материала из следующего источника:
 [Новиков, Рамазанов, 2022]

мысли привели к возникновению таких явлений в современной экономике, как финансиализация и финансовые «пузыри», бешеные трансграничные перетоки «горячих денег» и связанные с ними эффекты «заражения», географический перенос производственных мощностей, деиндустриализация и виртуализация как материальная основа для производства товаров-симулякров и распространения симулятивных потребностей [Бодрунов, 2018с: 207; Бодрунов, Гэлбрейт, 2018: 43–44].

Переход к новому ТУ-VI влечет за собой существенные социально-экономические изменения, поскольку именно этот технологический уклад призван создать материальную базу для НИО.2. Генезис данного общества имеет в своей основе две важные и объективные закономерности. Одна из них состоит в том, что по мере приближения к НИО.2 потребности в ресурсах будут сокращаться, а уровень доступности продуктов — возрастать, тем самым расширяя возможности для удовлетворения потребностей. Вторая закономерность является следствием первой и указывает на то, что в ходе развития НИО.2 уровень и острота конкуренции (в том числе за ресурсы), следовательно, уровень конфликтогенности в обществе, будут снижаться [Бодрунов, 2017b: 56].

Выявленные закономерности требуют авторского комментария и пояснения, поскольку их объективность на практике не всегда очевидна для читателя. Как правило, приходится сталкиваться со следующими возражениями и вопросами: каким же образом будет расти доступность продуктов и как расширятся возможности для потребления, если до сих пор существует и даже обостряется проблема бедности в различных странах, и разве текущие политические события в развитии международных отношений не демонстрируют усиление конфликтогенности в мире, в том числе на почве конкуренции за ресурсы? Вопросы эти вполне обоснованы и убедительно доказывают неравнодушие и наблюдательность читателей. Однако обозначенные ими тенденции характерны для кратко- и среднесрочного периода, мы же рассуждаем о тенденциях долгосрочных. Например, в том числе благодаря достижениям НТП, многие страны сделали гигантский шаг вперед в своем развитии (такие как «азиатские тигры», Китай и Индия). Кроме того, именно НТП открывает возможности для замещения, возобновления и более рационального использования ресурсов, что ведет к сокращению конфликтов за них — и это довольно сложно уловить на коротком промежутке времени, зато очевидно при анализе соответствующих процессов в динамике.

НТП приводит человека к осознанию новых потребностей, причем одни группы людей начинают удовлетворять их раньше, чем другие — в чем заключается один из самых конфликтогенных видов неравенства. Со временем указанный разрыв между этими группами сокращается. И так было на протяжении всей истории, только с разной степенью выравнивания. Например, с появлением железных дорог и поездов пользование ими (в силу дороговизны транспорта и т.п.) было доступно лишь незначительному количеству лиц. А сегодня любой человек может подобрать для себя подходящий билет и практически в любое время (исключая природные катаклизмы и форс-мажорные ситуации) благополучно добраться из пункта А в пункт В. Или поступающий на рынок новый *iPhone* поначалу является крайне дорогостоящим, но с течением времени он становится все доступнее по цене, и круг его покупателей непрерывно и значительно расширяется. Таким образом, скорость выравнивания возможностей потребителей и доступности товаров на современном этапе развития значительно ускоряется, а уровень конфликтогенности, тем самым, снижается.

Более того, со временем меняются и общественные критерии оценки таких важных базовых категорий, как «бедность», «полезность» и т.п. Так, чтобы убедиться в объективности данного утверждения, можно, к примеру, пронаблюдать за развитием китайской концепции «сяокан» (*Xiaokang*) или идеи построения общества «среднего благосостояния» («среднего достатка», «средней зажиточности»), которая имеет глубокие исторические корни и особое значение для Китая сообразно с его культурой и отличительными чертами [SCIO PRC, 2021; Воскресенский, 2019]. Впечатляет и китайский подход к проработке вопросов и последовательному решению проблем борьбы с абсолютной и относительной бедностью в рамках движения к «сяокан» и оценке соответствующих промежуточных результатов [Бони, 2020а; 2020b].

Однако еще раз подчеркнем: все эти важные процессы и их последствия поддаются наблюдению и исследованию только на длинном временном интервале. Иными словами, на приведенные выше вопросы и возражения читателей по обозначенным закономерностям НИО.2 можно было бы кратко ответить есенинскими строками из «Письма к женщине»:

Лицом к лицу

Лица не увидеть.

Большое видится на расстоянии.

Таким образом, формирование и развитие НИО.2 тесно связано с установлением принципиально нового типа материального производства, который мы называем «знаниеинтенсивным». Сама категория «знаниеинтенсивность» указывает на значимость процесса синтеза экономики индустриальной, информационной и основанной на знаниях. К особенностям такого типа производства мы относим следующие тенденции и явления¹.

Во-первых, непрерывное повышение знаниеинформационной и снижение материальной составляющей, а также сокращение энерго-, материало- и фондоемкости продукции. Обозначенные тренды хорошо прослеживаются на авторском графике, названном впоследствии «крестом Бодрунова» (рис. 9). Анализ этого графика позволяет связать эволюцию НТП и процесс смены ТУ с возрастанием знаниеемкости материального производства. В свою очередь, эти тенденции сопрягаются с последующими институциональными и социально-экономическими изменениями и общественным развитием: от индустриального → через Новое индустриальное общество → к НИО.2.

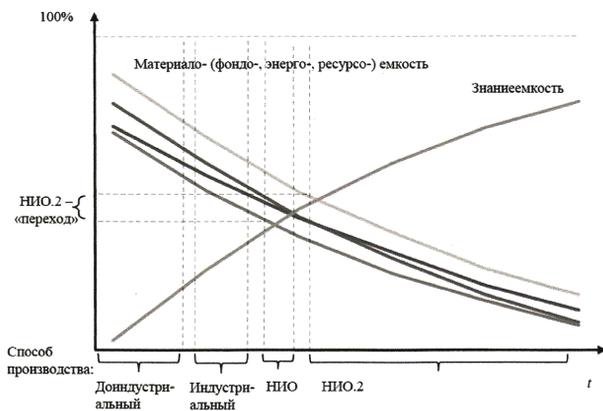

Рис. 9. «Крест Бодрунова»

Источник: [Бодрунов, 2018с: 72].

¹ Обозначенные нами ранее особенности экономики знаний здесь повторять нецелесообразно, но подразумевается, что они учитываются в качестве составной части характеристик знаниеинтенсивного производства.

Причем НИО.2 будет существенно отличаться от Нового индустриального общества первого поколения (табл. 20).

Таблица 20

Основные различия между новым индустриальным обществом разных поколений

Характеристика	НИО	НИО.2
Производимый продукт	Массовый	Знаниеемкий
Основные компоненты издержек производства	Затраты капитала и затраты на оплату труда > затрат на использование природных ресурсов	Затраты на НИОКР, образование и здоровый образ жизни > материальных издержек
Основные отрасли экономики	Массовое промышленное производство, финансы, торговля, сервисные отрасли, здравоохранение, образование, НИОКР	Высокотехнологичная промышленность с опорой на непрерывный инновационный процесс, НИОКР, образование и здравоохранение
Господствующий тип производственной организации	Крупная корпорация	Корпорация, интегрирующая производство, науку и образование
Способ удовлетворения потребностей	Количественное наращивание массового производства и назойливое навязывание массового сбыта	Ресурсоэкономный путь создания продуктов, способных удовлетворять многообразные рациональные потребности

Источник с авторскими корректировками: [Бодрунов, Гэлбрейт, 2018: 58].

Во-вторых, миниатюризацию устройств. Читатель, вероятно, помнит (или может посмотреть в Интернете соответствующую историческую справку), как выглядели первые едва умещавшиеся в руках сотовые телефоны и занимающие почти все свободное рабочее пространство на столе компьютеры. Теперь в силу их компактности эти устройства легко и комфортно использовать даже маленькому ребенку.

В-третьих, сами особенности производственного процесса и тенденции развития технологий, связанные с такими характеристиками, как гибкость, модульность, унификация и т.д. Это указывает на развитие особой, более адресной B2B и B2C коммуникации, а также тенденции к усилению индивидуализации материального производства.

В-четвертых, сетевую модель структуризации, сменяющую вертикально интегрированные структуры, и применение передовых методов

и принципов организации производства и управления (сетевых, типов *just-in-time* или *lean-production* и т.п.).

В-пятых, развитие качественно новых технологий — как в самом процессе материального производства, так и в других отраслях экономики (транспорте, здравоохранении, образовании и т.д.) и их взаимовлияние. Например, указанные выше современные передовые технологии стало принято для удобства объединять в группы по соответствующим областям (*N* — нано, *B* — био, *I* — инфо, *C* — когно) и анализировать их *NBIC*-конвергенцию.

В-шестых, снижение роли традиционного производства (традиционной обрабатывающей промышленности) и экологическая чистота, в том числе с учетом ориентации на новые источники энергии (см. рис. 8 на примере аддитивного производства и использования его очевидных выгод).

Наконец, на выходе знаниеемкий материальный продукт, объединяющий в себе традиционные и принципиально разнящиеся с обычным продуктом черты и характеризующий как новое качество главного фактора и используемого ресурса (знания), так и результат нового типа материального производства.

Рассуждая о концептуальной платформе НИО.2 невозможно не подчеркнуть еще раз приоритетную роль знаний — и в развитии новой индустрии как способа материального производства на базе передовых технологий с созданием новоиндустриального (знаниеемкого) продукта, и в качественном изменении общественных институтов, и в эволюции самого социума. Наглядным примером здесь может служить трансформация треугольника «производство-наука-образование» (характерного для концепции Дж.К. Гэлбрейта) в рамках выстраивания нашей концептуальной платформы для НИО.2 (рис. 10). Если, по Гэлбрейту, производство занимает лидирующее положение, а наука и образование оказываются у него на подчиненных позициях, то в НИО.2 знание располагается на приоритетном месте. Причем наука выступает как ***сфера открытия знания***, образование — как сфера ***формирования человека, способного овладеть знаниями и применить их***, а производство — как сфера создания ***знаниеемкого продукта*** [см. ***подробнее***: Бодрунов, 2018с: 177; Бодрунов, Гэлбрейт, 2018: 58].

Таким образом, подобно тому, как в свое время К. Маркс осуществлял «переворачивание» Гегеля [см.: Мареев, Мареева, 2003: 529–532], так и мы в сложившихся на условиях и сообразно с требованиями и вы-

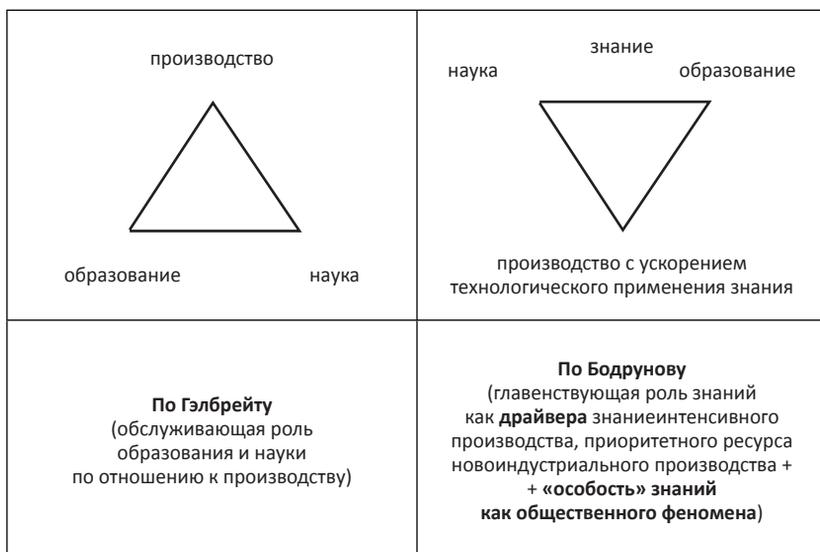

Рис. 10. Трансформация интеграционного треугольника
«производство-наука-образование» в концептуальной
платформе НИО.2 Бодрунова
Составлено по: [Бодрунов, 2018с: 177]

зовами современного этапа развития на этом примере определенным образом «переворачиваем» некоторые идеи из концепции нового индустриального общества Гэлбрейта.

Для того чтобы нарисовать четкую и всеобъемлющую «картину» взаимосвязей между ТУ, МХУ и НИО.2, обратимся к анализу развития и истории смены мирохозяйственных укладов.

2.3 **Мирохозяйственные уклады: этапы развития и факторы¹**

Ранее были изложены закономерности технико-экономического развития, выделенные на основе теории смены ТУ, генерирующих кондратьевские «длинные волны», обнаруживающие себя в поведении технико-экономических и социально-экономических показателей [Мавевский, 2022]. В силу меньшей изученности вековых системных циклов

¹ Изложено на основе следующих источников: [Глазьев, 2021а: 44–49; Глазьев, 2016: 232–234].

накопления капитала (СЦНК), генерируемых жизненными циклами мирохозяйственных укладов, процесс смены МХУ остается пока в виде сформулированной автором гипотезы [Глазьев, 2017: 188].

Институциональная система МХУ проникает во все процессы воспроизводства мировой экономики, включая составляющие ее национальный, региональный и международный уровни. При этом страны-лидеры оказывают доминирующее воздействие на мировые институты, которые регулируют международные финансово-экономические отношения. Институты государства-лидера служат примером для подражания: страны «периферии» вынуждены их импортировать. Отметим, что институциональная система МХУ неоднородна, более того, она может содержать даже идеологически диаметрально разные составляющие (например, как это было в эпоху противостояния СССР и США). Тем не менее ее основу образуют общие базовые элементы, определяющие развитие экономики (среди которых можно выделить использование фидуциарных денег для финансирования крупных вертикально интегрированных производственных систем).

Каждый МХУ имеет свои пределы роста, определяемые накоплением внутренних противоречий в рамках воспроизводства составляющих его институтов. Развитие указанных противоречий приводит к усилению напряженности в системе международных экономических и политических отношений, разрешение которых происходит преимущественно через мировые войны. Смена МХУ связана с периодами резкой дестабилизации системы международных отношений, разрушением старого и формированием нового миропорядка. Происходит исчерпание возможностей социально-экономического развития в рамках сложившейся системы институтов и производственных отношений. Доминирующие ранее государства сталкиваются с непреодолимыми проблемами поддержания прежних темпов экономического роста: перенакопление капитала в устаревающих производственно-технологических комплексах втягивает их экономику в депрессию, а старая система институтов ограничивает формирование новых технологических цепочек. Между тем новые технологии и институты организации производства уже вступают в борьбу за выживание в других странах, которые в итоге осуществляют «рывок» на лидирующие позиции в мировом социально-экономическом развитии.

Как уже было отмечено ранее, закономерность периодической смены МХУ проявляется в последовательности отражающих ритм ка-

питализма вековых СЦНК, обнаруженных Арриги. По типу лежащих в их основе международных торгово-экономических отношений соответствующие мирохозяйственные уклады определены как Торговый, Колониальный, Имперский и Интегральный. Схема вековых СЦНК и жизненных циклов ТУ и МХУ, встроенная в «матрицу индустриальной цивилизационной волны», разработанную нами с коллегой А.Э. Айвазовым, проиллюстрирована на рис. 11.

МХУ различаются как по типу организации международной торговли, так и по системе производственных отношений и институтов, позволяющих государствам-лидерам добиваться и поддерживать превосходство в мире. Представленная классификация МХУ формируется на основе институциональных систем передовых стран, образующих «ядро» или центр мировой финансово-экономической системы и определяющих характер и направление мирового социально-экономического развития. Ее «периферия» подстраивается под нужды «ядра», импортируя нужные для этого институты, наряду с которыми могут существовать и воспроизводиться традиционные устаревшие институты, что характерно для значительной части находящихся на периферии многоукладных национальных экономик развивающихся стран. Отношения между «ядром» и «периферией», как правило, характеризуются неэквивалентным внешнеэкономическим обменом в пользу первого, поскольку страны «ядра» используют свое монопольное положение для извлечения рентных доходов: интеллектуальной ренты за счет монополии на использование значимых изобретений и торговых марок; технологической ренты — за счет монопольного владения передовыми технологиями; денежной ренты — за счет эмиссии мировой валюты; политической ренты — за счет манипулирования местными элитами.

Почему смена МХУ происходит именно раз в столетие и сопровождается социальными революциями и мировыми войнами?

Мы предполагаем, что ответы на этот вопрос необходимо искать в сформулированном выше законе сочетаемости, аристотелевской хрематистике и концепции симулятизации потребностей (см. разделы 1.1 и 1.5). *PR*-закон позволяет конкретизировать время готовности системы к изменениям и раскрытия *P*-потенциала нового МХУ, тогда как остальные обозначенные идеи помогают охарактеризовать «природу» повышенной в эти переходные периоды конфликтности. Так, в течение жизненного цикла МХУ сменяется несколько поколений

МАТРИЦА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ВОЛНЫ

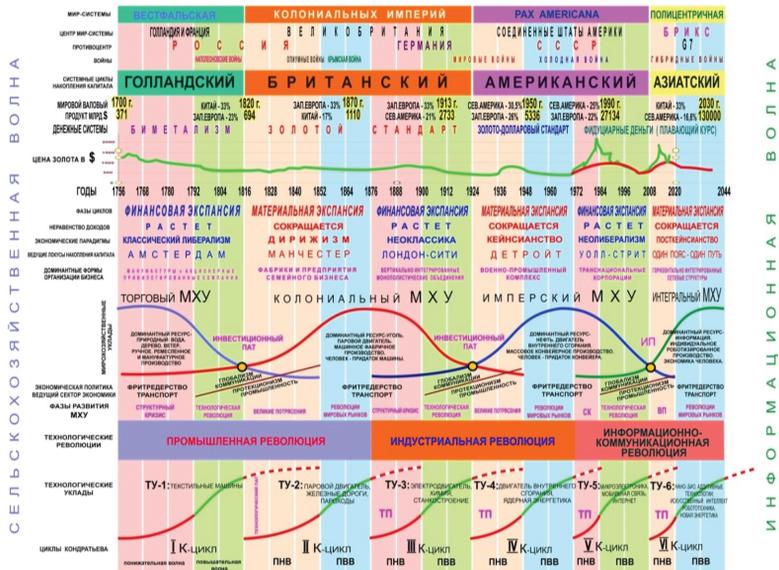

Рис. 11. Смена ТУ и МХУ в ходе мирового развития

Источник (в переводе на русский язык):
[Glazyev, Ajvazov, Belikov, 2018: 10]

людей, а само замещение МХУ всегда сопровождается обновлением властвующей элиты. Если исходить из того, что привилегированное положение в обществе передается по наследству и сопровождается идеологической преемственностью, то к концу жизненного цикла МХУ элита доминирующей страны, естественно, будет сопротивляться политическим изменениям, угрожающим ее господствующему положению. Ориентирующаяся на накопление богатства и фальшивые потребности и не желающая менять что-либо элита страны-лидера в стремлении сохранить свою гегемонию идет на любые преступления против человечества, вплоть до проявления открытой агрессии — развязывания войн (как тут не вспомнить о характеристиках условно выделенных видов «суперанIMALов» и «суггесторов» из приведенной выше классификации общественных групп на основе теории Поршнева-Диденко!). «Театры» этих войн разворачивались часто между странами «ядра» зрелого МХУ. Но их доминирование не может продолжаться вечно

в силу исчерпания возможностей старого МХУ и зарождения новых государств-лидеров с новыми более эффективными институтами и новым выстраивающимся центром мирохозяйственных связей.

Последними историческими примерами такого рода являются Первая и Вторая мировые войны, которые были спровоцированы Великобританией с целью уничтожения России и Германии как главных конкурентов геополитическому доминированию английской властвующей элиты. Однако с образованием СССР и возвышением США в результате Первой мировой войны появились две разновидности новой эффективной системы управления развитием экономики. Вторая мировая война завершила переход от Колониального к Имперскому МХУ, сопровождавшийся распадом Британской империи. Аналогичным образом в настоящее время осуществляется переход от Имперского к Интегральному МХУ, а центр мировой экономики смещается в Юго-Восточную Азию. Попытки американской властвующей элиты сохранить глобальную гегемонию посредством провоцирования международных конфликтов и развития торговых войн и санкционных режимов не в состоянии сдержать этот объективный процесс. На наш взгляд, нынешний кризис мировой финансово-экономической системы и обострение военно-политической напряженности в формате гибридной мировой войны объясняются именно происходящей в настоящее время сменой МХУ¹.

Нынешняя смена МХУ сопровождается еще одним эпохальным изменением. Впервые центр мировой экономики выходит за пределы европейской цивилизации и смещается в Азию. Если Голландский, Британский и Американский СЦНК имели общий фундамент в виде англогерманской цивилизационной основы и протестантской этики, базирующихся на индивидуализме и конкуренции, то страны-лидеры Азиатского СЦНК относятся к иным цивилизациям, опирающимся на коллективизм, солидарность, взаимное уважение. США и ЕС экспортировали в Азию механизмы рыночной конкуренции. СССР обучил их планированию социально-экономического развития, искусству управления денежным обращением в целях наращивания производства, экспор-

¹ Справедливости ради отметим, что в истории известны и бесконфликтные способы властвующей элиты ограничить зарождение нового центра. Так, один из них был реализован в 1985 г. в отношении первого «летающего гуся» Азиатского СЦНК (Японии) путем искусственного снижения конкурентоспособности ее экономики через навязывание ей «Соглашения Plaza». В настоящее время применение подобной тактики к формирующемуся «ядру» Интегрального МХУ не представляется возможным.

тировал социалистическую идеологию. Еще в 60-е гг. прошлого века лучшие умы прогнозировали переход от противостояния западного капитализма и советского социализма к принципиально новому, по определению П.А. Сорокина, интегральному строю, свободному от недостатков этих систем и сочетающему преимущества каждой из них¹ [Сорокин, 1997]. Мы использовали этот термин для названия нового МХУ, в котором сочетаются социалистическая идеология, рыночная конкуренция и национальные интересы в качестве движущих сил развития экономики. На рис. 12 отражен процесс перехода от Американского к Азиатскому циклам накопления капитала, который носит необратимый характер.

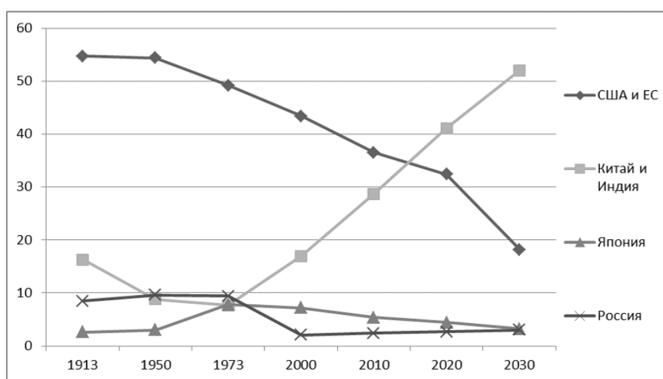

Рис. 12. Сопоставление ВВП «ядра» Американского и Азиатского системных циклов накопления капитала (без учета пандемии COVID-19)

Источник данных: [Глазьев, 2021а: 125–126].

Этот переход начинается с распада СССР, составлявшего один из полюсов биполярного имперского МХУ, и завершается распадом *Pax Americana* в настоящее время. Развязанная в целях его сохранения ми-

¹ Еще в 1964 г. Сорокин предвидел будущую глубокую историческую трансформацию и сформулировал главный отличительный признак новой эпохи. В его понимании, «доминирующим типом возникающего общества и культуры не будет, вероятно, ни капиталистический, ни коммунистический, а... интегральный тип», который окажется «промежуточным» между указанными двумя порядками, т.е. объединит в себе их положительные качества и ценности и освободится «от серьезных дефектов» каждого из них. Таким образом, «возникающий интегральный строй в своем развитии не будет... простой эклектичной смесью специфических особенностей обоих типов, но объединенной системой интегральных культурных ценностей, социальных институтов и интегрального типа личности» [Сорокин, 1997: 350].

ровая гибридная война уничтожает благополучие Европы и влечет развал долларовой финансовой системы, являющейся основой экономического доминирования США. Переход к новому МХУ может означать и конец эпохи возникшего в Европе капиталистического способа производства с характерной для него цикличностью и переход к принципиально новому общественному устройству, существенно отличающемуся от представлений Научного коммунизма о социалистическом способе производства.

Перейдем к подробному анализу особенностей нового МХУ с учетом его взаимосвязанности с ТУ-VI, развитием знаниеинтенсивного производства и переходом к НИО.2.

2.4 Характеристика нового Интегрального мирохозяйственного уклада как институциональной основы перехода от знаниеинтенсивного производства к НИО.2 — общественному устройству следующего поколения

В целях представления наиболее полной характеристики нового мирохозяйственного уклада проведем его анализ по трем важным блокам: выделим ключевые особенности Интегрального МХУ, обозначим круг стран-лидеров зарождающегося «ядра» и выявим присущие им черты, а также приведем возможные сценарии его дальнейшего развития.

I. **Особенности нового Интегрального МХУ** [приведено на основе: Glazev, Arkhipova, 2022; Глазьев, 2021а: 77–90; Глазьев, 2016; Глазьев, 2018].

Особенности нового МХУ, отличающие его от предшествующих, включают следующие основные позиции.

Во-первых, это гармоничное «сочетание многообразия» или «единство многообразия».

В рамках нового МХУ сосуществуют и развиваются различные формы собственности, экономические институты и способы регулирования экономики. Институты государственного планирования сочетаются с рыночной самоорганизацией, государственного контроля над основными параметрами экономического воспроизводства — со свободным предпринимательством, идеология общего блага — с частной инициативой. Если страны «ядра» предшествовавшего МХУ опираются на универсальную систему мировых финансово-экономических отношений,

то формирующееся «ядро» нового МХУ отличается разнообразием национальных систем регулирования экономики. В отличие от стран ядра имперского МХУ, навязывавших периферийным странам свои институты и системы управления экономикой, страны нового МХУ разделяют общие ценности национального суверенитета, равноправия, свободы выбора пути развития, отказа от гегемонии, признания историко-культурных традиций и т.п. Таким образом, Интегральный МХУ закладывает фундамент для возможной реализации качественно новой модели сотрудничества (с парадигмой устойчивого развития на благо всего человечества) для стран, находящихся на разных стадиях экономического и социального развития.

Как уже отмечалось ранее, если центр старого СЦНК располагался в рамках западноевропейской цивилизации с ее идеологией наживы, индивидуализма и принуждения, которая после распада СССР превратила остальной мир в свою «периферию», то формирование нового Интегрального МХУ опирается на другую цивилизационную основу. Несмотря на его сложный состав, государства «ядра» объединяет приоритизация взаимоуважительного сотрудничества на основе приверженности системе ценностей, базис которой составляют неприятие насилия, потребность в гармонии между природой, человеком и обществом, осуждение стяжательства как цели существования, стремление к балансу интересов личности-общества-народов-государств, религиозное ограничение свободы человеческого произвола путем соблюдения фундаментально-гуманистического «кодекса» нравственных норм. В международных отношениях эти общие ценности выражаются во взаимном уважении, взаимопозитивном сотрудничестве и «единстве многообразия», выработке и совершенствовании совместных и (или) взаимодополняющих стратегий развития. Особое внимание при этом уделяется культурно-гуманитарным традициям группы стран «ядра» нового МХУ, что заставляет переоценивать результаты современного этапа развития НТП.

Во-вторых, это качественный «скачок» в расширении возможностей и налаживании эффективного управления социально-экономическим развитием по сравнению с предыдущими системами миропорядка, уже демонстрируемый посредством сочетания институтов централизованного планирования и рыночной конкуренции в рамках нового МХУ. Развитие этой тенденции можно наблюдать на примерах Японии (до середины 1980-х гг.), Южной Кореи, современного Китая, Вьетнама,

Индии и даже Эфиопии, показывающей впечатляющие результаты при активном участии инвесторов из КНР. Причем фундаментальной особенностью интегрального МХУ является ориентация системы регулирования экономики на повышение общественного благосостояния.

В-третьих, это приоритет общественных интересов над частными, что выражается в жестких механизмах ответственности хозяйствующих субъектов за вклад в повышение национального благосостояния и в регулирование предпринимательской деятельности: она поощряется в случаях положительного влияния на рост общественного благосостояния и повышение конкурентоспособности экономики и подавляется в случаях частного присвоения общественного богатства. Осуществляется государственный контроль над основными параметрами воспроизводства капитала, главным образом через планирование, субсидирование, ценообразование, кредитование и регулирование денежно-обращения.

В-четвертых, это центральная роль государства как модератора, формирующего механизмы социального партнерства и взаимодействия социальных групп, организующего совместную работу деловых, научных и иных сообществ по определению общих целей развития и выработке методов их достижения. Под это «затачиваются» и инструменты государственного регулирования экономики. Государственно-частное партнерство (ГЧП) ставится в подчинение общественным интересам экономического развития.

В-пятых, это формирование новой мировой финансовой и торговой архитектуры, основанной на международном праве, принципах недискриминации, взаимовыгодности, прозрачности и уважения национальных суверенитетов. Прекращение либеральной глобализации, имевшей существенные и масштабные негативные последствия — такие, как снижение способности государства влиять на распределение национального дохода и богатства, свобода ТНК для бесконтрольного перемещения ресурсов, ухудшение качества социальной защиты и эффективности социальных инвестиций, рост доходов американоцентричной олигархии и падение уровня жизни в большинстве стран с открытым типом экономики. Для преодоления этих деструктивных тенденций наметились масштабные реформы мировой финансово-экономической системы и международных отношений, включающие замену нынешних мировых резервных валют новой мировой расчетной валютой, введение ограничений на трансграничное движение капитала, недопущение

противоправных экономических санкций, введение международных механизмов стабилизации цен, ликвидацию офшорных юрисдикций, формирование глобальных механизмов выравнивания уровней экономического развития различных стран и решения основных проблем человечества (голода, неграмотности, загрязнения окружающей среды и пр.).

В-шестых, это усиление процессов региональной интеграции и сотрудничества. Согласно принципам нового МХУ развиваются ЕАЭС, БРИКС, ШОС и т.п. Знаковым в данном контексте становится то, что Интегральный МХУ предоставляет *carte blanche* для диалога цивилизаций.

В-седьмых, это возрождение значимости и уважения национального суверенитета в качестве основы и международного права, и социальной организации современного государства.

В-восьмых, это сверхжесточенная конкуренция как между странами-лидерами старого и нового «ядра» (см. рис. 12), так и между институтами нового и старого МХУ за глобальные ресурсы. Лидеры Американского СЦНК (а именно США и их союзники) привлекали ресурсы с «периферии» мировой экономической системы через специально созданные институты, механизмы и инструменты. Так, большинство стран с переходной экономикой столкнулись с негативными последствиями, связанными с применением рецептов «Вашингтонского консенсуса», процессами интернационализации доллара и финансовализации. В то же время страны, сумевшие сохранить экономический суверенитет (например, Китай и Индия), создают собственные институты, тем самым успешно преодолевая периоды мировых кризисов. Данный опыт привлекателен для других азиатских и латиноамериканских государств, перенимающих опыт Китая. Сегодня КНР стремительно формирует свои институты, существенно ограничивая пространство для манипулирования прежних лидеров старого МХУ. Институты «ядра» Имперского МХУ пытаются выжить за счет привлечения ресурсов из «периферийных» стран путем введения контроля над их активами, но это становится сделать все труднее. Установление нового миропорядка будет происходить на передовой технологической основе с новыми производственными возможностями и качественно новыми потребительскими предпочтениями. В отличие от американской институциональной системы, ориентированной на обслуживание интересов финансовой олигархии, институциональные системы Китая, Индии, Вьетнама, Малайзии, Ирана и других стран нового МХУ ориентированы

на общественные интересы социально-экономического развития, выстраивающие партнерство бизнеса и государства для достижения общих целей.

Наконец, особое значение Интегрального МХУ как институциональной основы перехода от знаниеинтенсивного производства к НИО.2. В контексте нашего исследования НИО.2 трактуется как объективное следствие перехода к новым технологическому (с повышением знаниеемкости и знаниеинтенсивности) и мирохозяйственным укладам и результат эволюции общественного устройства [Бодрунов, 2017b: 41].

Обозначенные нами особенности нового МХУ помогут объяснить, каким образом и почему именно так, а не иначе, формируется состав главных участников его «ядра».

II. Страны-лидеры Интегрального МХУ и их основные характеристики [приведено на основе: Glazev, Arkhipova, 2022; Глазьев, 2016; Глазьев, 2018].

Как уже упоминалось выше, согласно закону колебания исторического маятника, центр активности смещается с Запада на Восток. Кроме того, происходит смена ТУ и МХУ, Американский СЦНК уступает место Азиатскому и на передовые позиции стремительно выходят государства, в свое время неслучайно объединенные Е.М. Примаковым в символический стратегический «треугольник»: Россия, Индия и Китай.

Почему же именно этим странам предоставляется возможность сформировать «костяк» или основу «ядра» Интегрального МХУ?

Для ответа на данный вопрос проанализируем характерные черты каждой из них, выявим современные особенности их развития и обозначающую роль внутри «ядра» нового МХУ, а также исследуем выгоды и проблемы взаимодействия в рамках упомянутого «треугольника».

Китай

За последние три десятилетия Китай добился впечатляющих результатов. Из глубокой «периферии» мировой экономики эта страна смогла перескочить в группу лидеров, стать одним из центров передового развития и попасть в формирующееся «ядро» нового Интегрального МХУ (см. табл. 18, 19 и рис. 12). Китай отличился не только успехами в развитии национальной экономики, но и динамизмом социальных преобразований благодаря выстраиванию собственного уникального «пути» реформ и реализации концепции «сяокан», кото-

рые подготовили «почву» для известного во всем мире китайского «экономического чуда». Взятый КНР курс на построение и постепенное совершенствование рыночной экономики существенно расходится с российской практикой «шоковой терапии», он отражает творческий подход к реформированию и прагматизм китайских руководителей. Прогрессивная и гибкая трансформационная модель такого рода предназначена для реализации эффективного социально-экономического управления на практике и в корне отличается от «окаменелых» догматических шаблонов и оторванных от реальности идеологических «конструкций». Китай успешно сочетает государственные и рыночные механизмы и выстраивает социалистический тип рыночной экономики, сохраняя «завоевания социализма» в соответствии с логикой и подходом в стиле градуализма. Активно проводятся институциональные эксперименты и отбираются доказавшие свою эффективность институты, непрерывно совершенствуются производительные силы и производственные отношения, развивается система государственного управления. При этом китайское руководство продолжает относить свою страну к группе развивающихся государств, несмотря на то, что ее потенциал и пройденный путь реформ, оцениваемый на промежуточном этапе, свидетельствует о достижении КНР уровня передовых государств. Китайская практика стала примером для подражания, и многие страны нового МХУ стараются перенять успешный опыт КНР. Стержнем системы регулирования китайской экономики является стимулирование инвестиционной и инновационной активности.

Подъем Китая активизирует процессы глобальных системных финансово-экономических реформ. Возрождение идей о необходимости и полезности государственного регулирования и контроля над трансграничными потоками и ключевыми показателями воспроизводства капитала, валютных ограничений, планирования социально-экономического развития и совершенствования сферы промышленности, ранее подвергнутых критике и вытесняемых вашингтонскими институтами, становится знаковым событием для развития нового МХУ. Так называемый Пекинский консенсус как альтернатива «Вашингтонскому» становится все более привлекательным в мире, поскольку он опирается на принципы общественного благополучия, уважения национального суверенитета, сотрудничества и взаимного доверия.

Испытанием на прочность китайской системы управления стала пандемия и торговая война с США. По оценкам экспертов, вследствие

«вспышки» и распространения *COVID-19* в начале 2020 г. произошло ухудшение практически всех социально-экономических показателей Китая [Луконин, Заглязьминская, 2020]. Как первая страна, пострадавшая от вируса и заявившая об этом на весь мир, КНР тут же стала объектом неоправданной негативной критики и столкнулась не только с эпидемиологическим вызовом, но и с торговой войной со стороны США. Тем не менее преимущественно благодаря своевременным и эффективным мерам государственной поддержки (в том числе бюджетно-налоговым и денежно-кредитным, включая снижение ставок по кредитам, коэффициента резервных требований и т.п.) и переходу от модели «трех колесниц» (с прицелом на масштабные инвестиции в основные средства, наращивание внешней торговли и емкий внутренний рынок) к новой стратегии «двойной циркуляции», направленной на стимулирование внутреннего спроса и потребления, Китаю удалось достойно справиться с ситуацией. Так, реальные показатели были близки к запланированным ранее параметрам, пройден важный путь ликвидации абсолютной бедности, а национальная экономика, похоже, сохранила свою привлекательность для инвесторов [Луконин, Заглязьминская, 2020; Бони, 2020а-б; *SCIO PRC*, 2021].

Китай продолжает уверенно и оптимистично смотреть в будущее, поскольку твердо верит в возможности реализации своих целей. На новом этапе развития руководство КНР снова планирует добиться впечатляющих результатов: ожидается, что к середине XXI в. Китай превратится в современное процветающее, сильное, демократическое, высококультурное, гармоничное и прекрасное социалистическое государство. Взят курс на достижение к 2035 г. «базового уровня социалистической модернизации», что предполагает [приведено на основе: *SCIO PRC*, 2021]:

- наращивание научно-технического потенциала и увеличение доходов на душу населения, технологический «рывок» в ключевых сферах национальной экономики, обеспечивающий Китаю глобальное лидерство в области инноваций, «новую индустриализацию», более широкое применение *IT*, ускорение процессов урбанизации и модернизации сельского хозяйства, а также построение современной экономической системы¹;

¹ См. также: <https://rg.ru/2020/11/10/kitaj-zavershit-socialisticheskuiu-modernizaciiu-ekonomiki-k-2035-godu.html?ysclid=I39tzmgtel>.

- ❑ модернизацию национальной системы государственного управления, создание больших возможностей для равноправного участия граждан в ее работе, верховенство закона и защиту прав граждан;
- ❑ вывод страны на лидирующие позиции в области культуры, образования, развития человеческого потенциала, спорта и здравоохранения, всестороннее индивидуальное развитие каждой личности как достойного члена современного общества, усиление культурной составляющей «мягкой силы» Китая;
- ❑ повсеместное внедрение принципа экологичности в общественную жизнь, приближение к цели построения «Красивого Китая» и «экологической цивилизации», прекращение роста и в дальнейшем существенное снижение загрязнения окружающей среды;
- ❑ переход «реформ и открытости» на новый, более прогрессивный этап, который раскроет потенциал страны, поспособствует ее более эффективному участию в международном экономическом сотрудничестве, усилит конкурентные преимущества и влияние КНР в мире;
- ❑ успехи на пути к борьбе с относительной бедностью, существенное расширение среднего класса, обеспечение равного доступа к базовым общественным благам и государственным услугам, сокращение «разрыва» в уровнях развития городов и деревень, а также различных регионов страны;
- ❑ развитие инициативы «Мирный Китай», однако при этом будет проведена модернизация сферы национальной обороны и вооруженных сил;
- ❑ улучшение жизни китайского народа, раскрытие возможностей — как для всестороннего личностного развития, так и для общего благополучия и процветания.

Все вышеперечисленное подтверждает в том числе гипотезу о продолжении триумфального возвышения Китая в будущем [Wang Wen, 2022].

Индия

Основа Интегрального МХУ с «индийской спецификой» была заложена еще М. Ганди и Дж. Неру на базе индийской культуры. Конституция Индии, принятая после обретения независимости, определила ее экономику как социалистическую¹. Собственно, именно на этой

¹ См.: <https://www.india.gov.in/my-government/constitution-india/constitution-india-full-text>.

логике и выстраивались система стратегического планирования, социальная политика и финансовое регулирование. Руководящие принципы и ориентиры в области денежной эмиссии устанавливались специальным органом, определяющим параметры рефинансирования институтов развития и банков по направлениям кредитования малого бизнеса, сельского хозяйства, промышленности и т.д. в соответствии с плановыми приоритетами социально-экономической политики.

Решение правительства Ганди о национализации банковской системы, основанное на конституционных нормах, является ярким примером, демонстрирующим практическую реализацию одного из главных принципов Интегрального МХУ — приоритета общественных интересов над частными. Этот шаг был обусловлен статусом и состоянием индийской экономики на тот период. В числе основных причин для подобного решения оказались увлечение банков спекуляциями и вывозом капитала при полном игнорировании социально значимых целей инвестирования в экономическое развитие. Это решение оказало влияние и на современное развитие банковской системы Индии. К началу 2020-х гг. индийская банковская система характеризовалась доминированием банков с государственным участием (их доля в совокупных активах достигла порядка 70%), а среди ее основных особенностей за последние годы выделились значительное увеличение банковских активов и пассивов, создание новых типов банковских учреждений в целях повышения доступности банковских услуг для населения, стремительный рост электронных транзакций и существенная роль государства [Григорьев, 2020].

Упомянутая национализация банковской системы позволила привести управление финансовыми потоками в соответствие с индикативными планами экономического развития. Правильно выбранные приоритеты дали «толчок» развитию ключевых направлений нового ТУ, и Индия продемонстрировала высокие темпы роста. Подобно Китаю, Индия регулирует рыночные процессы с целью повышения общественного благосостояния, стимулируя инвестиции в освоение передовых технологий и развитие производства. Причем валютно-финансовые ограничения удерживали капитал внутри страны, а государственное планирование направляло деловую активность на создание материальных благ. Идеология Интегрального МХУ в Индии проявляется в сочетании социальной справедливости и права частного предпринимательства с приоритетом общественных интересов.

Многие эксперты неверно определяют индийский путь развития как «государственный капитализм» с определенными элементами и тенденциями регулируемой либерализации [Гульмадова, 2014: 14–15]. Встраиваясь в ядро нового МХУ, Индия становится передовой страной, формируя свою модель регулирования экономики. Важная роль в системе государственного регулирования индийской экономики отводится централизованному планированию, призванному подчинить действия рыночных сил установленным целям социально-экономического развития. С начала 1950-х гг. стратегия развития Индии определялась пятилетними планами, которые представляли собой комплексные программы структурных экономических изменений. За их разработку и реализацию отвечала Плановая комиссия. Тексты планов содержат цели и важнейшие ориентиры по социально-экономическому развитию. При этом выработка общего видения и приверженности целям и стратегиям национального развития происходит не только на уровне центрального правительства, но и среди всех других субъектов хозяйственной деятельности. Таким образом, успех его реализации определялся через понимание целей и наличие эффективной структуры ответственности. Другое направление развития планирования нашло отражение в концепции и политике «кооперативного федерализма» и в дальнейшем переходе к «конкурентному федерализму» [Глазьев, Яковец, 2008].

Как подчеркивал М. Ганди, «постоянное развитие есть закон жизни». В соответствии с этой глубокой мыслью, обеспечение условий для социально-экономического прогресса является одной из приоритетных задач правительства Индии. Плановая комиссия (1950 — середина 2010-х гг.), а затем Национальный Институт Трансформации Индии (с 2015 г.)¹ стали стержневыми органами управления развитием этой страны. Ее курс на «модернизацию основывается на национальных традициях и ценностях и не предполагает вестернизацию» (от англ. «*modernization not westernization*»). Перефразируя знаменитую фразу Ленина о значении электрификации построения социализма в России, индийские руководители выдвинули лозунг: «индийский талант + информационные технологии = Индия завтра»), который вписывается в логику развития нового МХУ.

Смена ТУ открыла «окно возможностей» для Индии, чем эта страна активно пользуется, интуитивно выстраивая свой путь. Так, еще в 2000 г. была разработана стратегия развития Индии до 2020 г., или

¹ См. подробнее: <https://niti.gov.in/content/overview>.

долгосрочный план под названием «Образ Индии 2020», над которым трудились 500 экспертов из различных областей. Его главной целью было превратить Индию в развитую страну [Гульмадова, 2014: 16–17]. Сделав ставку на опережающее развитие ИКТ, Индия стремилась избежать попадания в затяжную фазу поздней индустриализации, в которой «застрелили» развитые страны. Ожидалось, что темпы экономического роста Индии значительно ускорятся, если она станет лидером в области знаний и полностью раскроет потенциал ИКТ. Ранее реализация этих возможностей ограничивалась только экспортной направленностью ИТ-сектора, однако оказалось, что гораздо больше выгод можно получить от распространения и использования этих передовых технологий для стимулирования других секторов экономики. Развитию человеческого потенциала и ресурсов знаний в форме ИТ и биотехнологий, передовых производственных технологий также было отведено особое место в долгосрочной стратегии Индии. При этом конструктивно использовался положительный международный опыт. Ожидалось, что подобный план позволит Индии достичь высокого и устойчивого уровня развития, увеличить реальный доход на душу населения в четыре раза и значительно снизить долю граждан, живущих за чертой бедности. Развитие образования и профессиональной подготовки рассматривалось как основа для прогресса в науке, налаживания взаимодействия в области разработки и практического применения передовых технологий, укрепления сотрудничества между исследователями и бизнесом. Подчеркивалось, что превращение Индии в информационное общество и экономику знаний основывается на ИКТ [Глазьев, Яковец, 2008]. Сегодня можно констатировать очевидный успех в реализации плана создания «Образа Индии 2020».

Несмотря на сильную экономику и важную роль Индии в новом МХУ, эта страна столкнулась со значительными проблемами в период пандемии *COVID-19*, в числе которых в начале 2020 г. отмечаются резкое сокращение производства, снижение ВВП и экономической активности, массовая безработица и т.п. По мнению экспертов, правительство не в полной мере учло реальную опасность нового вызова и в результате столкнулось с активной критикой со стороны экспертного сообщества, поскольку «было упущено время, средства, методы защиты населения и экономики оказались запоздавшими» [Брагина, 2020: 129]. Однако основным способом для «овладения ситуацией» и поддержки огромного населения стала политика финансового насыщения

экономики, а также прямое распределение денежных средств и продуктов питания. Постепенно по мере реализации указанной политики были зафиксированы некоторые признаки «хозяйственного оживления» [Брагина, 2020]. В настоящее время Индия вернула себе лидирующие позиции в мире по темпам экономического роста, вышла на первое место по численности населения.

Россия

Поскольку анализу ситуации в РФ и ее роли в развитии мировой экономики и международных отношений посвящена отдельная глава настоящей работы, в данном разделе мы ограничимся лишь краткими и емкими тезисами и выводами.

Представление о России как евразийском «центре притяжения» сформировалось в общественном сознании не только вследствие обширной территории и богатейших природных ресурсов, но и в результате ее ведущей роли во многих аспектах развития общечеловеческой цивилизации [см. подробнее: Глазьев, 2014]. Очевидна уникальная роль России в культурно-историческом и идейно-политическом аспектах концепции Евразийства, подчеркивающей связующее значение России в объединении Европы и Азии [Елисеев, 2013].

Исключительное место России и ее особая привлекательность на евразийском пространстве и в мире определяются следующими чертами [подробнее см.: Подберезкин, Боришполец, Подберезкина, 2014]:

1) Россия — это не просто страна, по сути, она представляет собой «государство-цивилизацию», которое совместно с Европой, Китаем и Индией формирует особую социокультурную и историческую зону. Более того, национальная и государственная идентичность сохраняется в течение времени, несмотря на внешнее (влияние глобализации) и внутреннее (попытки «либерализовать») воздействие на ее традиционный тип;

2) географическое положение России символично. Будучи центром Евразии, Россия соединяет ее восточную, западную и южную окраины;

3) природные богатства России исключительны;

4) Россия объединяет все основные мировые религии на открытой и недискриминационной основе, тем самым создавая уникальное «культурно-духовное пространство»;

5) наконец, Россия — это особенный информационно-коммуникационный и транспортный узел мирового значения со стремительно возрастающей ролью.

Фактически являясь основой и находясь «у руля» евразийской интеграции, Россия продолжает сохранять значимую роль в международных отношениях, несмотря на постоянные попытки западных государств-санкционеров испортить ее «имидж» и текущее экономическое состояние. В последнее десятилетие российская экономика не демонстрировала какого-либо прогресса, что является объективным следствием ряда факторов, таких как реформы «шоковой терапии» 1990-х гг., приверженность доктрине Вашингтонского консенсуса в макроэкономической политике, проблемы государственного управления, негативное влияние внешних «шоков» и т.п. В результате в период 2020–2021 гг. национальная экономика оказалась в ситуации затянувшейся «проверки на прочность» в условиях «наложения кризиса на кризис» [см., в частности: Иванов, Бухвальд, 2020; Минакир, 2020; Слуцкий, Худоренко, 2020]. Можно согласиться с выводом указанных экспертов о том, что важно не только, объективно оценивая последствия современных вызовов и эффективность шагов по борьбе с COVID-19, компенсировать потери, сохранить и углубить интеграционные процессы на евразийском пространстве, но и работать на создание условий и предпосылок для устойчивого социально-экономического развития. В то же время современные вызовы рассматриваются как факторы, способствующие, наряду со сменой ТУ и МХУ, открытию «окна возможностей» перед Россией — чем необходимо своевременно воспользоваться, как это делают Китай и Индия.

Кроме того, негативный эффект, связанный с состоянием отечественной экономики, компенсируется усилением идеологической составляющей на этапе становления нового МХУ, а также укрепившимся за долгие годы истории статусом России как страны-освободительницы и защитницы. Выше было показано, что в рамках новых укладов экономические достижения Индии и Китая значимы, они являются «экономическими локомотивами» формирующегося «ядра». Но мы не должны концентрироваться на чисто экономической составляющей. Для полноценного развития социума необходимо расширять понимание процесса формирования новой целостности посредством восприятия и осознания философских и ценностно-культурных истоков для построения нового миропорядка с приоритетом принципа мирного развития.

¹ См.: <https://rg.ru/2020/09/29/pravitelstvo-utverdilo-obshchenacionalnyj-plan-vosstanovleniia-ekonomiki.html>, <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74678576/>; [ЕЭК, 2020].

Треугольник Россия-Индия-Китай: выгоды и проблемы взаимодействия [выделены на основе: Гульмадова, 2014; Михеев, Швыдко, 2020; Глазьев, 2016]

Сотрудничество между Китаем, Индией и Россией является необходимым условием гармоничного становления нового МХУ. Однако для обозначенного «треугольника» существует следующий ряд вызовов и препятствий, осложняющих или способных затруднить взаимодействие этих государств:

1. Внешние политические угрозы. Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности (между США, Японией, Австралией и Индией) и укрепление двусторонних индийско-американских отношений нацелены на противодействие влиянию «китайского фактора» в мире и подрыв сотрудничества в рамках обозначенного треугольника. Они дополняют торговую войну между США и Китаем, западные санкции против России и нацелены на срыв реализации крупных интеграционных проектов между этими странами (например, Морского Шелкового пути). В данном случае Россия поддерживает Китай и подчеркивает опасность слишком тесных «объятий» Индии с США.

2. Внутривнутриполитические угрозы в рамках треугольника. Индия испытывает беспокойство по поводу сближения Китая со странами ее соседства. В свою очередь, КНР нередко бросает «косые взгляды» на Индию, расценивая ее как соучастницу американского плана по «окружению» Китая в целях создания стратегического противовеса его влиянию в азиатском регионе. Китай также обеспокоен наращиванием индийской военной мощи и активизацией индийско-американского сотрудничества в военной сфере. Кроме того, возникает и проблема конкуренции лидеров: Индия, прекрасно осознавая значимость роли Китая в современном и будущем мировом развитии, пытается избежать статуса страны «второго эшелона» — пусть даже и в «ядре» Интегрального МХУ. Также следует учитывать и «пограничные трения» между Дели и Пекином, которые все еще остаются «камнем преткновения».

3. Проблемы взаимопонимания, например выражающиеся в появлении таких терминов и выражений, как «непознаваемый Китай», «азиатская головоломка» и т.п.

4. Нарастание вызовов и «недовольства» друг другом. В числе таковых можно назвать, например, вспышку пандемии *COVID-19*. Кроме того, обозначенные выше издержки и вызовы при смене ТУ и МХУ, в особенности эскалация конфликтов и неопределенность, находят

свое отражение и в возросшей напряженности в азиатском регионе. Так, 2020–2021 гг. отметились обострением угроз для индийско-китайского сотрудничества. Активизировался «дремлющий» территориальный конфликт между ними и возникли новые взаимные претензии. С китайской стороны прозвучало несколько заявлений в адрес Индии о вреде ее политики стратегической изоляции от евразийских стран-партнеров и сближения с США и Японией, длительном отказе от китайской помощи, использовании пандемии для противостояния Китаю, провал инициатив «вакцинная дружба» и «соседство превыше всего».

5. Вопросы развития стратегических проектов, например связанные с реализацией китайской инициативы «Один Пояс — Один Путь» (включая риски невозврата кредитов из-за осложнения геополитической ситуации, проблем финансирования и реализации задач на местном уровне и т.п.). Кроме того, обостряются проблемы в области выполнения взаимных обязательств и существующих между странами треугольника соглашений.

6. Затруднения в различных сферах экономических отношений, например: высокие тарифные ограничения и широкий спектр инструментов для защиты внутреннего рынка Индии, нередко рассматриваются как фактор, ограничивающий ее торговое взаимодействие с государствами ЕАЭС и Китаем, а также отмечаются проблемы, связанные с недостаточным развитием транспортной инфраструктуры для всех участников треугольника.

В то же время перспективы и основания для взаимного сотрудничества между Китаем, Россией и Индией оцениваются весьма высоко и позитивно благодаря следующим фактам:

1. Исходя из выводов, полученных на основе наших теоретических разработок, и практического опыта, страны анализируемого треугольника просто физически не могут игнорировать друг друга, находясь «в лодке с одного корабля», и вынуждены считаться с отведенными им в рамках МХУ ролями и своей взаимосвязанностью внутри сложившегося «треугольника» при выстраивании собственных стратегических планов, политики и проектов, а также двусторонних и многосторонних отношений с другими государствами мира.

2. Каждая из анализируемых стран по-своему заинтересована в продолжении и углублении сотрудничества внутри треугольника. Цели Китая, в числе прочего, включают развитие стратегического мышления и создание нового взаимовыгодного типа международных от-

ношений с учетом дипломатии «с китайской спецификой», построение справедливой модели глобального управления, превращение в морскую державу — все это практически невозможно реализовать без подобного сотрудничества. Энергодефицитные Китай и Индия осознают выгоды (такие как безопасный доступ к энергии, продовольствию и широкому спектру ресурсов), которые они могут получить от интегрированной и развитой Евразии и партнерских отношений с Россией и государствами ЕАЭС. Индия уже много лет стремится стать великой экономически развитой державой, и нынешняя ситуация показывает, что для осуществления этой цели развивающимся странам необходимо держаться вместе, сотрудничать и отстаивать свои интересы на международной арене. Углубление отношений с Китаем и Индией является приоритетным направлением для внешней политики России, одна из главных целей которой состоит в том, чтобы воспользоваться транзитными преимуществами при обеспечении торгово-экономического взаимодействия между Европой и Азией.

3. Анализируемые страны объединяет ключевая роль в становлении и развитии Интегрального МХУ и его «ядра», как было показано выше. Все участники обозначенного треугольника осознают и принимают наступление так называемой «азиатской эры» с новыми возможностями для сотрудничества между «Драконом», «Медведем» и «Слоном»¹.

4. Постепенно к указанным трем странам приходит осознание, что возникновение и укоренение взаимных претензий и конфликтов в большинстве случаев происходит из-за их недостаточного внимания к историческим фактам. Подобные «пробелы» ученые наших стран уже стараются искоренить на практике. Например, одна из опубликованных в начале 2000-х гг. работ китайских исследователей показывает, что индийско-китайские «пограничные конфликты» по поводу Тибета являются «прямым следствием британской имперской политики в Индии» [Михеев, Швыдко, 2020: 149–150]. Важно также подчеркнуть наличие давних связей между СССР и Индией, «пик» сотрудничества которых в военной, технической, торговой и иных сферах пришелся на 1980-е гг. [Гульмадова, 2020: 112–113]. СССР активно содействовал строительству производственных объектов в энергетике и машиностроении в Ин-

¹ Здесь использованы символические обозначения Китая, России и Индии соответственно.

дии, участвовал в создании промышленных комплексов и осуществлял передачу технологий и знаний индийской стороне, оказывал ей помощь в обучении студентов и т.п. Значимой была поддержка СССР и для Китая в свое время. Россия как преемник СССР бережно сохраняет историческую память и продолжает дорожить сложившимися взаимосвязями, что помогает искоренить саму причину многих конфликтов. Именно поэтому так важно изучать историю государств и международных отношений и уделять особое внимание прошлому.

5. Довольно масштабный нереализованный потенциал для социально-экономического взаимодействия в рамках треугольника можно рассматривать как основу для укрепления стратегического сотрудничества между нашими странами. Например, Китай постоянно находится в поисках путей взаимодействия с Индией. Он предпринимал попытки улучшить инвестиционные условия для развития объектов индийской инфраструктуры и поддерживать сотрудничество с Индией путем создания более тесных транспортных и коммуникационных связей (которые было бы трудно разорвать), работал над идеей создания совместных предприятий с раскрытием возможностей для объединения китайских производственных мощностей и индийского опыта в области ИТ.

6. Обозначенный треугольник и его участники вместе прошли множество испытаний на прочность. Так, анализируемые страны продолжали сотрудничать, несмотря на глобальный финансово-экономический кризис с острой фазой в 2008–2009 гг. и его последствия. Необходимо четко осознавать, что новые вызовы конца 2010-х — начала 2020-х гг. есть не что иное, как очередной период, связанный с преодолением препятствий на пути к совместному взаимовыгодному развитию.

7. Страны «ядра» нового Интегрального МХУ ответственны не только за развитие, но и за его защиту от агрессии в непростой период смены укладов, особенности которого были проанализированы выше. Именно в этих целях один из авторов [Глазьев, 2016] предлагал организовать мировую антивоенную коалицию, выступающую за общие и понятные принципы построения справедливого миропорядка и гармоничных международных отношений, стимулирующую НТП и способную разработать и выдвинуть собственную программу действий по переустройству существующей мировой валютно-финансовой и экономической системы для плодотворного, эффективного и прогрессивного общественного развития [подробнее см.: Глазьев, 2016: 263–324].

III. *Историческая «развилка» Бодрунова — Глазьева: возможные сценарии развития Интегрального МХУ* [приведено на основе: Глазьев, 2021; Глазьев, 2021а: 68–77, 118, 142–158].

Мы отсчитываем начало процесса современной смены МХУ с советской перестройки, имевшей печальные последствия для СССР. Таким образом, первая фаза переходного периода укладывается в сроки 1985–1991 гг. и далее уступает место второй его фазе, в течение которой доминирующая страна достигает «пика» своего могущества, а уходящий МХУ — пределов эволюции. При этом на «периферии» системы уже зарождается «ядро» нового МХУ, которое на современном этапе развития (по аналогии с предыдущим) возникло в трех политических форматах: социализма «с китайской спецификой», индийского демократии и мировой диктатуры мондиалистов. Эта фаза занимает порядка 20 лет. Наконец, последняя фаза переходного периода заключается в окончательном разрушении «ядра» старого МХУ и развитием нового центра мировой экономики. В этой фазе доминировавшее в уходящем МХУ государство, как это всегда происходило в период смены МХУ, развязывает мировую войну с целью сохранения своей гегемонии. И, как всегда, ее утратит в результате этой войны. До сих пор в мировых войнах, опосредовавших смену МХУ, победы добиваются именно страны нового МХУ, принимающие «эстафетную палочку» глобального лидерства. Отсчет старта заключительного этапа мы ведем с начала 2010-х гг., а прогнозируемые сроки его финала — 2024 г. Таким образом, в настоящее время происходит окончательное и бесповоротное разрушение Имперского МХУ и завершение связанного с ним Американского СЦНК, а также переход к Интегральному МХУ.

Итак, формирующийся Интегральный уклад имеет три возможных разновидности или модели и, соответственно, три вероятных сценария развития по Глазьеву (табл. 21). Первый выстраивается Китаем под руководством КПК и благодаря усиленному труду китайского народа, согласующего свое поведение и стиль работы с моральными ценностями коммунистической идеологии и конфуцианской этики. Китайский подход к управлению социально-экономическим развитием уверенно демонстрирует впечатляющую эффективность и, надо признать, на порядок превосходит американскую систему.

Вторая модель и сценарий развития нового МХУ складываются в Индии и определяются демократической политической системой (традиционным воплощением которой, кстати, являются страны евро-

**«Развилка» Бодрунова — Глазьева: сценарии развития
Интегрального МХУ в сопряжении теорий**

Сценарии по Глазьеву		
Коммунистический (китайский вариант)	Демократический (индийский вариант)	Олигархический (вариант американоцентричной финансовой элиты)
Использование передовых технологий шестого ТУ		
↓		↓
Возможности для мирного сосуществования, созидательной конкуренции и соразвития		Несовместимость с другими вариантами, конфликтogenность, агрессивность
Сценарии по Бодрунову	Вариант 1. Поворот к «человеку разумному» и ноономике	Вариант 2. Путь в тупиковое технотронное общество с возможным катастрофическим вариантом утраты контроля над развитием техносферы, состоящее из двух классов: 1) властвующей элиты, удовлетворяющей растущие симулятивные потребности; 2) большинства, занятого в сфере обслуживания ее потребностей и интересов (или даже прислуживания ей)

Составлено на основе: [Глазьев, 2021; Глазьев, 2021a; Бодрунов, 2018с: 115–125].

пейской социал-демократии). Развитие ИКТ и передовых технологий здесь играет важную роль для повышения эффективности государственного управления социально-экономическим развитием, а рост уровня образования и социальной активности граждан способствуют прогрессу демократической системы.

Третья разновидность и сценарий развития нового МХУ характеризуются отражением образа будущего в представлениях стремящейся к мировому господству американоцентричной финансовой олигархии. Здесь предлагаются варианты формирования нового миропорядка и институты манипулирования человеком и обществом, в особенности с распространением *COVID-19* и необходимостью массовой вакцинации [подробнее см.: Глазьев, 2021; Глазьев, 2021a]. Более того, в рамках этого сценария развития МХУ фактически предусматривается создание так называемого «мирового правительства» под руководством американской властвующей элиты и в интересах финан-

сового олигархата, которому подконтрольны эмиссия мировых валют, ТНК и ТНБ, да и, пожалуй, вся выстроенная под США глобальная валютно-финансовая система. По сути, этот сценарий продолжает развитие тенденций либеральной глобализации, вооружающейся авторитарными технологиями контроля над остальным миром. Мы несколько не преувеличим, если проведем параллель между сюжетами литературных антиутопий и данным сценарием для нового МХУ. Приходится констатировать, что господство капиталистической олигархии сулит укоренение модели однополярного мира. При отсутствии демократических механизмов контроля чрезмерная концентрация капитала и сосредоточение глобального влияния в руках нескольких сотен семей создают угрозу возникновения глобальной диктатуры, обеспечивающей господство мировой олигархии, а растущие риски глобального злоупотребления властью грозят уничтожением целых народов и катастрофами планетарного масштаба.

В дополнение к обозначенным выше особенностям третьего вероятного сценария развития МХУ выделим еще один ряд его важных черт, оставляя в стороне его радикальные варианты и трактовки:

- 1) полную безответственность и аморальность подобной политической системы;
- 2) формирование миропорядка в соответствии с принципами англосаксонского империализма с несправедливым глобальным перераспределением собственности на ценные активы;
- 3) симбиоз американской, европейской и японской финансово-властных элит;
- 4) развитие мощных международных инструментов финансовой экспансии;
- 5) наличие возможностей для формирования второго круга Американского ЦЦНК;
- 6) курс на построение тоталитарной системы глобального управления на основе идеи манипулирования общественным сознанием;
- 7) эскалацию агрессии;
- 8) антисоциальный характер господства капиталистической олигархии, ведущего к обнищанию и одичанию остального мира;
- 9) системное искажение нравственных и правовых основ общественного сознания как результат развития подобной модели;
- 10) подчинение НТП интересам капиталистической олигархии и *carte blanche* для трансгуманистического перерождения человечества с непредсказуемыми последствиями.

В заключение отметим, что каждый из обозначенных сценариев развития нового МХУ предполагает использование передовых технологий ТУ-VI (см. табл. 21) и опирается на современные методы регулирования экономики и социального поведения. Однако цели этого регулирования задают властвующие элиты, от которых фактически будет зависеть «лицо» Интегрального МХУ. Его оформление и становление будет проходить в конкуренции между указанными тремя моделями. Причем первые две — китайская и индийская — могут мирно сосуществовать, поскольку при всех различиях имеют ключевое сходное качество, а именно: ориентацию на реализацию одинаковых задач, таких как повышение уровня благосостояния населения, развитие собственных рынков и внутреннего спроса, трансляцию идей о взаимовыгодном, плодотворном и мирном сотрудничестве, и помощь в их воплощении на практике (включая постановку ориентиров и совместные проекты для латиноамериканских и африканских стран). Поэтому, согласно логике выделения сценариев развития по Бодрунову (см. табл. 21), мы объединяем первые два варианта в один — эволюционный, включающий переход от знаниеинтенсивного производства к НИО.2 (общественному устройству следующего поколения) и путь ноономики, которая будет подробно проанализирована в четвертой главе данной работы.

Последняя же модель — олигархическая — несовместима ни с демократической, ни с коммунистической, поскольку нацелена на доминирование, подчинение экономики «периферийных» стран, накопление присвоенного чужого богатства и ресурсов, т.е. отражает все признаки аристотелевской хрематистики. Подчеркнем, что реализация связанного с ней катастрофического сценария развития нового МХУ, исходя из результатов наших теоретических разработок и логики смены укладов, представляется нам наименее вероятной [в названиях ряда авторских работ, например, указывается, что в последней мировой войне или геополитической партии обязательно «США начинают и проигрывают»: см. Глазьев, 2015; Глазьев, 2016]. Для чего же тогда мы выделяем и анализируем эту модель и сценарий, а также посвящаем отдельную главу вызовам и рискам для гармоничного существования человеческой цивилизации?

Во-первых, несмотря на то, что вероятность реализации катастрофического варианта для МХУ мала, она все-таки существует и необходимо с этим считаться. Конечно, теория смены ТУ и концепция МХУ позволяют объяснить прошлое и предоставляют четкие, конкретные

ответы на вопросы о траектории развития Интегрального уклада, полезны для прикладного использования и прогнозирования «длинных» тенденций и перспектив, но на практике всегда происходит так, что «человек предполагает, а Бог располагает», и невозможно на 100% гарантировать тот или иной исход событий. Во-вторых, сегодня именно в унисон с логикой негативного сценария протекает мировая гибридная война, главными целями американского давления в которой стали Китай и Россия. Наконец, даже если сосредоточить внимание только на коротком и среднесрочном временных интервалах, то уже здесь и сейчас наблюдается обострение угроз дальнейшему развитию человечества, реализация которых может дорого обойтись современному обществу. К анализу этих вызовов мы перейдем далее.

Итак, куда выведет историческая «развилка Бодрунова — Глазьева», покажет время.

Глава 3 ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Период смены технологических и мирохозяйственных укладов — это время существенных потрясений для общества, время «проверки на прочность» нашей цивилизации, время реализации способности быстрого ориентирования в динамично меняющихся и сложных ситуациях и принятия к месту и в необходимые сроки адекватных и эффективных решений.

В очередной главе мы вскрываем сущность и логику этого одновременно и опасного для человеческой цивилизации, и прекрасного — с точки зрения возможности раскрытия обществом потенциала знания и «переоценки ценностей» — периода. Основное внимание в данном контексте уделяется негативному сценарию развития нового мирохозяйственного уклада.

Какова же была цель авторов, принявших решение показать «темную сторону» как одну из дорог, раскрывающихся перед современным обществом, с ее глобальными рисками и угрозами? Запугать читателя? Реализовать потенциал пессимистично настроенных писателей-фантастов или предложить сценарий еще одной антиутопии? Конечно, ни то, ни другое, ни третье... Эта глава призвана по контексту оттенить особенности того, выражаясь словами китайских коллег, «светлого и прекрасного» будущего, которое ожидает человечество при реализации позитивного варианта развития, обозначенного нами выше, и, тем самым, подтолкнуть современное общество к привнесению благоприятных перемен в его жизнь.

3.1 Состояние мировой экономики в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов.

Как уже не раз отмечалось выше, в настоящее время мы являемся очевидцами переходного периода смены ТУ и МХУ. Эти изменения сопровождаются обострением многоуровневых экономических и социально-политических проблем и вызовами для общественного развития. Чтобы объективно оценить текущее состояние мировой экономики, нам потребуется учесть широкий спектр факторов и трендов

в силу их тесного переплетения и взаимовлияния на экономические процессы. Этот анализ позволит также проверить наши теоретические выводы на практике.

Результаты исследований и прогнозов отечественных и зарубежных экспертов позволяют выделить следующие ключевые тенденции и факторы современного социально-экономического развития, определяющие текущее состояние мировой экономики.

1. Глобальные социально-политические:

1. Мировую гибридную войну, начатую странами «ядра» старого МХУ (а именно США и их сателлитами по НАТО) в целях удержания глобальной гегемонии [подробнее см.: Глазьев, 2016; Глазьев, 2022а] и ярко выраженную в противостоянии по векторам «США — КНР» и «США — РФ», а также появление предпосылок «цивилизационного разлома мироустройства».

2. Усиление провокаций США в конфликтогенных регионах (например, украинские события с 2013 г., приведшие к необходимости российского вмешательства и специальной операции [Глазьев, 2022], и срабатывание «афганского фактора» в 2021 г.).

3. Расширение и «институализацию» противостояния стран «ядра» Имперского и Интегрального МХУ, о чем свидетельствуют усиление сотрудничества в рамках уже упомянутого диалога *Quad* и разведывательного альянса «Пять Глаз» («глядящих» из Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании и США), а также их дополнение с 2021 г. блоком-партнерством *AUKUS* (аббревиатура от англ. *Australia*), *UK*, *US*) между Австралией, Великобританией и США для обмена технологиями в сфере ВПК и «присматривания» за безопасностью в АТР и Евразии.

4. Тенденции на перебалансировку внутренней и внешней политики стран и акцент на «суверенизации» и «регионализации» вследствие обострения напряженности, а также геополитической, экономической и технологической конкуренции в мире. Последний вид конкуренции в рамках противостояния «США — КНР» в 2010-х гг. открыл «технологический фронт» гибридной войны.

5. Эпидемиологический фактор как результат открытия «биологического фронта» гибридной войны государствами ядра Американского СЦНК¹ и беспрестанно функционирующий усилитель социально-

¹ См. авторский вывод: https://tsargrad.tv/articles/kitajcy-uzhe-obnaruzhili-priznaki-hranenija-biooruzhija-amerikancami-covid-19-razoblachili_246987?ysclid=l8b8b8bpel921213763.

политической напряженности. Пандемия *COVID-19* стала мощным внешним по отношению к мировой экономике событием, которое с 2020 г. продолжает оказывать непрерывное и «миросистемное» воздействие на человека и социум. Этот фактор привел к изменениям не только в образе жизни и психоэмоциональном состоянии людей в каждой стране, но и во всех сферах общественной жизни. Но самым опасным следствием очередной так называемой новой нормальности, в которой нам приходится существовать, является усиление конфликтности, социально-политической напряженности и неопределенности в мире. Каков бы ни был уровень угрозы вируса в той или иной стране, он уже сформировал и возделал «почву» для создания обоснованных негативных ожиданий и оказания постоянного психологического давления на всех субъектов хозяйственной деятельности повсеместно. Более того, *COVID-19* фактически позволил реализовать возможности для неограниченного манипулирования сознанием и действиями людей и организаций.

6. Многоуровневый дефицит эффективного (в особенности социально-экономического) управления и доверия между государствами как одну из ключевых характеристик состояния «новой нормальности» 2020-х гг.

7. Рост социальных дисбалансов. Фиксируется не только в странах с развивающимися и формирующимися рынками, но и в экономически развитых государствах, в том числе в связи со «скачком» в динамике уровня безработицы в период 2020–2022 гг. (рис. 13, верхняя правая часть) вследствие ограничительных эпидемиологических требований и разорения бизнеса, воследовавших за этим изменений на рынке труда, а также из-за ухудшения условий жизни и углубления деградации среднего класса.

8. Обострение угроз дестабилизации внутривнутриполитической ситуации для многих государств и усиление недоверия их населения к органам власти.

Активное продвижение искаженных идей экологизации в мире. В последнее время отмечается наличие нового тренда в международных отношениях — «климатизации» повестки мирового развития, превращенной в действенный инструмент для манипулирования геополитической ситуацией, торгово-экономическим взаимодействием и процессами НТП. Одновременно этот тренд является и мощным фактором, призванным изменить направление развития общества [Zeppe-LaRouche, 2021] и создающим дополнительные риски и угрозы его гармоничному существованию.

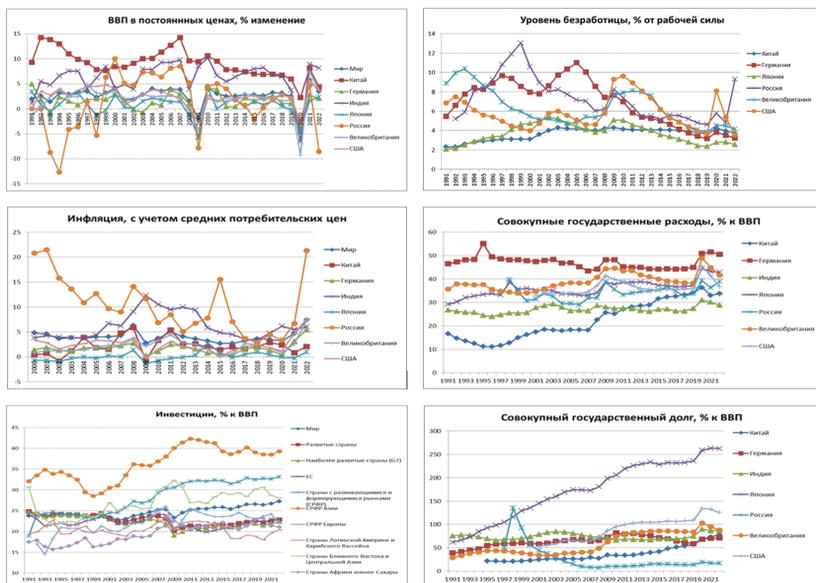

Рис. 13. Выборочные показатели, отражающие динамику и тренды мирового, регионального и национального развития

Источник данных к рис. 13, 14 (2022 г. — оценка): [IMF, 2022]

II. Глобальные экономические:

1. Сохранение и усиление неопределенности и турбулентности (см. рис. 13, 14), что еще более усугубляется «мрачными» прогнозами МВФ относительно замедления восстановления и роста мировой экономики¹.

2. Повышение рисков «фрагментарности» мировой экономики, т.е. ее разделения в соответствии с геополитическими блоками, отличающимися разными технологическими стандартами, платежными системами и резервными валютами.

3. Обострение рисков повышенной инфляции (см. рис. 13, средняя левая часть). Среди основных причин этого тренда выделяют пандемийный «шок», цель «энергетического перехода» и соответствующую

¹ См.: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2022/07/26/world-economic-outlook-update-july-2022#Overview>.

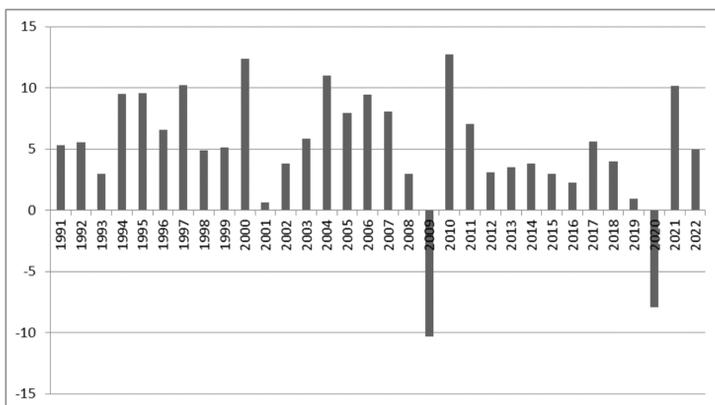

Рис. 14. Мировой объем торговли (trade volume) товарами и услугами, % изменение

повестку, дезорганизацию разноуровневых производственных и логистических «цепочек», динамику мирового нефтяного рынка, потенциальную и реальную девальвацию национальных валют в странах с развивающимися и формирующимися рынками.

4. Переоценку мер и требований к бюджетно-налоговой политике в ситуации повышения «стоимости жизни» и процентных ставок.

5. Ожидаемые риски ужесточения денежно-кредитной политики развитых стран (в особенности США), вызванные этим угрозы обострения проблем «финансовой уязвимости» и т.д. в большинстве государств с развивающимися и формирующимися рынками.

6. Своеобразную «гонку вооружений» в области цифровизации и обозначение «зон цифрового влияния» как факторы-усилители технологической конкуренции и процессов суверенизации, выраженных в ориентации ключевых стран старого и нового МХУ на достижение цифровой и технологической независимости.

7. Специфическую подготовку к так называемой экономике будущего («экономике завтрашнего дня») преимущественно через ускорение декарбонизации в 2021 г. (наиболее активны Китай с действующей крупнейшей национальной системой торговли выбросами и развитием «зеленых» финансов, ЕС с разработкой механизма трансграничного регулирования *Carbon Border Adjustment Mechanism* и Таксономии) и запуск с 2020 г. деметанизации (здесь выделяются ЕС и США, а также

Китай с ориентацией на разработку собственной национальной программы в данной области) мировой экономики.

8. Трансформацию продовольственных систем с учетом новых вызовов, а также необходимости достижения целей ООН по борьбе с голодом и осуществления глобального «зеленого перехода». Этот процесс протекает довольно медленно и осложняется спецификой данной сферы экономики. В АПК намечается курс на замещение имеющихся индустриальных схем и развитие продовольственных систем, содержащих в каждом звене внедренные элементы цифровых и биотехнологий (Фудтех, от англ. *FoodTech*). Однако характеристики и перспективы подобного замещения пока туманны.

9. Выделение ключевых прорывных технологий и сфер их использования (см. табл. 16, 17). Таким образом, обозначены основные драйверы экономического роста и развития.

10. Затяжной кризисный период мировой валютно-финансовой системы, начиная с острой фазы глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Так, по оценкам одного из авторов [Глазьев, 2021a: 136–137], масштаб нынешних финансовых «пузырей», возникших вследствие эмиссии основных мировых резервных валют (доллара, евро и фунтов), существенно превысил «пирамиды» деривативов, «рухнувшие» в 2008 г. В свою очередь, новые «пирамиды» деривативов разрослись и стали крупнее прежних на 30–50%. При таких грандиозных объемах указанных финансовых «аномалий» прогнозируется еще более глубокое падение показателей соответствующих мировых финансовых рынков с возникновением очередных кризисных явлений.

III. Конкретные многосферные региональные и национальные [приведено на основе: Дынкин, Барановский, 2021; МВФ, 2022]:

1. США. Связанная с *COVID-19* рецессия оказалась непродолжительной по времени, и экономика США в целом сравнительно быстро адаптировалась к новым условиям (например, начали восстанавливаться динамика ВВП и рынок труда), в том числе благодаря мерам государственной поддержки, о чем свидетельствует рост соответствующих расходов (см. рис. 13). «Фирменный слоган» Трампа «покупать американское и нанимать американцев» (от англ. «*Buy American and Hire American*») ¹ продолжает находить свое отражение и в современной

¹ См. подробнее: <https://rg.ru/2017/04/19/tramp-prikazal-pokupat-amerikanskoe-i-nanimat-amerikancev.html?ysclid=l8cm4j7x7a156288769>.

политике страны в отношении государственных закупок и критически важных товаров. Во внутренней политике США в 2020-е гг. отметилась конкуренция социально-политических моделей, а именно нового социального государства демократов и традиционной (без расширения значения государства) республиканцев-консерваторов. Во внешней политике США преобладают два тренда. К первому относятся уже упомянутые беспрестанные попытки сохранить глобальное доминирование в мире: в том числе через ведение мировой гибридной войны (провоцирование и поддержание конфликтов при сохранении «точечного сотрудничества» с реализацией политики по принципу «противники-конкуренты-партнеры» в отношении КНР и РФ), создание или реформирование блоков и союзов с другими странами и альтернативных китайским масштабных инициатив типа «Возрождения лучшего мира» (от англ. «*Build Back Better World*» или *B3W*), а также поддержку сторонних проектов для формирования противовеса влиянию КНР (например, Инициативы трех морей — от англ. *The Three Seas Initiative*). Второй тренд — это укоренение конкурентного противостояния «США — Китай» в политической (продолжение стратегического сдерживания КНР) и технологической (включая вопросы «гонки технологий» и национальной безопасности) сферах.

2. ЕС и Великобритания. Несмотря на различный уровень экономической динамики и эпидемиологической ситуации в европейских странах, ЕС в целом удалось справиться с ситуацией и спадом, вызванными вирусом в основном благодаря национальной (приоритетная роль) и наднациональной — особенно внешнеэкономической — политике и поддержке. В числе проблем ЕС остаются сферы транспорта и логистики, сырья (в особенности на фоне топливного кризиса 2021 г.) и полупроводников, а также инфляция, безработица и риски, связанные с государственными финансами. Кроме того, в пограничные периоды развития ЕС между его странами-участницами обостряются проблемы внутренней конкуренции за политическое лидерство, борьбы с ограничением национального суверенитета (в частности это касается Польши и Венгрии) и разобщения мнений и нередко действий (например, во время нарастания пандемии или миграционного кризиса, в том числе связанного с украинскими событиями). Актуализируются вопросы «стратегической автономии» ЕС. В числе приоритетных сфер развития экономики — цифровизация и «озеленение».

Пережив карантинные ограничения и тяжелый период пандемии, Великобритания продолжает искать свою «нишу» в мире после брек-

зита и решения «плыть собственным курсом» (так, в 2021 г. появились некая стратегия с призывом в унисон с американским — «Построить лучше прежнего», от англ. «*Build Back Better*»). Проблема заключается только в том, что подобная программа требует соответствующих масштабных инвестиций.

3. Япония. Начало 2020-х гг. оказались для этой страны неудачными (см. рис. 13) вследствие неустойчивых тенденций к восстановлению экономики. Это вызвано рядом внутренних проблем, на которые «наложилось» влияние негативного внешнего фактора — пандемии *COVID-19*. К таковым относятся, например, низкая склонность к потреблению, связанная с преобладанием и расширением старших возрастных групп населения, усиление ресурсных ограничений и «затухающая» внутренняя инвестиционная активность. Причем предпринимаемые государством меры стимулирования экономики пока не оказали существенного положительного воздействия на ее состояние. Во внешней политике Японии стоит ожидать ее большего сближения с США и европейскими государствами.

4. Китай. Отметим, что «эффект пандемии» в КНР постепенно «гасится», а китайская экономика успешно освобождается от его последствий. Конкурентное противостояние с США рассматривается для этой страны скорее как стимул экономического развития, нежели как сдерживающий фактор. Однако в числе рисков здесь можно выделить внутреннее — такие, как последствия «охлаждения» рынка недвижимости и зафиксированные негативные эффекты на нем, вероятность увеличения долговой нагрузки на субъектов хозяйственной деятельности и регионы, а также локальные бюрократические «перегибы». Во внешней политике Китая сохраняются риски отчуждения со странами ЕС и обострения конфликтности с США, в том числе по «внутренним» проблемам (из-за их вмешательства в «тайваньский вопрос») и вследствие создаваемого ими глобального давления на КНР. Ожидается, что курс на укрепление сотрудничества с Россией, как и с Индией, несмотря на периодически возникающие противоречия, продолжится.

5. Индия. Хотя в постковидный период Индия выдвигается в лидеры по темпам экономического роста, динамика дальнейшего восстановления и наращивания темпов роста индийской экономики вследствие возникновения «волнового эффекта» *COVID-19* оценивается достаточно осторожно. Помимо негативного фактора пандемии, эта страна столкнулась со следующими дополнительными проблемами:

ухудшением условий внешнеэкономических связей, разрывом ряда трансграничных производственных «цепочек», активизацией инфляционных процессов (см. рис. 13), последствиями роста цен на энергоносители (здесь пока сложно оценить изменение ситуации, вызванное активизацией закупок дешевых российских энергоресурсов, начиная с 2022 г.), слабостью финансового сектора. Во внешней политике сохраняется настороженность в отношении с Китаем, тенденция на создание и проработку глобальной «ниши» и собственной «зоны влияния» в Азии и АТР, сохранение многовекторности сотрудничества.

6. Постсоветское пространство. Основными факторами, влияющими на большинство государств данного региона, являются внутренние (восстановление экономики, тренды политического развития) и внешние (противостояние «США — РФ» и «США — КНР») процессы, а также поступательное развитие евразийской интеграции.

7. Ближний Восток и Северная Африка. Для данного региона выделяются следующие тенденции: усиление «малых» игроков, сохранение напряженности (а также «замороженных» и «горячих» конфликтов»), постепенное восстановление экономики, развитие курса на экономическую модернизацию и диверсификацию, проблема миграционных кризисов, активизация внешних связей на фоне «сокращения американской вовлеченности» и переключения внимания США на Россию, Китай и АТР.

Ключевые атрибуты современного состояния мировой экономики могут быть в целом охарактеризованы как создающие некомфортные условия для субъектов хозяйственной деятельности и социального развития в целом и отражают все признаки переходного периода смены укладов — это усилившиеся неопределенность и тенденции к фрагментарности, повышенная вероятность кризисов и «чувствительность» к напряженной политической ситуации в результате развертывания мировой гибридной войны и иным внешним негативным факторам, а также к связанным с ними пессимистическим ожиданиям и нередко запоздалой государственной реакции на неблагоприятные и критические экономические процессы.

При этом стоит отметить, что созданные ранее международные институты в условиях гибридной войны используются зачастую не в качестве инструмента поддержки позитивного развития либо объективного научного анализа, а в целях защиты (под видом «объективности») уходящего МХУ. Так, в материалах МВФ среди основных причин тяже-

лого состояния и ухудшения перспектив мировой экономики называют «российское вторжение в Украину, которое вызвало трагический гуманитарный кризис в Восточной Европе». Конечно, упомянуты и санкции, ставшие во многом, если не в основном, реальным триггером ухудшения мировой конъюнктуры, но они приводятся в негативной коннотации по отношению к России и позитивной — к их инициаторам: «санкции, призванные побудить Россию прекратить боевые действия». Аналогично подобная же «подкрутка» (в медианауке именуемая «спином» [подробнее см.: Бодрунова, 2005; Бодрунова, 2010]) применена в отношении оценки влияния КНР на мировую экономику и ситуацию в целом: «частое и широкомасштабное введение режима самоизоляции в Китае» [см. цитаты из: МВФ, 2022: введение, *xiii*]. Эксперты МВФ, таким образом, стремятся доказать, что во всех мировых и региональных проблемах виновна главным образом РФ: «Экономические последствия войны распространяются повсюду, как сейсмические волны, расходящиеся от эпицентра землетрясения, главным образом через рынки сырьевых товаров, торговлю и финансовые связи. Поскольку Россия является крупным поставщиком нефти, газа и металлов, а также, наряду с Украиной, пшеницы и кукурузы, происходящее и ожидаемое сокращение предложения этих товаров уже вызвало резкий рост их цен. Наиболее страдают от этого страны Европы, Кавказа и Центральной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки» [цитаты из: МВФ, 2022: введение, *xiii*]. У опытного исследователя как статистика МВФ, включая оценки и прогнозы, так и такое ее «объяснение» нередко вызывают отказ от ее использования вследствие недостоверности, а также неприятие вследствие ее политической ангажированности. Читатель, очевидно, может убедиться в справедливости подобного утверждения благодаря тому, что в настоящей работе мы сознательно привели данные МВФ, а также основанные на них графики. Все это указывает на наличие еще одного фронта гибридной войны — информационного.

В то же время наблюдаемые тенденции деградации военно-политического единства стран ядра Американского СЦНК, в том числе проявляющиеся в «эрозии НАТО» и актуализации вопроса о полезности «стратегической автономии» ЕС, а также относительное ослабление инструментов влияния США в мире [Дынкин, Барановский, 2021: 11, 100], свидетельствуют в пользу объективности нашего вывода о постепенном дальнейшем разрушении «ядра» Имперского МХУ и малове-

роятности осуществления катастрофического сценария перехода к Интегральному МХУ. Однако, как уже отмечалось выше, риски для развития человеческой цивилизации в настоящее время не только сохраняются, но и многократно усиливаются, о чем пойдет речь в следующем разделе.

3.2 Угрозы человеческой цивилизации в ходе текущей смены технологических и мирохозяйственных укладов: многослойность кризисов

Текущий переходный период чреват повышенной генерацией новых и резким усилением имеющихся угроз, вызовов и рисков не только для социально-экономического развития стран и регионов, но и для существования всей человеческой цивилизации. Выделим наиболее значительные и опасные из них, подразделив на следующие группы.

I. Социально-политические вызовы [приведено на основе: Глазьев, 2021а], связанные с эскалацией мировой гибридной войны. Она разворачивается на нескольких фронтах, для каждого из которых характерен свой вид поражающего воздействия: боевого и высокоточного — в ходе военных операций непосредственно на полях сражений и для поражения стратегических объектов противника; биологического — в виде разработки и внедрения в избирательно действующих вирусов; кибернетического — при кибератаках на объекты финансовой и энергетической инфраструктуры; когнитивного — в информационных и социальных сетях. При соблюдении запретов применения ядерного и химического оружия (несмотря на то что вероятность этого шага периодически обсуждается в СМИ и на различных дискуссионных площадках) современной мировой войне придается именно гибридный характер, что подразумевает «рассеивание» приемов для сокрушения противника по различным сферам общественной деятельности: экономической (прежде всего областям торговли и финансов), дипломатической, информационной, культурной и т.п. При этом лидеры предыдущего технологического и мирохозяйственного уклада стремятся использовать свое сохраняющееся на современном этапе многосферное экономическое преимущество в мире, а также, усиливая его, ослабить противников на всех фронтах.

II. Потенциальные социальные последствия современной технологической революции или угрозы техногенного изменения самой природы человека [приведено на основании: Глазьев, 2021а: 97–98]:

1. Недооцененные угрозы применения передовых (генно-инженерных) технологий для жизни и здоровья человека, связанные с созданием опасных микроорганизмов, например, в целях:

- получения действенного биологического оружия для скрытого использования: как минимум 20 лет назад уже существовала возможность для выведения, селекции и «сборки» новых разновидностей вирусов так называемого избирательного действия, например, против групп людей с конкретными биологическими признаками. Современные технологии позволяют синтезировать вирусы, способные действовать целенаправленно на людей определенного пола, возрастной группы и расы, вызывая у них опасные для жизни заболевания. Не разжигая конфликтов, не затрачивая дополнительных ресурсов на боевое вооружение и сохраняя «внешнюю раскованность при внутренней собранности», сейчас вполне реально путем обычной ранее согласованной поставки экспортных продуктов на территорию государства-«партнера-противника» вызвать целую эпидемию у его населения (или среди выделенных групп людей). Ведь далеко не каждый человек относит приобретенные продукты питания в химическую лабораторию перед их употреблением, да и информация с фирменных этикеток и упаковок не всегда соответствует действительности! Так, до сих пор не утихают дискуссии об истинных причинах возникновения и распространения лихорадки Эбола, искусственном происхождении COVID-19 и вирусов атипичной пневмонии, свиного гриппа и СПИДа;
- создания ГМ-организмов с заданными свойствами, которые могут быть опасными для человека и природы вследствие применяемых способов и технологий внедрения чужих генов. Согласно некоторым экспериментальным данным, существуют риски возникновения следующих проблем: бесплодия ГМ-семян; токсичного влияния ГМО на окружающую среду, исчезновения насекомых и почвенных организмов, «генетического загрязнения» и превращения нормальных растений в трансгенные; патологии внутренних органов, бесплодия и гибели животных; свободного проникновения чужеродных генетических вставок в клетки органов человека и животного; бесплодия, онкологических заболеваний, генетических уродств, аллергических реакций и появления ранее неизвестных болезней у людей [приведено на основе: Ермакова, 2014].

2. Кардинальные изменения в структуре и составе общества за счет возникновения и (или) дальнейшего развития следующих процессов:

1. Вмешательства в природу человека посредством:

- клонирования людей, в том числе обладающих определенным набором физиологических или психологических свойств. Эта угроза обозначилась именно тогда, когда была экспериментально доказана практическая возможность клонирования млекопитающих. Сегодня динамично развивается целая индустрия клонирования домашних питомцев (в особенности собак)¹ и теоретически допускается вероятность появления фабрик по клонированию людей. Последствия такого вмешательства в «Божий промысел» и взятия на себя человеком функции Высшего судьи, определяющего «кому жить, кому не жить» (параллель с мыслью Ф.М. Достоевского), могут быть самыми страшными. В подобном контексте актуализируется и превращается в практический тот самый главный философский вопрос, который был поставлен еще М.А. Булгаковым в «Собачем сердце»: «Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно!...» В данном случае ответ на него мы находим сегодня благодаря анализу симулятивных потребностей и причин их неумолимого роста и ускорения получения желаемого результата [Бодрунов, 2018с; Бодрунов, 2021];
- киборгизации людей путем вживления в человеческий организм различных кибернетических устройств. Подобная технология уже освоена в медицине, применяющей кардиостимуляторы, слуховые аппараты, протезы, датчики и т.п. Теоретически существует возможность появления киборгов или человекообразных живых существ со встроенными в их организм приборами. Целью их создания может быть раскрытие дополнительных свойств мозга (например, многократное расширение вычислительных способностей), усиление остроты органов чувств, мгновенная передача информации, неограниченное манипулирование действиями этих объектов и т.д.;
- андроизации технетики² путем включения человеческих органов в робототехнические устройства; повышения вероятности возник-

¹ См. подробнее: <https://style.rbc.ru/life/5b6accef9a79477d9d700358?ysclid=l8l9x7mqgv131536513>; <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6893546?ysclid=l8l9y57dny875315305>.

² Далее в тексте будет дан расширенный комментарий к этому понятию.

новения андроидов с элементами человеческого организма. Это пока такая же фантастическая идея, как голова профессора Доуэля в романе А. Беляева. Однако разработки моделей нервной системы человека интенсивно ведутся, и их потенциальные результаты и последствия обуславливают неслучайность возникновения подобных фантазий.

2. Искусственного «затормаживания» или снижения прироста численности людей посредством:

- ❑ сознательного обречения себя на бесплодие или отсутствие потомства у растущей части общества. Эта часть состоит из трансгендеров, участников однополых и добровольно бездетных союзов (браков, сожительства), наркоманов и алкоголиков, а также психоневротических больных с симптомом суицидальной депрессии;
- ❑ развития ЭКО-бизнеса, позволяющего «конструировать» и создавать так называемых дизайнерских детей или детей на заказ в рамках свободных рыночных отношений. Таким образом, произведенный подобным способом «отредактированный» человек с определенным набором встроенных характеристик, по сути, является «товаром» особого вида на специализированном рынке ЭКО-услуг¹.

3. Выход автономных роботомашинных систем, способных к самоорганизации, из-под контроля. Так называемый бунт машин, ставший распространенным сюжетом научно-фантастической литературы и фильмов, может превратиться из выдумки в реальность. В настоящее время сбои автоматизированных систем электроснабжения повергают в хаос крупные города. По мере того как системы ИИ получают возможности для самоорганизации и принятия самостоятельных решений, такие риски становятся все более вероятными.

Перечисленные выше угрозы современной технологической революции довольно известны и многократно обсуждались. Стоит, однако, отметить, что реальных предложений по их нейтрализации пока не разработано. Риск существенного сокращения численности «естественного воспроизводимого» населения Земли и частичного замещения его человекообразными и человекоподобными существами последовательно возрастает. В ближайшие десятилетия человечество может перейти в качественно иное, постугамноидное состояние.

¹ См. подробнее терминологию и рассуждение на данную тему: https://tsargrad.tv/experts/deti-na-zakaz-jeko-biznes-i-nichego-lichnogo_339170?ysclid=I8o1pmw9fj302652004.

III. Современные социально-экономические вызовы нового ТУ [приведено на основе: Глазьев, 2021а: 72–75, 91–92]:

1. Связанные с рынком труда и увеличением доли неработающего и частично занятого населения:

- ❑ массовое высвобождение занятых рутинным трудом, замещаемым автоматическими системами управления в материальном производстве и искусственным интеллектом — в сфере услуг, которое может быть компенсировано дополнительным профессиональным образованием вынужденно безработных с их последующим трудоустройством в сферах нового ТУ, либо предоставлением им возможности досрочного выхода на пенсию;
- ❑ увеличение свободного времени вследствие высвобождения работников из трудоемких сфер деятельности, для эффективного и плодотворного использования которого необходимо развитие сфер творческой самореализации, а также культурного отдыха и досуга.

2. Ассоциируемые с изменением в образе жизни и снижением уровня взаимодействия социальных групп:

- ❑ «раскол» общества на креативный класс (занятых творческой самореализацией людей) и прекариат, довольствующийся ролью обслуживающего персонала и потребителей. При отсутствии эффективной работы социальных «лифтов» и системы социального обеспечения возрастает вероятность социальных конфликтов между этими группами;
- ❑ проявление элементов общественной дезинтеграции, таких как фрагментация социума по социальным сетям, различающимся мировоззренческими представлениями, моральными ценностями и потребностями;
- ❑ растущая «виртуализация» сознания и жизни значительной доли граждан (что отражается сейчас в распространении и укоренении дистанционного образования, удаленной работы, электронной медицины, повышении спроса на виртуальные игры и т.п.), сопровождаемая разложением многих социальных связей вследствие ухода людей в виртуальное пространство на «вечное поселение» (типа японских «хикикомори»), «размыванием» социальных групп, обострением и распространением трудностей социальной адаптации и проблем аутизма и социопатии в обществе, включая практически все возрастные группы.

3. Связанные с политикой и сферой управления:

- ❑ концентрация власти в руках меритократии, имеющей, благодаря своим знаниям, возможности использования опасных для общества технологий;
- ❑ использование современных ИКТ для имитации общественно-полезной деятельности и манипулирования обществом со стороны властвующей элиты.

4. Ассоциируемые с развитием трансгуманизма в виде [приведено на основе: Глазьев, 2021а со ссылкой на Щипков, 2018]:

- ❑ практического воплощения идеи кардинального изменения природы человека в результате нынешней технологической революции и смены ТУ;
- ❑ отказа общества от внутренних нравственных ограничений с отрицанием традиций, религиозных и иных ценностей и, в конце концов, человечности и человеческого в человеке;
- ❑ крайней степени индивидуализма, сущность которой можно выразить через следующие строки классика:

Но дружбы нет и той меж нами.

Все предрассудки истребя,

Мы почитаем всех нулями,

А единицами — себя.

Мы все глядим в Наполеоны;

Двуногих тварей миллионы

Для нас орудие одно;

Нам чувство дико и смешно.

- ❑ особого рода идеологии и «мейнстрима» эволюции общественного сознания (в частности, наблюдаемой после развала СССР и формирования однополярной американоцентричной модели Имперского МХУ с идеологией либеральной глобализации);
- ❑ непрерывной трансляции в мир идеи победы человека над собственной природой и полезности самоопределения;
- ❑ раскрытия возможностей для целенаправленных и добровольных социо- и биоэкспериментов человека самим над собой;
- ❑ специфического «преломления» идей технологизма за рамками нравственных координат с допущением отказа от собственной воли в пользу «внешнего манипулятора» при непрерывном удовлетворении растущих симулятивных потребностей;
- ❑ состояния «посткультуры» и «высокотехнологической дикости»;

- ❑ манипулирования общественным сознанием с помощью создания искаженных понятий или новой терминологии (например, «родитель № 1» и «родитель № 2» вместо слов «отец» и «мать»);
- ❑ процесса создания особого нравственного состояния, определяющего превращение человека в человекоподобное существо — «трансчеловека» или «постчеловека» — как результат научно-технических экспериментов и свободного конструирования в условиях «посткультуры»;
- ❑ отрицания нормальности «естественного» человека;
- ❑ искаженного взгляда на феномен человеческой жизни через понимание ее «абсолютного предела», что дает право без ограничений распоряжаться своей жизнью — как биологической, так и духовной;
- ❑ восприятия окружающего мира как подвластного объекта;
- ❑ состояния, в котором существование человека, природы и культуры становится невозможным и бессмысленным.

Важно отметить, что выделенные в данном блоке угрозы (перечень их, представленный здесь, далеко не полон, но, на наш взгляд, достаточно репрезентативен для описания проблемы) тесно переплетаются с процессами разобщения, разобществления и «расчеловечивания», которые будут подробно проанализированы далее.

IV. Валютно-финансовые и общеэкономические вызовы [приведено на основе: Глазьев, 2021a: 136–138]:

1. Ускоренное развитие финансовых «аномалий» типа финансовых «пузырей», эффектов «заражения» и резких трансграничных перетоков «горячих» денег, процессов финансиализации и растущего дисбаланса между финансовым и реальным секторами мировой экономики, создающих внутри нее «внутренние дестабилизаторы» постоянного действия [подробнее см.: Киндлбергер, Алибер, 2010]. Это опять-таки в полной мере является отражением аристотелевской хрематистики, но уже более высокого порядка. Здесь целью является уже не только накопление богатства, но и быстрое, практически мгновенное обогащение при минимальных затратах труда и каких-либо ресурсов.

2. Второстепенная роль реального сектора экономики в условиях финансиализации, цифровизации и популярности идей деиндустриализации.

3. Резкое снижение уровня международной солидарности в борьбе с финансовыми и общеэкономическими кризисами, в том числе

и в большей степени из-за специфики институтов, подконтрольных странам «ядра» Американского СЦНК. Призванная играть роль глобального реформатора сегодня «Группа Двадцати» подвержена манипулированию со стороны этого «ядра», так же как ранее созданные международные финансовые институты (МВФ, Мировой банк, Банк международных расчетов) и вновь создаваемые под предлогом борьбы с мировым финансовым кризисом. Так, Совет по финансовой стабильности (от англ. *Financial Stability Board*) выполняет функции не обеспечения стабильности мировой финансовой системы, а надзора за финансовыми властями государств с развивающимися и формирующимися рынками и контроля за «свободным» движением их капитала. Кроме того, в условиях гибридной войны и на фоне усиления процессов регионализации доверие к старому «ядру» со стороны КНР, России, Индии и других государств, развивающих новый МХУ, подвергается серьезной деструкции.

4. Окончательное превращение доллара США, имевшего долгие десятилетия статус «глобально доминирующей валюты», в «токсичную» валюту и риски «перенакопления» американского госдолга в условиях развития международных санкционных режимов. Для России, Ирана, Венесуэлы, Китая и многих других стран, пострадавших в последнее десятилетие от санкций США и европейских государств, все долларовые операции приобрели повышенный риск. Национальные меры по дедолларизации валютных резервов и взаимной торговли принимают все более продвинутый характер, что может резко сузить финансовую базу для обслуживания госдолга США. В подобном случае неизбежное падение внешнего спроса на американские казначейские обязательства придется замещать денежной эмиссией, что, в свою очередь, повышает вероятность более резкого роста госдолга США, вплоть до потери устойчивости системы.

5. Высокая вероятность «перетекания» инфляции с финансового рынка США в реальный сектор и на потребительский рынок, что чревато дезорганизацией воспроизводства экономики.

Таким образом, в настоящее время, как никогда ранее, многократно возрастает вероятность коллапса всей мировой валютно-финансовой системы, что, в свою очередь, всенепременно ввергнет в затяжной кризис мировую экономику.

V. Угрозы ускоренного развития факторов кризисного сценария [приведено на основе: Бодрунов, 2018с: 119], которые фактически основываются на четырех предыдущих пунктах и ряде результатов

авторских исследований и некоторым образом подытоживают выше-сказанное:

1. Растущая негарантированность существования человека не только как биологического, но и как социального существа в условиях, когда прогресс техносферы определяет тренд общественного развития и устройства. История развития общества свидетельствует, что человек во все времена стремился создать себе и своим близким гарантии сравнительно долгой и безопасной жизни. Ради самозащиты он возводил стены, совершенствовал орудия труда и обороны, создал систему здравоохранения и страхования и т.п. Эти усилия наших предков, действительно, дали свои «плоды»: например, если древние люди с трудом доживали до 30 лет, то средняя продолжительность жизни в мире к настоящему времени существенно повысилась. Однако современный период отличается тем, что человек, наоборот, начал создавать опасные для своего существования технологии, о чем свидетельствует возникновение перечисленных выше угроз и вызовов. Факторов риска становится значительно больше, нежели возможностей их упреждать.

2. Безмерно множасьщиеся и ускоренно развивающиеся симулятивные потребности, создающие избыточную «потребительскую нагрузку» на среду обитания.

3. Ориентация техносферы на форсированные темпы удовлетворения искусственно «раздуваемых» потребностей и, тем самым, повышение вероятности утраты контроля над ее развитием.

4. Уже достигнутый высокий уровень технологического развития, позволяющий — при нерациональном использовании — нанести цивилизации непоправимый ущерб.

5. Приобретение человеком «болезненной» зависимости от технической и информационной среды (читатель, вероятно, сможет сразу вспомнить свое собственное состояние тревоги при внезапной и продолжительной по времени потере Интернет-соединения или «выпадении» из «зоны действия сети»).

6. Ускоряющееся увеличение создаваемых человеком «технетических видов» в ущерб стремительно вытесняемому разнообразию видов биоты — опять-таки в силу безмерно возрастающих потребностей, которые становится невозможно удовлетворить без внешнего «искусственного» вмешательства в природу. Эта мысль восходит к идеям о техногенезе А.Е. Ферсмана и «техноценозах» и «технетике» Б.И. Кудрина [например, см.: Кудрин, 1998]. Под «технетическими видами»

мы подразумеваем объекты, произведенные с помощью технологий. Заметим, что, согласно проанализированному выше «кресту Бодрунова», технологические уклады в том числе отличаются друг от друга по уровню знаниеемкости. Так, вначале при низком показателе знаниеемкости «технетические виды» включали простейшие приспособления, а затем — различные механизмы, машины и т.п. По мере развития ТУ при существенном повышении знаниеемкости появились и «технетические существа» более высокой организации, автоматические, кибернетические и прочие подобные системы. «Технетические существа» создаются при этом не только в виде механических, электрических, электронных и прочих систем — они проникли в наш мир повсеместно. Например, возьмите те же «технетические» биологические виды — упоминавшиеся выше «сконструированные» растения/животные. Некоторые отечественные и зарубежные эксперты отмечают, что подобные организмы, а также «ГМ-продукты, материалы, топливо — это путь к монокультурности, потере биоразнообразия, стрессу для окружающей среды, увеличению использования воды и пестицидов». Еще в начале 2000-х гг. были обнаружены 142 очага генетического загрязнения в разных странах (в 44 государствах, в особенности США, Канаде и Бразилии), в ряде которых ГМ-культуры даже не выращивались [Ермакова, 2014: 27–28]. Возможно формирование «параллельной» «технетической цивилизации», которая, подобно тому, как человеческая цивилизация вышла из биомира, выйдет из нашей цивилизации. Стоит отметить, что общая масса «технетики» на нашей планете уже существенно превысила массу всей биоты.

7. Нарастающее давление технологической нагрузки на среду обитания. С распространением «ареалов обитания» «технетических существ» резко сужаются ареалы обитания существ биологических.

8. Увеличивающийся «разрыв» между высоким уровнем развития техносферы и низким уровнем развития той части общественного сознания, которая «ответственна» за разумное использование технологических достижений. Выявленное отставание динамики процесса человеческого «осознания» от динамики НТП приводит социум к ситуации, когда люди «не ведают, что творят».

9. Ослабление внутренних регуляторов разумного поведения, определяемых содержанием и уровнем развития культуры.

Выделенные и проанализированные выше угрозы отражают актуальность, остроту и разносферность кризисов переходного периода

(смены ТУ и МХУ), «накладывающихся» один на другой как пласты большого пирога, и эта самая кризисная «многослойность» оказывает серьезное негативное давление на те «цивилизационные весы», которым суждено определить выход из исторической «развилки», описанной авторами выше. Среди подобных многоуровневых (глобальных и мировых, региональных, национальных в случаях с крупными странами-«игроками») кризисов, связанных с обострением явных или скрытых внутрисистемных противоречий и способных привести к разрушительному эффекту, следует особо выделить следующие:

1) социально-политические, последствия которых в настоящее время можно наблюдать путем отслеживания состояния «фронтов» мировой гибридной войны, включая применение международных санкционных режимов (например, западные санкции в отношении России), «всплесков» межстрановых, межэтнических, межконфессиональных и прочих конфликтов, и т.п.

2) экономические, включая валютно-финансовый и реальный сектора экономики. Рис. 15 помогает сформировать общее представление о мировой истории разноуровневых кризисов за период с 1900 по 2008 г. (т.е. до острой фазы глобального финансово-экономического кризиса или «Второй Великой депрессии») на основе результатов обширного исследования К. Рейнхарт и К. Рогоффа. Соответствующие индексы были составлены с учетом нескольких выделенных видов кризисов: банковских, валютных, инфляционных, государственных дефолтов и крахов биржевого рынка [Рейнхарт, Рогофф, 2012: 299–309]. Прежде всего, обращают на себя внимание частота возникновения и глубина «протекания» кризисных явлений, нарастание показателей которых (см. рис. 15, а, б) помогает обнаружить периоды смены технологических и мирохозяйственных укладов;

3) теоретико-философские или «осознавательные», проанализированные нами выше на примере кризиса общественно-экономической теории;

4) технологические, связанные с противоречием между революционными результатами НТП и его потенциальными и реальными негативными для человека, общества и окружающего мира последствиями. Здесь как раз обостряется тот спектр социальных проблем, о котором рассуждал еще булгаковский профессор Преображенский: «Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти ощупью и параллельно с природой, форсирует вопрос и приподымает завесу! На, получай Шарикова и ешь его с кашей!»;

загрязнения и отходов»¹. Мы не будем приводить здесь устрашающую статистику, характеризующую глубину тройного планетарного кризиса и масштабы его реальных и потенциальных последствий, — все это является предметом довольно широких дискуссий и в той или иной мере отражено в соответствующих докладах ООН². Укажем только на то, что эксперты ООН подтверждают сделанный нами ранее вывод о существовании в настоящее время исторической «развилки», выход из которой — либо в сторону технотронной цивилизации с замещением человека другими существами, способными продолжать существование в подобной среде, либо на светлый путь осознанного сотворения «нооцивилизации» [Бодрунов, 2018с: 124] — определит не только и не столько направление социального развития, но и сам факт реализации возможностей для сохранения и выживания человеческой цивилизации: «...мы находимся на перепутье, и нам предстоит сделать соответствующий выбор. Это может стать как разрушением, так и прорывом»³;

б) духовно-нравственные, психологические, социальные (преимущественно относящиеся к ухудшению состояния и продолжительному негативному воздействию на три важнейших составляющих внутреннего мира человека — биологическую, социальную и духовную — и к процессам расчеловечивания, которому мы уделим особое внимание в следующем разделе).

Перечисленные выше кризисы и их «многослойность», в совокупности отражающие кризис человеческой цивилизации в целом, сами по себе создают прямые и косвенные угрозы для существования человека и общества.

3.3 Пределы эволюции общественного развития: тенденции расчеловечивания

Одной из самых опасных составляющих кризиса человеческой цивилизации, наиболее ярко проявляющейся в последние десятилетия, стал процесс так называемого «расчеловечивания». Его аспекты, тен-

¹ Цитата из: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/istoriya/2022-god-priroda-v-avariynom-rezhime>.

² См. подробнее: <https://www.un.org/ru/climatechange/reports>.

³ Цитата из: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/istoriya/2022-god-priroda-v-avariynom-rezhime>.

денции «продвижения» в общественное сознание и институты, его последствия и эффекты для развития экономики и общества все чаще исследуются и обсуждаются представителями различных кругов, что свидетельствует как о междисциплинарности, так и о нарастающей остроте данной социальной проблемы [см., например, интервью и передачи с участием А.Г. Дугина, А.Г. Асмолова, представителей Русской православной церкви, очерк А. Яшина¹, а также: Букреев, 2011; Бушин, 2018; Делягин, 2018; Грибакина, 2019].

При этом, однако, сам термин понимается неоднозначно, что делает дискуссию о проблеме «расчеловечивания» достаточно размытой. Нам представляется необходимым в рамках проводимого исследования конкретизировать смысловое наполнение данного термина на основе авторского подхода.

Для того чтобы сформулировать определение расчеловечивания в том виде, который может позволить «высветить» принципиальные аспекты проблемы, мы предлагаем, прежде всего, обратиться к пониманию сущности самого человека. В силу своей сложности, однако и эта одна из центральных философских категорий с древних времен и до сих пор вызывает бесчисленное количество дискуссий о состоятельности предлагаемых дефиниций. Первым открыто и в явном виде заявил об остроте данной проблемы еще И. Кант, озадачившись тем, что же такое человек, и стремясь обосновать комплексность его сущности.

Итак, что есть человек?

Человека в мире выделяют не только уникальный дар речи и мышления, труд и способность создавать те или иные предметы и пользоваться ими, эмоции, чувства или особенность строения руки и т.п., на что обычно обращают внимание при анализе данного субъекта — главное, по нашему мнению, это его особый триединый внутренний мир, сочетание и гармония духовного, социо и био. При этом человечность (гуманность, отзывчивость, эмпатия, достоинство и другие черты данного ряда) как специфическое качество и свойство для определения человека является одной из центральных категорий. Кроме того, здесь нам вновь необходимо обратиться к понятиям «знания» и «потребно-

¹ См. подробнее: <https://dzen.ru/media/id/5c584c0186e4a700adce84cb/a-dugin-a-asmolov-igumen-nektarii-raschelovechivanie-6316ce91cfc25f5c4879afd9>; https://tsargrad.tv/articles/god-raschelovechivaniya-patriarh-kirill-podvjol-itogi-koronavirusnogo-2020-go_309446?ysclid=I8tvss6akv202532962; <https://denliteraturi.ru/article/4761?ysclid=I8tvmh8lym725438594>.

сти», тесно связанным с человеком и его жизнью. Подчеркнем, что именно знания помогают ему формировать потребности и осознавать свои права на их реализацию (при этом, напомним, что с развитием знаний эти процессы ускоряются). Таким образом, в нашем понимании «расчеловечивание» предстает как разрушение триединого внутреннего мира человека и попытка искоренения «человечности».

Термин «расчеловечивание» или «дегуманизация» (от англ. *dehumanization*) — комплекс действий, целью которых является отнесение субъекта (человека) к «нелюдям», не принадлежащим к истинному роду человеческому, «вытеснение» одного субъекта из сообщества людей («человеков»), с сопровождающимся отрицанием его человеческих прав и лишением его таковых вследствие его «нечеловеческой» (по сути, звериной, зоо-) сущности — используется в специальной литературе достаточно давно. В том или ином виде усилия по расчеловечиванию политических оппонентов, противника и т.п. входили в набор стандартных практик множества политических, социальных, религиозных структур и институтов многие века. В последние годы, однако, этот термин используется и в несколько иной коннотации — как процесс «самоозверения», деградации и распада личности, влекущий ее духовную смерть, отказ от «человеческого» в человеке.

В российской социопрактике мы можем наблюдать оба эти коннотационных «окраса» данного термина в одном «флаконе» — и это наиболее выпукло отражается, например, в аспектах поведения и развития/деградации личности, а соответствующий процесс проявляется в ситуации, когда человек оказывается замкнутым в суровой и бесчеловечной атмосфере существования.

Процесс расчеловечивания не ограничивается проблемами и границами личности конкретного человека. В социальной практике, а далее — и в практике политической, он все более распространяется на объекты социальной и социально-политической структуры (группы населения, партии, народы и т.п.).

Анализ исследований современной проблемы расчеловечивания позволяет взглянуть на этот процесс с различных сторон и существенно расширить трактовку этого феномена, например формируя понимание и восприятие его как разрастающегося и претендующего на статус массового. Отметим следующие признаки этого процесса в формах:

а) негативного социально-экономического явления, выраженного уже не только в симулятизации потребностей, а в негативной дефор-

мации — «выворачивании наизнанку» или «разрушении» сверху — знаменитой пирамиды потребностей А. Маслоу, при котором происходит такое изменение структуры человеческих потребностей, когда человек и общество теряют потребность в развитии, созидании и эмпатии, а вместе с нею и способность к достижению социально значимых результатов общественной деятельности [рис. 16, Сундиев, Фролов, 2016: 114–115];

Рис. 16. Изменения в пирамиде потребностей А. Маслоу при процессах расчеловечивания по Сундиеву — Фролову
 Источник: составлено на основе рисунков [Сундиев, Фролов, 2016: 110, 115].

б) особой формы психиатрического расстройства, социальных психопатий, клинических форм шизофрении и своеобразных «душевных болезней без помешательства», выдаваемых за эталонные образцы поведения: так, в современном обществе все чаще встречаются такие эффекты, как «неопрятность больного», «гипоидная шизофрения» (сочетающая ожесточенность, жестокость и бесчувственность), сексопатологические отклонения и т.п. [Сундиев, Фролов, 2016: 115];

с) специфической социально-философской драмы или регресса, начавшегося с практики «хаббардизма и нейролингвистического программирования», в результате чего происходит «движение от человека «без груди» (по-русски лучше — без сердца?) к человеку «без головы» (точнее — без мозга?), от человека без тимоса (духа) к человеку без логоса (смысла), от последнего человека к постчеловеку», или превращению человека в «зомби» [Кутырев, 2007: 46];

d) отрицательного социально-правового и социально-политического явления, выраженного в форме искажения понятий (например, таких как «демократия», «гуманизм»), появление «странных» законов (в особенности в Европе) и прецедентов соответствующих судебных решений, в развитии «свободы прав» как «свободы от» (нравственных ограничений и прочего), абсолютизации прав меньшинств в ущерб или при одновременном ущемлении прав большинства, легитимизации права на смерть как один из ключевых аспектов западной политики, обязательной «прививки толерантности», возникновении и «насаждении» так называемого политкорректного языка, «лицемерного» мультикультурализма, в уравнивании терминов «культура» и «антикультура» (а также постановка знака «=» между «духовным бесплодием» и «прогрессивным искусством»), результатов развития капитализма до современной стадии с «идеализацией любой вульгарности», «нравственной хаотизации и освобождения от человеческого в человеке» и т.п. [сформулировано на основе: Ильин, 2019; Бузгалин, 2014];

e) прогрессирующего объекта исследований в области современной психологической науки, формирующей новые подходы, теории и модели в ходе изучения данной проблематики [см. подробнее: Агадуллина, 2021].

Можно было бы продолжать этот список далее, однако, на наш взгляд, и этого достаточно, чтобы оценить, как говорится, современный «масштаб трагедии». Ее преодоление видится нам через ограничение людей в их желании получить описанные выше «искаженные права» и удовлетворять симулятивные и противные внутренней сущности человека потребности. Выше шла речь о новом массовом явлении добровольного саморасчеловечивания людей. В прошлые века можно было наблюдать процессы принудительного расчеловечивания людей в местах насильственной изоляции (в концлагерях, тюрьмах и т.д.), где в рамках искусственно создаваемых замкнутых сообществ человек порой низводится до скотского зоо-состояния. Опасность нынешних условий миросуществования заключается в том, что практики замкнутых сообществ переносятся, часто в весьма завуалированном виде, с локального на глобальный уровень, т.е. создаются предпосылки для превращения целого мира в своеобразный «лагерь». Для подтверждения авторской концепции представим результаты анализа расчеловечивания путем проведения параллелей и сравнений между соответствующими процессами и их результатами/эффектами на примерах «локального» и «глобального» лагерей (табл. 22).

Обратимся (преимущественно) к признанным и известным источникам, содержащим достоверную и открытую информацию о лагерной жизни в истории нашей страны, а именно литературной критике произведений из так называемой лагерной прозы В. Шаламова, испытавшего на собственном опыте особенности лагерного быта, нашедшего в себе силы проанализировать и описать их и происходящие в личности заключенных кардинальные изменения, а также глубоко убежденного, что этого опыта не должно быть ни у кого, поскольку он ничему не может научить человека, а способен его только сломать, т.е. расчеловечить [Васильев, 2009]. На этом практическом примере мы сможем четко выделить и охарактеризовать этапы дегуманизации и показать всю глубину опасности данного процесса для современного общества.

Таблица 22

Сходства и отличительные черты расчеловечивания в условиях «локального» и «глобального» лагерей

Критерий	Локальный лагерь	Глобальный лагерь
Условия жизни и жизненное пространство	Враждебные для человека «катаклизмы эпохи», «устойчиво-конфликтное состояние мира», «война всех со всеми», «исключительные обстоятельства, когда все отрицательное обнажено безгранично»	
Сущность расчеловечивания и его задачи	Явные: «ломка» личности, изолированная форма приведения наказания в исполнение	Скрытые до определенного момента: «раздвоение действительности» через создание иллюзии нормального существования и добровольности выбора, захват всех областей и сфер общественной жизни (включая производство и бизнес), ослабление и полное подчинение социума, развитие идеологии зла, обесценение ценностей и т.п.
Основная задача человека до духовно-социального опустошения	Выживание в ситуации непрерывности угроз жизни и самосохранения, стимулирующее как худшие, так и лучшие проявления человека	
Язык и речь	Ограниченность лагерного языка, отражающая сужение сферы мышления до обдумывания сиюминутных проблем лагерного быта	
Имя	Потеря имени	
	Вынужденная замена номерами и «кликчами»	Добровольная замена паспортных данных (например, со сменой пола), прозвищами, «никами» в социальных сетях (от англ. nicknames) и т.п.

Критерий	Локальный лагерь	Глобальный лагерь
Многообразие и различия	Отсутствие разнообразия, типизация, стирание индивидуальности и растущая «обезличенность человеческого материала»	
Потребности	Редуцирование до удовлетворения простейших биологических желаний, тотальное уравнивание потребностей и по потребностям, мелочный эгоизм	
Ценности, культура, вера	Резкая потеря «культурной оболочки» и вслед за ней — человеческого облика, нравственный конфликт, демонстрирующий «падение с высот человечности». Гибель человека как духовного существа или духовное замирание (трансформация в ситуации приспособления к условиям)	
Поведение и состояние после духовного опустошения	«Все как у здоровых, и все же это — полусумасшедшие», «духовно сломленные», отстраненность от внешнего мира	
Эмоции	Безысходность, нарастающая злобная агрессия	
Отношение к труду и обучению	«Заклоченный приучается там ненавидеть труд — ничему другому и не может он там научиться... Он приучается ненавидеть людей»	Приучение к праздности, «виртуализация», фрагментация социума, разобществование, разобщение и социопатия
	Гибель человека как социального существа	
Существование после духовно-социального опустошения	«Зачеловеческая жизнь» или продолжение жизни только телесной, биологической. Состояние, когда человеческое тело становится «неодушевленным предметом», при котором, однако, сохраняется возможность возвращения к человеческому в ситуации духовного замирания	
Способы внешнего воздействия	Невиданные лишения, тяжелейшие испытания, постоянные физические муки (голод, недосып, тяжелая работа, калечение организма)	Давление и манипулирование сознанием, трансляция «жизненной слитности добра и зла», что само приводит человека к «загонению себя в угол»: социо- и биоэкспериментам, приносящим физические муки, и т.п.
Трансформация власти	Различные формы насилия (побои, издевательство, оскорбление и т.п.)	
Главная движущая сила	Физическая	Технологическая
Взгляд на самоубийство	Спасение как результат потери смысла жизни и «обесценивания человеческого существования»	Допустимость как результат вседозволенности и одиночества в социуме
	Гибель человека как биологического существа	

Составлено на основе: [Васильев, 2009 с цитатами Шаламова; Грибакина, 2019].

Представленный в таблице сравнительный анализ позволяет сделать следующие обобщения.

1. Внешние условия лагерной жизни. Как в локальных, так и в глобальных условиях человек («заключенный») попадает в лагерь в ситуации, когда внешние факторы (в государстве или мире, соответственно) создают враждебную и повышено конфликтную «среду» для его существования, а жизненное пространство резко сужается и «замыкается». Это наиболее ярко проявляется главным образом в переходные, кризисные периоды и жестокие «эпохи катаклизмов».

2. Внутренние условия лагерной жизни. Они определенным образом отражают внешние и могут быть в полной и достаточной мере охарактеризованы как бесчеловечные. Это касается не только способов воздействия на людей, но и трансформации власти, которая предстает в форме внешней и внутренней грубой силы. Физическая сила и технологическая власть выступают внутренними двигателями этих своеобразных «миров».

3. Сущность и задачи расчеловечивания в обоих случаях одинаковы и состоят в развитии процессов деградации и «разложения» человека путем негативного деструктивного воздействия на каждую компоненту его триединого внутреннего мира: духовную, социо- и био- (именно в такой последовательности). Отличие здесь заключается только в том, что в «локальном» лагере это происходит для человека в открытую или явно (с постановкой перед фактом), а в «глобальном» — длительное время и, как правило, в скрытой форме, постепенно, посредством манипулирования, создания иллюзий и «кривых зеркал», бесконечного внушения и развития идеологии зла — таким образом, чтобы человек привык к создаваемым для него лагерным условиям, воспринял их как «новую нормальность» своего существования, стал равнодушен к происходящему вокруг.

4. Основная задача человека в лагере до его духовной и социальной гибели или до начала «зачеловеческой жизни» — выжить в бесчеловечных условиях и при постоянных угрозах существованию. Все его потребности, скатываясь вниз по пирамиде А. Маслоу, резко ограничиваются и быстро сводятся только к удовлетворению простейших био-желаний, при этом — самое главное! — потребности у всех «заключенных» уравниваются, что приводит к своеобразному внутреннему «уравнению» попавших в лагерные условия людей.

5. Механизмы уничтожения личности также схожи в обоих случаях, но различаются по проявлению и внутреннему отношению «заключенных» к происходящему.

ченного» (явные и вынужденные — в «локальном» лагере, скрытые до определенного момента и преимущественно добровольные как результаты манипулирования — в лагере «глобальном»). Среди них особо выделяются следующие:

а) внешнее нивелирование или «стирание индивидуальности» (обезличивание, типизация), которое происходит главным образом посредством «уравнивания» облика и внешнего вида «заключенных» (по одежде, прическе и т.п.) и замены имен. Первое в «глобальном» лагере при современном развитии ИКТ и иных технологий демонстрируется в форме слепого, массового и — все более — агрессивного следования «веяниям» моды — как в подборе одежды и причесок (нередко при всем разнообразии тканей, линий, цветов и красок) в основном по принципу «чем чуднее, тем моднее»¹ или «уродливой моды», так и в создании нового облика, связанном с актуальностью и повышенным спросом на добровольные пластические операции, инъекции ботокса, липосакцию частей тела и т.п., в результате чего формируются некие современные типичные стандарты красоты (скорее, по мнению авторов, уродства). Нередко после злоупотребления пластикой и иными видами хирургического вмешательства лица пациентов превращаются в одинаково страшные маски, а тела приобретают сходство с марионеточными. Люди с неестественным обликом кукол, трудно различимые по внешности, все чаще появляются в мире, несмотря на наличие в открытом доступе информации о негативном опыте и вреде подобных экспериментов над человеческой природой; при этом все более навязчивой становится пропаганда в масскультуре, СМИ, интернете подобных экзерсисов, как наиболее «продвинутых», современных и прочее.

А.П. Чехов был уверен, что «в человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Это мудрое суждение отражает важность гармонии образа и внутреннего мира человека. В лагерных условиях подобная гармония трансформируется в антигармонию: разрушение внутреннего мира сказывается на человеческом облике, а искусственное неблагоприятное изменение образа как дара родителей, природы и Бога углубляет дальнейшее внутреннее разложение и деградацию личности, сопровождающихся потерей ею и истинно человеческих качеств.

¹ См. подробнее: https://tsargrad.tv/news/chem-chudnee-tem-modnee-inostrancam-pokazali-strannuju-odezhdu-russkih_327597?ysclid=l8wlytt3f52668200.

Несмотря на принципиально негативную оценку описанной тенденции для сохранения человеком своего человеческого статуса, вторая тенденция — замена имени — представляется нам существенно опаснее первой, поскольку влечет за собой «двойной удар», т.е. воздействует и на облик, и на авнутренний мир личности. Считается, что именно имя (здесь имеется в виду собирательное значение имени — ФИО для граждан стран СНГ, а также *first names* и *last names* для иностранцев) является одним из самых значимых слов для человека, отражающих его связь с предками, отечеством, определенной культурой и т.д. Добровольный отказ от имени, особенно в пользу «никнов», в условиях «глобального» лагеря неизбежно влечет за собой глубокую внутреннюю негативную трансформацию — например, такую как раздвоение личности — и усугубляет сопутствующие психические расстройства;

b) телесное насилие. В рамках «локального» лагеря оно проявляется в форме пыток, побоев, ослабления организма посредством непомерных лишений и испытаний на прочность (например, таких как голод, недосып и тяжелая работа). В «глобальном» лагере проблема неимоверно разрастается: физические муки доставляют последствия добровольных биоэкспериментов, злоупотребление лекарственными препаратами, «болезни зависимости» (алкоголизм, наркомания, игромания и т.п.), неправильное и нездоровое питание и многое прочее. В результате многократно повышается вероятность возникновения дальнейшего эффекта, который можно охарактеризовать с помощью следующего перефразирования крылатого выражения: «в нездоровом теле — нездоровый дух»;

с) ограниченность лагерного языка и трансформация речи, отражающаяся на сужении мышления «заключенных», вынужденных жить решением проблем лагерного быта и удовлетворением сиюминутных биопотребностей. В «глобальном» лагере большинство людей в силу удобства и быстроты обмена информацией пользуются особым «птичьим» языком, усеянным искаженными иностранными словами, избыточными знаками препинания и «лайками» (особенно ярко это выражено в интернет-общении). Устная и письменная речь постепенно теряют свое богатство, глубину и нередко связанность. Ошибки в письмах и сообщениях перестают считаться чем-то неприличным. Психиатры бьют тревогу, обнаруживая во время обязательного осмотра дошколят перед первым классом резкий рост количества детей с недостаточно развитыми для пользования письменными принадлежностями руками, привыкшими только нажимать на кнопки. В дан-

ном контексте строки Б. Ахмадулиной звучат как предостережение об опасности: «Коль вытоптан язык – и вам не устоять». В этом смысле повсеместно и все более широко практикуемое в различных регионах мира «наступление на языки», «огораживание» от их функционала либо, наоборот, придание им специальных «особых» статусов в ущерб другим, практикуемым населением, есть не что иное, как попытка (вспомним основу это слова — пытка!) расчеловечивания целых языковых групп и даже народов — конечно, с последующим их ограничением/лишением тех или иных человеческих прав, социального статуса, возможностей личностного развития, учебы, трудовой карьеры и т.п.;

d) «запрограммированность» распорядка жизни и сознания, приводящая к «механистичности» человеческого существования;

e) действенная система запретов, распространяющихся на проявление свободы и воли, человеческие чувства (такие как эмпатия, сочувствие, сострадание, любовь, дружба), историческую память и т.п. Подобные человеческие проявления в «глобальном» лагере вызывают насмешку, издевательство и отвращение;

f) трансформация труда в сознании «заключенных» в ненавистный процесс. Заметим, что именно от ненависти к труду в совокупности с результатами применения остальных вышеперечисленных механизмов уничтожения личности человек переходит к ненависти к обществу;

g) лишение прав и свобод (в первом случае явное) и (или) искусственная подмена естественных прав и свобод — искаженными и навязанными (преимущественно во втором случае).

б. Результаты и исход лагерного существования. Как уже упоминалось выше, процесс расчеловечивания проходит в три этапа в соответствии с разрушением триединого внутреннего мира человека (см. табл. 22). Первый этап нацелен на разрушение духовной составляющей, и его результат — это либо гибель человека как духовного существа, обуславливающая необратимость расчеловечивания, либо своеобразное «замирание» души («духовное затаивание», или переход к «тайной жизни» духовного начала), «сворачивание в спору» в качестве формы приспособления к сложившимся обстоятельствам, при котором возможно сопротивление процессам расчеловечивания и возвращение к нормальному состоянию и жизни. Потеря человеком культурной и ценностной «оболочки» и «падение с нравственных высот» и есть главный результат процесса расчеловечивания. В ситуации, «если Бога нет, то все позволено» (по Достоевскому), в человеке запускаются внутренние механизмы рас-

человечивания, которые вместе с внешними быстро завершают его «разрушение»/деградацию. Второй этап связан с «ломкой» социальной компоненты внутреннего мира и направлен на гибель человека как социального существа, «приучившегося ненавидеть» общество и себе подобных и отгораживающегося от них. С этого момента наступает так называемая «зачеловеческая жизнь» или существование за пределами человеческого и человечности с сохранением главным образом только телесной оболочки. В ситуации «духовного замирания» эту стадию также еще возможно преодолеть. Наконец, в довершение расчеловечивания — на третьем этапе — происходит полная потеря человеческого облика и дальнейшая физическая смерть организма. Добровольная гибель человека как биологического существа объясняется, прежде всего, утратой ценности и смысла жизни, а также результатами осознания допустимости подобного исхода. Причем — именно добровольно: либо путем отказа от сохранения жизни, либо даже посредством ее искусственного завершения/прекращения (например, эвтаназии).

Таким образом, законы любого лагеря противоречат законам природы и жизни. Именно поэтому наблюдаемые в настоящее время тенденции расчеловечивания так опасны, поскольку могут поставить предел эволюции общественного развития в глобальном масштабе.

Нередко, тем не менее, эти разрушительные тенденции поддерживаются работой крупных интеллектуальных центров, излагающих свои позиции в отношении дальнейшего развития миропорядка и (или) конкретных стран и предлагающих соответствующие рецепты и даже «проекты» для реализации их на практике.

С точки зрения авторов, к таковым можно вполне отнести, например, идею, выдвинутую на Давосском Всемирном экономическом форуме (ВЭФ) о так называемой «Великой перезагрузке» (от англ. «*The Great Reset*»), одной из центральных задач которой становится трансформация обычного капитализма в «инклюзивный капитализм». Неизвестно, осознанно ли предлагали авторы этой идеи свои рекомендации, однако при попытках разобраться в смысле этого нового термина и выявить последствия применения подобной инициативы на практике ряд исследователей (например, В.Ю. Катасонов и др.), как правило, приходят к следующим выводам¹ (приведем ниже в кратком и обобщенном изложении):

¹ Сформулированы на основе: https://tsargrad.tv/articles/inkluzivnyj-kapitalizm-kak-glavnaja-ideja-velikoj-perezagruzki_354889?ysclid=I8qx4cttjh518685468.

- «инклюзивный капитализм» — это один из примеров «бессмысленных» терминов, составленных с помощью «игры слов» — такой же, как упоминавшийся одним из авторов данной работы «травоядный волк» (в отношении симуляции сути современного капитализма), или «плотоядная корова» из «Страны невыученных уроков». Именно поэтому невозможно обнаружить ни одного четко сформулированного определения данного понятия, которое теоретики-сторонники идей ВЭФ пытаются «прислонить» то к одной, то к другой стороне предполагаемого системного обновления — то к теме устойчивого развития, то к проблематике социальной ответственности бизнеса, то к проблеме развития демократии и т.п.;
- наличие у авторов данной концепции скрытой задачи: спасти и оправдать капитализм, в том числе через изменение трактовки его основных понятий или, в нашем понимании, путем дополнительного формирования и укрепления системы «кривых зеркал». Так, прибыль для компаний из цели превращается в ключевой ориентир и «мерило» эффективности работы; установление цены из задачи «получить больше» — в элемент рыночного искоренения бедности(!); акционеры из главенствующих бенефициаров корпораций — во всего лишь одну из заинтересованных «партнерских» или как бы «равноправных» сторон, наряду с работниками и иными субъектами хозяйственной деятельности; каждая частная компания и корпорация от мала до велика — в «инклюзивную» организацию, строителя этого справедливо утроенного «инклюзивного капитализма» и его двигатель; государство из субъекта, противопоставляемого рынку, — в объект, поглощаемый «инклюзивным» рыночным процессом;
- существование скрытой миссии данной концепции (как и в целом — сверхзадачи ВЭФ) — укрепить позиции властвующей элиты, в том числе через своеобразную «конвертацию капитала в мировое господство»;
- подобная инициатива, призванная «пустить пыль в глаза» обществу, должна расцениваться как еще один «заговор против человечества», масштабный вброс очередной концепции скрытого расчеловечивания. В сущности, как отмечают исследователи, «инклюзивный капитализм» — это «дымовая завеса, прикрывающая планы мировой элиты к такой модели, которую следует назвать посткапитализмом. Его еще можно назвать новым феодализмом или новым рабовладельческим строем»¹.

¹ Цитата из интервью В.Ю. Катасонова, см.: там же.

К перечню подобных инициатив уверенно можно отнести обнаруженное в рамках США — страны-лидера «ядра» Имперского МХУ — «глубинное государство» с претензией на создание мирового (наднационального) правительства, элементами которого в настоящее время являются некоторые международные организации типа Банка международных расчетов (БМР). Само понятие «глубинное государство» (ГГ) в научном дискурсе существует давно и применяется для обозначения некоего образования, существующего параллельно с обычным, традиционным государством и паразитирующим на его «организме» сродни «злокачественной опухоли». Цель ГГ состоит в манипулировании всеми и вся внутри и за пределами страны происхождения, захвате власти, вытеснении и ослаблении реального государства и — опять-таки! — в достижении мирового господства. Однако для приведения этого «приговора» человечеству в исполнение крайне необходимо, чтобы до поры до времени существование ГГ было скрыто от посторонних глаз. События последних лет неопровержимо доказывают, что «население» ГГ США составляют так называемые хозяева золотого запаса, акционеры ФРС, крупные банкиры, высокопоставленные чиновники и сотрудники спецслужб и т.п. Им же подконтрольны журналисты, осуществляющие необходимую пропаганду и «промывание мозгов» обществу, коррумпированные политики и политологи и многие другие сообщества¹.

К числу подобных инициатив можно причислить и достаточно завуалированную идею Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) о всеобщей вакцинации от коронавируса. Критики данной «затеи» и ее воплощения в жизнь (ученые, профессиональные врачи и т.д.), как правило, сходятся во мнениях и выдвигают следующие контраргументы²:

❑ наличие закона «убывающей эффективности вакцинации» при движении от клинических испытаний до массового применения. Так, приводятся данные выборочных исследований по вакцинации о том, что в начале прививочной кампании *Pfizer*, *Moderna* и *Johnson & Johnson* анонсировали эффективность своих препаратов на уров-

¹ Сформулировано на основе: https://tsargrad.tv/articles/o-glubinnom-gosudarstve-v-nedrah-ssha_108814?ysclid=l8qxa7ico8956737215.

² Сформулировано на основе: https://tsargrad.tv/articles/ot-massovyh-privivok-k-immunnomu-istoshheniju-pfizer-i-moderna-rojut-mogilu-zapadu_455571?ysclid=l8qxj40kw427869862.

не свыше 90%, а к концу 2021 г. этот показатель снизился до порядка 43, 58 и 13% соответственно¹;

- ❑ неполнота «администрирования вакцинации» или учета и контроля побочных эффектов от прививок;
- ❑ в результате массовой вакцинации возможно создание новых разновидностей вирусов;
- ❑ обречение общества на постоянную и регулярную ревакцинацию и необходимость прививок все более и более «усиленного действия» («бустерная» вакцинация) с падением сроков защиты человека от заражения;
- ❑ повышение вероятности массового приобретения иммунного истощения и роста уровня смертности в мире.

Наконец, в эту же группу можно записать и частную инициативу по всеобщей вакцинации от различных заболеваний и «спасению человечества» всемирно известного миллиардера и основного спонсора ВОЗ Б. Гейтса, которая критически настроенными исследователями расценивается как²:

- ❑ продвижение интересов транснациональных фармацевтических корпораций и способ заработать: так, с началом в мире очаговой эпидемии «птичьего гриппа» в 2003 г. ВОЗ был рекомендован к применению препарат, производимый именно той корпорацией (*Roche*), которую финансировал Гейтс;
- ❑ вариант выгодных вложений и метод установления контроля над фармацевтической сферой и в целом национальной экономикой ряда стран мира (например, Индии и Пакистана);
- ❑ один из способов участия в конкурентных «вакцинных войнах»;
- ❑ открытие возможностей для так называемой скрытой чипизации людей, а также создания и продвижения ГМ-препаратов и вакцин;
- ❑ оказание давления на ВОЗ для регистрации вакцин и признания их эффективными;
- ❑ олицетворение мирового заговора по контролю за поведением людей и рождаемостью, а также по управляемому сокращению численности человечества;
- ❑ «благие намерения», которыми «вымощена дорога в ад», о чем свидетельствует прошлый негативный опыт. Так, программа Фонда

¹ Сформулировано на основе: https://tsargrad.tv/articles/ot-massovyh-privivok-kimmunnomu-istoshheniju-pfizer-i-moderna-rojut-mogilu-zapadu_455571?ysclid=l8qxj40kw427869862.

² Сформулировано на основе: https://tsargrad.tv/articles/ispoved-gejtса-kakievakciny-nelzja-stavit_319427?ysclid=l8qxm4bha4635393115.

Гейтсов по вакцинации от полиомиелита в Пакистане и Нигерии породила «слухи» о том, что прививки «вызывают бесплодие у женщин и калечат детей». В начале 2010-х гг. ученые выступили за остановку проводимой в Пакистане Расширенной программы иммунизации и использования спонсируемых Гейтсом вакцин, приводящих к росту детской смертности и инвалидности. Имеются доказательства того, что запущенная Гейтсом с 1995 г. в Индии вакцинация от полиомиелита за 17 лет применения привела к параличу порядка полумиллиона человек, вследствие чего правительство этой страны приняло решение об отмене подобной практики¹.

К сожалению, невозможно определить общее количество человеческих жертв, уже понесенных в результате внедрения подобных пагубных идей и создаваемых на их основе проектов. Однако последние продолжают множиться, развиваться и распространять свое разрушительное воздействие в мире, в том числе с опорой на «мейнстрим» современной экономической мысли. Ее центральное понятие — *homo economicus* — должно расцениваться как «научная» основа для дегуманизации, как карикатура на человека, по сути, образ его деградированного остатка, формируемый в результате процесса расчеловечивания.

Справедливости ради стоит подчеркнуть, что им противостоят альтернативные инициативы мирного и созидательного характера. К таковым, например, можно отнести доктринальную базу развития Китая (о построении социализма с собственной спецификой и «сообщества единой судьбы человечества»), идеи Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС) и прочие. В этом же ряду стоит и предложенная одним из авторов настоящей работы концепция цивилизационного развития, предполагающая переход к НИО.2 и ноономике [см.: Бодрунов, 2018с] в соединении с теорией смены технологических укладов и концепцией смены МХУ [Глазьев, 2021а].

Как справедливо отмечает Ю.В. Тавровский, в настоящее время невозможно сомневаться в эффективности китайского пути развития, доказавшего на практике обоснованность выбора подобного курса. Вначале это касалось исключительно внутреннего состояния страны и ее задач по реализации плана воплощения «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации», однако в 2021 г. впервые заговорили о «социализме с китайской спецификой» как об альтерна-

¹ Сформулировано на основе: https://tsargrad.tv/articles/ispoved-gejtsa-kakievakciny-nelzja-stavit_319427?ysclid=l8qxm4bha4635393115.

тивной американской новой «модели развития человечества». Ее специфическим отражением на мировой политической арене является так называемая Большая идея о построении «сообщества единой судьбы человечества» с действенным инструментом (продвижением инициативы «Один Пояс — Один Путь»), противопоставленная стремлению к гегемонии государств «ядра» Имперского МХУ и захватническим процессам либеральной глобализации. Подчеркивается, что страны Запада вплоть до настоящего времени пока не смогли выработать достойного ответа на эти идеи и проекты Китая. С другой стороны, эксперты отмечают, что было бы неправильно понимать и трактовать внешние инициативы и предложения Китая миру как форму процесса борьбы гегемонов за власть (США и КНР) или навязывание идеологии другим странам. Это, скорее, отражение «китайской мудрости», миролюбия, «собственного восприятия мира», умения делиться идеями и «плодами» успехов; с поправкой на местные условия для перенятия китайского опыта подобная модель может быть названа «неосоциализм с национальной спецификой»¹.

В числе других «Больших идей» современного времени, имеющих огромное значение для сохранения человеческой цивилизации, отмечают «политический ислам». Длительное и упорное противостояние внешнему разрушительному воздействию со стороны стран «ядра» Имперского МХУ (например, Ирана, Ирака, Сирии) и успехи сохранения самобытности вдохновили многие азиатские и африканские страны (а также ряд европейских и американских сообществ) и ускорили развитие «политического ислама», в том числе как идеологии, которая, по оценкам Ю.В. Тавровского, способна «сгладить противоречия разных религиозных школ, преодолеть государственные границы, создать глобальный центр развития со своей политической надстройкой, мощной финансовой базой, внушительным военным потенциалом, включающим ядерное оружие и средства доставки»².

«Русская мечта» о возрождении сверхдержавы, духовно-нравственном развитии и народосбережении³ нашла свое отражение в деятельности ВРНС. Целями Собора, согласно его доктринальным документам,

¹ Сформулировано на основе: <https://izborsk-club.ru/21881?ysclid=l8qy264xok924991754>.

² Там же.

³ См. подробнее: https://tsargrad.tv/articles/vse-blizhe-k-russkoj-mechte-vsemirnyj-russkij-narodnyj-sobor-sozdaet-obraz-budushhego-strany_367190?ysclid=l8qxzvcvnd370759050.

являются объединение членов для содействия духовному, культурному, образовательному, научному, социальному, экономическому возрождению и развитию русского народа и других народов России; консолидация граждан, общественных объединений, политических партий и традиционных религиозных общин на основе общенациональных базисных ценностей; объединение русских людей в рамках развития русского мира [ВРНС, 2017]. Деятельность ВРНС является многосторонней и главным образом направлена на [изложено на основе: ВРНС, 2017: 4–5]:

- ❑ помощь в решении разноплановых и многосторонних общенациональных проблем современного общества;
- ❑ поддержку развития и защиты русского языка, а также русских культурных центров и общин за рубежом;
- ❑ разработку документов и образовательных, культурно-просветительных, социально-экономических программ, способствующих формированию патриотизма и гражданской ответственности, дружбы и взаимопонимания русского народа и других народов России (например, создание образа будущего страны¹);
- ❑ защиту интересов соотечественников, проживающих за пределами РФ;
- ❑ организацию сбора, изучения и распространения информации обо всех аспектах жизни русского народа в мире;
- ❑ содействие развитию дружеских отношений между народами с целью утверждения мира и согласия, становлению национальной системы воспитания и образования всех уровней, формированию цивилизационного самосознания, межнационального взаимопонимания и защите общенациональных базисных ценностей, ведение работы с молодежью;
- ❑ осуществление мер по укреплению здоровья (в особенности нравственного) нации.

В рамках объявленных приоритетов ВРНС представляет собой инструмент, направленный на создание гармоничного будущего России и противодействие угрозам расчеловечивания.

При этом между китайскими и российскими инициативами прослеживаются некоторые сходства и специфическая сонаправленность.

¹ См. подробнее: https://tsargrad.tv/articles/vse-blizhe-k-russkoj-mechte-vsemirnyj-russkij-narodnyj-sobor-sozdaet-obraz-budushhego-strany_367190?ysclid=l8qxzvcvnd370759050.

Так, ключевое место отводится понятию «национальная мечта»¹, определяющему вектор внутреннего развития и отражающему альтернативные пути решения накопившихся проблем в мире. Подобная тенденция встречается отклик в разных концах земного шара: формулируется «исламская мечта» и формируются общие предпосылки для создания некоего объединяющего образа «цивилизационного идеала» и «цивилизационного проекта»², в котором каждая из локальных цивилизаций найдет выражение своего идеала.

В табл. 23 проиллюстрирована общность черт инициатив РФ и КНР в контексте их движущих сил и внутренних целей, а также их принципиальные отличия от западных доктрин. Примечательно, что эта конкуренция между двумя группами идей и предложений различных интеллектуальных центров выглядит как борьба добра со злом, духовного начала — над пороками, человечности — над грубой силой.

Таблица 23

Предложения по развитию мирового порядка и (или) конкретного государства со стороны различных интеллектуальных центров: движущие силы и внутренние цели

Источник	Идея /доктрина	Движущие силы	Внутренние цели
ВЭФ	«Инклюзивный капитализм»	Интересы элиты государств «ядра» Американского СЦНК	Скрытые: глобальная диктатура\мировое правительство, манипулирование человечеством
ВОЗ	Социум с всеобщей вакцинацией		
США	Либеральная глобализация	Властно-финансовая элита, «Глубинное государство» США	
Гейтс, Маск	Личные «благие намерения»	Деньги	
Китай и КПК	«Социализм с китайской спецификой и «сообщество единой судьбы человечества»	Искренние убеждения китайского народа, народная мудрость, культура и ценности	Открытые: общественное благополучие и международная гармония на мирной и взаимовыгодной основе
ВРНС	Сохранение и процветание Русского мира в гармонии с другими народами	Религиозные и патриотические чувства, культура и ценности	

Источник: составлено авторами.

¹ В Изборском клубе создавался даже Аналитический центр с объединяющим названием «Русская Мечта и Китайская Мечта». См.: <https://izborsk-club.ru/17784?ysclid=I96p3jmo9I859788171>. Кроме того, набирает известность общественно-патриотическое «Движение Русская мечта».

² См. подробнее: <https://izborsk-club.ru/14040?ysclid=I8zltinwwf333096026>.

Многие исследователи [например, Глазьев, 2016; Глазьев, 2021а; Делягин, 2018; и другие] отмечают, что в противодействии мировым угрозам расчеловечивания и разрушении основ формирования «глобального» лагеря ключевое место отводится России.

Почему именно России?

Во-первых, именно в России укоренилась «вера в неистребимость человечности», которая отражается в ее неистощимом богатейшем культурном наследии [Васильев, 2009]. По мнению М. Делягина, именно этим объясняется высшая «избранность» РФ в соответствии с целями сохранения человеческой цивилизации: «Ключом к будущему является не изменчивость, а культурная матрица — и невероятное везение Русского мира заключается в специфике русской культуры, уникально и неистребимо сочетающей самые дефицитные качества современного человечества: творчество, склонность к технологиям, гуманизм и мессианство. Главным сегодня становится наличие воли, единственно способной повернуть этот ключ, — не только для себя, но для всего человечества» [Делягин, 2018].

Во-вторых, именно Россия, на протяжении всей своей истории, будучи страной-защитницей и освободительницей, способна организовать и возглавить действенное сопротивление неприемлемому для мира «глобальному» лагерю, грозящему установить предел эволюции общественного развития.

Наконец, у России есть уникальный инструмент противостояния расчеловечиванию — это русский язык, о котором справедливо выразился Б.Н. Стругацкий: «С русским языком может произойти все что угодно: перестройка, преображение, превращение — но только не вымирание. Он слишком велик, могуч, гибок, динамичен и непредсказуем, чтобы взять и вдруг исчезнуть. Разве что — вместе с нами».

Именно на нравственных императивах, являющихся ключом к спасению (спасению — именно об этом уже необходимо ставить вопрос!) человеческой цивилизации, мы сосредоточим внимание в следующем разделе. Подобно Данте в «Божественной комедии», читатели были сознательно проведены нами через условные «девять кругов ада» (представленные в виде катастрофического сценария и угроз человеческой цивилизации), чтобы дальнейшее обращение к нравственным императивам предстало перед ними как выход в цветущий и благоухающий райский сад из тяжкого, смрадного места. В которое мы, сами того до конца не осознавая, рискуем попасть, и куда, вообще говоря, движемся.

3.4 Нравственные императивы в формировании нового общественного устройства: религия, культура, ценности

Выше мы уже упоминали о необходимости ограничения человека в его «хотениях» и стремлениях иметь такие права и удовлетворять такие потребности, которые, выражаясь прямо, способны довести его и всю человеческую цивилизацию «до ручки». Если угодно, это — разновидность познанного, осознанного и сознательного ограничения свободы в целях выживания и сохранения человечества и человечности. Это — вопрос, встававший перед человечеством не раз и все более обостряющийся в последнее время (например, взять хотя бы наиболее очевидно доказывающую остроту данной проблематики признаваемую большинством стран необходимость ограничения в применении ядерного оружия для недопущения масштабной гуманитарной катастрофы, или ограничений в сфере производства и применения пластиков в рамках решения проблемы загрязнения мирового океана, и т.п.).

В качестве подобных ограничений или безусловных требований выступают нравственные императивы (религия, культура, ценности), дающие ответы на главный жизненный вопрос, удивительно просто сформулированный В.В. Маяковским («Что такое хорошо и что такое плохо?»), ставящие некие «рамки» и указывающие границы дозволенного для сохранения гармонии человека с самим собою и окружающим миром, определяющие его внутреннее состояние и внешнее поведение.

В контексте данных рассуждений невозможно не обратиться к философии и этике И. Канта, которому уже в свое время (вспомним Аристотеля в его пониманием «предела» в ракурсе противостояния «экономики» и «хрематистики»!) удалось прочувствовать и осознать необходимость постановки «нравственного предела» для человека и, таким образом, «пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере» [Мареев, Мареева, 2003: 435 со ссылкой на «Критику чистого разума» Канта]. Однако это вовсе не означает абсолютного ограничения человеческой свободы; наоборот, по Канту, без свободы невозможен нравственный поступок, а нравственность — без культуры. Основу человеческой свободы закладывает способность человека осуществлять осознанный выбор, руководствуясь нравственным долгом, определяемым Кантом как проявление практического разума, перед приоритетом которого «склоняется» разум теоретический [Мареев, Мареева, 2003: 438–439]. Более того, признавая невозможность существования человеческой нравственности без бытия Божия, Кант как раз и «соо-

рудил собственное шестое доказательство» его, о чем так красноречиво говорится в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Вероятно, именно поэтому до сих пор многих людей не оставляет равнодушными знаменитая кантовская фраза: «...звездное небо надо мною и моральный закон во мне», подразумевающая, кстати, кроме указанного смысла, еще и постулирование И. Кантом «существования» нравственного закона «во мне» (для меня!) столь же независимым «от меня», вечным и неизменным, как «звездное небо», также данное нам.

Анализируя нравственные императивы, мы подразделяем их на базовые и дополняющие.

К первой категории отнесем «нравственные законы внутри нас» или то, что заложено в каждом изначально и дано нам свыше, или то, что в процессе своего взросления и развития человек открывает в себе и принимает (нередко без всяких доказательств). В данном контексте особое значение приобретают рассуждения Левина, изложенные Л.Н. Толстым в романе «Анна Каренина»: «Я искал ответа на мой вопрос. А ответа на мой вопрос не могла мне дать мысль, — она несоизмерима с вопросом. Ответ мне дала сама жизнь, в моем знании того, что хорошо и что дурно. А знание это я не приобрел ничем, но оно дано мне вместе со всеми, дано потому, что я ниоткуда не мог взять его.

Ко второй категории мы отнесем императивы «формирующиеся» — возникающие в процессе осознания и в том числе создаваемые (на основе познанного, в том числе через опыт) человеком. Именно в данном случае появляется возможность для образования ложных ценностей и ориентиров, основанных на манипулировании человеческим сознанием, фальсификации (или, по Толстому, «гордости... глупости... плутовства... мошенничества ума»).

Примеры формирования ложных императивов нетрудно подобрать. Так, они были довольно четко сформулированы мрачным (и именно — умным) духом тьмы и разрушения в его трех главных вопросах, заданных в пустыне «во искушение» Христа. Напомним, что олицетворением этих антиценностей стали: 1) материальные продукты и условия, в конечном итоге возводимые в ранг высшей ценности и в восприятии многих лишенные всякого «предела» (не «материальный достаток» от слова «достаточно», а «материальная ненасыщенность», когда сколько ни дай — все мало) — порождение предложения «обратить камни в хлебы»; 2) престиж и признание собственной исключительности в обществе (устремление вследствие особой гордыни, влекущей огоражи-

вание от социума, противопоставление ему себя, ненависть к ближнему) — к вопросу о поисках доказательств божественного и искушении Господа; 3) власть как особая форма «владения людьми» — обозначенная через условия своеобразной сделки — «власть над царствами» в обмен на «поклонение» темной силе. Сын Божий отверг эти «антиценностные» дары и предложения, руководствуясь внутренними убеждениями и ценностями истинными. Однако в сущем мире обозначенные ложные идеалы, достигаемые посредством принесения в жертву внутренней гармонии, продолжают выступать в качестве основных ориентиров для многих субъектов и целых общественных групп. Например, подобные ложные ценности выделяет Э. Фромм, к анализу работ которого вновь и вновь обращаются отечественные исследователи [Иванова, 2016: 76]. Можно с уверенностью сказать, что в настоящее время «антиценности» достигли наивысшей точки своего развития и популярности за весь период обозреваемой человеческой истории (что тоже, отметим особо, весьма красноречиво «сигнализирует» о приближающейся «точке невозврата»).

Анализ ситуации в этой сфере неопровержимо доказывает: цель сохранения человеческой цивилизации не может быть реализована никаким иным способом, кроме как посредством обращения к базовым нравственным императивам и формирования на их основе «правильных», истинных ценностей и ориентиров, позволяющих избежать следования по тупиковому пути социального развития, интегрировать общество на их основе и тем самым защитить людей от деградации. При этом, как никогда ранее становится важна роль государства как особого института, способного сформировать ориентированную на истинные ценности идеологию [см. подробнее: Дягилев, Замиратова, 2020] и стимулировать переосмысление, «переоценку» социумом своих ориентиров и моделей поведения, а также вывести его на путь совершенствования и духовной эволюции.

Проблема невозможности «привития» приоритетов истинных ценностей той «конструкции» общественного устройства — экономическому обществу даже в более (внешне!) «очеловеченной» форме современного, пусть даже инклюзивного, капитализма — очевидна. «Нерешаемость» данной задачи объективно проистекает из самой сути такого устройства, и в настоящей работе авторы не считают необходимым это детально анализировать. Вековая мечта человечества о справедливом и разумном мироустройстве, позволяющем не просто сла-

дить противоречия и снизить конфликтогенность развития, но создать условия для истинного прогресса цивилизации и духовного роста человека, породила немало попыток предложить различные идеи соответствующего плана.

Подобные попытки проявляются, например, в форме поиска современных путей развития социализма в качестве альтернативы капитализму (как показано выше, не обеспечивающему выхода из тупика следования ложным ценностям) и перспективного направления развития человечества. Так, С.М. Миронов указывает на заблуждение сторонников идеи о «конце социализма», наоборот, продолжающаяся борьба европейских социалистов за власть на выборах, массовая поддержка и развитие идеи латиноамериканского социализма в конце XX — начале XXI в., китайское социалистическое «чудо» и т.п. — все это свидетельствует о сохраняющейся и даже нарастающей актуальности идей, лежащих в той либо иной степени и форме в основе концепций социализма, и потребности в них в современном мире. Социализм в своей основе как порождение культуры, «мироощущение и миропонимание» становится все более привлекательным. Подчеркивается и многообразие социализма, отраженного в возникновении ряда позитивных направлений социалистической и социал-демократической мысли, таких, например, как «новый лейборизм» (Англия), «новая середина» (Германия), «либеральный социализм» (Италия), новый «функциональный социализм» (Швеция), взгляды общеевропейского движения прогрессистов [сформулировано на основе: Миронов, 2010].

Речь идет о современной трактовке социализма, которая отвергалась догматами господствовавшего в СССР Научного коммунизма с его категорическим отрицанием частной собственности на средства производства, механизмов рыночной самоорганизации, наемного труда. При всех достижениях социалистического строительства в СССР мы не будем здесь подробно анализировать его хорошо известный опыт, ограничившись ниже использованием его позитивных составляющих при конструировании образа будущего социально-экономического устройства.

Мы оставляем также за скобками негативные исторические примеры извращенного нацизмом и расизмом псевдосоциализма — такие как германский национал-социализм и его фашистский аналог в Италии — как навсегда отвергнутые человечеством.

В контексте настоящей работы наибольший интерес представляют попытки сочетания идеологии социализма с традиционными ценностями, носителями которых выступают общечеловеческие религии. Эти попытки «объединения идеалов» наблюдаются в настоящее время в форме развития позитивных социалистических идей как отражения «истинной» инклюзивности и их своеобразного синтеза с выработанными человечеством на протяжении веков своего развития религиозными ценностями и принципами (ведь оказал же в свое время протестантизм влияние на развитие капитализма, отчего бы не попробовать и вариант «преобразования социализма»?). На основе каждой из трех великих общечеловеческих религий — христианство, ислам и буддизм — мыслителями выработаны свои представления о социализме. Изложим их, опираясь на наиболее известные источники.

Понятие христианского социализма олицетворяет собой довольно комплексное и многофакторное явление, зависящее от закладываемых в его основу целей и задач, сформулируем его суть исходя из прямых значений формирующих его терминов. Христианский социализм в таком случае — это одна из разновидностей социализма с привязкой к основам христианства и христианским религиозным ценностям.

Традиционно христианский социализм связывается с политическим опытом европейских стран, в которых социалистические идеи получили огромное политическое влияние и оказали мощное воздействие на государственное устройство и регулирование экономики. Экспертами отмечается, что его зачатки возникли еще в I половине XIX в. в форме своеобразного ответвления от «феодалного социализма» и «взращивались» преимущественно церковными представителями, противопоставлявшими идеалы феодализма условиям жизни буржуазного общества [Сулейманов, Кашапов и другие, 2020: 50]. Секуляризация европейского общества, завершившаяся крахом монархического устройства стран центральной и восточной Европы, открыла дорогу идеологии социалистической демократии, оказывающей влияние до сих пор. После Второй мировой войны в противовес ей образовались христианско-социалистические партии и движения, получившие значительное влияние в Германии и ряде других западноевропейских стран. Они сыграли значительное влияние в формировании современного социального государства, но не смогли в итоге отстоять ни христианские, ни социалистические ценности, утратив к настоящему времени свою идеологическую идентичность.

При всей внешней привлекательности анализируемой идеи христианского социализма как возможного направления развития в стремлении общества найти нечто в противовес сложившимся негативным капиталистическим условиям, на практике его сущность нередко примитивизировалась, расчленилась в теории на православное, католическое и протестантское направления [Сулейманов, Кашапов и другие, 2020]. Довольно часто можно наблюдать несоответствие между внешним образом этой идеи и ее внутренним наполнением и стилями реализации, поэтому не представляется возможным сделать корректное обобщение многочисленных направлений христианского социализма, крайне сложно проанализировать и спрогнозировать его перспективы как социального явления. Именно поэтому так важна критическая оценка программ и действий христианско-социалистических партий, общественных движений и объединений, направлений в политике и т.п. При этом ряд экспертов искренне уверен в светлом будущем христианского социализма и расценивает его внутреннюю истинную сущность как социализм «высокий», «социализм сообществ» или «способ построения гармонии человека с космосом, с природой, с живым миром и с социальным миром» и «шанс породить небывалый доселе социализм: религиозный, национально-суверенный, общинно-семейный, нацеленный на углубленное внутреннее совершенствование личностей»¹.

Для России особое значение имеют идеи православного социализма, представляемые как исконно «русская» версия христианского социализма, отличающаяся от его западноевропейского типа подчинением второго (социалистической экономики) первому (в данном случае идеям православия) [Толстиков, 2015: 94]. Работы русских религиозных философов конца XIX — начала XX в. отражают представления об идеях и полезности христианского социализма того времени. Например, как отмечают критики, С.Н. Булгакову подобная концепция представлялась идеальной моделью для российского общества. Так, христианство (а точнее, христианская этика) могла бы выступить «духовной основой» социализма, а последний — стать средством для реализации высших христианских ценностей: веры, любви, правды и т.п. Подчеркивается, что важными составными частями социализма являются «социологизм» и «экономизм», причем именно «материалистический экономизм» должен быть преодолен во имя духовного

¹ См. подробнее: <https://izborsk-club.ru/9137?ysclid=I95hfsv52s116856683>.

спасения человека. Кроме того, обращается внимание на противоречивость социализма: при поддержке веры в человека как прогрессивное существо, от природы наделенное способностью к самосовершенствованию, тем не менее с признанием приоритета социальной среды здесь подавляется личность. Исходя из философии и концепции С.Н. Булгакова, выделяются три разновидности социализма: «материалистический», «атеистический» и «христианский». Первый (так называемый экономический рай, где «находят свое выражение низменные, животные инстинкты») близок к капитализму «с его организованным эгоизмом» по целеполаганию, ориентирован на удовлетворение материальных потребностей и нейтрален к религии. Второй ставит во главу угла личные интересы человека и закладывает в основу жизнедеятельности общества обустройство «царства земного» с огораживанием от религии и «во имя человекобожества». Таким образом, первые два типа социализма — ограниченные, опирающиеся на экономический интерес и отрицание духовной составляющей внутреннего мира человека. И только третий вид («социализм Богочеловечества») способен дать людям то, в чем они действительно нуждаются, — справедливость, совершенствование человека, признание ценностей и социальный прогресс. Концепция христианского социализма С.Н. Булгакова с осуждением экономического интереса, приоритетом истинных ценностей (в том числе, для решения социальных проблем) и допущением существования собственности «при условии ее этического регулирования» довольно интересна, однако несколько смущает взгляд на достижение всеобщего благополучия как на духовное падение человека [приведено на основе: Сизова, 2015; Шестовских, 2019].

Особый интерес в данном контексте представляют идеи В.Ф. Эрна. Прежде всего, критики его работ обращают внимание на указанные мыслителем три «похоти», существующих в «теле человечества» и препятствующих достижению идеалов: экономическую, социальную (связанную с проблемами преодоления «атомизированности» и «психического пространства» человека как результатов духовной разобщенности и отчужденности в социуме) и политическую, закрепляющую в соответствующих законах и нормах модель извращенных социальных отношений. Указывается, что для преодоления этих негативных тенденций необходимы не только вера и следование религиозным принципам, но и упорная и свободная работа, в том числе по созданию общинной жизни (понятия «общинные отношения» и «общественные

отношения» здесь разводятся — если община состоит только из «своих», то общество разделено на «своих» и «чужих», и действенных форм религиозного влияния на его «стихию» пока нет) и обязательной ликвидации частной собственности, владение которой порождает либо все большую потребность «закрепления имущества за собой» и относится к своеобразному «идолослужению» (т.е. недолжному наполнению содержания материальной вещи религиозным значением), либо атеизм специфического рода — без внутренней привязки к имуществу при отказе от осознания обязанностей в отношении него и отсутствии его полезного употребления. При всей оригинальности взглядов философа, исследователи, тем не менее, признают утопичность ряда его идей — не только вследствие вывода о переходе человека через уничтожение собственности к справедливости и христианской любви, но и из-за допущения им вероятности и полезности насильственных мер для достижения христианских идеалов, несовместимых с подобными средствами [приведено на основе: Шестовских, 2019].

Взгляды на современный «православный социализм» разнятся. То он рассматривается в качестве специфической разновидности социализма с присущей ему «особостью» — доктринальной «русскостью», православной идеологией и социалистическими идеалами экономики [см. Буздалов, 2019: 6, 35 со ссылкой на работы Н. Сомина], то воспринимается как подвопросный тип христианского социализма или даже результат «пересадки» идей (например, протестантских) на российскую «почву» — так называемого «теологического импорта» — с претензией на более активное участие в создании государственных проектов социально-экономического развития [см.: Буздалов, 2019: 8–9, 35]. Недоброжелателями этот вид социализма трактуется как современная «опаснейшая утопия»¹. Заметим, что совсем недавно ортодоксы как марксистского, так и либерального толка отвергали возможность рыночного социализма, сегодня успешно функционирующего с китайской, вьетнамской, индийской, венесуэльской и даже с норвежской спецификой.

На самом деле, идеология православного социализма в свете перехода к Интегральному МХУ представляется вполне органичной для современного состояния российского общества и экономики, зашедшей

¹ См. подробнее: https://zavtra.ru/blogs/pravoslavnij_sotcializm_opasnejshaya_utopiya?ysclid=I95hsfo8cf836178163.

в тупик компрадорско-олигархического капитализма. Оценивая перспективы развития православного социализма, исследователи указывают на три его ключевых значения-опоры: религиозная, мировоззренческая и социальная [Казин, 2020]). А. Степанов, полагающий православный социализм «идеальной моделью будущего устройства России», понимает под ним сочетание частной собственности (кроме земли и недр), государственного патернализма, симфонии государства и церкви, реализацию принципа социальной справедливости, нравственного измерения культуры, образования, СМИ и всей жизни общества [Степанов, 2021с. 115–116].

Для уточнения понимания православного социализма уместно обратиться к своду нравственных принципов хозяйствования, одобренных Всемирным русским народным собором:

- не забывая о хлебе насущном, нужно помнить о духовном смысле жизни. Не забывая о личном благе, нужно заботиться о благе ближнего, благе общества и Отчизны;
- богатство — не самоцель; оно должно служить созиданию достойной жизни человека и народа;
- культура деловых отношений, верность данному слову помогает стать лучше и человеку, и экономике;
- человек — не «постоянно работающий механизм»; ему нужно время для отдыха, духовной жизни, творческого развития;
- государство, общество, бизнес должны вместе заботиться о достойной жизни тружеников, тем более о тех, кто не может заработать себе на хлеб. Хозяйствование — это социально ответственный вид деятельности;
- работа не должна убивать и калечить человека;
- политическая власть и власть экономическая должны быть разделены; участие бизнеса в политике, его воздействие на общественное мнение может быть только прозрачным и открытым;
- присваивая чужое имущество, пренебрегая имуществом общим, не воздавая работнику за труд, обманывая партнера, человек преступает нравственный закон, вредит обществу и себе;
- в конкурентной борьбе нельзя употреблять ложь и оскорбления, эксплуатировать порок и инстинкты;
- нужно уважать институт собственности, право владеть и распоряжаться имуществом. Безнравственно завидовать благополучию ближнего, посягать на его собственность.

Наряду с христианским социализмом широкое распространение получили идеи исламского социализма — достаточно хорошо разработанной в ряде мусульманских стран доктрины, использовавшейся в определенные периоды их истории в качестве идеологической опоры.

Основоположителем «исламско-социалистического синтеза» можно считать ал-Афгани, проводившего «параллели» между социализмом и, как ему представлялось, закладывающим фундамент под его идеи исламом. Как считают некоторые эксперты, общей социально-экономической концепции исламскими социалистами создано не было, а ислам здесь выполнял функции легитимации теорий и религиозной опоры для проведения реформ [Беккин, 2012: 15]. Разновидностью исламского социализма можно считать арабский социализм, популярный в ряде арабских стран в 1970-х гг. При этом, если арабскому социализму присуща некая светскость с идеологической опорой на ислам, что объяснялось практической необходимостью того времени, то исламский социализм сделал больший акцент именно на мусульманской религии [Беккин, 2012: 16–17]. Неоднородность исламского социализма проявилась в наличии разнообразнейших «ответвлений» в его рамках: от радикальных (например, «Третьей мировой теории» Каддафи, выступающей более сродни идеям западных социалистов-утопистов с претензией на усиление «широты охвата»), умеренно либеральных (заложенных в основу реформ Бхутто в 1970-х гг.) и консервативных (типа марокканского социализма) взглядов и концепций до специфического уравнивания понятий «ислам» и «социализм». Наиболее привлекательными здесь оказались идеи укрепления роли государства в экономике и возможность справедливого перераспределения ресурсов в обществе [Беккин, 2012: 17, 21]. Наиболее разработанной в доктрине исламского социализма является его экономическая модель [Беккин, 2012: 29]. Благодаря своей гибкости (возможности применения в любой политической системе) и практичности, в особенности в сфере финансов, инструменты исламского банкинга получили широкое распространение во многих мусульманских (и не только) странах, играя заметную роль в международной финансовой системе.

Буддистский социализм существует преимущественно в форме некой теоретической конструкции или одного из направлений социально-философской мысли. Создание политической и экономической системы, соответствующей буддистским принципам и идеалам [Лепехова, 2022: 115], предполагает, с одной стороны, эволюцию буддизма

(главным образом избавление его от догматов, препятствующих развитию) и усиление его востребованности в обществе; с другой стороны, системное совершенствование общественного устройства посредством буддистских ценностей. При этом делается особый акцент на возможной практической пользе буддизма для социализма, в особенности за счет учения о взаимозависимости мысли и действия, человеческого сознания и тела как одной из фундаментальных составляющих буддистской доктрины [Лепехова, 2022: 118]. Так может произойти взаимное обогащение буддизма (придание ему практичности) и социализма (его «одухотворение»).

В настоящее время, в противовес мнению М. Вебера о буддистской позиции и типе деятельности как «бегстве от мира», рядом экспертов отмечается, что буддизм способен помочь в решении многих проблем, создаваемых проанализированными выше угрозами. Одна из успешных практических сторон применения ряда его принципов — это формирование в свое время деловой этики в Японии. Вместе с тем наблюдаемые достоинства и недостатки капитализма и социализма на конкретных исторических примерах нередко приводят к осознанию необходимости ухода от этих «двух крайностей» и следования по «серединному пути» с построением особого рода жизнеспособной буддистской экономики [Уланов, Уланова, 2012: 180–183].

Обзор возможных вариантов сочетания религиозно-культурных ценностей и социалистической идеологии был бы неполным без анализа влияния конфуцианства на практику социалистического строительства в Китае и других странах Юго-Восточной Азии. Словосочетание «конфуцианский социализм» обычно отсылает к приведенной выше концепции «сяокан» [Сизикова, 2013]. Здесь мы сознательно не станем употреблять это понятие исключительно в данном смысле, а предпочтем рассмотреть воздействие конфуцианства на развитие ряда азиатских стран более широко.

Многими экспертами отмечается, что осуществленный в регионе Юго-Восточной Азии экономический «рывок» оказался возможен в том числе благодаря конфуцианской идеологии. Именно конфуцианству удалось здесь укрепить региональную целостность и заложить фундамент для противостояния разрушающим традиционные ценности глобализационным процессам и «экспансии либеральных идей». Модель экономики с элементами конфуцианской «специфики» выстраивается на приоритете сотрудничества перед конкуренцией, порядка и взаи-

моуважения — перед хаосом и эгоизмом (пусть даже и «рациональным»), коллективизма — перед замыкающимся на себе индивидуализмом, ответственности и чувства долга — перед представлением типа «ничего личного» [Уланов, Уланова, 2012: 179]. Подчеркивается, что элементы модели и «конфуцианского капитализма», и «конфуцианского социализма» демонстрировали свою успешность и эффективность на практике [Сизикова, 2013].

Авторы далеки от утверждения, что им детально известны все подобного рода концепции — «выстроенные» как на основе идей «улучшения» капитализма, экономического типа общества, так и на базе противостоящего ему «левого», «социалистического» фланга. Однако они могут утверждать, что изложенные версии решения глобальных проблем достаточно репрезентативны для формулирования ключевого вывода: анализ попыток построения концепций и теоретических платформ, на основе которых могли бы быть разрешены нарастающие катастрофические противоречия цивилизационного развития, показывает: идей, фундированных на объективных законах мироздания, позволяющих к тому же осуществить уверенную практическую реализацию, для выполнения этой задачи пока не предложено. Значимый шаг в этом направлении был сделан А.И. Суббето, предложившем концепцию ноосферного социализма [Суббето, 2001]. В целом же существуют лишь общие идеи или некий теоретический материал, «прислоняемые» к тем или иным политическим целям. Однако выстраивание светлого и позитивного образа будущего и выход к ноономике, о которой речь пойдет в следующей главе, требует скорейшего запуска процесса создания такой идеологии, базирующейся на важнейших нравственных императивах: религии, культуре и истинных ценностях.

Глава 4 НООНОМИКА КАК ОСНОВА ГРЯДУЩЕГО РАЗВИТИЯ

В данной главе анализируется позитивный вариант развития ТУ-VII и Интегрального мирохозяйственного уклада. Мы не только раскроем содержание теории ноономики, укажем на взаимосвязь и различия экономики, ноономики и ноосферы, но и обозначим генезис, императивы и воссоздадим (насколько это возможно, находясь «в данное время и в данном месте») общую картину грядущего ноо-общественного устройства.

4.1 Контурь VII технологического уклада

Во второй главе настоящей работы мы уже делились с читателями своими соображениями по поводу вероятности сохранения выявленной закономерности периодической смены технологических укладов в социально-экономическом развитии в будущем. В этой главе авторы решили сделать попытку предвидения будущего, выходящего за пределы уже изученного нами шестого ТУ, который только вошел в фазу роста и будет определять глобальное экономическое развитие до середины нынешнего столетия. Чтобы наиболее полно представить возможный путь продвижения позитивного сценария эволюции человеческой цивилизации, попробуем предсказать контурь следующего, седьмого ТУ. Включая в монографию данный раздел, мы, вероятно, можем заслужить упреки в излишней оптимистичности такого сценария, и даже — в некоторой чрезмерной вере в человеческий разум, излишне смело полагаясь на него как на спасательный круг, который Всевышний предоставил человеку для его выживания и нооразвития. Однако вся данная книга — это гимн разуму, и отступать от идеи и его особого значения в «создании» человека как инструмента проявления разума всемирного, и его «панацеизации» для сохранения и усиления этого инструмента авторы не намерены. И тут никак не обойти проблему дальнейшего НТП и его роли в стремительном «переналаживании» мировой экономики.

Справедливости ради стоит отметить, что на подобную смелость, т.е. на выделение и (или) проведение некоего анализа ТУ-VII, отважи-

лись не только мы, но и ряд исследователей, проявивших интерес к возможностям и перспективам отдаленного будущего. Можно выделить несколько работ в данном направлении — как молодых ученых [Вэй Чжичжун, 2018], так и более опытных коллег [Кузык, Яковец, 2006; Авербух, 2010; Лепский В.Е., Аршинов В.И. и другие, 2010; Лепский, 2011; Козачек, 2015; Глушак, Глушак, 2019]. Указанные авторы прежде всего постарались обозначить временные границы ТУ-VII и определиться с его основными технологиями, к числу которых ими отнесены следующие:

1) технологии «холодного термоядерного синтеза», способные кардинально изменить представления человека об энергетическом потенциале [Вэй Чжичжун, 2018: 23];

2) «бионические технологии» (а также примыкающие к ним «природоподобные» технологии [подробнее см.: Ковальчук, Нарайкин и другие, 2019]), связанные с деятельностью по своеобразной имитации и «копированию» природных процессов и свойств и применением технологий, а также сырья, материалов, устройств и т.д., обладающих особыми, подобными природным характеристиками; к несущим отраслям в данном случае отнесены: биостроительная (создание на основе био-принципов строительных материалов и «экологичных поселений»: «умных» и «зеленых» городов, экогородов и т.п.), биоэлектронная (включая область искусственного интеллекта с новым и более «чутким» восприятием действительности и обеспечение его трансфера по схеме «организм-организм» или «организм-машина», производство биокомпьютеров, роботов и робототехники и т.п.), биокосмическая (например, производство и обслуживание космического оборудования, систем, схем, спутниковых орбитальных сетей, станций, городов-поселений и т.д. на базе «принципов природоподобия», «терраформатирование» с подотраслью управления климатом, разработка бионических систем для осуществления космического мониторинга и обеспечения техногенной безопасности) [приведено на основе: Козачек, 2015: 479–483];

3) технологии, позволяющие создать «новую форму межпланетарной антропо-техно-природной оболочки Земли» — «мазисферу» как результат тесного взаимодействия и взаимопроникновения (вспомним *PR*-закон!) процессов при «совмещении природных и техногенных решений», — приведет к возникновению «биополитики» как «новой политической реальности» [приведено на основе: Козачек, 2015: 482–483];

4) социогуманитарные технологии (например, «технологии формирования новых форм жизнедеятельности на планете» и «технологии конструирования социальной реальности»), ориентированные прежде всего на нивелирование угроз человеческой цивилизации, возникших и (или) многократно обострившихся вследствие развития технологий ТУ-VI, и перспективы развития социогуманитарной эргономики [сформулировано на основе: Лепский, 2011; Лепский В.Е., Аршинов В.И. и другие, 2010: 57];

5) «технологии доверия», которые могут быть отнесены к социогуманитарному типу, но в данном случае специально выделены нами в качестве особого вида технологий вследствие своей высокой значимости в рамках эволюции новейшего ТУ. Доверие представляется нам одной из ключевых категорий, определяющих степень развития общества. Наиболее выразительно это проявляется в финансовой сфере. Так, слово «credit» переводится с англ. не только и не столько как «кредит», но и как «1. вера, доверие; 2. (хорошая) репутация, надежность, влияние; 3. честь, заслуга»¹. Действительно, без таких важных оснований невозможно выстраивать сотрудничество и заключать какие-либо договоры. Ярчайшим примером современной «технологии доверия» стал блокчейн. Ранее мы уже доказывали, что с расширением пространства знаний разрастаются уровень и «пространство» доверия — поэтому ТУ-VII, на наш взгляд, будет отличаться «всплеском» развития именно этого вида технологий [Бодрунов, 2020f: 138–145];

б) расширение сферы применения природного водорода как экологически чистого энергоносителя, значительное распространение возобновляемых источников энергии [Глазьев, 2019: 158].

Мы привели здесь лишь ограниченный спектр рассуждений указанных авторов по анализируемой тематике образования ТУ-VII, но и этого вполне достаточно для формирования общего представления о невероятном расширении возможностей и широчайших горизонтах, открываемых в рамках эволюционного сценария развития человеческой цивилизации. Пока приведенные мнения о новых технологиях ТУ-VII кажутся фантастическими, но ведь и технологии каждого ТУ когда-то считались диковинными и немислимыми для соприкосновения с реальностью.

¹ Перевод приведен из: Сиполс О.В. Англо-русский словарь начинающего переводчика. М.: Флинта; Наука, 2008. С. 95.

При всех горизонтах и особом значении указанных новейших технологий заметим, что весь масштаб знаний и умений человека, согласно изложенным выше взглядам, в итоге направляется на, во-первых, нивелирование угроз и негативных эффектов, порожденных прошлыми этапами социально-экономического развития (своеобразное «искупление грехов»), во-вторых, на имитацию природных объектов (приближение к Творцу) и, наконец, на создание комфортных условий жизни для человеческого и иных живых организмов во Вселенной. Выражаясь словами героя Чехова, можно подчеркнуть: «Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Для сохранения целостности восприятия читателями ключевых событий еще раз обратимся к их хронологии. Итак, как уже обсуждалось и доказывалось выше (см. табл. 12, рис. 11), один мирохозяйственный уклад может включать в себя до двух технологических укладов. Периодизацию ТУ-VI и ТУ-VII мы относим преимущественно к жизненному циклу Интегрального МХУ. Возникновение знаниеинтенсивного производства связывается нами с развитием ТУ-VI, а осуществление перехода к НИО.2 как общественному устройству нового поколения, по нашему мнению, оказывается как бы «на стыке» ТУ-VI и ТУ-VII в рамках Интегрального МХУ. Подчеркнем, что в данном случае крайне сложно что-либо утверждать по срокам наступления того или иного события; мы можем лишь предполагать и предлагать некие варианты прогноза анализируемых процессов, генезис которых, тем не менее, наблюдаем уже сегодня. Наши примерные оценки послужат неким ориентиром в том, какова будет последовательность шагов на пути по эволюционному сценарию развития человеческой цивилизации [эти шаги уже детально обозначались в: Бодрунов, 2020f]. Мы были бы бесконечно рады, если бы оптимистический сценарий развития МХУ реализовался раньше прогнозируемых нами сроков — настоящий авторский труд может послужить доказательством того, что мы уже сегодня работаем над тем, чтобы приблизить это важное время для современного общества.

Что же ожидает мир в седьмом технологическом укладе? Что на самом деле является главным, выделяющим новый уклад из всего ряда предыдущих? [ответы на эти вопросы сформулированы далее на основе следующих источников: Бодрунов, 2018с: 126–129, 218–219; Бодрунов, 2020f: 154–155].

По убеждению одного из авторов [Бодрунов, 2018с], ключевым процессом и главной особенностью ТУ-VII станет преобразование и развитие знаниеинтенсивного производства в производство более высокого уровня или то, что названо им «нооинтенсивным производством». Принципиальное отличие ТУ-VII от предыдущих технологических укладов как раз и заключается в окончательном превращении знания в основной фактор производства, что повлечет за собой принципиальное изменение всей сущности индустриального производства и неизбежную ломку институционального устройства общества. Впереди — гигантский «шторм» нейротехнологий, «поглощающих» привычный для современного человека мир, в котором он «решал», что делать (плохо или хорошо — другой вопрос!). Мир нового уклада — это мир, где множество решений будет формировать и формулировать технетика, в основе чего как раз и будут лежать упомянутые технологии. Формировать — и реализовывать, в том числе осуществлять производство — через имплементированное в технологии знание, составляющее их основу. И задача человека в ходе такого развития технологий — сохранение за собой контроля в рамках подобного, знаниеинтенсивного, производства.

Как обеспечить такой контроль?

Необходимо отметить — знание само по себе «нейтрально». Оно может быть использовано по-разному, в этом человек убеждался тысячекратно на протяжении всей своей истории.

Нооинтенсивное производство (или ноопроизводство) имеет в своей основе важное слово — «ноо» (точнее, «ноос» — от греч. *noos* — разум, мысль), которое возникает здесь благодаря двум важным составляющим — прогрессу и распространению знания для развития технологий (по вектору «знание-технология») и знания для культурного совершенствования (в направлении «знание-культура»), позволяющих формировать особое ноосознание и «преобразовать» отмеченное нами выше принципиальное свойство знания — сделать его из «нейтрального» по своей сути прогрессивным и полезным для разумной человеческой деятельности (табл. 24), в рамках парадигмы, по Бодрунову: «гармоничное нооразвитие цивилизации позволит реализовать человеческий разум на основе постигаемого им знания».

Примечательно, что сама культура нередко трактуется как «вторая природа», созданная и создаваемая человеком-творцом сообразно с его истинными (несимулятивными) духовными потребностями по-

**Развитие знаниеинтенсивного производства до уровня
нооинтенсивного производства**

Нооинтенсивное производство (ноопроизводство)	
↑	↑
Прогресс и распространение знания для расширения технологических возможностей (знание-технологии, технологическое развитие)	Прогресс и распространение знания для усвоения культурных ценностей (знание-культура, личностное развитие)
↑	↑
Знаниеинтенсивное производство	

Источник: переработано и дополнено авторами на основе [Бодрунов, 2018с: 128].

средством преобразования данной ему природы и существующая параллельно с нею [Мионов, 2011: 217]. Тем самым, нооинтенсивное производство немисливо без гармоничного сосуществования со всеми этими видами природы и духовным миром человека, способного зарить сеявшие уничтожение «топор войны» и «молоток технологий» [терминология — см.: Бодрунов, 2018с: 127].

Кроме того, заметим, что ТУ-VI и ТУ-VII отличаются между собой по уровню не только знаниеемкости, но и духовных потребностей, возвышающихся и укрепляющих свою роль в социуме и для него по мере движения от одного уклада к другому. Уже сам выход к НИО.2 утверждает приоритизацию духовных потребностей в рамках формирования комплекса (или пирамиды) человеческих потребностей, не нарушая при этом внутреннего единства человека, а упрочняя и оберегая эту его гармонию био-социо-духовного мира, где биочасть становится второстепенна, а личностная составляющая — первична. Таким образом, меняется соотношение «знания-технологий» и «знания-культуры» с повышением значимости второго и гармоничном соразвитием/соосознанием обоих видов знания.

С учетом вышесказанного ноопроизводство можно определить как новый этап развития знаниеинтенсивного производства, как «высокоразумное» (глубоко и всесторонне осмысленное) производство, поставленное под контроль человеческой мудрости с опорой на адекват-

ный уровень культурного развития общества и связанный с предельным — в духе аристотелевской логики и терминологии — ростом уровня знаниеинтенсивности ТУ, что обуславливает реализацию на практике возможности вывода человека из непосредственного производственного процесса.

Сосредоточимся на анализе трансформации потребностей в то, что мы называем «ноопотребностями» [Бодрунов, 2020f: 154], и обратимся к соответствующему изменению пирамиды Маслоу. Приоритизация духовных потребностей и потребностей в самореализации приведут к следующим важным новшествам.

Во-первых, последует уже упомянутое нами выше «переворачивание» пирамиды Маслоу — но «переворачивание» особого плана. «Высшие» потребности начнут определять выбор всей структуры потребления и расположение ступеней формирования и удовлетворения потребностей. Таким образом, произойдет, если можно так выразиться, «зарождение» и развитие внутреннего «регулирующего» (в форме возрастания роли обозначенных нравственных императивов: культуры, религии и ценностей), способного перенаправить движение по пирамиде потребностей «сверху вниз», существенно расширить и, тем самым, трансформировать «конус» потребностей «высших» и сузить спектр «низших» (рис. 17), т.е. человек будет думать головой и воспринимать душой и сердцем, а не «жить для брюха». Раньше, согласно типичному виду пирамиды Маслоу, утверждалось наличие своеобразной иерархии потребностей, т.е. без удовлетворения «низших» потребностей не продвинуться вверх по пирамиде и не увеличить значимость потребностей «возвышенных» (движение «снизу вверх»). Это-то как раз отсылает к логике, которая закладывается в основание первого вопроса искуителя к Христу, в интерпретации героя Достоевского, выраженного следующим образом: «А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за тобой побежит человечество, как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся им хлебы твои». В период активизации процессов расчеловечивания данная логика усиливается и диктует уже слепое подчинение «закону, требующему того, чтобы душить всех, мешающих удовлетворению моих желаний», и превращение человека в «зверское существо» (по Л.Н. Толстому).

Обращение же к «высшей» критериальной базе отрицает подобный вектор развития личности и ее потребностей, поскольку основывается

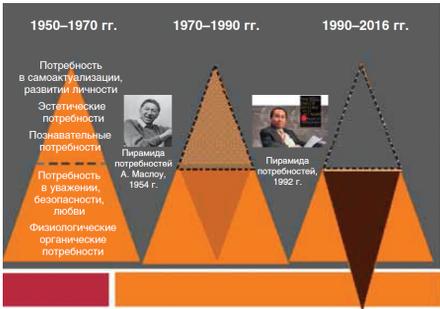
<p>Типичный вид пирамиды А. Маслоу</p> <p>Объект анализа: человек, включенный в процесс современного производства</p>	<p>Направление движения при создании системы потребностей и их удовлетворении: «снизу вверх»</p> <p>↑</p> 	<p>Экономические критерии как основа выбора структуры потребления</p>
<p>Эффект «сломанной» пирамиды по Сундиеву — Фролову</p> <p>Объект анализа: человек в период активизации процесса расчеловечивания</p>	<p>Направление движения при формировании пирамиды и самореализации при формировании пирамиды</p> <p>↓</p> <p>Расширение «высших» потребностей</p> <p>↔</p> <p>↔</p> <p>Сужение «низших» потребностей</p>	<p>«Зоо» как основа выбора структуры потребления</p>
<p>Формирование «ноопотребностей» по Бодрунову: «преворащивание» или перенаправление движения по пирамиде Маслоу</p> <p>Объект анализа: человек, вышедший из процесса производства, и ноопроизводство</p>	<p>Внутренние культурные критерии как основа выбора структуры потребления</p>	<p>Внутренние культурные критерии как основа выбора структуры потребления</p>

Рис. 17. Изменения в пирамиде потребностей А. Маслоу с учетом развития Ту-VII и позитивного сценария Интегрального МХУ
 Источник: составлено на основе рисунков, таблиц и материалов [Сундиев, Фролов, 2016: 110, 115; Бодрунов, 2018с: 219; Бодрунов, 2022d].

на другой логике, мировосприятии и мотивации, нашедших отражение в вечных словах и святой истине «не хлебом единым жив человек».

Во-вторых, потребности человека и его знания, с помощью которых эти потребности осознаются и удовлетворяются, будут, соответственно, формироваться и открываться не в процессе производственной деятельности, а в рамках творческой самореализации и развития человека.

В-третьих, по мере формирования, «возвышения» и расширения нового класса потребностей — ноопотребностей «человека разумного», высококультурного и духовного — будет постепенно снижаться роль материальных и симулятивных потребностей посредством осознанного самоограничения личности.

Наконец, ноопроизводство предстанет в качестве не только и не столько производства материальных условий для существования человека, сколько главным образом «производства личности» с ориентацией на ее «взращивание» и «возрастание» путем развития ноокачеств человека, а также расширения культурного пространства, в котором будет существовать ноочеловек/нооличность, и на удовлетворение ноопотребностей. Таким образом, знания и культура (как специфическое знание) станут определять обозначенные сдвиги в системе и структуре потребностей, а «высшие потребности», в свою очередь, отрегулируют характер создаваемых и способы реализации применяемых технологий, производства и конечных продуктов/услуг для удовлетворения потребностей всех уровней. В этом — суть ноопроизводства.

Проанализируем далее, как будут развиваться общество и способы удовлетворения потребностей человека при обозначенных нами условиях.

4.2 Ноономика как неэкономический способ удовлетворения потребностей и управления развитием на основе понимания его закономерностей

Определенные нами выше существенные изменения в технологическом базисе, согласно логике смены технологических и мирохозяйственных укладов, неизбежно повлекут за собой фундаментальный сдвиг в общественных отношениях. Человек, выходя из непосредственного процесса производства, одновременно не только входит в новое пространство (ноопространство) жизнедеятельности с наиболее полной и плодотворной реализацией своих способностей и возможностей, что позволит ему ощущать себя здесь свободным для прояв-

ления своих лучших качеств творцом единой судьбы и эволюции человеческой цивилизации, но и закладывает, выражаясь в стиле Козьмы Пруткова, «начало того конца», который постигнет цивилизацию экономическую.

Так, исчезнут привычные нам производственные отношения; уйдет в прошлое экономика, уступив место иной траектории развития — или тому, что названо ноономикой [Бодрунов, 2018a]. Наш коллега из Китая, исполнительный декан Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета, профессор Ван Вэнь подобрал своеобразный англоязычный эквивалент введенного С.Д. Бодруновым описания такого состояния общества, обозначив его как «*поесолоту*», тем самым подчеркнув и его, и теории ноономики, его фундирующей, важнейшую черту.

Порассуждаем о данном феномене подробнее [анализ по данному разделу проведен на основании следующих источников: Бодрунов, 2021; 2018b-f; 2019b-d; 2020a-h; 2021a-e; 2021h; 2022a-g; Бодрунов (ред.), 2021; Бодрунов, Десаи и другие, 2022]¹.

Под ноономикой — от греч. *noos* (разум, мысль) + *nomos* (порядок, закон, обычай) — понимается некий «разумный порядок» жизни или, перефразируя, «разумный миропорядок» для гармоничного развития человека и общества. Итак, само название «ноономика» уже отличает этот термин заложенной в него практической составляющей от понятия «ноосферы» (в классической интерпретации идеи Э. Ле Руа, П. Тейяра де Шардена и В.И. Вернадского [см. Le Roy, 1927; Teilhard de Chardin, 1925/1957; Вернадский, 1991; Вернадский, 2012; а также детальный анализ: Бодрунов, 2022c]), родственного ему по первой компоненте слова, и широтой охвата общественной жизни — от «экономики», являющейся (в переводе с греч.) неким сводом практик и «правил ведения хозяйства» и семантически близкой ему по второй части слова. Однако нельзя также не отметить, что ноономика тем или иным образом соприкасается с понятиями «ноосфера» и «экономика». И это «соприкосновение» можно проиллюстрировать на образном примере растущего плодового дерева, символизирующего ноономику (скажем,

¹ В тексте также использованы материалы доклада С.Д. Бодрунова по теме «От ноономики — к ноосфере?» на семинаре Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте «От теории ноосферы — к теории ноономики», проведенного в ВЭО России 26.10.2022 г. в рамках конференции «Российско-Китайские отношения в контексте современных вызовов социально-экономического развития».

«древа ноономики»). «Корнями» оно уходит в экономику, передающую по эволюционной цепочке свою «родовую черту» практичности, и является ее порождением и результатом эволюции НТП с сохранением индустриального пути развития и инновационного подхода (поэтому имеет с ней более тесные взаимосвязи). Своими же «плодами» оно «соприкасается» с классической концепцией ноосферы через идею об эволюционном цивилизационном развитии человечества, включая ее научное обоснование. В данном случае ноономику и классические идеи о ноосфере «роднит» так называемое двуединство авторской мысли, прослеживаемое и в первом случае (через категорию «потребности» и их естественные ограничители — культуру и нооценности), и во втором случае (посредством базовых категорий «разум», «наука» и «культура» Вернадского и духовно-религиозного фундамента, заложенного в большей степени близким нам по ряду выводов Ле Руа).

Траектория перехода на нооэтап развития человеческой цивилизации, к формированию ноономики и ноо-общества (или качественно нового состояния общественного бытия) может быть выстроена с помощью выделения так называемой квадриги ноономики [см. терминологию и подробный анализ: Бодрунов, 2021: 85–88], т.е. четырех векторов, отражающих кардинальные изменения в системе. В данной части работы мы лишь в целом обозначим их особенности, а далее раскроем содержание каждого более подробно.

Во-первых, как уже отмечалось выше, крайне важным является создание материальных основ движения к ноономике. Несмотря на достижение высокого уровня технологического развития, в материальном производстве занято порядка четверти работающих, осуществляющих добычу полезных ископаемых, производящих машины и оборудование, сельскохозяйственную продукцию и обеспечивающих доставку всего произведенного для внутреннего потребления и на экспорт. В будущем произойдет технологический переход к нооиндустрии, открывающей возможности для создания безлюдных производств, в которых роль человека, однако, если не возрастет, то, по крайней мере, останется определяющей, поскольку основные функции (целеполагание, проведение научных исследований и разработок, организация) сохранятся за ним. Кроме того, человек как носитель знаний произведет их максимальное воплощение в реальность — производство будет все более знаниеинтенсивным, а сами знания окончательно оформятся в качестве главного ресурса и фактора производства.

Таким образом, под ноономикой также понимаются:

1) неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который используется человеком, покинувшим пределы материального производства;

2) отношения не в рамках непосредственно осуществляемого человеком производства, а по поводу ноопроизводства, происходящего и развивающегося без прямого участия человека, но регулируемого человеческим разумом;

3) особая хозяйственная система, отличающаяся от экономики отсутствием отношений людей в процессе материального производства (т.е. не индивиды будут вступать в отношения друг с другом в процессе материального производства, а две разные сферы цивилизационной конструкции — ноопроизводство и человеческое общество) и формирующая, тем самым, новую структуру человеческой цивилизации, для которой общество станет обособленной частью, а человек посредством отношений с техносферой выступит контролером и регулировщиком нооиндустрии;

4) естественный ограничитель для «завоеваний» и расширения финансового капитала (в настоящее время выступающего главным «встроенным дестабилизатором» для мировой экономики в целом, паразитирующего на «зоо» и сосуществующего в симбиозе с симулятивными потребностями людей), источник его постепенного редуцирования, а в перспективе — его «могильщик»;

5) «конструктор» нового типа мировой валютно-финансовой системы на этапе становления ноопроизводства, ключевой функцией которой станет его обслуживание. Уже сегодня наблюдаются «вектора» масштабных изменений в финансовом секторе мировой экономики, связанными, прежде всего, с цифровизацией и развитием технологии блокчейн, что позволит оставить ранее неподдающиеся регулированию (или специальным образом «уберегаемые» от него со стороны бенефициаров финансового «хаоса») процессы и потоки под эффективный контроль.

Во-вторых, как было показано выше, при новых возможностях и опережающих темпах удовлетворения человеческих потребностей за счет достижений НТП определяются иные основы для их формирования — с опорой на неэкономические критерии и нооценности, выступающие сдерживающим фактором и естественным ограничителем для возникновения и развития потребностей симулятивных. Причем с течением времени эта единая для всех, четкая ноокритериальная база

ценностей (со сформированным внутри них «ноо-ядром» [Бодрунов, 2022*d*]) будет расширяться.

Одна из важнейших, фундаментальных перемен в данном направлении, наблюдаемая уже в настоящее время, — это процесс, названный автором теории ноономики «диффузией собственности» [Бодрунов, 2021*a*], или постепенное, связанное с объективными закономерностями социального развития (т.е. «ненавязанное сверху») изменение отношений собственности как основы экономических отношений, отмирание которых в будущем ассоциируется с завершением перехода к производству, обмену, распределению и потреблению по неэкономическим критериям. Таким образом, возникает еще один вариант возможного определения ноономики — как сферы, «где нет отношения к собственности и отношений собственности; где нет экономики и невозможна экономика как способ удовлетворения потребностей людей» [Бодрунов, 2020*e*: 30].

В-третьих, по мере движения к ноономике постепенно сформируются особые общественные условия, связанные с внутренним изменением самого человека — в направлении обретения им ноокачеств и в дальнейшем ощущения себя частью сплоченного ноо-общества. Данный процесс подразумевает не пассивное наблюдение за переменами в социуме, а активную роль человека как субъекта, способного и реализующего возможность, с одной стороны, усваивать из социальной среды прогрессивные нормы, модели и нооценности, с другой стороны, влиять на формирование социальных институтов, нацеленных на «взрачивание» гармоничной личности, эволюционное общественное развитие и движение к ноо-обществу. Чтобы сформировать ноо-общество и стать его частью (гармонично встроиться в его ряды), индивиду необходимо раскрытие творческих способностей такого уровня, который в том числе позволит ему превратиться в ноочеловека. Тогда его личная выгода от саморазвития будет осознаваться и восприниматься им уже не как индивидуалистическая, а как общая — социально значимая. Ноо-общество же, в свою очередь, через социальные институты станет создавать и поддерживать условия для личностного (ноочеловеческого) развития. В определенной мере этот процесс встроен в более широкий контекст «социализации общества» [Бодрунов, 2021: 57-64; Бодрунов, 2021*a*].

Еще раз подчеркнем, что главной целью ноопроизводства и ноономики является именно «производство личности» — достойного члена ноо-общества.

Наконец, четвертый вектор направлен на создание идеологических условий движения к ноономике и ноо-обществу. Такие условия закладываются в особой идеологии, через которую осуществляются постепенный отказ от нацеленности на соперничество за частное присвоение материальных благ и переход к «солидаризму» — идеологии сотрудничества и солидарности, ориентированным и на общий, и на индивидуальный прогресс. Это основано на объективной необходимости, происходящей от осознания угроз и рисков для человеческой цивилизации (ныне пребывающей в состоянии безумной гонки за экономическими выгодами и неограниченного потребления), а также потребует единства интересов и ценностей. При этом солидаризм подразумевает, в отличие от любых форм подавления интересов индивидов либо общественных страт, напротив, максимальный учет таковых интересов, выработку консенсуса на базе глубокого осознания индивидами своих истинных потребностей и интересов и на этой основе достижения согласия в постановке и реализации целей общественного развития.

Именно тогда приблизится время для исполнения пророчества Исаии: «перекуют мечи свои» и «копья свои», и «не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Исаия 2: 2-4), и «корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол, будет есть солому... и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Исаия 11: 4-9).

Реализация этих четырех векторов, по нашему мнению, способна преодолеть обозначенный выше кризис человеческой цивилизации и вывести общество на качественно новую ступень бытия. Автор теории ноономики неслучайно назвал их «квадригой ноономики», тем самым проведя образную параллель с квадригой Аполлона [Бодрунов, 2021: 85–88]. Сущность этого важного символа заложена именно в экзистенциальной связи (синхронизации и взаимоувязанности темпов продвижения, «маневров» и т.п.) четверки «съезженных» коней, находящейся — что чрезвычайно важно! — в одной упряжке, и при наличии обладающего исключительными качествами возницы (разума человеческого!), прекрасного внешне и, что самое главное, внутренне (символ качеств ноочеловека и возрастающего значения «высших» потребностей) и способного так править этой мощью, чтобы не погубить ее, а достигнуть цели, благополучно и величественно двигаясь (сохраняя синхронность развития) по избранному пути. Подобно этому «квадриге ноономики» предстоит «перенестись» из настоящего в грядущее;

очевидно, что траектория продвижения к ноономике и ноо-обществу не будет прямой, она будет претерпевать многие препятствия, но, подобно аполлоновой квадриге, способной эти препятствия преодолеть. Теория же ноономики призвана внести свой вклад в решение возникающих проблем, указывая ориентиры и создавая образ будущего, к которому необходимо стремиться.

Заметим, что образ «квадриги» перекликается с сохраняющимся по сей день представлением о России как о «птице-тройке», сформированным еще Н.В. Гоголем в «Мертвых душах». РФ отмечена нами в числе основных стран Интегрального МХУ, способных коренным образом повлиять на его «облик» в дальнейшем. Однако превратится ли «птица-тройка» в сияющую «квадригу» и каков будет ее путь, пока сложно судить. России придется — хочешь не хочешь! — преодолеть множество внутренних проблем и препятствий, сложившихся и укоренившихся в разные исторические периоды по различным причинам. Сейчас трудно распутать весь этот «клубок» противоречий: то ли бешеная скачка «тройки», которая несется «необгонимая», не подвластна эффективному управлению возникшего (хотя известны руководители, поднимавшие «на дыбы» страну «уздой железной»), то ли, по В.С. Высоцкому, кони «попались привередливые», то ли нам и вообще не хватает одного коня (или двух? трех?) для полной гармонии и устойчивости движения (какого/каких конкретно — оставляем догадаться читателю...).

Необходимо подчеркнуть, что ноономика выступает и как особая философия и теория, отличительной чертой которых является их практическое значение, ведь, как известно, «нет ничего практичнее хорошей теории». Прежде всего, отметим здесь большое значение авторского подхода. Автор теории ноономики выстраивал и «вращивал» ее, используя свой богатейший практический опыт в бизнесе и государственном управлении, который как раз и помог ему четко обозначить круг вопросов и проблем для детального изучения, а также безошибочно выбрать ту самую «свою колею» и уверенно двигаться по ней, создавая и укрепляя опоры для собственных теоретических разработок; посему здесь в полной мере реализуется такая черта авторского подхода, на которой он всегда настаивает, как необходимость соблюдения «единства теории и практики, философии и жизни» [Мареев, Мареева, 2003: 509].

Кроме того, в основе ноономики лежит, если можно так выразиться, «ядровой источник». Подобно тому, как она «прорастает» из экономики, а ноо-общество — из экономического общества, так и теория

нономики выстраивается с опорой на ряд достижений в развитии экономической мысли с учетом ее прикладного значения. Ранее мы уже выделяли важнейшие блоки для нашего теоретического «фундамента». Здесь приведем лишь несколько конкретных примеров. Так, Аристотель, являясь «крестным отцом» экономической науки» [Контопов (ред.), 2008: 184, 490] и введя понятие «хрематистика», или теория обогащения и искусство безграничной наживы, фактически предопределил современное состояние развития того, что именуется сейчас «экономикой». При этом важнейшим элементом его подхода является понятие «предела». Однако философ не указывает, каким образом определить и поставить тот самый «предел» в реальной жизни, который позволит человеку и обществу преодолеть обозначившийся кризис, в то время как теория нономики напрямую приходит к ответу на данный вопрос через категорию естественного ограничения потребностей и их десимулятизацию на основе культуры и нооценностей. Особое значение при разработке теории нономики имели и имеют труды К. Маркса, Дж.М. Кейнса, Н.Д. Кондратьева, Й. Шумпетера, С.Ю. Глазьева и других [например, в этот список входят и такие авторы, как Ферсман, 1934; Алферов, 2000; Шмитт, 2008; Бузгалин, Колганов, 2015а-б; Гэлбрейт, 2018; Десаи, 2020; Чен Эньфу, 2021; Ван Вэнь, 2022; Котц, 2022; Лэйн, 2022; Galbraith, 1967; Freeman, 2002; Kvint, 2016; Galbraith, 2021; см. также Бодрунов, 2017а-б; Бодрунов, Гэлбрейт, 2017–2018].

Это — то, что касается анализа некоторых аспектов «ядрового источника». В целом же следует говорить о наддисциплинарности нономики как теории и особого научного направления, впитавшего в себя достижения не только экономических наук, но и философии, социологии, психологии, антропологии, истории, политологии, религиоведения и т.п.

В данном контексте многофакторности и многосферности нономика предстает сценарием реального будущего, который может быть достигнут через переход посредством технологической революции (как процесса смены технологических укладов) к знаниеинтенсивному производству и созданию предпосылок для НИО.2, связанных с выделенными С.Ю. Глазьевым VI технологическим и Интегральным мирохозяйственным укладами и сопряженных не только с преобразованием социально-экономических процессов и институтов, но и с трансформацией роли человека. Теория нономики — это наука о формировании (объективно возможном и необходимом) и осознании жизненных потребностей — в том числе через раскрытие роли знаний

в общественном развитии, о практическом и объективно грядущем способе их удовлетворения (с выделением особенностей ноопроизводства), об абсолютно реальном общественном устройстве на базе ноономики и формировании «ноочеловека (с гармонией ноорациональности и нооценностей) — ноо-общества — нооцивилизации». При этом ноономика — это не мифическое и сверхдалекое от современно-го человека и общества будущее, ее генезис наблюдается уже сегодня.

Важно, что в теории ноономики, в отличие, скажем, от теории ноосферы, особый акцент делается не столько даже на категории «разум» в чистом виде, сколько на категории «знания», которые открываются и постигаются разумом, создающим условия и возможности для их осознания, восприятия и применения на практике. Выражаясь математическими терминами, разум гораздо меньше знания, учитывая наличие абсолютного Знания — бесконечного и недостижимого.

Более того, подчеркнем, что теория ноономики может рассматриваться как готовое научное обоснование нооразвития, а сама ноономика — как его материальная база и материальное основание ноосферы, и в этом смысле через синтез научного и духовного она близко подходит к классическим идеям Ле Руа — Вернадского, о чем упоминалось выше. Путем введения категории ноо (разум) классики ноосферного учения фактически смогли осуществить некое «научное предвидение», в том числе связав результаты развития ноосферы с автономностью человечества и через изменение способов удовлетворения потребностей с переходом его эволюции в космическое пространство [Миронов, 2011: 96–97]. Со своей стороны, мы предлагаем именно научно обоснованные оценки и прогнозы развития человека и общества исходя из таких важнейших категорий, как разум, знания, потребности, НТП — что позволяет не столько предвидеть будущее, сколько дать наиболее полную характеристику грядущего и реализовывать движение к нему от заданной во времени точки — уже сейчас.

Наконец, ноономика как некая «конструкция» представляет собой специфическую модель социального устройства, в рамках которой развитие человека и общества в категориях «знания-культура-нооценности и ноорациональность» и их практическом применении будет носить гармоничный характер. И эту гармонию подарит и позволит найти именно ноо (разум). Особое внимание при этом в ноономике уделяется эволюции трудовой деятельности человека, получающего возможность освободиться от тяжелого и привязанного к конкретному

месту труда и таким образом максимально расширить границы своего интеллектуального творчества, на что указывал еще Маркс.

Анализируя ноономику в ее практическом аспекте, следует обратить особое внимание на структуру ее теории, для которой выделяется своеобразная система «осей координат». Если по оси абсцисс мы станем «откладывать» время, то вдоль нее протянутся направленные линии эволюции: а) технологических укладов с возрастающей значимостью; б) мирохозяйственных укладов (включая этапы реформирования общественных институтов); в) социума (учитывая стадии развития общества с переходом к НИО.2 и далее — ноо-обществу); г) личности с растущим значением знаний, духовных потребностей и выходом на формирование «ноочеловека», в основу развития которого закладывается расширяющаяся база ценностей. По оси ординат обозначатся темпы развития, и в ее направлении как раз и воспарит «квадрига ноономики», обеспечивая необходимую синхронизацию и сопряжение развития по указанным векторам и их соединение с линиями эволюции. Следовательно, у нас получается не что иное, как наиболее полная условная картина бытия, отображающая все его основные формы от заданной точки. Расположение ключевых этапов развития с помощью осей координат позволят учесть такие важнейшие философские категории, как материя (в особенности по ТУ), время, пространство (для каждого технологического и мирохозяйственного уклада), движение (например, через смену ТУ и МХУ, эволюцию человека и общества), сознание (с учетом изменений в личностном плане).

При всей внутренней насыщенности и даже «многоликости» ноономики, следует выделить еще одну ее важную ипостась. Помимо всего прочего, она демонстрирует некий разумный способ управления развитием на основе осознания и понимания его закономерностей [далее анализ приведен на основании: Бодрунов, 2022d]. Именно поэтому целесообразно рассматривать ее как опору для выстраивания и а) современной политики государств (например, это может быть и специфический «стратегический проект», и «базовый элемент» для «концептуальной платформы стратегии опережающего развития», и ориентир для бизнеса), и б) будущей системы управления развитием Интегрального МХУ.

Предполагается, что дальнейший НТП позволит обществу передать создаваемым технетическим устройствам и существам часть функций, в том числе «интеллектуальных», например, направленных на помощь

человеку в принятии решений о выборе в той или иной ситуации и т.п. При этом за человеком в рамках нооценария цивилизационного развития останутся такие важные управленческие функции, как целеполагание, стратегирование, заложение базы для прогнозирования и т.д.

Причем самое главное — это приоритет консенсуса при выработке тех или иных решений на базе нооценностей и их «ядра» (имеющего в основании своей структуры отражающие принцип «примата общих интересов над частными» общественные ценности), практическим механизмом достижения которого станет «полилог» или, в нашем понимании, многосторонний обмен мнениями с целью согласования интересов индивидов, формирующих ноо-общество. Таким образом, именно «ядру» нооценностей суждено стать тем самым ключевым «органом управления» ноо-общества, который будет формировать систему его институтов (нооинститутов), что обусловит возникновение некоего постгосударства, формулировать цели и задачи социального развития, определять в нем роль и место каждого индивида, и т.п. Главными отличительными чертами феномена постгосударства станут, например, утрата им классических функции принуждения, регулирование процедур согласования ноо-интересов, организация на их основе удовлетворения общественных и индивидуальных ноопотребностей, заложение фундамента управления для ноо-общества, определение функций ноо-институтов.

Учитывая все изложенное выше, неудивительно, что теория и сама идея ноономики находят отклик в исследовательской среде и все больше завоевывают интерес и доверие экспертов [см. работы: Толкачев, Тепляков, 2019; Глазьев, 2020*a-b*; Пороховский, 2021; Хабибуллина, 2021; Шачин, 2021; Гэлбрейт, 2021; Смолин, 2021; Чен Эньфу, Гао Сиян, 2021; Десаи, 2021; Колганов, 2022; Воейков, 2022 и другие].

Подробнее, что же такое ноо-общество «изнутри» и каковы его генезис и императивы, мы обсудим далее.

4.3 Генезис ноо-общества: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм¹

Итак, мы наконец переходим к важнейшей категории в данной монографии: «ноо-обществу»/«ноо-общественному устройству» —

¹ Анализ, приведенный в данном разделе, основан на следующих источниках: [Бодрунов, 2018с; Бодрунов, 2021; Бодрунов, 2021а; Бодрунов, 2022d].

особым образом обозначенной в ее названии, поскольку можно, собственно говоря, сказать о том, что все предыдущие главы были написаны нами ради одной «цели целей» — чтобы показать этот грядущий образ социума при реализации позитивного сценария развития Интегрального мирохозяйственного уклада и определить закономерности формирования его основ и ноономики.

Согласно сформулированному нами определению ноо-общество есть общество, имеющее две ключевые отличительные черты, а именно — характеризующееся эпитетами «интегральное и однородное» [Бодрунов, 2022d].

Каковы же критерии его однородности и интегральности?

На наш взгляд, однородно оно будет по ценностному восприятию (коллективному и индивидуальному) бытия, а интегральность его будет определяться устройством на основе единой и универсальной ноокритериальной базы ценностей — с ярко обозначенным их нравственно-ценностным нооядром.

Рассуждая о генезисе ноо-общества, необходимо вновь обратиться к анализу (на этот раз более глубокому и основательному) «квадриги ноономики» [Бодрунов, 2020, 2021a]. Если эта своеобразная модель/комбинация четырех векторов (или, как бы выразился в данном случае известный «великий комбинатор» — «клуб четырех коней») была привлечена нами выше для пояснения расширенной формулировки определения ноономики, то здесь мы опять прибегаем к ней для иллюстрации «равнодействующей траектории» перехода к совершенному ноо-общественному устройству и формированию нообытия.

Первый «конь» в «упряжке» — это вектор стремительного, неудержимого научно-технического и технологического прогресса — НТП — как материальной опоры ноономики и ноо-общества, выносящий человека «по ту сторону» материального производства и, как следствие, наиболее совершенной нооиндустрии. Мы не станем описывать здесь ее характеристики [они детально представлены в Бодрунов, 2018с], подчеркнем лишь главное — это автономная система знаниеемкого производства, работающая под управлением человека, но без его непосредственного участия в самом производственном процессе. Вследствие этого человек сможет абсолютно иначе «расходовать» уникальный и поистине наиболее бесценный из всех ресурсов, дарованных ему свыше — время своей жизни. Он сможет максимально применить его на пользу (понимаемую в ноокритериальной базе ценностей!) себе

и обществу: на творчество, открытие и «приращение» новых знаний, самосовершенствование и внесение «лепты» в продвижение НТП, т.е., тем самым, на создание при жизни собственного «памятника нерукотворного», который станут не только эффективно использовать другие члены общества, но и бережно сохранять и чтить его потомки, искренне благодаря каждого своего предка (в какой бы сфере он ни работал и каким бы общественным статусом/положением ни обладал) за его вклад в построение гармоничного мира и открытые им возможности. Таким образом, НТП обеспечивает не только материальную основу формирования и существования ноосоциума и ноономики, он отображает связь поколений, демонстрирует их совместные достижения и прогресс, показывает, что между ними есть то общее, что позволяет понимать друг друга и совместно (пусть и в разное время) работать на единый результат. Поколение сменяет поколение, но ничто не уходит бесследно, «после нас остаются дела наши», и это в полной мере справедливо отражается в форме открытых, сохраняемых и передаваемых далее по потомственной «цепочке» знаний, воплощаемых в технологиях и НТП. Именно на основе этого сотворчества поколений, которое непрерывно реализуется, прослеживается от уклада к укладу, развивается и расширяется при движении к ноономике, можно выделить и так называемые поколенческие технологии: «материнские», «дочерние» и т.д.

Заметим мимоходом, что, именно исходя из этой логики, нам представляются опасными процессы деиндустриализации, поскольку они не только подрывают материальную основу общественного устройства, но и разрушают означенную выше витальную связь между поколениями. Поэтому, постоянно подчеркивая необходимость реиндустриализации на передовой технологической основе, эволюции промышленного производства и возрождения его статусности в современной экономике, мы фактически боремся за сохранение человеческой цивилизации и единения поколений.

Второй «конь», имеющий витальную связь с первым и зависящий от него (в чем проявляется важность их «упряжки» и «съезженности»), ассоциируется с базовым механизмом формирования и удовлетворения потребностей человека и общества. Фактически он демонстрирует собой фундаментальную отличительную черту ноономики, т.е. трансформацию экономического способа насыщения/удовлетворения потребностей в неэкономический.

Основное, на чем здесь следует остановиться более подробно, это — то, что в «квадриге ноономики» обозначено как диффузия собственности: особого рода динамики общественных отношений по поводу вещей, а также соответствующего института, оказывающего существенное влияние на экономические отношения.

Если обратиться к содержанию понятия «диффузия», то, на первый взгляд, можно обнаружить несколько его значений. Так, согласно толковому словарю русского языка, под диффузией подразумевается «взаимное проникновение частиц одного вещества в другое при их соприкосновении»¹ (вспомним важный смысл *PR*-закона!). При этом применительно к свету «диффузный» означает «рассеянный»². Перевод слова «*diffuse*» с английского существенно расширяет сферу его понимания: «1. распространять(ся); распылять, рассыпать, разбрасывать; 2. растрчивать, расходовать; 3. рассеивать»³. При всей видимой многозначности этого слова все его смыслы и значения роднит одно — получение качественно нового («рассеянного», «растворенного») состояния (продукта) на выходе. При этом исходный продукт (например, кусок сахара) при погружении в новую среду, имеющую некие исходные свойства (стакан свежесваренного чая) исчезает, но его компоненты (молекулы дисахарида/сахарозы, глюкозы, фруктозы) распределяются между элементами исходной среды (молекулами воды) — в итоге создается новый продукт (в нашем примере — подслащенный чайный напиток). Заметим, при сохранении базовых компонент исходного материала (молекул куска прессованного сахара). Процесс распространения или рассеяния всегда напрямую связан с проникновением чего-либо во что-либо. Именно поэтому для обозначения всей сложности и важности изменений, которые постигнут институт собственности, выбрана именно дефиниция «диффузия», что подразумевает постепенное снижение его значения (как цельного института!) вплоть до полного исчезновения в процессе развития, сонаправленном с первым вектором движения (при этом его базовая «компонента» сохранится).

Что же такое собственность? На какой «компоненте» выстроен современный институт собственности? И — прикладной, но важный

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с. С. 168.

² Там же.

³ Сиполс О.В. Указ. соч. С. 115.

вопрос — какая «разновидность» собственности в большей степени подвержена диффузии?

Для ответа на эти вопросы мы не станем прибегать к известным классическим политэкономическим определениям данной категории и иным доступным читателям источникам информации; изложим взгляд теории ноономики на анализируемый объект и его развитие в истории.

Древний человек первоначально не ощущал себя чем-то, отличным от окружающего мира. Однако с ростом постигаемого доступного знания произошло то эпохальное событие, которое положило начало человеческой цивилизации — продвигающегося в пространстве и времени сообщества существ, осозНАвших себя некоей отдельной, ОСОБОЙ (оСОБОй) частью этого мира. «Особой» — в именительном падеже. И — даже с большой буквы «О»! Отделение себя от мира, осознание самого себя как отдельной сущности, стало «обособлением» (обоСОБлением!) этой сущности. В процессе жизнедеятельности человек с открытием все новых знаний осознавал преимущества использования предметов окружающего мира для целей своей жизнедеятельности (питания, выживания и т.п.). Пользуясь ими, он «продолжал себя» в окружающем мире — воспринимая используемые предметы как «часть себя» — сначала время от времени, затем, осознав, что эта «часть себя» вдруг может таковой не стать, а стать «отдельной сущностью» и быть утраченной, в целях неутраты полученного преимущества — уже на постоянной основе (с помощью силы, хитрости и прочего). Тем самым человек начал «обоСОБлять» необходимые ему части окружающего мира, одновременно изобретая способы удерживать каждую такую часть при себе и «дополняя себя» ими, т.е. держа их «при себе», делая их СВОЕЙ частью, приСВАИвая их. Отделив такой предмет (нечто) как часть от окружающего мира, он искусственно делал его ЧАСТью СВОЕЙ ОСОБы, СВОЕЙ (ЧАСТной и приСВОЕнной) СОБственностью.

Это выделенное и присвоенное «нечто» и есть «прототип»/первообраз собственности; более того — частной собственности.

При этом процесс формирования будущего института собственности шел далее: человек осознал, что он может в любой момент потерять присвоенное им нечто, например, встретив того, кто «быстрее, выше, сильнее» его; у человека появились страх потерять собственность (отсюда затем возник институт «страхования» имущества) и стремление ее все более жестко обособить, как можно сильнее закрепить за собой (через различные институты и нормы, а также посредством создания оружия для расширения, накопления и сохранения имущественной базы).

Поначалу это в большей степени касалось материальной собственности, связанной с обособлением различных частей окружающего мира (включая в том числе людей при рабовладении и крепостном праве или «крепи»).

Подчеркнем, что в обозначенном процессе формирования и развития собственности приоритет оказывался именно на стороне «зоо», т.е. человек руководствовался преимущественно принципами «зоо» — используя упоминавшийся нами выше «рациональный эгоизм» в стремлении выжить, пройти суровый «естественный отбор».

Однако процесс познания окружающего мира непрерывно продолжался. Открыв преимущества владения знаниями, люди стали пытаться обособлять и охранять и их, например, с помощью тайны (в древние времена — секретов жрецов) и права (с изобретением институции патентования, закрепления авторских прав и т.п.). Таким образом, постепенно возник другой вид собственности — собственность нематериальная (бестелесная, неосязаемая), в том числе интеллектуальная собственность (приоритет «зоо» сохранялся даже с добавлением легкой «примеси» «ноо»), до появления которой имущество никогда не было столь сильно закреплено за владельцем.

Особо отметим, что экономические механизмы институализации интеллектуальной собственности более очевидно, чем в случае собственности на материальные предметы и иные виды собственности нематериальной, срабатывают в двух направлениях: с одной стороны, они ускоряют развитие, когда, например, инвесторы вкладываются в новые технологии с целью опередить конкурентов, выдать на рынок новый товар в расчете на экономическую прибыль; с другой стороны, они же сдерживают НТП — и пока инвестор не «отобьет» вложения, он стремится, обособив свой сегмент либо свои права на эксклюзивный выпуск изделий, избежать «утечки» уникальных знаний к конкурентам. Возникшее противоречие способен разрешить только феномен диффузии собственности, которой как раз в большей степени подвержена именно собственность интеллектуальная — по причине самой природы основы/содержания этой собственности: знаний (видимо, не стоит напоминать читателю о его, знания, особой природе — «бесконечной размножимости» и, вследствие сего, беспредельной «проницаемости» по *PR*-закону (в отличие от материальных предметов); именно вследствие того, что в наступающем ТУ доля знания в обобщенном продукте, согласно «кресту Бодрунова», станет преобладающей, процесс

диффузии института собственности получит мощный импульс ускорения — параллельно и в «смертельной» для него увязке с процессом «ускорения ускорения» НТП в ходе формирования НИО.2 и нового МХУ.

Итак, в свое время эволюция экономических отношений привела к тому, что институт собственности «оброс» огромным количеством «обременений», направленных на обособление и закрепление имущества за владельцем, а в дальнейшем — и на обеспечение социальной ответственности собственников. Однако в настоящее время заметно усилились — всегда, конечно, существовавшие, но, скорее, «влачившие жалкое существование» — тенденции ответного влияния института собственности на экономические отношения как приоритетного направления, нацеленного на обратную передачу той своеобразной «нагрузки» с еще более значимыми для общества последствиями. Так, поскольку изменение института собственности повлечет за собой трансформацию экономических отношений, то его диффузия неизбежно спровоцирует их редуцирование и формирование иных общественных отношений, выстраиваемых не на экономической логике. Таким образом, шаг за шагом (безусловно, не одновременно!) с утратой ответственностью своего значения как институциональной основы механизма удовлетворения человеческих потребностей, постепенно исчезнет и само экономическое общество, уступив место ноо-обществу.

Причем — что чрезвычайно важно — для этого не нужны никакая революция и никакое насилие над людьми. Более того, в отличие от марксистской парадигмы смены типа экономических отношений революционным путем, мы утверждаем: он ни в каком случае не пригоден (как разрушающий накопленные знания, материально овеществленные и (или) нематериальные, и упомянутую выше обогащающую человека и общество связь поколений) и даже опасен (например, в силу мощи современных «технологий уничтожения»); здесь мы, наоборот, совершенно согласны с булгаковским профессором Преображенским, который утверждал, что террор «не поможет, какой бы он ни был: белый, красный или даже коричневый!» Все, что необходимо для столь важной трансформации, — это НТП в рамках «квадриги ноономики» как символ развития человечества по объективным законам, который сам приведет нашу цивилизацию к указанным кардинальным изменениям и создаст ту благодатную почву, на которой вырастут «цветы» (сегодня кажущиеся все еще удивительными, но — уже вполне осязаемые!) общественных отношений нового типа.

Анализируя «корни» формирования и тенденции развития института собственности, мы видим его непрерывную трансформацию — как показано выше, ведущую в наше время по нисходящей траектории его значения в процессе диффузии. В связи с этим стоит особо подчеркнуть: крайне ошибочно было бы полагать, что институт собственности до обозначенных нами изменений был некой «закоренелой» и «окаменевшей» конструкцией. Те или иные процессы его трансформации и формирования новых способов присвоения, распоряжения и использования известны с давних времен. Более того, в истории общественных отношений обнаружены «зачатки» диффузии собственности, относящиеся к периоду еще более столетия назад [Бодрунов, 2021а]. Они наблюдаются на основании возникновения таких феноменов, как:

- ❑ переход от индивидуального частного собственника (или его «диффузия» — безусловно, не как человека, но как «категории» и «объекта» исследования) к множеству акционеров;
- ❑ «разветвление» прав частного собственника, а также передача и распределение их части между акционерами, менеджерами, работниками и другими субъектами экономической деятельности;
- ❑ возникновение понятий «дробление капитала», «размывание прав собственности» и т.п.;
- ❑ вытеснение из инвестиционной сферы юридическими лицами (например, различными фондами как наиболее активными инвесторами) физических лиц;
- ❑ передача в компаниях и организациях части прав собственности работникам (например, использование оборудования и т.п.);
- ❑ формирование (не только теоретического образа, но и его воплощения на практике) «социально ответственного» бизнеса и собственника;
- ❑ усиление роли государства как ограничителя и регулятора деятельности собственников; и многое другое.

Что касается настоящего времени, то важное и, пожалуй, даже принципиальное значение, подтверждающее дальнейшее углубление и ускорение процесса диффузии собственности, имеет возникновение новых трендов, связанных с развитием всевозможных форм так называемого совместного производства и потребления: например, коворкинг (от англ. «*co-working*»), понимаемый не только как особое рабочее пространство и подход к организации трудовой деятельности, но и как

специфический стиль работы людей)¹, коливинг (от англ. «*co-living*» как новый тип сосуществования людей с единством интересов и намерений)², каршеринг (от англ. «*carsharing*» — один из специфических видов аренды авто, который в современной ситуации становится настолько удобным, что растущее число автомобилистов отказывается от приобретения собственного четырехколесного «стального друга») и т.п. Все эти примеры можно объединить понятием «отказ от собственности».

Более того, появилось и вошло в обиход понятие целой «шеринговой экономики» (от англ. «*sharing economy*» или «экономика совместного использования», «*to share*» — что может быть переведено как «делиться» чем-либо), прочно занявшей свою «нишу» в системе общественных отношений. Согласно исследованиям в данной сфере, в настоящее время выделяются следующие сектора, которые тем или иным образом связаны с экономикой совместного использования и демонстрируют применение соответствующих платформ и бизнес-моделей [приведено на основе: Валько, 2021: 59–60]:

- ❑ сектор вещей (от англ. «*shared goods*»): совместное пользование, аренда, приобретение БУ;
- ❑ транспорт (от англ. «*shared mobility*»): совместное использование всевозможных средств передвижения;
- ❑ общественное питание, включая доставку и обмен продуктами питания, осуществляемые на коллективной основе;
- ❑ туризм и так называемая индустрия гостеприимства, ориентированные преимущественно на предоставление в пользование жилья и сопутствующих товаров и услуг для туристов и путешественников;
- ❑ здравоохранение;
- ❑ финансовый сектор (краудфандинг, краудлендинг и P2P-услуги);
- ❑ частные услуги и наем.

По оценкам экспертов, шеринговая экономика развивается весьма быстрыми темпами, в десятки и даже сотни раз опережая темпы роста

¹ См. подробнее: <https://ria.ru/20210909/kovorking-1749405896.html?ysclid=la9b3cr6ly823989022>, <https://www.kp.ru/money/biznes/kovorking/?ysclid=la9b69vqbbq580919644>.

² См. подробнее: <https://realty.rbc.ru/news/5fda3f679a79473459c0cf02?ysclid=la9beougy579668227>.

³ См. подробнее: <https://www.mos.ru/otvet-transport/kak-polzovatsya-karsheringom/?ysclid=la9bjq915h612068811>.

мировой экономики в целом. Например, если совокупные доходы перечисленных выше секторов (по сравнению с аналогичным показателем сопоставимых традиционных секторов мировой экономики) в 2013 г. составляли всего около 5%, то, согласно прогнозам на 2025 г., они могут достигнуть порядка 50% при довольно неравномерном распределении «успехов» по странам и регионам (так, для Норвегии ожидаемый рост соответствующих доходов к 2025 г. оценивается приблизительно в 1% ее экономики) [приведено на основании следующего источника данных: Валько, 2021: 59]. Шеринговая экономика активно развивается в Китае (ее доля уже оценивается примерно в 8% ВВП КНР) [Бодрунов, 2021: 68].

При этом следует отметить, что уже сегодня общество проявляет все больший интерес к феномену добровольного отказа от собственности — в самых разнообразных формах, вплоть до достигших беспрецедентного размаха спонсорского и волонтерского движений.

Все эти процессы дают нам основание полагать, что уже на стадии НИО.2 будет господствовать экономика совместного пользования, расщепленных и размытых прав собственности, за которой неизбежно последуют изменения в системе экономических отношений и самого характера рынка. Вместо спонтанных колебаний рыночной конъюнктуры люди будут все более ориентироваться на результаты согласованных действий лиц, связанных между собой переплетающимися элементами прав собственности. Государству же придется постепенно «дрейфовать» к новому уровню регулирования модифицирующихся общественных отношений, нацеленного на достижение консенсуса и баланса интересов их участников.

Однако возникает и еще один важный вопрос: есть ли нечто, тоже воспринятое человеком как «часть себя», что не подвержено диффузии, имеет положительную значимость и сохраняет ее на протяжении существования современного человека?

Мы с уверенностью отвечаем на него утвердительно. Это — та самая «часть себя», которая не является экономической или политэкономической категорией, не «поглощена экономикой» и представляет собой вклад каждого в сотворчество поколений. Вкладывая в свое дело «душу», человек не обособляется от общества, не воспринимает ближнего как конкурента/врага, стремящегося отобрать у него этот вклад, а, наоборот, соединяется с социумом на принципах «ноу» и разделяет с ним и всеми поколениями плоды общего труда. Этот вклад в общее

дело, идущий от души, от эмпатической сути человека как существа социального, важность которого (хотя бы для своего выживания) он осознал еще со времен зарождения цивилизации, и все возрастающий в своей значимости в процессе продвижения человека от «зоо» к «ноо», не поддается диффузии, он есть вечно «живая вода» и основа связности общества и продвижения ее, нашей человеческой цивилизации, во времени и пространстве.

Третий «конь» из «квадриги ноономики», которому, в свою очередь, прокладывают путь первые два (в виде НТП и «диффузии собственности»), демонстрирует собой социализацию человека и общества. Тем самым он в большей степени и напрямую касается социальной компоненты движения к ноономике и ноо-обществу.

Введенный в свое время социологами термин «социализация» обозначает процесс «очеловечивания» или «усвоения индивидом культурных норм и социальных ролей», что требуется ему для нормального существования в рамках общества. Этот процесс является двусторонним, отражая взаимовлияние человека и общества, и сопровождается их на протяжении всей жизни¹.

Сегодня данный термин по-разному применяется в различных дисциплинах и поэтому, если можно так выразиться, «обзавелся» множественностью смыслов. Например, возникла так называемая социализация экономики (в том числе, с возрастанием значения общественных благ, необходимости государственного вмешательства в рыночные процессы и роли социально значимых сфер — здравоохранения, образования и т.п.). В педагогике и детской психологии много исследований посвящено социализации детей. И — даже «социализация животных» отражена в работах, посвященных жизни «братьев наших меньших» в человеческой среде.

Проведя глубокий анализ этого фундаментального процесса, мы пришли к осознанию его тройственной природы и понимаем под социализацией — как одним из векторов движения к ноономике — следующее:

1) процесс «вочеловечивания» (противопоставленный расчеловечиванию) и встраивания (вхождения) человека в общество посредством осознанного (свободного и (или) вынужденного) обретения им в ходе его эволюции от «зоо» к «ноо» набора качеств (например, все

¹ Сформулировано на основе: Словарь по обществознанию / под ред. Ю.Ю. Петрунина. М.: КДУ, 2005. 512 с. С. 203–204.

большой социальной ответственности, растущего культурного уровня, ориентации на реализацию своей общественной миссии, включая общественное признание, и т.п.) и далее — ноокачеств, формирования его поведения в обществе на основе нравственно-ценностного нооядра и, наконец, превращения его в ноочеловека как достижения максимального эффекта от процесса «вочеловечивания»;

2) процесс «человечизации» общества, или социализирующего воздействия на общественные институты (а в будущем — создания и расширения человеком ноопространства, участие в формировании ядра нооценностей) как «встречная полоса» социализации человека;

3) процесс социализации общества как высшую стадию социализации, на которой человек посредством создания и развития ноокритериальной базы ценностей социализирует общество, превращая его в ноообщество и себя в ноочеловека — достойного члена ноообщества.

Кроме того, социализация рассматривается нами не только как процесс, но и как результат, выраженный в непрерывном установлении и укоренении приоритета социальных (общественных) интересов над личными (частными), а также в создании новой критериальной базы и ядра ценностей. Так, для формирования ценностей необходим именно общественный запрос, иначе этот процесс реализоваться не может. Отметим, что, на наш взгляд, именно все более явственно выдвигаемый общественный запрос российского общества привел к оформлению его институционально в виде известного Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹.

Причем социализация также отражает связь между поколениями, по аналогии с тем, как это «осуществляет» НТП. На первый взгляд, отличие феномена социализации состоит в том, что обозначенная связь формируется здесь через эволюцию ценностей, культуры и внутреннее совершенствование личности (при дальнейшем обретении ею ноокачеств). Однако, если вдуматься, то и ценности, и культура, и прогресс личности — все это есть развитие знания, направлено на его открытие, сохранение и передачу, сопряжено друг с другом, отражает результаты сотворчества поколений и способствует сопнаправленности трех из проанализированных выше векторов.

¹ См.: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1584202/>.

Четвертый «конь» и, пожалуй, «коренник» в «упряжке», является идеологической платформой перехода к неэкономической модели. Идеология здесь понимается не только и не столько как некая система или набор идей (пусть даже прогрессивных и полезных), а скорее, как формирование установок социального развития (включая целеполагание, средства, способы и методы) исходя из глубокого анализа истории и современного состояния общества (ведь идеология — всегда о людях!), его объективной оценки и обозреваемых сценариев и перспектив.

Представляется, что основу подобной идеологии формирует солидаризм, или качественно новый тип и «синергетический принцип» сосуществования и взаимодействия индивидов, социальных групп, институтов и т.п. — всех социальных акторов — когда противостояние и конкуренция уступают место взаимоосознанию единства ценностей, целей и путей их совместного достижения и практического приложения.

«Обнимаемая» и вбирая в себя такие понятия, как компромисс, сотрудничество, доверие, солидарность, договор, взаимопонимание, общность интересов, добровольность, справедливость, миролюбивые отношения, с течением времени солидаризм, будучи однажды сформулированным в качестве идейной платформы, развиваясь и укореняясь, не терял своей актуальности и привлекательности. Его идейно-философские основы были заложены еще в XIX в. П. Леру и Л. Буржуа, выступавшими за социальную ориентацию, справедливую систему налогообложения и развитие социальных программ. Далее солидаризм нередко использовался различными политическими силами как идеологическое подспорье в их попытках сплотить общество, придать импульс движению общественных сил для тех или иных целей, и т.п. [см. примеры: Бодрунов, 2021а: 12–13].

Кроме того, в данном контексте нельзя не учитывать важнейшую базу, заложенную в теории общественного договора — фактически как договора об объединяющих всех социальных ценностях — Г. Гроцием (в том числе опиравшимся на ряд идей Аристотеля, Сенеки и других философов о значении согласования интересов и выработки общественного мнения при разрешении различного рода проблем социума), Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ж.-Ж. Руссо и т.д.¹

¹ См. подробнее: Словарь по обществознанию / под ред. Ю.Ю. Петрунина. М.: КДУ, 2005. С. 38–40.

Очевидно, что включение истинных идеи и установок солидаризма в «квадригу ноономики» крайне важно для ноотрансформации общества, объективно необходимо (исходя из роста потребности общества в согласовании позиций сторон для предотвращения обозначенных выше рисков и угроз человеческой цивилизации) и не имеет альтернативы.

При этом идея преемственности в укоренении принципов солидаризма также актуальна: подобно тому, как экономика становится той «почвой, на которой «вырастает» ноономика, сохраняя черту практичности, институты «экономики солидарности», по нашему мнению, сыграют существенную прикладную роль в ходе движения к нооэтапу. Причем отношения солидаризма не зародятся в мгновение ока, а будут именно «прорасти» — в том числе, преодолевая период эмбрионального развития в лоне экономического общества.

Особое значение при этом имеют потенциал стратегирования трансформации общества [Бодрунов, 2020f; Квинт, Бодрунов, 2021; *Kvint, Bodrunov, 2022*] и стратегического планирования, качество промышленной и социальной политики, наличие и уровень различных ассоциированных форм производства и потребления и т.п. В данном контексте мы вновь возвращаемся к мысли об исторической миссии России, которая могла бы за счет использования открытого новыми ТУ и МХУ «окна возможностей» и осуществления «рывка» в своем экономическом развитии значительно ускорить воплощение близких ей по духу идей и принципов солидаризма (недаром в статье 75.1 Конституции страны подчеркнута ценность социальной солидарности и партнерства как идейного базиса развития [подробнее см.: Бодрунов, 2021: 84]).

Еще раз отметим, что реальная востребованность солидаризма на практике обусловлена именно практической познанной необходимостью в солидарном подходе к решению тех проблем и вызовов, которые в настоящее время угрожают существованию человеческой цивилизации.

Таким образом, солидаризм представляется нам объективным условием генезиса ноо-общества и идеологической платформой для перехода к его новому состоянию.

При этом реализация его принципов на практике в ходе становления нового МХУ должна опираться на фундаментальное научное обоснование, в качестве которого может выступить концепция социально-консервативного синтеза, «обнимающая» и увязывающая между собой систему ценностей мировых религий, достижения социального государства и научную парадигму устойчивого развития [Глазьев, 2016: 301].

Здесь следует подчеркнуть ряд важных моментов [Глазьев, 2016: 301–314].

Во-первых, для гармонизации международных отношений крайне важны взаимопонимание и доверие, которые как раз могут быть достигнуты на базе фундаментальных ценностей, или «Ценностей ценностей», принимаемых и разделяемых всеми без исключения основными культурно-цивилизационными общностями. К числу таковых ценностей следует отнести, например, веру, справедливость, ответственность, любовь, истину, ценность человеческой жизни. На практике обращение к этим фундаментальным ценностям и расширение участия различных конфессий в разрешении социальных конфликтов и общественной жизни в целом позволит нейтрализовать негативное воздействие одной из самых разрушительных технологий мировой гибридной войны — стратегию использования межконфессиональных противоречий и разжигания межрелигиозных и межнациональных конфликтов, переходящих в локальные войны. Более того, исходя из понимания религии (в широком понимании этого термина, охватывающем все мировые религии) как фундамента для формирования ценностей и определения критериев солидарности, веры — как знания, данного свыше и не нуждающегося в доказательствах, науки — как знания открываемого и постоянно подтверждающего верность знания данного, можно найти еще одно подтверждение связи поколений (во времени) и общности людей внутри каждого поколения (в пространстве) и наличия основы для их взаимопонимания.

Во-вторых, концепция социально-консервативного синтеза обращается к принципам и ценностям социального государства, сообщая данной идее новый импульс развития и обогащая свое идеологическое содержание. Основные черты такого государства — это забота о людях, защита (в том числе, социальная) своих граждан и «заточенность» на создание достойных условий жизни. Именно в данном контексте проявляется такая важная практическая составляющая концепции социально-консервативного синтеза, как предоставление идеологического фундамента для разработки и реализации комплексной программы реформ в финансовом и реальном секторах экономики любого уровня (и национальной, и региональной — для интеграционной группы стран, и мировой).

Наконец, отвечая принципу солидаризма, парадигма устойчивого развития переносит акценты с конкуренции и борьбы на сотрудничество и кооперацию. В данном случае это в большей степени относится к созданию

механизмов перенаправления и сосредоточения ресурсов в перспективных сферах НТП (что обеспечивает связь с первым вектором «квадриги ноономики»); это способствует усилению планомерного начала в рамках управления развитием на основе понимания его закономерностей. Выступая научно-организационной основой для механизма управления становлением нового ТУ, она заметно превосходит гонку вооружений, что является знаковым для упрочнения позиций солидаризма.

Таким образом, концептуальная цельность идеологической платформы, основанная на сопряжении означенных базовых идей и принципов, позволяет сделать движение к ноо-обществу по данному вектору более устойчивым — вследствие «устойчивости» этой основы.

Проанализированная выше четверка векторов есть не только равнодействующая с единым/сонаправленным движением, но — одновременно — и источник, цель, механизм и средства бесконфликтного продвижения к нооэкономике и ноо-обществу в «обход» все более проявляющейся кризисной точки цивилизационного развития.

Все эти четыре компонента имеют принципиальное значение — как теоретическое, так и практическое. НТП создает материальные условия перехода на нооэтап. Диффузия собственности как следствие НТП и естественного хода развития этого института обеспечивает изменение механизма удовлетворения потребностей. Процесс социализации общества создает новое духовно-культурно-ценностное ядро и критериальную базу перехода, основой для идеологической платформы которого выступит солидаризм с опорой на концепцию социально-консервативного синтеза. При этом все векторы отражают связь и сотворчество поколений, а также людей в рамках каждого поколения, тем самым раскрывая логику (и — необоримую силу!) развития общества через категорию «знания». Ведь управляет этой «квадригой» сила человеческого разума, открывающая все новые знания и подчеркивающая важнейшую роль общества и человека в мировой истории — ее демиурга и Аполлона грядущего!

4.4 Императивы формирования ноо-общества: десимулятизация потребностей, переход к ноокритериальной базе ценностей, этические границы безграничного познания, ноочеловек

Всесторонний анализ путей формирования и становления ноо-общества, а также описание образа будущего ноо-общественного устройства требуют не только выделения и исследования его генезиса

(чему был посвящен предыдущий раздел), но и — что не менее важно — выявления соответствующих императивов.

В число таких императивов входят четыре важнейших процесса, обеспечивающих и способствующих возникновению ноо-общества:

1. десимулятизация потребностей человека и общества;
2. переход к ноокритериальной базе ценностей;
3. постановка этических границ для безграничного познания;
4. возникновение/формирование ноочеловека.

Проанализируем каждый из этих императивов более подробно [на основании: Бодрунов, 2018с: 203–207, 245–266; Бодрунов, 2020f: 166–170; Бодрунов, 2021: 48–57; Бодрунов, 2022d-e].

Десимулятизация потребностей.

В настоящее время так называемый процесс симулятизации потребностей, который упоминался нами выше (с выделением разновидностей ложных потребностей), проявляется наиболее ярко. Этому способствует ряд важных факторов.

Во-первых, наличие такого характера использования достижений НТП в рамках имеющегося общественного устройства, при котором на основе принятых критериев «экономической рациональности» и нормальности «рационального эгоизма» нарастает тенденция увеличения массы потребляемых ресурсов и товаров/услуг (переставших уже быть благами при симулятизации и превращающихся в антиблага для общества), что в конечном итоге грозит возникновением и возгонкой множества дисбалансов как развития самого человека, так и среды его обитания — в частности, уже вполне очевидной проблемой необратимого нарушения экологического равновесия с разрушительными последствиями подобного хищнического вмешательства человека в природу (в том числе — и в собственную!). Фактически — ради достижения своих бесплодных иллюзий — общество, безмерно расходуя природные дары и исходя из логики «не съем, так понаядку съезаю», обращает эти дары в отходы и сокращает срок жизни людей, оное составляющих, ибо а) истощение исчерпаемых ресурсов ведет к конфликтам, их эскалации с тяжелыми последствиями и даже к войнам за источники ресурсов и — вдобавок, в неразрывной связке экономической логики, — за новые рынки сбыта товаров-симулякров (т.е. за разделение сфер влияния), б) «ножом и вилкой роём мы могилу себе», согласно утверждению небезызвестного графа Калиостро, и т.п.

Во-вторых, логика развития «экономического общества» диктует укороение, непрерывность, ускорение и нарастание безудержной гонки потребительства, не просто поглощающей все больше исчерпаемых ресурсов: формирование такового общества есть «раздувание» «зоо» в человеке и обществе, которое (даже при наличии глобально опасных проблем голода в ряде стран и регионов земного шара) невозможно было бы досыта накормить, поскольку ситуация, описываемая фразой «сколько и чего ни дай — все мало», — это голубая мечта субъектов экономической деятельности, получающих сверхприбыли от подобного феномена.

Для достижения указанного «антиобщественного» состояния общества его тоже необходимо «воспитать» (и сие будет в логике экономического актора гораздо продуктивнее борьбы с конкурентами, поскольку тогда «покупателей на всех хватит»), но такое «воспитание» носит негативный характер. Например, можно привести один из его наиболее прогрессирующих способов воздействия на человека — навязчивое убеждение в том, что и как нужно потреблять, и навязчивое же продвижение симулятивного продукта посредством любого вида СМИ, который, как в знаменитой песне В.С. Высоцкого, «все мозги разбил на части, все извилины заплел». Таким образом, человек, подчас сам не замечая, что с ним происходит, как под гипнозом, добровольно начинает считать фальшивую потребность — реальной, ненужные товар или услугу — полезными, бестолковое краснобайство — отражением прогрессивной мысли. И — идет, куда ведут его современные «сказочники» — как детей, под дудочку, в известной истории о «Гамельнском крысолове». Только если в упомянутой песне Владимира Семеновича «канатчиковы власти» в лице главврача Маргулиса всем «с ума свихнувшимся» запретили телевизор, то в ситуации с современным обществом так не поступишь. Да и «дудочку» не отберешь...

В-третьих, общество для решения означенных проблем, для осознания и определения выбора своего пути развития должно «созреть», а это происходит с накоплением знаний и удовлетворением потребностей (здесь можно согласиться с теми, кто полагает, что слово русского языка «созреть» — от древнего славянского смысла «зреть», видеть, узреть, увидеть, углядеть, понять, осознать — и «созреть», просветившись и накопив знания...). Очевидно, однако, что нынешнее общество еще «не дозрело» до уровня «просвещенности», обеспечивающего на постоянной основе правильное использование техноло-

гического прогресса и его достижений, в том числе вследствие наличия стран и регионов, которым пока не достаёт благ для удовлетворения реальных потребностей. Данная проблема, вполне разрешимая при нынешнем уровне НТП и технологий, остаётся по-прежнему предельно актуальной.

Почему?

Ответ — тайна Полишинеля: по причине существования экономического способа присвоения благ.

В-четвертых, одним из самых важных источников «подпитки» симулятизации потребностей является финансовый капитал, которому при современном развитии НТП предоставлены возможности не только «поглощать» положительные результаты технологического прогресса, но и самовоспроизводиться и безмерно расширяться за счёт перераспределения доходов в свою пользу, а не «переливаться» в капитал производственный или иные формы, приоритетом которых является удовлетворение реальных потребностей человека и общества. Таким образом, финансовый капитал обеспечивает себе мировое господство и завладевает всеми общественными процессами (все более стремясь подчинить себе и сознание людей), в масштабах, даже не снившихся ни одному завоевателю, бредившему заполучить «меч Кесаря» и власть над всеми «царствами земными».

Как финансовому капиталу это удалось?

Прежде всего, по довольно банальной причине — человеческой слабости. Будучи биосуществом и испытывая необходимость удовлетворять соответствующие естественные биопотребности, ощущая при этом, соответственно, дискомфорт из-за неуверенности в завтрашнем дне и неопределённости существования, переносимый в ещё большей степени на финансовую систему как самый динамичный сектор экономики любого уровня, человек стремится сделать запас на будущее — что само по себе неплохо.

Но — вопрос в том, где мера, предел этого стремления?

Теория ноономики показывает, что этот предел определяется через ценности и культуру.

Экономическое общество, по законам которого пока живёт нынешний мир, сохраняет родовой признак природного существования человека: оно «не знает» (или — не хочет знать?) никакой «меры», никакого «предела». В своё время, изначально, финансовая система, действительно, давала множество выгод обществу: например, обес-

печивала накопление ресурсов для потребления и производства, а обособление финансового капитала от капитала производственного способствовало концентрации денежных ресурсов и их эффективному использованию для производственных инвестиций, быстрому «переливу» в наиболее динамично растущие отрасли и передовые технологии. Однако с развитием финансовых институтов, рынков, инструментов и т.п. во главу угла встали уже не интересы и потребности человека и общества, а интересы самого финансового капитала, нацеленного на самовозрастание, с вытекающими из этого игнорированием и подавлением важности реальных задач развития человеческой цивилизации — т.е. симулятивные интересы финансового капитала, создающего симулятизационные цепочки воздействия на реальные потребности (здесь достигает своего апогея так называемое человеческое поклонение «золотому тельцу»). Отсюда — его связь с процессом симулятизации потребностей человека и общества в условиях ограниченности исчерпаемых ресурсов и их дороговизны и развитие феномена финансиализации.

Производственный капитал напрямую связан с категорией «предел». Например, он сталкивается с насыщением рынка, ограничением спроса и удовлетворением потребностей людей, чего не скажешь о капитале финансовом, который «зациклен» исключительно на денежный поток, а человек здесь рассматривается лишь как средство его расширить (особенно выпукло это демонстрируется в уничтожающей человеческое достоинство, но повсеместно применяемой в мейнстриме современной — подчиненной финансовому капиталу — экономики концепции «человеческого капитала»). Система «кривых зеркал», проанализированная нами выше, развивается и разрастается здесь «пышным цветом»: например, фальшивые «псевдоинновации» подменяют реальные инновации, перетягивая на себя масштабные инвестиции, а — что более важно — ложные потребности человека трактуются как истинные; опрошение потребностей, сведение их до низменных требует делать акцент на приоритете его «зоо» (недаром даже возникают рекламные лозунги типа «пробуди в себе зверя!»). Не думай — покупай! Не важно — что, за тебя уже решили, что тебе надо, подставляй «руки-загребуки!» Таким образом, в сути этого процесса главной целью для финансового капитала фактически является сведение человека на уровень «недочеловека».

Под особый удар со стороны финансового капитала попадают наиболее развитые страны и регионы, поскольку фальшивые потребно-

сти легче и экономически выгоднее сформировать там, где степень удовлетворения естественных реальных потребностей и уровень НТП, позволяющий их насыщать, выше. Таким образом, финансовый капитал способен даже достижения НТП «выкрасить» в «мрачные тона», а человеческую цивилизацию — привести к катастрофе за счет создания противоречия между своим безмерным ростом (неограниченной симулятивной потребностью в саморазвитии) и растратой исчерпаемых ресурсов на удовлетворение не поддающихся насыщению симулятивных потребностей общества.

Исходя из данной логики рассуждения о видах капитала и их особенностях, авторы привлекают к исследованию развития укладов системные циклы накопления капитала и подробно их анализируют [на пример, см.: Глазьев, 2021].

Наконец, стоит отметить, что процесс симулятизации потребностей «подпитывается» мифами о так называемой постиндустриальной экономике и «счастье деиндустриализации», которые сегодня под давлением неопровержимых доказательств их ошибочности начинают постепенно развеиваться — мы, возражая против положений ставшей популярной на границе XX–XXI веков парадигмы «конца истории» и «постиндустриального» способа производства, утверждаем, что за индустрией пятого-шестого ТУ возникает не некая «постиндустриальная» экономика, а сохраняется экономика вполне индустриальная, со всеми присущими индустриальному способу удовлетворения потребностей чертами; другое дело, что изменяется характер индустрии [см. об этом в: Бодрунов, 2018с] — в четком соответствии с положениями теории смены ТУ: на смену предыдущим ТУ приходит новый, основным ресурсом которого становится знание и сформированные на основе нового пространства открытого/накопленного знания новые, более знаниеемкие и, следовательно, с более высоким *P*-потенциалом технологии, которые, проникая в «тело» индустрии, меняют ее облик (настолько радикально, что для объяснения происходящего непосвященным пришлось придумывать концепцию постиндустриализма...).

Однако вернемся к вопросу о роли финансового капитала как аккумулятора «запаса». Эта его «базовая» функция с развитием ноопроизводства исчезнет, что повлечет за собой исчерпание и его самого; феномен финансового капитала будет стерт нооэкономикой с лика истории.

В ноо-обществе благодаря ноопроизводству роль «запаса» станет играть фактор полного и обязательного удовлетворения истинных,

реальных потребностей человека и общества автономно функционирующей производственной системой, что повлечет за собой соответствующее изменение критериальной базы, определяющей поведение индивида и «правильность» его действий.

Базовым императивом здесь выступит именно десимулятизация потребностей — процесс, предполагающий «движение» по трем различным, но взаимосвязанным трендам:

а) как превращение симулятивных потребностей в несимулятивные, и (или) снятие с ряда товаров/услуг «симулятивной нагрузки»;

б) вытеснение симулятивных потребностей за счет постепенной приоритизации естественных, реальных потребностей для человека и общества (с учетом достигнутого уровня удовлетворения потребностей (см. ниже));

с) формирование ноопотребностей (об этом мы говорили выше).

Как этот процесс будет происходить?

Прежде всего, одну из главных ролей в нем суждено сыграть именно НТП. Как это ни удивительно на первый взгляд, с развитием технологического пространства действует не только закон возрастания потребностей, включая симулятивные, но и закон перехода симулятивных потребностей в несимулятивные по цепочке: «симулятивная потребность → развитие знаний и технологий как воплощения этих знаний, делающее возможным и рациональным удовлетворение анализируемой потребности → переход симулятивной потребности в разряд несимулятивных» [подробнее см.: Бодрунов, 2018с: 203–204]. Так, симулятивная потребность может постепенно превратиться сначала в излишество, а затем — в норму или обычную потребность, т.е. то, что казалось избыточным при одном уровне развития, становится нормой при более высоком, в то время как то, что считалось необходимым при одном уровне развития, становится излишним при другом [конкретные примеры см.: Бодрунов, 2018с: 203–207]. Причина одна — прогресс в открытии нового знания и НТП — как воплощенного знания — ведет к прогрессу производительных сил, создающих — да, новые потребности, но и — новые возможности для удовлетворения потребностей.

Таким образом, нельзя утверждать, что на нынешнем этапе симулятивные потребности могут рассматриваться исключительно в негативной коннотации.

В то же время симулятивные потребности, учитывая их негативную сторону (в частности, стимуляцию стремления экономики к безудерж-

ному поглощению ресурсов), необходимо рационально ограничивать — так, чтобы не затормозить НТП и прогресс общества, а также не навредить развитию человеческой сущности, изменяемой под действием удовлетворения потребностей. Это существенное противоречие должно разрешаться также через знание, выступающее в данном случае как поиск и осознание грани, меры, «предела» или границы, за которой на каждом конкретном этапе начинаются симулятивные потребности, влекущие нерациональное напряжение системы.

Итак, возникает витальная для человеческой цивилизации необходимость разумного ограничения «неразумных» потребностей.

Весьма важное значение для десимулятизации пространства потребностей имеют и процессы, обеспечивающие социализацию общества. В рамках этих процессов происходит постепенное наращивание как значимости в общественном сознании, так и реализуемого «объема» несимулятивных, реальных потребностей — с постепенным вытеснением симуляторов из жизни общества.

Ну и, наконец, еще раз подчеркнем, — важнейшим фактором десимулятизации потребностей является формирование ноопотребностей, или потребностей, определяемых по критериям человеческого разума и на основе культурных императивов, опирающихся на рациональный уровень удовлетворения реальных потребностей и характеризующихся возрастанием роли «высших» потребностей.

В завершение рассуждений данного блока отметим, что всякое познание предполагает и свободу, и принятие ограничений — как две познанные же необходимости. Именно знание способно показать человеку, какая потребность — ложна, а какая — истинна. Таким образом, симулятивные потребности отрицаются именно объективным знанием.

Переход к ноокритериальной базе ценностей [Бодрунов, 2022d-e]

Выше, рассуждая о ценностях, мы связали эту категорию с понятием «знание». Однако опять, как и ранее — поскольку знание само по себе нейтрально, нам необходимо будет уточнить и дополнить формулировку определения ценностей.

Так, ценности — это особый вид знания, направленного на определение «положительной значимости» того или иного объекта, явления и т.п., «которая своим истоком имеет человека, его цели и идеалы» [сформулировано на основе: Миронов, 2011: 210]. Чем большим количеством людей разделяются те или иные ценности, тем шире спектр

их распространения и воздействия на общество и выше вероятность превращения их из чисто субъективных в общественные.

При этом ценности обычно принято подразделять на различные виды. Существуют как расширенные (с объединением различных типов ценностей в группы, например, по их содержанию, субъекту, роли в жизни человека и — далее — общества), так и суженные классификации ценностей. Например, во втором случае выделяют предметные (или материальные) ценности и ценности субъектные (или «ценности человечески жизненного плана»: счастье, добро, свобода, справедливость и т.д.) [приведено на основе: Миронов, 2011: 210].

Само подразделение ценностей на виды приводит к необходимости расстановки акцентов в том, какие ценности считать первостепенными (или фундаментальными), а какие вторичными. Таким образом, формируются различные взгляды на возможную структуру ценностей. Например, согласно В.В. Миронову, материальные ценности есть производная от истинных субъектных ценностей, в то время как А.М. Коршунов полагает истинно ценностным «все то, что включается в общественный прогресс, служит ему» [приведено на основе: Миронов, 2011: 209–210 (в том числе со ссылкой на работу Коршунова)].

Следует отметить, что в настоящее время в обществе прочно закрепился приоритет и даже экспансия ценностей экономического общества (или экономических ценностей), основанных на экономических же интересах, которые возникли в результате следования человеком логике экономически рационального поведения. Используя терминологию Миронова, можно сформулировать следующий важный вывод: в экономическом обществе вектор осознания значимости ценностей был перенаправлен таким образом, что в ранг высших были возведены материальные (предметные) ценности — интересы и ценности экономической выгоды и наращивания объемов потребления — а субъектные ценности стали производной от них; именно это в конечном итоге явилось одной из причин кризиса человеческой цивилизации.

Справедливости ради уточним, что в свое время экономическая рациональность действительно способствовала общественному прогрессу, более того, выступала его двигателем: сформировала «дух предпринимательства», творческий новаторский подход к организации производства (став, вообще говоря, основой гениального изобретения человечества — индустриального способа производства), расставила акценты на бережливости и трудолюбии. Однако впоследствии она

сыграла злую шутку с человеком, вовремя не нашедшим и не поставившим ее предела. В итоге он потерял истинные жизненные ориентиры, воспринимая реальность через видимое им отражение ее в «кри-вых зеркалах»: развитие личности заместила погоня за иллюзией удовлетворения симулятивных потребностей, деформировавшая его структуру потребностей, переориентировавшая производство и потребление на бесполезную растрату природных ресурсов и наполнившая мир массой товаров-симулякров.

Встает вопрос: каким образом перенаправить вектор ценностей в правильную сторону и сформировать комплекс нооценностей, необходимых для становления ноономики и ноо-общества?

Во-первых, несмотря на то, что НТП и рост удельного веса креативной деятельности в производстве закладывают для этого необходимые предпосылки/условия, надо понимать главное: новые ценности не формируются автоматически и в мгновение ока. То есть, как говорят математики, — это необходимые условия, но не достаточные. Человечеству придется активно и существенно (а главное — осознанно и целенаправленно!) «поработать над собой», над трансформацией своей духовной и культурной сферы, которая должна быть сориентирована на развитие человека-личности. Критерием эффективности здесь может выступить формирование и разумное удовлетворение ноопотребностей как отражение разумного подхода к жизни через осознание и постановку человеком предела собственного потребления. Именно поэтому вклад культурно-ценностного развития человека в формирование ноо-общества не менее важен, чем НТП.

Во-вторых, в основе создания ноокритериальной базы ценностей и их структурирования в ценностное ноо-ядро лежит феномен осознания человеком своих потребностей. Таким образом, будет формироваться структура нооценностей. Причем ноо-ядро — это подвижный, непрерывно и динамично развивающийся объект, закрепляющийся в человеческом и общественном сознании, определяющий развитие общественного устройства и выступающий главным «регулятором» общественных отношений, которые, в свою очередь, будут также влиять на эволюцию нооценностей.

Установленная нами связь между потребностями и ценностями позволяет объяснить развитие ценностного ядра посредством пирамиды Маслоу (а точнее, ее «перевернутого» нами варианта). Так, с постепенным расширением ценностного ядра и включением в него цен-

ностей более высокого порядка, все более весомыми для человека становятся «высшие» потребности, т.е., в определенный момент произойдет важнейшая «переоценка ценностей», и ценности «высшего» порядка станут основой приоритетных потребностей. В основание «перевернутой» пирамиды будут заложены новые ценности. Эти новые ценности, с отходом человека от симулятивного потребления, и сформируют универсальное культурно-ценностное «ноо-ядро». Именно его универсальность обусловит сближение социальных институтов и сплоченность общества, определит «лицо» ноо-общества и поспособствует устранению конфликтности развития цивилизации и укреплению солидаризма. Причем ноо-ядро ценностей будет развиваться одновременно по двум направлениям: в сторону укрепления и эволюции ноокачеств человека и по линии «человек-общество», т.е. сонаправлено с процессами социализации.

Какие ценности составят основу ноо-ядра?

Представляется, что нооценностное ядро также будет иметь свою собственную внутреннюю структуру. Внутри него сформируется некая неизменная часть — центр ноо-ядра («зерно»), в который могут войти субъектные (в упомянутой выше трактовке Миронова) и фундаментальные ценности, обозначенные нами в рамках анализа концепции социально-консервативного синтеза. Кроме того, сюда же мог бы быть включен ряд из так называемых традиционных ценностей, сформулированных в упомянутом выше указе Президента России, например: «жизнь, достоинство, права и свободы человека», служение обществу и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, «приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов»¹. Эти нравственные ориентиры, отражающие связь поколений, на наш взгляд, важны не только для общественного пространства России, но и далеко за ее пределами — скажем больше, для всего мира.

Что касается «околозернового» пространства, или динамичной части ноо-ядра, то его возможное наполнение активно обсуждается уже сейчас.

В качестве примера можно привести попытки сформулировать азиатские ценности и восточную мудрость, которые, к слову сказать,

¹ Цитата из официального текста Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. См.: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1584202/>.

близки не только странам Азии, но и различным государствам других континентов, и в современных условиях оказались бы полезными для нивелирования различных проблем и вызовов человеческой цивилизации. Среди них в том числе поименованы следующие¹:

- гармония в многообразии и единство гармонии и интеграции;
- поиск истины в фактах и движение в ногу со временем;
- трудолюбие и бережливость, независимость и самостоятельность;
- ценность сообщества, превозможение частного и посвящение себя служению общественному долгу;
- применение в управлении морали (добродетели) и закона;
- человечность, существование в гармонии и мире с соседями-обществами;
- искренность, взаимное уважение и доверие;
- совмещение справедливости с достижением взаимного выигрыша/пользы;
- открытость, устранение предрассудков, учение друг у друга.

Наконец, важнейшее значение здесь имеет развитие и распространение культуры или осознанное и объективно необходимое «культуривирование» человека и общества, выступающее для общественного прогресса в качестве «специфического способа организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленного в продуктах материального и духовного производства, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и самим к себе»². Таким образом, именно в культуре закрепляется и социальная, и индивидуальная оценка рациональности таких существенных процессов, как производство, потребление и поведение человека в целом.

Исходя из обозначенной выше связи между ценностями, культурой и знаниями, можно говорить об эволюции и углублении «знаниепространства» человека и общества в процессе перехода к ноокритериальной базе ценностей и при движении к нооэкономике и ноо-обществу.

Этические границы безграничного познания.

Как уже отмечалось выше, знание есть неистощимый ресурс; соответственно, безграничен и процесс познания человеком — как самого себя, так и окружающего его мира.

¹ См. подробнее: <https://sredotochie.ru/aziatskie-cennosti-perevod-doklada-2016-goda/?ysclid=laksk2f9xw203936616>.

² Словарь по обществознанию / под ред. Ю.Ю. Петрунина. М.: КДУ, 2005. С. 181.

Однако на конкретных примерах развития угроз и вызовов заходящей ныне в тупик человеческой цивилизации мы продемонстрировали, насколько опасным является получение все большего объема знаний, в первую очередь — технологических, человеком, духовно и нравственно неподготовленным к этому ответственному процессу. Новые «кванты» открываемого знания грозят ему все большими рисками. И — знание для него становятся не благом, а наказанием.

Именно поэтому в данном блоке нашей работы мы поведем речь об этических, моральных границах познания и применения его результатов на практике для сохранения человеческого (или даже — «возвращения к человеческому») в человеке и человеческой цивилизации на планете.

Одним из авторов [Глазьев, 2021а: 98–99] отмечается, что с переходом к Интегральному МХУ на глобальном уровне необходимо поставить ограничения по тематике НИОКР (исходя, прежде всего, из нравственных принципов и ценностей) в целях контроля направлений НТП — в первую очередь такие, как:

- а) абсолютное запрещение действий по выведению болезнетворных вирусов (в том числе используемых для создания биологического оружия);
- б) запрет на создание клонов человека;
- с) разработка и введение международных стандартов вживления в организм приборов, а также международных технических регламентов и процедур сертификации роботов-андроидов;
- д) мониторинг и регулирование разработок в области искусственного интеллекта для нейтрализации потенциальных угроз;
- е) внедрение всемирной сертификации специалистов в сфере компьютерных и биоинженерных технологий.

Это и многое другое стало бы важным шагом на пути к реализации оптимистического сценария развития нового МХУ, обозначенного нами выше, и дальнейшего продвижения к ноономике.

Проблематика постановки границ для безграничного познания анализировалась и находила свое отражение в общественном сознании с давних времен. Мы уже говорили о том, что религия также является специфической формой знания. Если обратиться к христианству, то здесь, например, религия ставит ограничения для людей в виде заповедей, которые следует соблюдать, в том числе, чтобы «продлились дни твои на земле». Ничего не напоминает? Подчеркнем также, что Адам и Ева были изгнаны из райского сада, поскольку вкусили запрет-

ный плод именно с древа познания и, тем самым, нарушили запрет, поставленный Господом как носителем знания — высшего и абсолютного, обошли установленный им предел познания; этот дискурс христианства носит глубочайший и отнюдь не символический смысл. Наконец, упомянем «дело Господне»: «утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем», или в трактовке Л.Н. Толстого — «скрыл от премудрых и открыл детям и неразумным», что не нуждается в дополнительных пояснениях и суждениях.

Процесс познания тесно связан с такими сферами, как образование и наука. Вопросы морали и ответственности здесь были актуальны на протяжении всей истории. В последнее же время они привлекают все большее внимание общества: все чаще используются понятия «нравственное воспитание», «этика науки» (и в целом — «профессиональная этика»), «границы науки» (включая нравственные и моральные), «связь науки и морали» и т.п. [например, см.: *Kurtines, Alvarez, etc.*, 1990; Глотова, Плохинова, 2012; Гусейнов, 2017; Яблонских, 2018]. С недавнего времени в современных российских школах и колледжах введен обязательный для посещения цикл внеурочных занятий «Разговоры о важном»¹.

Само ограничение познания представляется нам также в качестве особого рода знания — понимания его предела и меры как познанной необходимости; подчеркнем — познанной на основании морали, ценностей и культуры при сохранении человеком свободы творчества и реализации. Таким образом, человеку и обществу теперь, при нынешнем развитии НТП и возрастании рисков, как никогда необходимо поставить для своего же блага этические границы познания в целях сохранения человеческой цивилизации и продолжения непрерывного развития познания на Земле.

Эти этические, или моральные, границы по определению связаны с такими понятиями, как «обычай», «нравы», «моральные нормы», «совесть», «страх», «нравственность», «честь», «достоинство», «ценности», «ответственность», «моральные санкции», «свобода», «воля», «долг», «моральное сознание», «справедливость», «моральные поступки», «практическая мудрость» и т.п. В контексте ограничения познания и практического приложения знания мораль выступает в качестве особого рода регулятора общественных и межличностных отношений, опирающегося на духовно-нравственно-ценностные нормы.

¹ См. подробнее: <https://razgovor.edsoo.ru/?ysclid=lam3u7thb7725947290>.

В условиях нарастания кризиса человеческой цивилизации обозначенные понятия претерпели ряд катастрофических искажений (в том числе исходя из принципов «зоо»). Например, свобода нередко ассоциируется со вседозволенностью, ответственность — с бесполезной обузой, совесть — с неумением добиться своего и отсутствием целеустремленности, и т.п. Но самое главное, наиболее сложное из того, что предстоит преодолеть, — это массовость подобного восприятия и трактовок «моральных норм». Безусловно, не у всех поголовно людей, но, тем не менее, интеллигентный, культурный и высокоморальный — как говаривали ранее, приличный! — человек становится в наши дни приличной редкостью. Глядя на «перфомансы» и результаты «зоо»-деятельности акторов современного экономического общества, порой невозможно не воскликнуть, вторя древнему оратору Цицерону: *«O tempora, o mores! О времена, о нравы!...»*

Конечно, в ответ на эти выводы читатель может возразить, что авторы ныне воспринимают этот мир сквозь призму своего немалого жизненного опыта и наверняка разделяют известное мнение «вот раньше было лучше», что одно поколение людей нередко склонно излишне критиковать и даже осуждать другое, и т.п. Однако, о читатель, посмотри вокруг и ответь на вопрос: вполне ли комфортно тебе лично живется в современном обществе?

Известная мудрость гласит: «Нет предела совершенству». Она в полной мере оправдывается, если указанные понятия, определяющие моральное поведение, сознание и отношения, наполняются истинным смыслом и содержанием. Именно тогда, в ходе движения к ноономике и в процессе ее развития будет происходить позитивное возвращение личности и превращение ее в ноочеловека.

«Повесть о настоящем ноочеловеке».

Исследованием образа человека будущего во все времена задавались ученые, писатели, философы, многие специалисты из различных сфер деятельности — как по долгу службы (профессии), так и из чистого любопытства (в исключительно лучшем — полезном для исследования — понимании этого слова). Так, образ будущего человека не раз создавался на страницах утопий и антиутопий: ярким примером здесь может выступить широко известный роман-антиутопия Е.И. Замятина «Мы».

В настоящее время интерес людей к образу будущего человека не угасает. Наоборот, современные технологии позволяют даже конструировать его модели — в основном представляющие собой резуль-

таты попыток воссоздать внешний облик далекого потомка. Сюда добавляются размышления о его новой осанке, изменениях в строении руки и внутренних органов, вероятном облысении кожных покровов, количестве и качестве зубов при заданном составе пищи и т.п.¹

Рассуждая о ноочеловеке, мы бы хотели, главным образом, раскрыть не внешние, а внутренние его качества, что представляется нам в контексте анализируемой тематики гораздо более важным — именно то, что преимущественно интересовало и знаменитого булгаковского героя романа «Мастер и Маргарита».

Мы уже говорили о том, что огромную роль в возникновении и развитии ноочеловека будут играть культурно-нравственное воспитание и опора на нооценности, об изменениях характера его труда, о повышении значения и высвобождении времени на творчество и самореализацию, о формировании ноопотребностей и их структуры, об определяющем месте открываемых и прилагаемых на практике знаний, о характере взаимодействия с ноо-обществом и индивидов в нем — и, наконец, о познанных и необходимых этических ограничениях.

Теперь же речь пойдет о свойствах его рациональности, или — о нооиррациональности.

Под новой рациональностью, нооиррациональностью, понимается рациональность (разумность) «научного обоснования целей и подчиненного ему выбора средств» [Бодрунов, 2018с: 250]. Таким образом, здесь в полной мере проявляются такие функции разума, как целеполагание, осознание, оценка, поиск методов и путей решения вопросов и т.п. Но при этом главное — его ценностная ориентация. Причем новый тип человека — это результат соединения воедино человека знающего и познающего и человека культурного [Бодрунов, 2018с: 250–253].

Для того чтобы наиболее четко выделить характеристики нооиррациональности и ее отличительные черты, обратимся к сравнительному анализу экономической и новой рациональности. На основании его результатов, приведенных в табл. 25, можно сделать важный вывод о том, что истинное человеческое «рацио» гораздо богаче того искаженного варианта, который нам демонстрируется «мейнстримом» экономической теории и моделью *»homo economicus»*, и что у человека именно с установлением приоритета «ноо» полностью в корне из-

¹ См., например: <https://www.kp.ru/daily/26996/4058700/?ysclid=lanittkv6e962859153>.

менится в лучшую сторону отношение как к себе, так и к окружающему миру. А отсюда уже возникнет осознание и понимание того, насколько бессмысленна ориентация политики стран на экономический рост и погоня за его темпами: ведь обществу необходим не столько экономический рост, сколько всестороннее развитие.

Таблица 25

Сравнение двух видов рациональности

Вид рациональности	Экономическая	Ноо
Цели производства	Экономические: увеличение объемов производства и потребления	Социоориентированные: удовлетворение конкретных разумных потребностей
Характер потребления	Ориентация на рост, неограниченность	Самоограничение на основе разумности потребностей и культурно-ценностно-нравственных критериев
Отношение к внешней (окружающей) природе	Неограниченное пользование, увеличение ресурсной нагрузки на природу	Рационализация отношений с природой
Отношение к использованию открываемых знаний	Неограниченный рост и развитие техносферы	Контроль за рациональностью технологического применения знаний
Отношение к собственной внутренней природе	Неограниченное вмешательство исходя из логики наращивания экономической эффективности производства и потребления	Осознанная постановка разумных критериев вмешательства в природу человека

Источник: переработано и дополнено авторами на основе [Бодрунов, 2018с: 259].

Мы подчеркивали ранее важность «внутреннего содержания» ноочеловека, в том числе, чтобы сейчас указать: именно оно определит внешнюю красоту и его облика, и поступков. «А если это так, то что есть красота И почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, Или огонь, мерцающий в сосуде?» (Н. Заболоцкий).

Как уже упоминалось выше, главная цель ноономики и ноопроизводства — это возвращение и воспитание личности. Здесь обращается особое внимание на основу слова «воспитание», отражающую необходимость правильно «питать» человека — и в материальном, и в духовном плане, т.е. так, чтобы удовлетворять его реальные потребности и чтобы он «рос над собой», становясь нооличностью и превращаясь

в достойного члена ноо-общества, способного самосовершенствоваться далее и развивать ноосоциум. Кроме того, воспитание предполагает необходимость делиться с потомками знаниями и опытом предков — отсюда вновь указание на определяющую роль связи поколений для становления ноо-общества.

Причем для современного общества — от его нынешнего состояния до реализации этапа НИО.2 — следует говорить о необходимости «ПЕРЕориентировки» и «ПЕРЕвоспитания», а именно: о важности такого воздействия на человека и общество, которое способно вывести их из нынешнего кризисного тупикового пути на траекторию позитивного эволюционного развития посредством изменения характера и содержания материальной и духовной «пищи» с возрастающей компонентой «ноо».

О том, в чем суть подобного «перевоспитания», чем характеризуется ноопереход и как наиболее эффективно его осуществить — в следующем разделе.

4.5 Ноопереход: переоценка масштаба и границ возможностей

Прежде всего, введем ключевые определения данного раздела.

Понятие «ноопереход» неразрывно связано с движением человечества от «зоо» к «ноо» на протяжении всей своей эволюции. Здесь можно говорить о том, что вся мировая история развития человека и общества отражает ОБЪЕКТИВНЫЙ процесс их непрерывного (хотя и отличающегося во времени по темпам) шествия к «ноо», или «ноодвижения», осуществляемого в ходе открытия и применения на практике знания (во всевозможных формах и проявлениях, обозначенных нами выше) преимущественно для удовлетворения их различных потребностей. В данном контексте с помощью термина «ноопереход» нами обозначается интервал в ходе ноодвижения, предвещающий развитие позитивного сценария Интегрального МХУ, а также процесс выстраивания пути и само следование по этой заданной траектории от современной экономики и нынешнего состояния экономического общества через НИО.2 непосредственно к ноономике и ноо-обществу [см. Бодрунов, 2020f].

Таким образом, оценивая масштабы ноодвижения и нооперехода, в первую очередь следует понимать и осознавать их всемирность и все-

объемлемость. Ноономика и ноо-общество не могут быть «построены» в рамках одной страны (или сообщества) и распространены в дальнейшем за ее пределы; в то же время, однако, возможен вклад каждого государства (и каждой личности!) и их взаимная помощь друг другу (помним — солидаризм!) в ускорении совместного движения к ноо-стапу. Отсюда — переоценка эффектов и масштаба влияния ключевых исторических событий на развитие мировой истории и человеческой цивилизации.

Сроки осуществления нооперехода определить «в граммах» невозможно, поскольку его скорость зависит от множества факторов; с этим уже сейчас складывается ситуация, схожая с описанием в сказке Льюиса Кэрролла об Алисе в Зазеркалье: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать, по меньшей мере, вдвое быстрее!»

Основные характеристики ноодвижения и нооперехода фактически уже были раскрыты нами в предыдущих главах и разделах настоящей монографии (например, особое внимание уделено знаковым свойствам ТУ и МХУ, а также «квадриге ноономики», и неспроста — это позволяет нам в данном разделе и далее опираться на них без дополнительных комментариев). Здесь же целесообразно подчеркнуть главные моменты этих важнейших процессов, связанные с их границами, возможностями осуществления и переоценкой базовых экономических категорий.

Так, рассуждая о возможностях тех или иных действий и процессов в экономике, прежде всего, традиционно принято анализировать РЕСУРСНО-МАТЕРИАЛЬНЫЕ возможности тех или иных субъектов, системы и т.п. Отсюда — основное определение «экономикс» как, напомним, «общественной науки, исследующей проблемы эффективного использования ОГРАНИЧЕННЫХ РЕСУРСОВ с целью максимального удовлетворения МАТЕРИАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ человека» [Макконнелл, Брю, 2003: 3 с авторским выделением ряда важных словосочетаний]. Отсюда же — необходимость детальной классификации и изучения всевозможных видов издержек производства, приводимых во всех стандартных учебниках по экономикс, и т.п. Отсюда же — и возникновение фундаментального (диалектического) противоречия между нарастанием одной потребности — потребности общества в товарах/услугах (в особенности по мере роста численности населения Земли, но — не только, а уже, как мы показывали выше, и не столько: все БОльшую роль в этом играет нарастание/возгонка симулятизации по-

требностей в условиях нынешней экономической парадигмы развития, достигшей стадии финансиализации экономики), реализуемых в конечном счете всегда за счет природы и ее ресурсов, с одной стороны, и ростом другой потребности — потребности социума в сохранении природной среды («ареала (а, пожалуй, и «ореола») обитания» человека) — с другой.

Что касается наших теоретических наработок, результаты которых были изложены выше, то мы концентрируемся на анализе не ограниченных, а, наоборот, НЕИСЧЕРПАЕМЫХ и ПОСТОЯННО ПРИРАСТАЮЩИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ресурсов — знания и достижений НТП (воплощенного знания). Благодаря «кресту Бодрунова» демонстрируется динамика использования исчерпаемых и неисчерпаемых ресурсов и, что более важно, тенденция снижения ресурсоемкости (материало-, фондо-, энерго-, и т.п.) любого продукта в ходе НТП (что не относится к новому продукту, но каждый новый с течением времени выпуска становится обычным), кроме емкостной доли единственного и наиглавнейшего ресурса — ЗНАНИЯ, доля которого в продукте растет, что за счет его (знания!) природы это не увеличивает обобщенные, «усредненные» и иные затраты на производство, а, наоборот, — синергетически более прогрессивно их снижает [подробнее см.: Бодрунов, 2018с: 72]. Это выражается в количестве, качестве и (или) индивидуализации продуцирования. Таким образом, обозначенное выше фундаментальное (диалектическое) противоречие может быть разрешимо исключительно в ноопарадигме развития на основе расширения использования главного (в этом периоде) ресурса с уникальными характеристиками — ЗНАНИЯ. Отсюда и переоценка возможностей и границ — как производства и удовлетворения потребностей человека и общества, так и значения нооперехода как очередного и ключевого этапа ноодвижения.

Приведем конкретный пример из сферы моды и одежды, который поможет нам не только наглядно продемонстрировать свои выводы и углубить понимание читателем сути анализируемых процессов, но и привлечь еще больше внимания к настоящему труду представительниц прекрасного пола (авторы придерживаются традиционных гендерных представлений) — ведь в конечном итоге на что только не идет мужчина (подчас рискуя не только состоянием кошелька и рассудка, но и собственной жизнью), чтобы заинтересовать женщину, угодить ей, украсить ее жизнь и облегчить ее труд. Как шутят некоторые исследователи науки — любовь к женщине придает особый импульс

открытию новых знаний (авторы полагают, что в этой шутке есть немалая доля истины!..).

Вероятно, первая шкура, в которую облачилась древняя женщина, стоила мужчинам племени немалых трудов и рисков. Однако мы обратимся к истории не меховых изделий, а одного из интереснейших (исключительно с точки зрения динамики его развития!) и давнишних предметов гардероба, отражающего не только эволюцию в открытии и накоплении знаний, производства и потребностей общества, но и важнейшие социальные изменения и развитие культурно-нравственных и моральных норм, а именно корсета [далее приведено на основании анализа следующего источника¹: Стил (Душенко), 2011].

Принято считать, что корсет как предмет одежды и придания человеческого телу привлекательной формы появился в первой половине XVI в. — тогда, когда при его создании стали использовать жесткие материалы (например, пластины из китового уса), хотя те или иные его прототипы известны с гораздо более отдаленных от нас времен: так, нечто подобное демонстрируют настенные росписи Крита (III тысячелетие до н.э.) и древнеримские дамские «ухищрения». К слову сказать, корсет — не исключительно дамский предмет; известны не только женские, но и мужские корсеты, использовавшиеся не всегда по медицинским показаниям, а также популярные в XVII в. детские корсеты для девочек и мальчиков. Эксперты отмечают, что лишь в XVIII в. корсет смог постепенно войти в гардероб простолюдинок, которые преимущественно в силу дороговизны этого товара либо доставали б/у варианты, либо изготавливали его самостоятельно, заменяя недоступные по цене жесткие материалы (такие как китовый ус), например, изделиями из дерева. Тем не менее долгое время корсет считался привилегией знати, служил отражением ее престижа, а также высокой нравственности и моральной устойчивости, ибо держал плоть «в узде». Однако примерно со второй половины XVIII в. отмечается всплеск «антикорсетной пропаганды», связанный со многими факторами (например, переоценкой идеалов естественной красоты, удобства и полезности этого предмета, далее — с повышением прав и роли женщин в обществе и т.п.). XIX в. ознаменовался бесповоротным и окончательным «переселением» женского корсета под платье, трансформируясь

¹ См. также: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/470673-zatanut-potuze-kak-korset-ugnetal-i-raskreposal-zensin?ysclid=latby43jqg511826855>.

в разновидность нижнего белья, которое представительница прекрасного пола благодаря вхождению во всеобщий обиход стальной застежки и ее новому расположению могла снимать и одевать без сторонней помощи. Постепенно в Англии и Америке стали преобладать корсеты поточного производства, включая использование и простых тканей, и различных стилей, и ориентацию на разные размеры тела. В 1920-е гг. XX в. корсет в своем традиционном образе постепенно исчезает, однако не совсем — женщины продолжают использовать его облегченные варианты, грацию, различные пояса и т.п. Кроме того, согласно мнению экспертов, не стоит забывать о таких «скрытых» формах корсета, как диета, ЗОЖ и популярность физкультуры, «фабрика тела» и «скульптура тела» (например, в форме пластических операций) — все этот же корсет, который, не желая «кануть в Лету», фактически «прирос к телу». Изменилась также и его моральная оценка — с превращением в элемент нижнего белья, он (за исключением медицинских вариантов) трансформировался для человеческого тела из «узды» в средство раскрепощения и даже в некотором роде «стимулятор» желаний. Тем не менее подчеркивается, что носить корсет или нет — в современных условиях связано с осознанным и индивидуальным выбором каждого человека.

Приведенный пример наглядно демонстрирует ряд важнейших процессов.

Во-первых, это эволюция в открытии и применении знаний и НТП, позволившая не только снижать, двигаясь по шкале времени, материальные затраты производства и, соответственно, удешевлять среднюю цену корсета, но и превратить его из неудобного и нередко вредящего здоровью предмета гардероба, в комфортное и доставляющее приятные эмоции и полезность (включая медицинскую) его обладателям благо.

Во-вторых, это развитие культуры и ценностей, представлений о моральных нормах, социальных ролях и правах женщин и т.п. В данном контексте особую значимость приобрела категория «свободы».

И наконец, меняется и восприятие человеком себя и своего внутреннего мира, что также находит свое отражение в стиле и предметах одежды.

Выше упоминалось о необходимости «перевоспитания» современного общества. Если обратиться к сути этого процесса, то его следует трактовать как важную и неотъемлемую составную часть нооперехода. Самое главное: перевоспитание начинается именно с осознания — не только его субъектами, но и объектами — того, что «все не так, как

надо» (В. Высоцкий), с осознания угроз и рисков неверно выбранного пути, а также необходимости поиска решений и выходов на новую траекторию развития, сопряженного с повышением уровня знаний и культуры, с опорой на накопленный из поколения в поколение опыт.

В связи с этим интересны современный подход и практика развития экономики и общества Китая, отраженные в итогах прошедшего в октябре 2022 г. XX съезда КПК. На наш взгляд, на сегодняшний день КНР — выделенная нами в качестве ярчайшего представителя «ядра» нового Интегрального МХУ и Большого мирового «течения» — демонстрирует миру то, как можно наиболее эффективно осуществить ноопереход.

Выделим ряд ключевых моментов, на основании которых нами был сделан подобный вывод¹:

I. Глубокое и всестороннее осмысление происходящего в стране и мире. Прежде всего, основной акцент, характеризующий «дух» съезда и пронизывающий все результаты его деятельности, был сделан именно на глубоком ОСОЗНАНИИ смыслов, процессов, истории, миссии страны, концептуальных основ планов, возможностей, рисков и т.п. В этом заключается заложение основы для нооперехода.

II. Характеристика субъекта, способного и осуществляющего развитие общества и вносящего вклад в ноопереход. Здесь речь идет, конечно, о КПК, ее руководстве, ее лидере, осуществляющих управление государством. Среди его основных черт следует особо выделить следующие:

1. наличие сильного руководящего «ядра», производящего целеполагание, и ключевой задачи — построения «социализма с китайской спецификой»;
2. создание планов и выполнение данных народу обещаний;

¹ Далее сформулировано на основе опубликованных статей и материалов научной конференции, посвященной XX съезду КПК «Новая эпоха Новый поход» 18.11.2022 (Посольство Китая в России), Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ Чжан Ханьхуэя, см.: <https://expert.ru/expert/2022/46/predisloviye-posla-chzhan-khankhueya-k-spetsialnomu-dokladu-zhurnala-ekspert-posvyaschenomu-xx-vsekitayskomu-syezdu-kommunisticheskoy-partii-kitaya/?ysclid=laupaxjjio944110922>; <https://rg.ru/2022/11/14/statia-posla-knr-v-rf-chzhan-hanhueia-opublikovana-v-rossijskoj-gazete.html?ysclid=laup5vhr14426321142>, а также с учетом выступления Временного поверенного в делах КНР в России Сунь Вэйдуна на конференции «Российско-Китайские отношения в контексте современных вызовов социально-экономического развития» («Дом экономиста», 26.10.2022) / В ст.: Россия и Китай: курс на сближение // Вольная экономика. URL: <http://freeconomy.ru/bez-rubriki/rossiya-i-kitaj-kurs-na-sblizhenie.html?ysclid=lcu30pvp34457979483>.

3. переход от «новой эпохи» к «новому походу»;
4. соблюдение принципа преемственности в управлении;
5. самосовершенствование партии (или «самореволюция», «самореволюционизация» КПК);
6. наличие основной концептуальной идеи управления, определяющей его методы, планы, программы и т.п., которую можно выразить фразой: «Народ — превыше всего»;
7. социальный характер миссии КПК — борьба за счастье китайского народа и реализация «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации»;
8. курс на социализацию, выраженную, например, в задачах сплочения народа, дальнейшей борьбы с бедностью (результаты которой в части преодоления абсолютной бедности уже сейчас впечатляющи), воспитания общества (в культурном, дисциплинарном и т.п. планах — ранее, например, также с помощью системы социального кредита или своеобразной модели социального рейтинга);
9. ориентация на всестороннее внутреннее развитие при сохранении курса на открытость экономики;
10. опора на базовые идеи марксизма и его дальнейшее развитие, поскольку «хорошая теория на практике дает плодотворные всходы»;
11. осознание особого исторического места съездов КПК для мира, в особенности современной мировой обстановки.

III. Характеристика долгосрочного плана развития страны:

1. выделение этапов с подразделением по выделенным целям и задачам: 2020–2035 гг. — проведение социалистической модернизации, 2035 г. — середина XXI в. — превращение КНР в «богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную модернизированную социалистическую державу»;

2. отличительные черты китайской модернизации: охват огромного по численности населения; стремление к обществу «всеобщей зажиточности»; ориентация на развитие не только материальной, но и духовной культуры, и сонаправленное повышение их уровня; курс на «гармоничное сосуществование человека и природы»; мирный характер и путь проведения, в отличие от западной стратегии гегемонизма и принципа естественного отбора, когда выживает сильнейший.

IV. Особенности внешней политики и развитие российско-китайских отношений. Здесь следует отметить продолжение построения «сообщества единой судьбы человечества» и продвижения инициативы «Один

Пояс — Один Путь», ориентацию на партнерские отношения и особое место России в числе стратегически значимых союзников (в том числе учитывая общность политических интересов, взаимодополняемость экономик стран и т.д.), с которыми необходимо раскрывать потенциал сотрудничества и создавать новую «архитектонику» развития мира.

Таким образом, с учетом вышесказанного в совокупности по Китаю в данной монографии можно утверждать, что КНР уже начала активно и бодро «запрягать» означенную «квадригу ноономики» и готовить почву для ее триумфального «движения к светлому будущему».

Что же остается делать в данном случае России и другим странам, стремящимся встроиться в логику позитивного развития нового Интегрального МХУ?

Ответ на этот вопрос можно сформулировать следующим образом: однозначно брать на вооружение опыт Китая (тем более что КНР активно транслирует в мир информацию о нем и готова делиться своими знаниями и практическими наработками в осознании общности задач цивилизационного развития для всех, полностью совпадая в этой части с базовыми положениями теории ноономики), но и — что не менее важно — выстраивать собственный путь развития с учетом своей внутренней специфики и «мечты» своего народа. Использовать чей-либо опыт — это вполне разумный и полезный подход, здесь нет ничего зазорного или унижающего достоинство. Мы уже показывали, какую важную роль в ходе НТП играет опыт предыдущих поколений, однако, кроме того, нередко целесообразно учиться и у современников. Например, существует немецкая пословица, заключающая в себе мудрую мысль: «Ошибки других — хорошие учителя», или «Мудрые на чужих ошибках учатся». К тому же призывает, если угодно, и опыт из профессорской жизни авторов. Так, большинство студентов, столкнувшись со сложной задачей, поставленной профессором, пытается сначала где-либо найти ее решение, прежде чем «ломать» собственную голову. И это вполне рационально и полезно — благодаря таким поискам студенты больше читают и узнают много нового. В данном контексте особую значимость приобретают и жизненный совет от Конфуция о «возможности учиться у каждого», и широко известный в советские времена лозунг: «Учиться, учиться и еще раз учиться!».

В этом смысле важно, что и китайские коллеги-ученые активно изучают новые идеи, детально знакомятся с новыми концепциями развития общества; теория ноономики и идеи формирования Интег-

рального МХУ — в числе таких работ; базовые идеи настоящей монографии еще до ее выхода в свет неоднократно в плотном диалоге обсуждались авторами с коллегами из ведущих китайских научных центров. Более того, интерес к ноономике, формированию НИО.2, Интегрального МХУ, ноо-общественного устройства и эффективному осуществлению нооперехода активно растет во многих странах, о чем свидетельствует востребованность соответствующих авторских трудов и работ коллег по анализируемой тематике, переведенных и изданных на различных иностранных языках [например, см.: Glazyev, Ajvazov и другие, 2018; Bodrunov, 2019; Bodrunov, 2020; Bodrunov, 2021; Бадруноу, 2021; Bodrunov, 2022a-d; Bodrunov (eds), 2022; Kvint, Bodrunov, 2022; Glazev, Arkhipova, 2022 и многое другое], а также возрастающая частота участия авторов данной монографии и их коллег, последователей и учеников в десятках международных конференций¹ по данной тематике только в последние пять лет. Собственно, идея написания этой книги — это еще одна авторская попытка упростить продвижение авторских идей в российской и международной научной среде.

Подчеркнем, что осуществление качественного и эффективного нооперехода представляется нам невозможным без таких важнейших элементов управления, как планирование, и особенно стратегирование. И если с планированием, полагаем, читатель хорошо знаком — в различных вариантах (директивном, индикативном и других) оно исследовано довольно широко, то стратегирование как инструмент более высокого порядка в научной литературе представлено с весьма недавних пор. С данным термином один из авторов познакомился и включил его в свой постоянный «научный обиход» благодаря сотрудничеству с иностранным членом РАН В.Л. Квинтом, а взаимодополняемость взглядов, идей, концепций, теорий и практики в итоге привели к публикации широко востребованной совместной работы на русском и английском языках [Квент, Бодрунов, 2021; *Kvint, Bodrunov, 2022*] — книги, которую в течение 40 дней с даты своего первого тиража за рубежом (была издана одновременно в США, Канаде и Великобритании) закупили около 80 университетов мира и многие ведущие библиотеки, включая Библиотеку Конгресса США и Британскую библиотеку. Понятен

¹ См. соответствующую информацию по авторам настоящей монографии в Интеллектуальной системе тематического исследования наукометрических данных (ИСТИНА): <https://istina.msu.ru/profile/Sergey2019/?ysclid=law73xjpmz545148077>; <https://istina.msu.ru/profile/GlazyevSY/?ysclid=lb39tx8py071582217>.

проявленный интерес к предложенному подходу — в контексте нооперехода, если под стратегией его реализации понимается некий общий долгосрочный «план» и то, что можно было бы называть «путеводителем», то стратегирование одновременно выступает в качестве и теоретической базы, и практического инструмента и механизма формирования, постоянного обновления и последовательной реализации подобного плана. Стратегирование и планирование в настоящее время достигли довольно высокого уровня в таких значимых для развития нового МХУ странах, как Китай и Индия, но авторы уверены, что их переосмысление с учетом идеи нооперехода способно вывести мировую теорию и практику стратегического планирования на совершенно новый по качеству уровень развития.

Более того, современная экономика, на основе которой постепенно и путем длительных трансформационных процессов «зародится» ноономика, также не должна пребывать в хаосе. Таким образом, не только сам ноопереход, но и вся доноономическая стадия или стадия экономического развития, по нашему глубокому убеждению, должна быть подчинена качественному управлению. И соответствующая теоретическая платформа под этот процесс уже формируется — за основу рекомендуется взять уже готовые наработки одного из авторов в сфере управления развитием экономики на макроуровне, в том числе с определенными «рецептами» и рекомендациями для России [Глазьев, 2019].

Далее мы сосредоточим внимание на оценке проблем и перспектив России (в особенности отечественной экономики, поскольку, как было отмечено выше, ноономика «прорастает» именно из экономики, что требует соответствующего уровня развития последней) как страны с открытыми возможностями и всей полнотой исчерпаемых и неисчерпаемых ресурсов для вхождения в «ядро» новых технологического и мирохозяйственного укладов, а также на комплексе объединенных авторских предложений и рекомендаций по ускорению нооперехода для российского общества.

Глава 5 «РОССИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»

Политически «подкованный» читатель, видимо, обратил внимание на то, что название данной главы перекликается с названием известной статьи нынешнего Президента Российской Федерации [Путин, 2012], который, давно прочувствовав важность наступающих в мире перемен, еще в начале 2010-х гг. ровно той же фразой обозначил и название своего выступления на совещании в МИД России. И кавычки, обрамляющие название нашей главы, — это не обозначение смысловой инверсии, а именно отсыл к этой президентской фразе.

Такая «перекличка названий» возникла неспроста.

О том, что мир меняется, авторы писали уже не раз, и в этой книге нет необходимости подтверждать этот тезис. В приведенных выше четырех главах настоящей монографии мы отразили закономерности мирового общественного развития и формирования основ ноономики, тем самым пояснив и обосновав логику предстоящих перемен. Здесь же, в заключительной главе, мы сосредоточим внимание на российской действительности и попытаемся на этой основе дать свои ответы на, пожалуй, главные (можно даже сказать — исторические, актуальные на все времена) для нашей страны и народа вопросы: «Что делать?» и «Как жить лучше?»

Где и каким будет место России в этом новом мире?

5.1 Загадки отечественной экономики и возможности для прорыва в будущее

В этой нашей книге мы не ставим целью дать всеобъемлющий анализ ситуации в современной российской экономике — по этому поводу написаны и наговорены многие и многие тома монографий, статей, докладов как авторитетнейших ученых России [см. хотя бы: Аганбегян, 2022; Анфиногентова, 2015; Анфиногентова, Яковенко, 2011; Бахтизин, 2007; Бахтизин, Ильин, Качан, 2022; Головнин, 2019; Горшков, Петухов (ред.), 2018; Гринберг, 2016; Дементьев, 2019; Елисеева, Платонов, 2014; Ермакова, 2012; Квинт, 2018–2022; Клейнер, 2020а; Клепач, 2022; Колганов, Бузгалин, 2014; Крюков, 2022; Кулешов, Алексеев,

Ягольницер, 2018; Кулешов, Селиверстов, 2005; Лексин, Порфирьев, 2016; Маевский, 2022–2023; Макаров, Бахтизин, Ильин, 2020; Макаров, Агеев, Бахтизин и др., 2021; Минакир, 2015; Некипелов, 2001; Окрепилов, 2017–2022; Порфирьев 2019; Цветков, Зоидов и др., 2018; Широ, 2019], так и многих специалистов-практиков. Мы попытаемся дать свое видение оценки ее состояния с другого «разворота»; возможно, наш подход позволит взглянуть на эту ситуацию по-иному и сделать несколько непривычные для нынешних критиков выводы.

Говоря о России, в каком бы аспекте анализа она ни рассматривалась, невозможно не подчеркнуть ее уникальность. Мы также не обойдем эту тему стороной — не только и не столько из патриотических чувств к своей Родине (что есть — то есть, и думается, это — естественно для каждого нормального человека!) но, скорее — объективности ради проводимого научного исследования. В свое время У. Черчилль определил Россию как «загадку, которая укрыта в тайну, спрятанную в непостижимость». Мы, однако, возражаем против известной литературной гиперболы Федора Тютчева о том, что «умом Россию не понять». В данной монографии мы постараемся приподнять завесу, скрывающую эту «тайну», и подобрать ключи к означенной Черчиллем головоломке. Используя пролегоменологическую базу предыдущих глав, «понять Россию», инварианты ее развития и перспективы будущего.

Итак, декомпозируем «тайну».

Загадка № 1: «Россия — это богатая страна бедных людей» (Б. Акунин).

Практически любой современный учебник по географии содержит информацию о следующих уникальных отличительных чертах России:

1. об «особости» ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ и ОБШИРНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ (напомним, свыше 17 млн км², это — самое большое по территории государство мира); более того, еще при Иване Грозном, когда начали создавать первый «большой чертеж» (географическую карту) страны при значительном расширении ее территории, была отмечена ее пространственная широта, а также тяжесть и опасность работы землемеров; отсюда, от ее «пространств и ширей» — немалые логистические возможности (начиная с древних торговых путей), и т.п.;

2. о разнообразии рельефов — это страна «великих равнин», величественных гор, знаменитых вулканов и т.п., что определяет еще одну «особость» страны — как части мира, владеющей запасами ПРАКТИЧЕСКИ ВСЕХ ВИДОВ ИСПОЛЗУЕМЫХ НЫНЕ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ, причем в большинстве своем — в весьма значимых количествах;

3. о множественности климатических поясов и особенностях КЛИМАТА («обмороженных больше, чем ошпаренных»), согласно его «краткому описанию»); отсюда — ее немалые агроресурсные возможности;

4. о богатстве внутренних вод и ВОДНЫХ РЕСУРСОВ (свыше 2 млн рек, крупные озера, болота, запасы подземных вод, ледники, обширные районы с многолетней мерзлотой), подходах к морям трех океанов; отсюда — отличные возможности выхода в Мировой океан и использования его ресурсов;

5. о целой мозаике ПРИРОДНЫХ ЗОН и ландшафтов (сюда входят полярные и ледяные пустыни, тундра, леса и лесостепи, степи, пустыни и полупустыни, субтропики) и, соответственно, богатейшем животном и растительном мире; отсюда — огромные ресурсы добычного сырья — во все времена: от пушнины до деловой древесины;

6. о МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТИ и МНОГОЯЗЫЧНОСТИ: так, лингвисты насчитывают свыше 150 языков и диалектов, используемых населением России, и по которым выделяются целые языковые семьи;

7. о богатстве КУЛЬТУРНОГО МИРА и ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ, связанном с богатейшим этническим разнообразием, многовековой историей, «впитыванием» европейской и азиатской мудрости, великой научной и культурной традицией.

Даже этого скромного перечисления далеко не всех «особостей» России (без стандартных и громоздких статистических выкладок, которые читатель может без труда получить в ежегодных материалах и справочниках Росстата, изданиях профильных институтов РАН, экономических и бизнес-ассоциаций, ВЭО России, РСПП и других источников), приведенного в качестве краткой «памятки» по географии России, достаточно для формулирования важнейшего вывода: наша страна обладает всей (и, весьма вероятно, недостижимой для всех остальных стран (и экономик!) мира) полнотой и материальных ресурсов (минеральных, топливных, земельных, водных, лесных, Мирового океана (морских, донных минеральных, энергетических, биологических), климатических, космических, рекреационных и т.д.), и ресурсов интеллектуальных — для того, чтобы обеспечить благополучное существование и развитие ее населения, а также осуществить означенный в предыдущих главах технологический «рывок» и ноопереход. Таким образом, следует подчеркнуть, что действительно: «Дана нам красота невиданная. И богатство неслыханное. Это — Россия» (В. Розанов).

Подобное описание «райского изобилия» страны дает основание полагать, что отечественная экономика должна — и не только даже

обязана, а просто «обречена на успех» — работать устойчиво и эффективно.

Однако что же происходит в действительности?

А в действительности ничего подобного нет. К нашей экономике многие десятилетия «приклеиваются» различные непотребные штампы: то «догоняющей», то «переходной», то «сырьевой», то пораженной «голландской болезнью» или страдающей от «ресурсного проклятия» (кстати, по поводу последнего довольно емко выразился в одном из интервью академик А.Д. Некипелов, приведя образный пример в «параллель» между топливно-сырьевыми ресурсами и курицей, несущей золотые яйца, — необходимо грамотно подходить к поиску источника проблем, сокрытого в неразумном использовании богатства и «даров» страны¹), и т.п. Российская экономика в последние десятилетия фактически живет, что называется, «от кризиса до кризиса», лавируя по большому счету между — признаем это! — негативным и крайне негативным сценариями развития. И тут доказывать ничего особенно не нужно — в подтверждение этого тезиса достаточно вспомнить кризисы 1990-х гг., глубокие последствия глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. (тем не менее пройденные нами сравнительно не слишком болезненно), начавшуюся «на пустом месте» еще до событий 2014–2022 гг. рукотворную многолетнюю стагнацию (об угрозе которой, заметим, один из авторов данной монографии предупреждал в докладе, представленном им на заседании Научно-экспертного совета при Председателе СФ РФ еще в марте 2013 г.! [см.: Бодрунов, 2013с; Бодрунов, Гринберг, Сорокин, 2013], настаивая на необходимости перехода к активной промышленной политике и реиндустриализации экономики страны на технологической основе грядущего технологического уклада [см.: Бодрунов, 2013b-с; Бодрунов, 2015b]), ознаменовавшуюся одним из худших по показателям 2019 годом, наконец, глубокий структурный кризис, обозначившийся со II квартала 2020 г. [подробнее см.: Аганбегян, 2021]. Другой автор сделал сотни докладов Президенту страны, обеим Палатам Федерального собрания, Научному совету Совета Безопасности, секциям РАН, различным ассоциациям товаропроизводителей и предпринимателей, комитетам евразийской экономической комиссии о причинах рукот-

¹ См. подробнее: https://inecon.org/docs/Nekipelov_20140117.pdf?ysclid=lbahhgм0m2359221583.

ворной стагнации, коренящихся в ошибочной, ориентированной на интересы спекулятивного и международного капитала макроэкономической политике, и обосновывая концепцию перехода к политике опережающего развития экономики на основе форсированного роста нового технологического и внедрения институтов нового мирохозяйственного уклада [Глазьев, 2010, 2018].

Приведем динамику всего нескольких показателей, которые, на наш взгляд, являются наиболее «говорящими». Одного беглого взгляда на рис. 18 достаточно для того, чтобы понять и оценить масштабы проблем российской экономики и населения за последние годы, которые даже не нуждаются в специальных авторских комментариях.

Отметим лишь, что состояние отечественной экономики в настоящее время можно определить как ущербное — конечно, в сравнении с реальными возможностями, имеющимися для ее развития. При том, что делаются порой внятные попытки улучшить те или иные позиции,

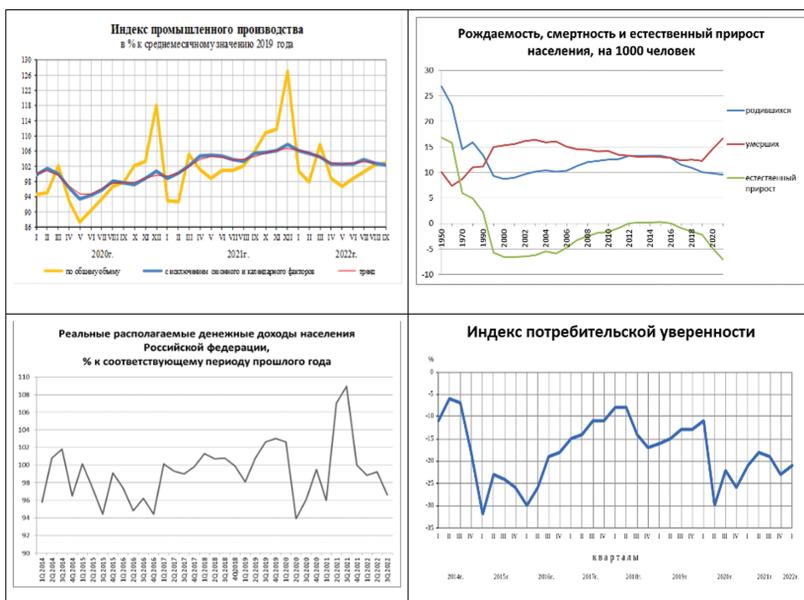

Рис. 18. Выборочные показатели современного социально-экономического развития России

Источники: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/50_23-03-2022.html; https://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/issWWW.exe/Stg/d01/1782022.htm

которые не приводят к системному успеху в силу их бессистемности, невстроенности в научно обоснованную стратегию развития отечественной экономики, чьим приоритетом стал бы учет истинных национальных интересов и наших преимуществ.

Отмечая подобные факты и сопоставляя их с перечисленными выше богатствами страны, невольно вспоминаешь строки В.С. Высоцкого: «Какие странные дела у нас в России лепятся!»...

Почему же происходит так, что отечественная экономика оказывается низвергнутой в ранг «вечно догоняющей» и фактически функционирующей во вред населению России, а народ — в положении по ошибке подмененного «нищего принца», как в историческом романе М. Твена?

Справедливости ради отметим, что подобная «диспозиция» нашей экономики, с теми или иными вариантами, наблюдается не первый век. Почему продолжается эта недобрая «традиция»?

Ответы на эти вопросы пытались дать мыслители на протяжении целого ряда исторических эпох, указывая тысячи различных причин: от общефилософских типа «дураков и дорог», особой «лени» русского человека — «опасного врага, не будь которого он был бы исполином» (по Н.В. Гоголю), пьянства, воровства как характеристики, чтобы «одним словом выразить, что делается в России» (по Н.М. Карамзину), до конкретно-ситуационных — таких как последствия реформ «шоковой терапии» 1990-х гг., «захирение» драйверов роста (в частности, инвестиций в основной и человеческий капитал), «бегство» различных видов капитала за границу, прогресс старения основных фондов, вечно неблагоприятный инвестиционный и бизнес-климат, постоянно наличествующие по неизвестным причинам недостатки имеющейся системы налогообложения, отсталость/недоразвитость финансовой системы, демографический кризис, низкие реальные располагаемые доходы, потребление домашних хозяйств и розничный товарооборот на душу населения, отсутствие у проводящих экономическую политику органов позитивной активности и должной инициативности... И, ясное дело — так называемые внешние факторы (пандемия *COVID-19*, конъюнктурные проблемы на рынках углеводородов — не та динамика цен и объемов реализации нефти и газа, и т.д., и т.п.), включая небезызвестное «тлетворное влияние Запада», и многое прочее [подробнее см.: Аганбегян, 2021; Полтерович, 2006].

Действительно, все это в том или ином виде было и (или) имеет место быть, однако в данном случае нас интересует первопричина обозначенной проблемы, или — причина указанных причин.

Возможно, нам возразят по поводу представленной ниже нашей констатации. Но — всё же, всё же...

Представляется, что таковая первопричина скрывается именно в несметном богатстве России, ее возможностях, а точнее — в провоцируемой ими безудержной погоне (как актерами внутри страны, так и «жаждущими» за ее пределами) за обладанием ограниченными и исчерпаемыми ресурсами, отсутствующими у других или ограниченными «особостями», которыми обладает Россия. Как известно, эти наши несметные богатства с давних времен кружили людские головы, а Россия во все исторические времена (какое бы название ни носило наше государство), подобно Шамаханской царице из сказки А.С. Пушкина о золотом петушке, всегда была объектом сильного вожделения и «лакомым куском», на который «облизывались» и «точили зубы» многочисленные и разномастные завоеватели. Им нужны были именно исчерпаемые ресурсы, т.е. то, что у них либо заканчивалось, либо никогда не водилось. Наверное, не нам одним запомнилась сентенция бывшего госсекретаря США Мадлен Олбрайт о том, что России «несправедливо» достались ее богатства — в прозрачно читаемом контексте: надо бы ими поделиться — или... их поделить?..

Именно поэтому, во-первых, наша страна практически никогда не знала хоть сколь-нибудь значимого периода того самого «покоя, внутреннего и внешнего», об отсутствии которого так сокрушался П.А. Столыпин и при наличии которого «вы не узнаете нынешней России». А нет «покоя», стабильности — нет устойчивой экономики и долгосрочного экономического роста: всякий период нестабильности понижает его базу, и очередной период восстановления после флюктуации всякий раз начинается с «упавшей» базы.

Во-вторых, по нашему глубокому убеждению, по этой же причине практически все западные рейтинги, оценки и рекомендации применительно к России составлялись и составляются преимущественно так, чтобы она НИКОГДА не смогла занять лидирующих позиций при сопоставлении с «передовыми развитыми» странами (более того, довольно хитроумен и замысел трактовать природные богатства государства — кстати, не только российского — как «ресурсное проклятие», от которого, подобно лукавой цыганке на базаре, за скромную плату Запад (да

и примкнувший к нему ареопаг «друзей-союзников» из других регионов мира) готов «по доброте душевной и исключительно из сочувствия» избавить любого (а затем, при первой же возможности, и эту скромную плату отобрать, как это произошло в 2022 г. с российским госдолгом и активами многих российских корпораций)). Выше мы уже приводили подобные рейтинги из области образования, технологий и «экономики знаний» — как зарубежные, так и отечественные, конструируемые по той же логике якобы для удобства международного сравнения. Здесь еще целесообразно напомнить о мировых рейтингах университетов, критерии которых пригодны в основном только для американских и европейских вузов. Нетрудно заметить, что основные показатели экономического развития, принятые западными государствами и рожденными ими международными экономическими институтами, также призваны подчеркнуть их значимость, оставив далеко позади так называемые страны с развивающимися и формирующимися рынками. Это характерно для их оценок не только в отношении российской экономики, но и в отношении китайской: например, чуть только ВВП КНР стал приближаться к аналогичному показателю США, как тут же поднялся шквал западной критики и стали приводиться доказательства несостоятельности этого индикатора уровня экономического развития, который десятилетиями (несмотря на реальное и давно известное несовершенство этого показателя) использовался там в расчетах и считался полезным.

На подобные особенности западного подхода, его воздействия и непригодности для России обратили внимание еще классики отечественной литературы. Продолжим хотя бы Ф.И. Тютчева, заметившего не только то, что «Умом Россию не понять», но и то, что ее, вообще-то, «Аршином общим не измерить: У ней особенная статья...». В контексте нашего исследования под этим «общим аршином» как раз и рассматриваются те «лекала», «штампы» и «рецепты» типа «Вашингтонского консенсуса», которые нередко «прикладываются» к отечественной экономике (и не только) с одной лишь целью — показать «несоответствие» нашей экономики их критериям отбора в «развитые», раздуть из мухи слона и доказать, что в России «все не так, как надо». Может, многое и не так, да только нужно бы понять: а надо-то кому?..

Л.Н. Толстой в «Войне и мире» также продемонстрировал абсурдность применения «лекал» к России посредством нелестной оценки Наполеона, усмотревшего «признак отсталости народа» в большом количестве церквей и монастырей, согласно тексту романа.

Однако, несмотря на это, в России, тем не менее, с давних времен принят навязанный общественному сознанию нарратив о том, что все самое прогрессивное и «культурное» связано преимущественно с Западом, а нашему народу надо «выбраться из тьмы невежества», «рядиться» в заграничное «платье», «догнать и перегнать Америку» и т.п. Причем попытки двигаться по западному пути без учета специфики нашей страны нередко приводили отечественную экономику к упадку, а население — к катастрофе: взять хотя бы результаты реформы («шоковой терапии») в 1990-х гг.

Важно понять: никого нам «догонять» по предложенным нам критериям и проложенным не для нас «трассам» не надо. Необходимо другое — ориентироваться на внутреннее развитие и рост благосостояния своего народа, как демонстрирует не менее полезный, чем западный, опыт Китая. Надо разрабатывать в связи с этим и собственные индикаторы экономического развития, возможно — в чем-то сходные, а в другом — совершенно иные, чем принятые в оценках западных институтов. И в их содержании должно найти отражение то главное, что отличает Россию и все страны, стремящиеся осуществить (как бы это ими не называлось) ноопереход, — оценка и эффективность использования ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ, который практически исчерпали западные экономики, в первую очередь США и их союзники, погрузившись в процессы финансовализации, безудержную гонку за удовлетворением симулятивных потребностей с растратой ресурсов, и т.п. Думается, пора вспомнить призыв любимого барда поздней советской эпохи к «товарищам ученым», которые на западный манер пытаются мерить Россию западным же «аршином» — «бросайте ваши опыты», «замучились вы с ксами, запутались в нулях»; дав истинную оценку ПОТЕНЦИАЛА нашего развития (и, на всякий случай, взглянув на него в сравнении с аналогичными показателями так называемых ведущих экономик мира (хотя бы тех же стран «большой семерки»)), вы увидите, «не сумлевайтесь, милые», каковы истинная РОЛЬ, МЕСТО и ПЕРСПЕКТИВЫ России в мировой экономике¹.

В-третьих, именно поэтому указанные ресурсы и выручаемые за них средства, как правило, не используются эффективно с точки зрения решения задачи повышения общественного благосостояния российского населения, поскольку эффективность их использования оцени-

¹ Авторами использованы цитаты В.С. Высоцкого.

вается в иных смыслах — росте различных услуг (во многом — симулятивных), фондовых индикаторов и прочем. А добавив к этому величину ежегодного оттока капитала туда, где он подобным образом «эффективно» используется — за границу (в среднем за 2008–2020 гг. не менее 60 млрд долл. США), можно сделать неутешительный вывод о перманентном и даже прогрессирующем процессе разорения богатства нашей страны. Увеличивающего при этом, между прочим, благосостояние населения тех стран, куда наши капиталы перетекают и где затем используются. А потом «на весах рейтингов» взвешиваются «массы экономик». Да ведь еще М.В. Ломоносов подсказывал, что «ежели где-то отыметса, то где-то — присовокупитса; так ежели где убудет материи, то умножится в другом месте»... И вот тут-то западные «весы» не соврут — покажут точно нашу «недоразвитость».

Наконец, в-четвертых, богатство России в отношении ограниченных и исчерпаемых ресурсов, сразу бросающееся в глаза при одном только взгляде на нашу страну, как правило, всегда несколько заслоняло собою настоящую «жемчужину», сокрытую внутри, но в последнее время, с развитием технологий, все более «всплывающую» на поверхность — богатство неисчерпаемое — ЗНАНИЯ, открываемые на протяжении всей истории государства российского его народом и добавляющие важнейший компонент к ПОТЕНЦИАЛУ нашей страны. Важнейший — особенно с учетом той принципиально приоритетной роли, которую знания (включая знаниеемкие технологии грядущего ТУ) как основной экономической ресурс будут играть в экономике перехода к новому МХУ и формированию НИО.2. Недаром в гимне Московского университета — не подлежащее сомнению утверждение М.В. Ломоносова, что «...может собственных Платонов И быстрых разумом Невтонов Российская земля рожать».

Однако истинная сущность многонационального народа нашей страны, вследствие указанных нами причин, долгое время не только «затемнялась», но и вообще сбрасывалась со счетов; более того, веками сохранялось поддержание населения в скотских (или близких к этому) условиях существования с отведением ему роли обслуживающего и охраняющего несметные запасы исчерпаемых ресурсов «приложения» к ним. А большинство народных заступников, по Н.А. Некрасову, даже в самом «благоприятном» случае ожидала весьма незавидная участь — «чахотка и Сибирь».

Однако развитие общества, повышение знаниеемкости экономического и социального пространства в рамках переходов от более ран-

них ТУ к последующим делало выявление и использование ресурса знания все более востребованным. Расширение и углубление образования и наук, развитие коммуникаций, с наступлением ТУ-V и вхождением в ТУ-VI претерпевают все большее продвижение и в экономику, и в социальную сферу, все больше преобразовывая социально-экономическое пространство в сторону роста уровня его социализации. В настоящее время поддерживать недостойное состояние народа не столько даже немислимо, сколько крайне опасно — поскольку, как было указано и доказано выше, знание постепенно превращается в главный фактор развития, поэтому роль человека и человеческого общества во всех исторических процессах достигает принципиально приоритетного уровня. В этом смысле стоит приветствовать заявленные нашими властями в качестве прерогатив национальных целей развития нарративы построения «социально-ориентированного государства», поскольку они подразумевают развитие и применение знания как базового экономического ресурса.

Однако это понимают и наши «партнеры» за рубежом — ими развиваются сотни программ по «утечке умов», переманиванию носителей знания, обеспечивающих их данным ресурсом — и сокращающим его применение у нас.

Итак, ответ на первую загадку вполне проясняется.

Перейдем к рассуждениям о следующей загадке России.

Загадка № 2: «Загадочная русская душа» (Е. Долматовский).

Безгранично уважая все народы мира и веря в уникальность и особенные черты каждого из них, мы хотели бы на этом прекрасном и пестром мировом «ковре» человеческой цивилизации — именно в контексте данного исследования — выделить и «особость» российского народа. При этом разве за подобные рассуждения кто-либо пожелает упрекнуть нас в российском национализме или, паче чаяния, в расизме? Мы ответим на это словами М.А. Булгакова: «Да отрежут лгуну его гнусный язык!» Что за исследование особенностей страны без тени упоминания о ее населении и разбора его специфических черт?

Итак, представляется, что единый в своей массе народ России (в данном случае мы не будем ставить различия между терминами «русский» и «российский», обозначая народ страны как единый объект исследования) лучше всего определила Екатерина II Великая, видя страну и снаружи, и изнутри как «особенный народ в целом свете, который отличается догадкою, умом, силою». К этой фразе можно лишь добавить,

что это во все исторические времена по жизненно важной необходимости — терпеливый народ, народ-труженик и народ-защитник, обживающий и сохраняющий бескрайние российские просторы (именно этим определялась роль ТПК и ВПК (а еще длительное время в истории — и АПК), а не тем, что наш народ якобы ленив и агрессивен). Конечно, у всех людей есть свои недостатки, их не лишены и россияне (коих мы абсолютно не склонны идеализировать), но речь идет о народе в целом, который, будучи рассматриваемым в длительной исторической перспективе и динамике, как бы «сбрасывает» с себя все незначимые покровы, отрясая приставшую за долгую дорогу «пыль», и обнажает истинные, «коренные» и прекрасные черты свои.

Среди подобных черт российского народа, о каких можно написать не один краткий параграф, а немало томов (и даже од, но мы все-таки вынужденно в этой монографии будем придерживаться не лирико-поэтического, а суховатого научного стиля), выделяются, пожалуй, несколько главенствующих, первой из которых — сужденная ему естественная склонность к солидаризму и практическая реализация данного принципа ноономики, обусловленная жизненной необходимостью. Жизнь нашего многонационального народа складывалась на выработке умения сосуществовать вместе (как внутри государства, так и с его многочисленными соседями), понимать друг друга, привыкать, «вчувствоваться» в чужие проблемы, учитывать многочисленные интересы соседствующих групп-сожителей, практиковать взаимовыручку («сам погибай, а товарища выручай!») и коллективный труд, подстраиваться под обстоятельства, уживаться, искать компромисс, и т.п. В том числе — и потому, что множественные торговые пути всегда пересекали громадную территорию России, соединяя различные (весьма многочисленные!) народы и способствуя торговому и культурному обмену между ними (один из самых знаменитых — «путь из варяг в греки»; как известно, «люди торгуют, пушки молчат»), которые невозможны были без развития вышеозначенных типов поведения и воспитания соответствующих черт национального характера.

Более того, многие мыслители, литераторы, философы подчеркивали именно эту черту нашего народа. Так, по мнению Ф.М. Достоевского: «Назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите». Н.А. Бердяев исторически предрекал, что «путь к всечелове-

честву для каждого из нас лежит через Россию». «Пиковых значений» склонность к солидаризму достигала в особенно тяжелые для страны годы: например, в период Великой Отечественной войны (напомним священные слова: «Вставай, страна огромная», «боевое братство», «партизанское движение») и послевоенные годы, когда СССР не только восстановил хозяйство и быт, но и начал впервые в мире освоение космического пространства, знаковым событием которого стал запуск первого человека — Ю.А. Гагарина — в космос. Здесь также уместно вспомнить, отдав дань памяти, и совместный вклад «тружеников тыла», и далее — принятие единым народом призыва работать «за себя и за того парня», не вернувшегося с фронта. Данные примеры есть действительно в полной мере беспрецедентное отражение уникальности проявляемого нашим народом уровня солидаризма. Но, конечно, отсюда — и отзывчивость на чужое горе, и поддержка других народов, в том числе экономическая — даже когда сами затягиваем пояса. Отсюда — и история освоения великих пространств России путем ввоза на осваиваемые территории своих экономических активов, развития местной экономики и повышения уровня жизни и культуры местного населения, а не грабежа и вывоза всего ценного в метрополию, вплоть до несмываемого позора рабства (во многом заложившего основу последующего «просперити» «золотого миллиарда»), как в принятом было в «цивилизованном мире» типе общения с подвластными народами и территориями колоний.

Еще одна важнейшая черта российского народа — это его специфический творческий дар и чуткое воображение, о чем свидетельствуют произведения искусства, литературы, памятники архитектуры, научные достижения и их практическое применение. Отсюда — и та самая спасительная для него и для всего мира непредсказуемость, подмеченная Отто фон Бисмарком, которой русские отвечают на каждую «военную хитрость». Однако, вероятно, отсюда — и удивительная, порой — почти детская — наивность, бесконечная вера в добрые намерения различных «самаритян», «Котов Базилио и Лис Алис» и пагубное увлечение «мифами», например коммунистическим: «мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Или — погоней на рубеже нынешнего века за призраком постиндустриализма с его деиндустриализации. И нетерпеливое желание мгновенно изменить жизнь к лучшему с помощью мгновенного же, если так можно выразиться, «орыночнения» экономики «шоковым» способом... Или — наивное доверие к полити-

ческим партнерам нашего последнего советского руководства по вопросу гарантий нерасширения НАТО на восток, данных в устной форме; сегодня мы слышим, что этого как бы и не было, что имелось в виду иное, и т.п. А чего стоит недавнее признание бывшего канцлера Германии А. Меркель о том, что Минские соглашения были ею подписаны не для решения проблем в рамках механизма, в них прописанного, а для того, чтобы дать Украине время на подготовку к противостоянию с Россией!.. А ведь мы, граждане России, после их подписания вполне поверили и в поддержку со стороны европейских партнеров наших усилий по примирению противостоящих в этой стране сил, по разрешению внутриукраинского конфликта, и в создание федерации народов Украины, и в сохранение добрососедских отношений наших стран.

По нашему мнению, характерен для российского народа и во многом излишний патернализм. Вероятно, поэтому тематика государственного патернализма так актуальна для современных исследований [например, см.: Рубинштейн, Городецкий, Гринберг (ред.), 2020], а роль руководителя страны — столь значима. Эта черта особенно ярко отражена еще в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина», в словах одного из героев «от народа»: «Что ж нам думать? Александр Николаич, император, нас обдумал, он нас и обдумает во всех делах. Ему видней...» Или, по Н.А. Некрасову: «Вот приедет барин — барин нас рассудит». Такова специфика российского массового восприятия, подчас покорного, детски-наивного, демонстрируемого многочисленными историческими примерами — хоть бы и ваучерной приватизацией 1990-х гг. и ее последствиями, «Леней Голубковым» и многочисленными «мавродьями». Или — слепым подчас следованием, а то и подчинением (несмотря даже на уже скандально очевидные признаки непригодности для нас) ненашими финансовым, экономическим, политическим, судебным институтам. Внятно — чью, в финале, экономическую пользу.

Еще одна важная особенность нашего народа: как уже упоминалось выше, для России характерно древнее культурное многоцветие. Связывая Европу и Азию, наш народ веками впитывал и европейскую, и азиатскую культуру, мудрость, накладываемые на древнейшие культуры живших веками на нашей общей территории народностей севера и юга, запада и востока. Неистощимый запас практической мудрости есть одно из главных его богатств. «Унести» его невозможно, но вот не принимать, не замечать, не признавать, изолировать, не дать рас-

пространяться российской культуре и даже ее «отменить» попытки делаются постоянно. И — заместить ее примитивирующим общественное сознание комплексом псевдокультуры, снизив тем самым ПОТЕНЦИАЛ нашей культуры как фактора развития российского общества.

Все эти особенности, как и многие иные, объясняющие, однако, в числе прочего проистекающие из них множественные наши экономические «прорехи» — ответ на загадку о душе нашего народа.

Есть, однако, еще одна важнейшая черта, объединяющая (пожалуй, даже одна из основ единения) и выделяющая в мире российский народ, — это воистину чудотворный русский язык. И не только как феномен мировой культуры. Важно и то, что он — важнейший фактор развернутой коммуникации экономических акторов, обладающий фантастической способностью накопления, обработки и передачи знаний.

Загадка № 3: «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» (И. Тургенев).

Русский язык считается в мире одним из самых сложных для изучения — не столько из-за его морфологии и структуры, сколько, прежде всего, вследствие его эмоциональной насыщенности и смыслового богатства.

Безусловно, русский как общий язык страны не возник из ниоткуда. Он сформировался народом, которому необходимо было выживать на бескрайних просторах своего расселения, в условиях постоянного давления всевозможных и далеко не всегда дружественных сил, сурового и переменчивого климата и т.п., проявляя недюжинную смекалку и высокую восприимчивость и адаптивность к переменам в окружающем мире. Безусловно, эта потребность отразилась в реализации языковой коммуникации. Отсюда — способность русского языка передать малейшие эмоциональные и психофизиологические нюансы, тончайшие «движения души», оттенки смыслов, детали реакции на изменение обстоятельств. Отсюда — существенно большие возможности точного отражения в языковых конструкциях явлений и феноменов окружающего мира. (Одному из авторов довелось, будучи за рубежом в Европе, услышать однажды, как две немолодые дамы азиатской наружности обсуждали предмет покупки на уличном развале — на русском языке. На вопрос, почему на русском — ответ был на удивление показателен: «Мы на нашем не всё можем обсудить, некоторых слов у нас нет»; так использование русского языка позволило этим гражданам одного из ныне независимых постсоветских государств увеличить

возможности своей коммуникации.) С другой стороны, развитие языка, в свою очередь, влияло на социализацию народа, развитие его «коллективной мудрости» (и умения более глубоко вникать в суть проблем, обдумывать их решение со всех сторон, учитывая множественность смыслов явления), культуры, открытие знаний и т.п.

Многие черты народного характера отразились в русском языке. Например, даже склонность российского народа к солидаризму можно выявить по возникновению и укоренению в русском языке таких слов, как, например, «дружина», «братина», «община», «мир» (в значении «народ» — «всем миром»).

В настоящей монографии не случайно нами приводятся народные речения и многочисленные цитаты из различных произведений отечественной литературы за разные годы и эпохи. В том числе они, богатые смыслом и вековой мудростью народной, помогают раскрыть смысл тех сложнейших процессов цивилизационного развития, которые здесь анализируются.

Кроме того, наконец, русский язык, служащий отражением знаний и мудрости российского народа, и обеспечивает, и демонстрирует упоминавшуюся нами выше связь поколений: «Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами» (В. Шукшин).

Понимая, «откуда есть пошел» базовый язык нашей страны, мы настаиваем на бережном к нему отношении, противостоянии многочисленным на него нападкам и попыткам упрощения, снижения его статуса в научном, экономическом, бытовом пространстве через активное внедрение и даже навязывание всевозможных «ино-измов» — эта негативная и далеко не безобидная практика проникает к нам, особенно в молодежную среду, с помощью различных механизмов «внедрения» — через СМИ, масскультуру, различные субкультурные каналы и т.п. Настаиваем — потому что он есть важнейшая компонента сохранения и развития нашего ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА.

Наконец, отметим особое умение российского народа выживать практически в любых жизненных обстоятельствах и условиях.

Загадка № 4: сила народного возрождения.

Эту загадку можно кратко растолковать словами Н. Гоголя: «Если русских останется только один хутор, то и тогда Россия возродится». Вероятно, этим объясняется и возникновение идеи о «богоизбранности» российского народа. Причем народ наш, однако, при всей своей

уникальности никогда не настаивал на своей исключительности в мире, на что претендуют известные мировые политические лидеры из «града на холме».

Обозначенные особенности национального характера российского народа в рамках оценки возможностей отечественной экономики совершить «рывок в будущее» доказывают, что Россия в настоящее время имеет существенное экономическое преимущество в мире, основанное на ее ПОТЕНЦИАЛЕ (закрывающемся в территории, богатстве и ЗАПАСАХ исчерпаемых и неисчерпаемых — в форме ЗНАНИЯ — ресурсов), заложенном целыми поколениями ФУНДАМЕНТЕ и ЗЕРНЕ (включающем язык, культуру и ценности — те же ЗНАНИЯ). Истинная же проблема заключается в противоречии между этим невероятным экономическим преимуществом и ущербностью той стартовой позиции для нооперевода, на которой находится ныне отечественная экономика, а также — что самое главное и следствие чего — бедственным положением российского населения.

Что необходимо делать для устранения этого противоречия?

Представляется, что оно разрешимо с помощью СИСТЕМНЫХ реформ, основная цель которых, по нашему глубокому убеждению, должна сводиться к превращению российской экономики из «человекоядной» и «знаниегнобящей» (в том числе с точки зрения процессов «утечки умов» за рубеж и построения неэффективной системы образования) в «человеко-приемлемую» и «знаниеценящую», что является необходимым условием для эффективного осуществления нооперевода. Таким образом, нет необходимости ориентироваться на восстановление тех или иных «докризисных уровней» — это ложный путь погони за числами с предсказуемо недостижимым или неэффективным результатом; прежде всего, нужна переориентация экономики, пресловутая «переоценка ценностей» и постановка во главу угла национальной экономики истинно социальных приоритетов.

Насколько это возможно?

Достижение этой цели и соответствующих задач представляется нам вполне возможным, что доказали такие страны, как небезызвестные «азиатские тигры» и Китай. Это мнение разделяет ряд ведущих российских ученых, которые пришли к аналогичному важнейшему выводу: «Россия является страной огромных возможностей, образованного населения, и есть все основания не только верить в светлое будущее нашей страны, но и сделать притягательным ее настоящее, превратив Россию

в пример созидательного развития, соединяющего эффективность со справедливостью, свободу — с ответственностью и солидарностью» [Аган-бемян, Клепач, Порфирьев, Узяков, Широ, 2020: 26].

В этом подходе многие апологеты старой марксистской школы видят необоримое противоречие. Какой, с их точки зрения, тут возможен солидаризм, когда мы видим серьезное различие интересов различных «классов»?

Однако, возразим мы, общественное благополучие, рост благосостояния основных групп населения в условиях современного общества не входит в противоречие с благополучием «правлящей верхушки» государства, а, наоборот, способно, синергируя устойчивость экономики и социума, его оберегать и многократно усиливать. В бедственном же положении народ наш непредсказуем и склонен к бунтам, «бессмысленным и беспощадным».

Но без изменения экономической модели, реформ — развитие социально-ориентированного общества, имеющего в принципиальных вопросах солидарные интересы, невозможно.

Каковы могут быть базовые направления этих реформ?

Здесь мы лишь штрихом обозначим самые главные их них — только для формирования у читателя общего представления о необходимых сферах преобразования, с тем, чтобы в дальнейшем раскрыть их глубинный смысл:

1. ставка на реиндустриализацию отечественной экономики на качественно новой технологической основе (на технологиях грядущего ТУ), что позволит развивать первейший вектор из «квадриги ноономики»;
2. развитие эффективной системы планирования;
3. формирование финансовой системы, нацеленной на обслуживание производящей отечественной экономики;
4. развитие всех социально-направленных сфер (науки и образования, медицины и здравоохранения, культуры и т.п.), а также восстановление и рост доходов и благосостояния населения как носителя и «открывателя» ЗНАНИЯ;
5. содействие процессам общественной социализации и солидаризма;
6. государственные институциональные (структурные) реформы — включая все уровни власти — и законодательные преобразования в соответствии с принципами ноономики;
7. направление инвестиций в обозначенные выше сферы.

Обратим при этом внимание читателя на неспроста возникшее сходство в том или ином виде наших представлений о базовых направлениях преобразований с предложениями и рекомендациями ведущих отечественных исследователей, представляющих различные научные школы [Некипелов, Ивантер, Глазьев (ред.), 2013; Глазьев, 2018а; Бодрунов, 2018с; Аганбегян, Клепач, Порфирьев, Узяков, Широ, 2020; Аганбегян, 2021; Некипелов, 2021]; многие из этих позиций находят также отражение и в программах и проектах предпринимательских структур реального сектора экономики. Подобное единомыслие научного и делового сообществ крайне важно, ибо только единое понимание и согласованные совместные усилия могут привести к обозначенным масштабным изменениям, необходимым России — и миру, стоящему на пороге катастрофы человеческой цивилизации.

Проанализируем эти базовые направления предлагаемых реформ более подробно в их взаимосвязи, а также оценим место России в новых ТУ и МХУ исходя из переоценки приоритетов ее социально-экономического развития.

5.2 Место России в новых технологическом и мирохозяйственном укладах: индустриализация — деиндустриализация — реиндустриализация. Выбор пути к обеспечению лидерства¹

Первейшее, что, по нашему мнению, необходимо для российской экономики, и о чем мы упоминали выше в числе базовых направлений реформ, это — ее реиндустриализация.

Приставка «ре» в данном случае указывает и на значимость повторности, возобновляемости индустриализации, и на возвращение экономической политики в русло приоритизации роли промышленного аспекта в экономике.

Прежде чем мы перейдем к раскрытию сущности означенного процесса, начнем анализ с формулировки ключевых определений важных феноменов экономики, неоднократно в ее истории повторявшихся, но, как порой кажется, так ничему и не научивших нынешних «эффективных менеджеров» — индустриализации и деиндустриализации; этот анализ поможет показать и значение их однокоренного слова с приставкой «ре».

¹ Приведено на основе следующих источников: [Бодрунов, 2013а-с; Бодрунов, 2015b].

Индустриализация и деиндустриализация

Под индустриализацией нами понимается процесс развития промышленности и промышленного производства, сопряженный с усовершенствованием средств производства, расширением основных фондов, механизацией и автоматизацией технических систем. Но — не только. Ее главный смысл — в другом. Начинаясь с промышленности, она постепенно проникает в другие сектора экономики (сельское хозяйство, сферу услуг и другие), позитивно воздействуя на них. Причем именно индустриализация выступает фундаментом для модернизации, понимаемой не только в узком смысле как процесс усовершенствования, обновления и приведения объекта в соответствие с новыми условиями и требованиями, но и в широком — социальный процесс, процесс общественного развития и перехода от старого типа общества к более современному (например, от аграрного к индустриальному и далее)¹.

Среди примеров, наиболее ярко отражающих процессы индустриализации в мировой истории, можно выделить:

1) феномен и последствия промышленной революции в Великобритании (конец XVIII — начало XIX в.), в результате чего в середине XIX в. Англия стала «фабрикой мира», производившей половину мировой промышленной продукции, а также «владычицей морскою», которой принадлежало порядка 60% мирового торгового флота, и — в том числе на этой основе — самой крупной колониальной державой [источник данных: Конотопов, Сметанин 2012: 138–148];

2) промышленный подъем в США 1920-х гг., когда после Первой мировой войны эта страна превратилась в лидера капиталистического мира, производившего около половины мировой промышленной продукции (включая свыше 80% автомобилей и более 60% нефтепродуктов, а также демонстрируя высокие темпы роста авиационной, радиоэлектронной, резинотехнической и алюминиевой промышленности) и вошедшего в эпоху «просперити» [Конотопов, Сметанин 2012: 239–240];

3) индустриализацию в СССР как часть социалистической реконструкции, связанную с формированием фабрично-заводской индустрии, что к началу XX в. вывело страну на 5-е место в мире по развитию промышленности и на 1-е — по ряду показателей развития промышлен-

¹ См. подробнее: Словарь по обществознанию / под ред. Ю.Ю. Петрунина. М.: КДУ, 2005. С. 168–169, 191.

ности, а также позволило достичь «ПОЛНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ... В УСЛОВИЯХ ПОЛНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИЗОЛЯЦИИ» [Конотопов, Сметанин 2012: 339–340 с авторским выделением];

4) возникновение так называемых новых индустриальных стран (НИС);

5) проанализированные выше достижения китайской экономики и современный курс на модернизацию.

Обратным этому процессу феноменом является деиндустриализация (с приставкой «де», отражающей смысловое значение противоположности или потери сущности), при которой происходит не только и не столько сокращение производства, сколько еще более пагубная его примитивизация (и соответствующая примитивизация труда) и разрушение производственной инфраструктуры, сокращение, истощение и устаревание фондов, многократное снижение общего технологического уровня, а также уровней механизации, автоматизации и сложности производственных операций; при деиндустриализации ускоренными темпами вытесняется сложный тип воспроизводства более простым вариантом [Бодрунов, 2013с]. Как следствие — происходят ухудшение показателей занятости населения, снижение качества его жизни и иные негативные в социальном плане процессы. Причем, в отличие от кризисных периодов, для которых также характерны сокращение производства и занятости, в случае деиндустриализации не менее показателен и опасен фактически специально организованный подрыв интеллектуальной (ЗНАНИЕВОЙ) компоненты и иных основ производства, развития индустрии и соответствующих (зависящих от нее и связанных с нею) рынков. Все вышеперечисленное можно охарактеризовать как деградацию производства, что приводит к системному упадку и абсолютной утрате целых направлений производственной деятельности, секторов производства и промышленности — в ряде случаев даже без возможности их восстановления.

Мы полагаем, что такое определение деиндустриализации (наряду с обозначенными выше закономерностями социально-экономического развития), при всей ранее созданной и навязанной обществу теоретической привлекательности данного процесса, заставит читателя усомниться в его прогрессивности и полезности для социума, а также переносе акцентов с вторичного сектора экономики (промышленного) в большей степени на третичный (сферу услуг) и частично на первичный (добычу полезных ископаемых).

Для наглядной иллюстрации этого негативного, на наш взгляд, процесса обратимся к наиболее яркому примеру рекордной или даже «образцово-показательной» деиндустриализации, начавшейся в США во второй половине XX в. Поскольку, исходя из заявленной темы исследования, нас крайне интересуют показатели социального развития, то предлагается проследить процесс деиндустриализации в США по показателю занятости населения в промышленности. Так, уже в 1980-е — начале 1990-х гг. при росте общей занятости аналогичный показатель в промышленности США сокращался: сталелитейная отрасль теряла ежегодно более 6% работников, швейная и текстильная — 2%, металлообработка — свыше 4%, автомобилестроение и производство оборудования — 1,5%. В конце 1990-х гг. в американской индустрии было занято порядка 17,5 млн чел., а после событий начала 2000-х гг. и 2008–2009 гг. — там осталось около 12 млн чел. [подробнее см.: Бодрунов, 2015b].

В числе основных негативных последствий деиндустриализации (реализовавшихся и ожидаемых) в США необходимо отметить следующие:

1. очевидный проигрыш американской промышленностью внутреннего рынка без возможности компенсации потери на внешних рынках (о чем свидетельствует разница между экспортом и импортом анализируемой страны) при — как известно, «беда одна не ходит» — наращивании значительного дефицита торгового баланса (что, соответственно, отразилось на платежном балансе), усугубляемого особенностью крупной открытой экономики, росте госдолга, нередко вынужденной масштабной эмиссии доллара и т.п.;

2. «мутация» занятости (с распространением и популяризацией временной и частичной занятости, усилившейся с разрастанием сферы услуг, соответствующим ослаблением профсоюзного движения и изменением уровня реальной заработной платы в промышленности) и внутреннего спроса, поставленного во все большую зависимость от кредитов, что в итоге привело к ситуации крайней закредитованности населения и росту «плохих» долгов перед банками, т.е. к повышению уровня неопределенности в «народной массе» и снижению устойчивости в банковской и налоговой системах;

3. усугубление роста социального неравенства, наблюдавшегося в стране с 1980 г.;

4. формирование финансовых «пузырей» и возникновение «перекосов» в банковской системе: этому способствовал высвободившийся

ся в ходе деиндустриализации капитал в сочетании с прогрессирующей доступностью кредита и нарастанием объема спекулятивных сделок на финансовых рынках (следствием этих процессов стал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., начавшийся с США);

5. неизбежная затяжная стагнация и политическая нестабильность: очевидно, что даже при наполнении экономики деньгами рост восстанавливается с трудом.

Безусловно, у экономики США имеются свои сильные стороны, например: технологические, специфические (включая известные «силовые») возможности для продвижения своих интересов на внешних рынках, конкурентоспособный и быстро растущий экспорт, внушительная сырьевая база, сравнительно молодое население. Однако выбраться из «трясины» деиндустриализации, укоренившейся, помимо всего прочего, определенный и позитивно воспринятый обществом стиль жизни и организации жизнедеятельности (см. перечисленные выше проблемы и угрозы для человеческой цивилизации), даже для такой экономики, как американская — как показывает опыт, — крайне сложно.

Деиндустриализация в России

Увлечение мифами «естественности» нарождающейся «постиндустриальной экономики» и даже «полезности» деиндустриализации, к сожалению, не обошло и Россию.

Среди причин этого увлечения (не претендуя, конечно, на полноту) можно выделить, пожалуй, три — наиболее важные с точки зрения нашего исследования.

Мы полагаем, что как раз «естественно-экономические» причины нашей деиндустриализации, о которых говорят иные исследователи (как то: неподготовленное столкновение при открытии нашей страны с продвинутыми западными технологиями, невозможность успешной технологической конкуренции в этот период, удар по индустриальному комплексу, нанесенный развалом хозяйственных связей и сменой парадигмы его развития при переходе от плановой экономики к рынку и т.п.), безусловно, важны и даже заслуживают отдельного изучения, однако этому, с одной стороны, уже уделено немало работ в научной литературе, а с другой — мы хотим обратить внимание читателя на иные, практически не названные доселе причины — характера, скорее «социально-психологического».

Во-первых, деиндустриализация — это явление, которое наблюдалось в ряде так называемых передовых стран, в особенности с по-

следней четверти XX в., что обуславливалось вполне естественными основаниями. Например (что в принципе не противоречило «однонационально» понимаемой рациональности экономической активности) — простейшими законами экономики: так, компании стремились разместить производство на территориях тех стран, где затраты были меньше. Сюда же стоит отнести и желание правительств некоторых развитых стран убрать «грязные» производства подальше, сохранив для себя чистый климат и комфортную природную среду обитания. Кроме того, процессы глобализации, «виртуализации», финансовализации и т.п. в экономике способствовали перетоку капитала в отрасли, способные, «не мозоля рук», обеспечить быструю и высокую доходность. При этом, как мы показывали выше, в чертах российского народа (и, конечно, его экономической элиты) нередко проявляется стремление не отставать от «прогрессивных» идей и тенденций Запада, подчас не задумываясь об оценке их истинной полезности и последствиях, особенно в приложении к конкретным обстоятельствам, в которых придется реализовывать эти идеи у нас (неслучайно в СССР даже существовало административное и идеологическое преследование за «преклонение перед Западом»). Развитие и восприятие деиндустриализации на Западе как вполне «логичного» и «позитивного» явления не могло не повлиять на общее «настроение» российского экономического и политического истеблишмента постсоветского периода.

Во-вторых, при переходе от централизованной административной системы к рынку главными ценностями, на которые происходила ориентация экономики, стали СВОБОДА ОТ «оков» советской эпохи (прежде всего — планирования!) и МГНОВЕННОЕ ВСЕОБЩЕЕ ПРОЦВЕТАНИЕ — то, что так долго обещали советские вожди в виде построения социализма и коммунизма и чего жаждал народ, живя в суровых условиях дефицита и очередей. Воистину верно заметил герой «Тихого Дона» М.А. Шолохова, что «ждать да догонять» для наших людей есть «самое постылое дело». Символической платой за «сказочное» и «стремительное» превращение экономики в рыночную посредством реформ «шоковой терапии» стала вовсе не ожидавшаяся реализация сказки наяву, а стремительная(!) утрата индустриальной мощи. В результате с 1991 г. возникли и стали быстро нарастать процессы разнотемпной и разноглубинной деиндустриализации перманентного характера с разрушением единых производственных систем СССР и потерей/оскудением трудовых, капитальных и интеллектуальных (технологических) ресурсов.

Наконец, третья существенная причина деиндустриализации в России — это активно внедряемая в общественное сознание модель быстрого обогащения любой ценой. В российских условиях эта модель породила масштабную коррупцию, приведшую к перерождению основ управления промышленным производством. Логика подобного горуправленца упростилась до примитивности: незачем ждать «милости» и «всходов» от отечественного производства, гораздо результативнее — гнать ресурсы за рубеж и получать «быстрые деньги». И — не вкладываться в «неперспективную» индустриальную сферу, благо впереди — сказочное «постиндустриальное» общество... К этому же стоит добавить возникновение таких общественных феноменов, как «олигархи с российской спецификой» и «новые русские», а также наивное увлечение играми в «финансовые пирамиды», «целительными сеансами» через экран телевизора и т.п.

Деиндустриализация в любой экономике, имея сходные «родовые» черты, всякий раз, тем не менее, имеет свою специфику.

В числе признаков деиндустриализации российской экономики целесообразно отметить следующие:

- 1) рост номенклатуры импортной продукции и импортных комплектов в изделиях отечественного производства — в первую очередь реализуемых на базе высоких технологий;
- 2) утрата ряда базовых рабочих профессий и снижение квалификации обслуживающего производство персонала;
- 3) ухудшение качества техники и выпускаемых изделий;
- 4) снижение уровня организации, механизации и автоматизации производства;
- 5) сокращение уровня оснащенности производственных систем, технологического уровня и глубины переработки исходного сырья;
- 6) снижение производства средств производства, доли НИОКР в добавленной стоимости создаваемых изделий;
- 7) снижение качества инфраструктуры, обслуживающей производство и осуществляющей НИОКР при отсутствии рынка интеллектуальной собственности;
- 8) общее обвальное падение числа промышленных предприятий, сужение промышленных секторов, производственного аппарата и фондов;
- 9) утрата долей рынка производимой продукции по каждому сектору и изготавливаемой номенклатуре изделий, числа занятых в промышленной сфере и объемов выпуска промпродукции;

10) снижение конструкторской и технологической сложности изготавливаемых изделий.

Общий «итог» деиндустриализации в России первых десятилетий нынешнего века мы сегодня пожинаем в полной мере. И мера эта — велика.

Это — низкая доля наукоемкой и высокотехнологичной продукции в общем ее выпуске, высокая зависимость страны от импорта (изделий, оборудования и технологий) и, как следствие, снижение уровня национальной безопасности; практика последнего времени убедительно доказывает недопустимость недооценки рисков подобной «промышленной» политики, хотя многие специалисты (не исключая и авторов данной монографии [см., например, Бодрунов, 2013*b-c*; Бодрунов, 2018*c*; Глазьев, 2019; Аганбегян, 2021]), о наличии таких рисков не просто предупреждали, но — подтверждали свои выводы достаточно обширной аргументацией.

Это — значительная утрата наиболее весомых, что особенно печально в условиях перехода к новому ТУ, конкурентных преимуществ (таких как высочайшая квалификация трудовых ресурсов и уровень образования населения, развитый научно-промышленный потенциал, свободные производственные мощности, обширный внутренний рынок и т.п.), а также утрата или сворачивание большинства конкурентоспособных направлений.

Это — усиление сырьевой ориентации и «структурный перекос» в экономике, вызванный не «переразвитием» сырьевого и добывающего сектора (который заслуженно является сейчас и которому суждено быть одной из компонент ПОТЕНЦИАЛА страны), а недоразвитостью (деиндустриализацией) перерабатывающих отраслей.

Это — деградация сельского хозяйства в общей хозяйственной структуре (тут нас не должны вводить в заблуждение хорошие урожаи последних лет; эти успехи не отменяют глубокие провалы в развитии АПК вследствие снижения в предыдущие десятилетия его общего технологического уровня, недооснащенности современными промышленными устройствами и системами переработки продукции), технологическая деградация производства базовых индустриальных отраслей, снижение коэффициента структурной независимости химического производства, ухудшение состояния машиностроения и особенно станкостроения (с двукратным сокращением в отечественной экономике за 1990-е гг. его относительной доли) и высокотехнологичных произ-

водств, практически полное исчезновение важных в социально-обеспечивающем плане отраслей — той же легкой промышленности, и многих других.

Это — «структурный перекося» и низкая рентабельность реального сектора экономики, не позволяющие обеспечивать достаточный для производства и тем более для подъема уровень внутренних инвестиций [Аганбегян, 2021], что, соответственно, не позволяет осуществить остро необходимую замену устаревающих фондов и создать условия для ускорения НТП и повышения конкурентоспособности экономики, в результате чего продолжается и постоянно «воспроизводится» процесс технической, технологической и производственной деградации.

Здесь мы дадим некоторый комментарий.

Например, начиная с 1990 г. инвестиции в основной капитал стали сокращаться, так что к 1999 г. этот показатель стал ниже уровня 1969 г. для РСФСР. Станочный парк за этот период уменьшился более чем в 10 раз. Общей чертой предприятий российской промышленности и одновременно их отличительной особенностью от зарубежных предприятий стала достаточно высокая изношенность основных фондов [подробнее см.: Бодрунов, 2015b].

Отметим, правда, что после прохождения особо тяжелых периодов 1990-х и 2000-х гг. наметились тенденции некоторого «оживления»: так, по оценкам экспертов, к концу 2020 г. обновилась подавляющая часть мощностей обрабатывающей промышленности — осталось менее 20% оборудования, введенного в строй до 2000 г. (это около 12% общего объема имевшихся мощностей). Однако при этом основная часть всех производственных фондов включает мощности со средним возрастом порядка 15 лет. За 2000–2020 гг. существенно выросли мощности производств пищевых и химических продуктов, резиновых и пластмассовых изделий, однако все еще значительно отстает по данному показателю легкая промышленность, отметившаяся 15%-м сокращением мощностей. Средний возраст оборудования машиностроительных производств — около 10 лет, а самые «возрастные» мощности остались в металлургии — свыше 40% оборудования, введенного до 2000 г. [Широв (ред.), 2022: 37–38].

Подчеркнем, что высоким потенциалом инфляционного давления из-за монополизации производств и рынков объясняется высокий банковский процент по ставке как мера противодействия инфляции, позволяющий создать определенную иллюзию сырьевого и финансо-

вого процветания. В своих исследованиях мы не раз отмечали пагубное воздействие на индустриальный сектор и на развитие отечественной экономики в целом политики поддержания высокой процентной ставки, обращая внимание на негативные последствия соответствующих действий в этом аспекте отечественных финансовых регуляторов [Бодрунов, 2015*b*; Глазьев, 2017-2018; Глазьев, 2022; Глазьев, Архипова, 2018]. Так, именно высокая процентная ставка (см. рис. 19, левая часть), выступая своеобразной «гильотиной» для знаниеемкого производства и особенно для создающих средства производства отраслей, отражает специфику всей макроэкономической политики, основанной на модели капиталопривлечения, а не внутреннего капиталообразования, что усугубляет зависимость российской экономики от иностранного капитала. Сравнительно высокая процентная ставка при низкой рентабельности производственных секторов фактически блокируют поступление в промышленность кредита в необходимых объемах, притом, что в то же время низкая процентная ставка и, соответственно, дешевые деньги на Западе ведут к росту зарубежных заимствований нашими экономическими акторами, размещающими их в высокорентабельных сферах — финансовой и сырьевой. Как уровень процентной ставки, так и состояние валютного курса (весьма высокая волатильность его динамики представлена на рис. 19, правая часть), по сути, таким образом, «играют» в пользу укоренения сырьевой направленности экономики. Данную ситуацию можно было бы использовать на благо России путем направления ресурсов экспортной деятельности на производство новых фондов хотя бы для самого сырьевого комплекса, но нашими финансовыми властями нефтегазовые доходы, как известно, «складывались» в фондах накопления и «отстранялись» от работы на отечественную экономику.

Справедливости ради следует сказать, что мы далеко не склонны исключительно обвинять во всех «грехах» Банк России или какой-либо иной орган власти. Во многих случаях их действиям можно найти вполне рациональное объяснение. Однако — взгляды на «рациональность» тех или иных экономических решений могут быть разными. Наоборот, нами предлагаются именно системные реформы, без которых даже мгновенное и существенное сокращение ставки не приведет к ожидаемым положительным результатам и оживлению соответствующих экономических процессов в сфере промышленности: первая скрипка играет весомую роль в оркестре, но если весь оркестр будет исполнять

произведение, отличное от мелодии первой скрипки, то ее никто не услышит. Необходимо не только менять политику Банка России, но и весь курс развития экономики страны и институтов, его обеспечивающих; причем начинать надо с последнего.

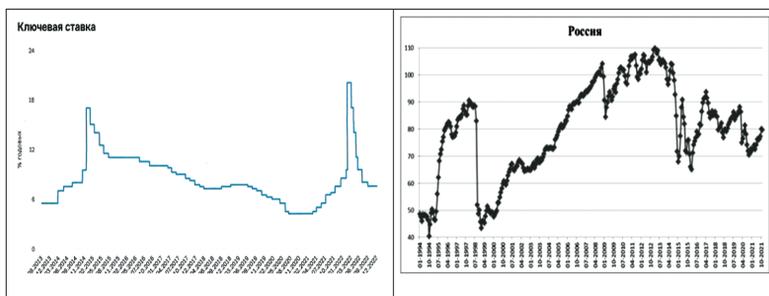

Рис. 19. Ключевая ставка Банка России и реальный эффективный валютный курс, 2010=100

Источники: BIS Statistics (<https://www.bis.org/statistics/>), Банк России (https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/).

Продолжим анализ «итогов» деиндустриализации.

Это — фактическое разрушение централизованной системы государственного управления, снижение его эффективности и релевантности, доходящее порой до хаотизации в принятии решений и обеспечении контроля их исполнения (прямо по классике: «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет...»); тут уместно вспомнить и ельцинские «загогулины», и многократно развертываемую-свертываемую многострадальную (но так и не ставшую эффективной) пенсионную реформу, и еще многое и многое).

Это — четырехсторонний разрыв: 1) в развитии финансовой и производственно-технической систем; 2) между первичным, вторичным и третичным секторами экономики; 3) между I и II типами воспроизводства (производством потребительских благ и средств производства); 4) в развитии и границах между государственным и частным секторами.

Это — перекосы занятости и дефицит перспективных рабочих профессий (даже в периоды высокого уровня безработицы), увеличение (происходящее вынужденно) числа занятых в сферах услуг и уменьшение их количества в сферах товарного производства.

Это — отставание в обеспеченности производства современными технологиями (как базовыми, так и узкого применения) — преимущественно, выражаясь словами героя «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, «при наличии отсутствия» условий для их внедрения, широкого применения на внутреннем рынке и экспортного продвижения. Отечественные производители слабо контролируют внутренний рынок, что препятствует внедрению отечественных же разработок и технологий. А поскольку технологии — это воплощенное ЗНАНИЕ, то у нас возникает НОВЫЙ ВИД зависимости и уязвимости отечественной экономики.

Это — «лакмусовая бумажка» неэффективного законодательства» [Конотопов, Сметанин, 2012: 419]. Указанная проблема относится не только к анализируемому периоду и современному времени, она известна издавна — еще в старину укоренилось выражение: «закон, что дышло: куда повернул, туда и вышло», и в романе А.Н. Толстого «Петр Первый» упоминается: «... в России много дурных и не полезных законов. О, хороший закон — это великая вещь!». В ситуации же деиндустриализации проблемы государственного управления и законодательства обостряются как никогда.

Описанная картина довольно жутковата. Но — ведь живем! Несмотря на наличие не только двух известных «д», но и третьей «д»-проблемы — деиндустриализации.

Что же до сих пор спасало и спасает Россию от экономической катастрофы?

В данном случае для ответа на этот вопрос представляется подходящей фраза, приведенная П. Вяземским, как бы странно и с долей шутки она ни звучала: «В России от дурных мер... есть спасение — дурное исполнение». Вероятно, также еще сказывается природная «живучесть» плюс «закаленность» нашего населения в условиях многовековых отечественных реалий...

Как уже упоминалось выше, с деиндустриализацией в России произошел переломный момент в экономическом развитии — ее достижения, полученные в рамках предыдущего ТУ, были практически полностью разрушены, пострадали технологические «цепочки», деградировал промышленный комплекс и важнейшие блоки социальной сферы (такие, как образование, медицина и здравоохранение, частично — культура и искусство, и т.п.). Усилилось противоречие между ресурсным богатством страны и ущербностью ее экономического состо-

яния, еще более вырос уровень многоукладности экономики. Таким образом, согласно принятым в мире основным экономическим показателям, экономика России по своему состоянию в данный момент не может входить в состав «ядра» нового МХУ; однако она, безусловно, включается туда по уровню своего ПОТЕНЦИАЛА и экономических ПРЕИМУЩЕСТВ, которые необходимо реализовать в кратчайшие сроки для раскрытия истинных возможностей страны и достижения необходимого уровня экономики, достаточного для перехода в группу экономик-лидеров.

«Прививка» от деиндустриализации, возможности и условия реиндустриализации в России

Как бы то ни было, любой стране и любому обществу необходимо понимать и помнить главное: промышленность (конечно, качественно новая, соответствующая парадигме концепции НИО.2) продолжает оставаться фундаментом материального производства и ее вклад — основа экономически развитой страны (что в том числе было доказано нами выше). Причем — в силу своей природы, развивающейся более устойчиво: например, такого феномена, как «бегство», у промышленного капитала нет, а есть только у финансового. Без этого экономического фундамента и «топлива», необходимого для его работы, ничего не построить. При этом машиностроительная отрасль должна на данном этапе продолжать рассматриваться как базовый элемент промышленности, который, с одной стороны, требует структурной независимости, а с другой — определяет уровень национальной безопасности.

Определив понятия «индустриализация» и «деиндустриализация» и проанализировав их сущность и последствия, перейдем к исследованию реиндустриализации, а также ее возможностей, условий и особенностей для России.

Под реиндустриализацией понимается процесс, включающий не только восстановление роли промышленности в экономике и максимально возможное восполнение потерь от деиндустриализации, но и модернизацию индустриальной системы в целом, ориентированную на «длинные» деньги, и переход на стадию нового индустриального развития и НИО.2.

В современных российских условиях она в качестве рычага подъема экономики и особого инструмента стратегического планирования и импортозамещения должна включать разработку и практическую

реализацию внутренних взаимосвязанных проектов, создающих потребительские стоимости на внутреннем (с основным упором) и внешнем рынках на основе технологий нового ТУ.

Обоснованно ожидаемым результатом отечественной реиндустриализации станут устойчивые темпы экономического развития, рост общественного благосостояния, внедрение экологически ориентированных технологий и производства, решение проблемы построения пути к обеспечению лидерства России в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. Лидерства — не в целях навязывания чего бы то ни было кому бы то ни было, а — по необходимости: не вошедшие в число лидерского «ядра» нового МХУ экономики станут вынужденно второстепенными и «вспомогательными» для экономик-лидеров, с соответствующими социальными последствиями для своего населения.

К конкретным задачам реиндустриализации, по нашему мнению, следует отнести, например, освоение производства высокотехнологичной продукции по критически важным направлениям НТП, обновление соответствующих производственных фондов и технологий, осуществление необходимых для этого структурных сдвигов с дальнейшим повышением в экономике в целом доли продукции с высокой добавленной стоимостью, переподготовку и переквалификацию производственных и инженерных кадров, развитие интеллектуального потенциала населения (с особым упором на молодежь), интеграцию в международные проекты и инновационные процессы, использование международного сотрудничества и опыта собственного эффективного индустриального развития.

Для обеспечения результативности реиндустриализации в России обозначим следующие основные правила (принципы) ее проведения:

1) концентрация инвестиций в ключевых отраслях-драйверах экономики и поддержка приоритетных направлений; таким образом, реиндустриализация предстает в качестве специфического инструмента для изменения вектора экономического развития и качественного системного преобразования;

2) достижение высокой степени адаптивности производства к динамичным условиям НТП и потребностям рынка;

3) ориентация произведенной продукции на внутренний рынок, не отказываясь от экспорта промышленной продукции в тех областях, где это возможно;

4) широта и глубина охвата, создание привлекательности и конкурентных преимуществ территорий;

5) стратегичность или долгосрочный период реализации.

Насколько возможно проведение реиндустриализации в России на изложенных принципах?

Как показывает практика, реформы в любой стране легче и лучше проводить, когда ее экономика находится на подъеме или в относительно благоприятных стабильных условиях (что, например, сегодня демонстрирует Китай). В настоящее время существенная особенность российской технологической реиндустриализации заключается, однако, в том, что она должна происходить в неблагоприятных условиях: при еще не восстановленном в полном объеме/связности и существенно фрагментированном промышленном научно-технологическом комплексе (более чем на 50% разрушенном в ходе системного кризиса 1990-х гг.), стагнирующей экономике и затяжном санкционном режиме. Это, однако, вовсе не означает, что реиндустриализация отечественной экономики обречена на провал, мы только подчеркиваем сложность ее стартовых условий, что, однако, как было показано выше, практически всегда в истории страны являлось скорее стимулом, нежели сдерживающим фактором для ее развития. Более того, можно утверждать, что советская индустриализация 30-х гг. прошлого века стартовала в условиях не менее, а скорее, более сложных — и была настолько успешной, что позволила стране выстоять и победить в последующем противостоянии с экономической мощью практически всей индустриально продвинутой Европы.

Кроме того, для достижения позитивного результата необходимо выделить ряд структурообразующих направлений и сфер реиндустриализации, на которые должны сконцентрироваться усилия государства и ГЧП; среди таковых мы бы в качестве приоритетных выделили ИКТ, биотехнологии, энергетика и энергосбережение, космические технологии и системы, наноматериалы и технологии, ВПК и ядерные технологии (табл. 26). Эти перспективные направления, входящие в «ядро» нового ТУ, притом (что чрезвычайно важно) — уцелевшие в нашей экономике и продолжившие развитие благодаря ряду факторов (например, сохранившимся советскому «фундаменту» и отечественной научной традиции), являются не только тем остовом, вокруг которого могут наращиваться «сестринские» и «дочерние» технологии, создавая полноценные и саморазвивающиеся комплексные техноценозы,

но и стать вполне приемлемой базой для «прорывного» вектора технологического движения в целом.

Таблица 26

Перспективы реиндустриализации в России

Сильные стороны НТК	Значимость масштабов; значительный набор специфического научно-экспериментального оборудования; авторитетные позиции в мире по целому ряду направлений естественнонаучных исследований
Области, выделяющиеся наличием перспективных заделов, технологических возможностей и (или) производственных мощностей	ИКТ Авиастроение Ракетно-космическая техника Ядерная энергетика Противоэпидемическая безопасность
Возможности на основе качества научных заделов, публикационной и патентной активности	Превращение в локального лидера и (или) «квалифицированного акцептора» (на стартовой стадии) Перспективные направления: АПК, технологии добывающих отраслей, производство материалов и топлива, ИКТ, машиностроение, био-фарма-медотрасли и технологии
Требования для раскрытия потенциала реиндустриализации	Создание условий для технологического «рывка» Разработка и реализация проектной базы для «рывка» Системные реформы, предполагающие реализацию принципа солидаризма при «взаимувязке» интересов всех участников технологического развития

Источник: составлено авторами на основе [Широв (ред.), 2022: 182–197].

Активно приветствуется авторами и развитие инициатив по импортозамещению¹, о необходимости чего много и достаточно убедительно у нас говорилось начиная с десятых годов настоящего времени, но реальный акцент на которые пришелся как раз в период санкционного режима западных стран в отношении России.

Под импортозамещением в промышленности следует понимать комплексный, системный и сложнейший процесс, напрямую связанный с реиндустриализацией, поскольку он представляет собой не только переход с импортной продукции (в первую очередь оборудования, комплектующих и т.п.) на отечественные аналоги, но и модернизацию технологической основы, обновление и расширение фондов и мощностей, обеспечение притока инвестиций в необходимых объемах

¹ См., например: [Бодрунов, Погова, 2014]; https://aif.ru/money/economy/akademik_glazev_rasshirenje_importozameshcheniya_eto_rost_vvp_do_10_v_god?ysclid=lcjyud0wam505736752.

и т.д., без которых он невозможен. Таким образом, импортозамещение целесообразно рассматривать как одно из направлений и даже неотъемлемую компоненту реиндустриализации.

Актуальность импортозамещения для нашей страны не вызывает сомнений. Действительно, по оценкам экспертов, разрыв между ростом импорта и ростом отечественной промышленности с 1990-х гг. колоссален, а по объемам деятельности уровень последней даже в 2020 г. не достигает аналогичного показателя 1990 г. Более того, несмотря на постановку задачи импортозамещения и движения в этом направлении, рост импорта все же наблюдался даже в 2021 г. — 26,4% по сравнению с предыдущим годом [Ползунова, 2022: 20–21].

Среди причин подобных проблем можно выделить несколько наиболее острых.

Во-первых, это сложившийся в результате деиндустриализации 1990–2000-х гг. высокий уровень импортозависимости отечественной экономики, приведший к технологическому и общеэкономическому отставанию страны от должного ПОТЕНЦИАЛЬНОГО уровня развития. Так, согласно оценкам 2022 г., критический уровень импортозависимости отмечается в таких отраслях, как дорожно-строительная техника и станкостроение — 90%, электронная и станкоинструментальная промышленность — свыше 85%, тяжелое машиностроение и машиностроение для пищевой промышленности — порядка 70%, легкая, текстильная и медицинская промышленность, ПО и фармацевтическое производство — более 60%¹. Причем внутренний спрос на конец 2010-х — 2020 гг. покрывается отечественной техникой только на 8% в станкостроении, на 23,2% — в производстве дорожно-строительных машин, не более чем на 32% — на рынке сельхозмашин [Ползунова, 2022: 23].

Во-вторых, это так называемые проблемы управленческого характера [Ползунова, 2022], что подтверждает обозначенную нами выше необходимость реализации именно комплексных, системных реформ. Особая роль в достижении эффективности импортозамещения, безусловно, отводится при этом соответствующей государственной политике, а также ГЧП и успешному вовлечению в эти процессы среднего и малого бизнеса, способного «сыграть на качественное ускорение».

¹ Источник данных: Стратегическое импортозамещение: инвестиционные возможности и приоритеты в условиях глобального кризиса. Презентационные материалы ВШЭ (мастер-класс, Вдовин И.А. Петруца Р.В.), 2022. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/792093986.pdf?ysclid=lbx84mfyvo750446788>.

Немаловажно при этом использовать опыт, накопленный СССР, и схожие примеры из мировой истории.

Наконец, в третьих, это — торможение развертывания процесса импортозамещения в силу ряда объективно действующих факторов: как внешних (например, пандемия *COVID-19*, в особенности в 2020–2021 гг.), так и внутренних — прежде всего, сложности самого процесса импортозамещения в условиях нынешнего состояния российского индустриального комплекса, не имеющего достаточной полноты набора необходимых технологий и производств, их кооперационной связности, мощности, разрушенных индустриальных структур (от элементарных связок «разработчик-производитель» до целых техноценозов) и т.д., и, что не может не влиять на него, — отечественной экономики в целом (а с 2022 г. — еще и санкций, во многом препятствующих налаживанию кооперационных связей даже внутри страны). Несмотря на то что в ряде случаев в течение последних лет наблюдались позитивные тенденции (рис. 20), структура российского технологического импорта (и, опять подчеркнем, особенно в условиях западного санкционного режима) продолжает вызывать опасения — как своим «разно- и многообразием», так и стратегической значимостью затронутых отраслей (рис. 21).

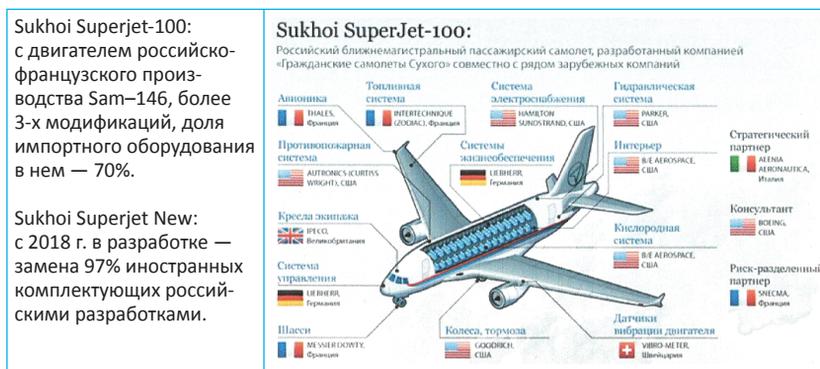

Рис. 20. Пример реализации импортозамещения

Источник рис. 20, 21: Стратегическое импортозамещение: инвестиционные возможности и приоритеты в условиях глобального кризиса. Презентационные материалы ВШЭ (мастер-класс, Вдовин И.А. Петруца Р.В.), 2022 (<https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/792093986.pdf?ysclid=lbx84mfyvo750446788>).

Всю глубину последствий деиндустриализации в полной мере можно прочувствовать и емко выразить с помощью мудрой народной сентенции: «разрушить всегда легче, чем построить», или «ломать — не строить». Действительно, для создания, наращивания и развития техноценозов [см. Кудрин, 1980; а также Ферсман, 1934; Кудрин, 1998] в целях восполнения соответствующих «лакун» в отечественном индустриальном комплексе потребуются — и так это происходит везде в мире — многие и многие годы плюс немалые целенаправленные (как правило) усилия, планомерное и непрерывное финансирование и т.д. России же сегодня приходится мгновенно реагировать на внешние и внутренние вызовы и играть на опережение, что всегда сложнее.

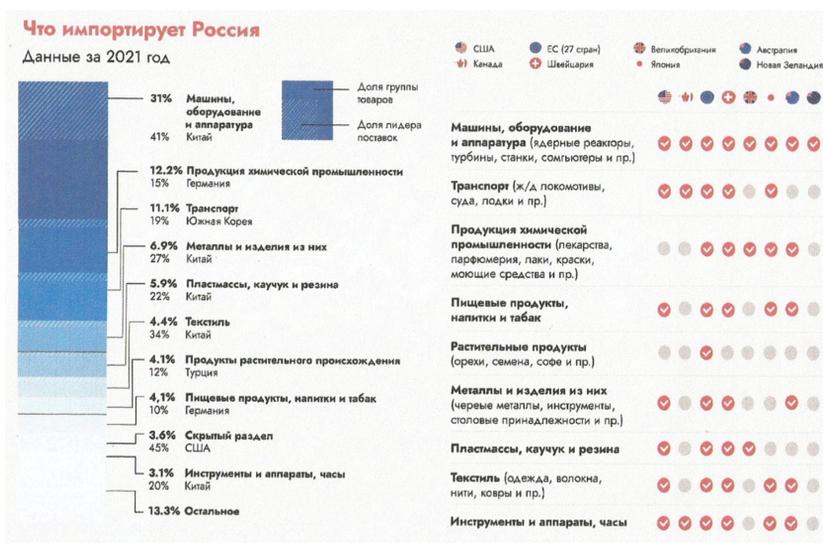

Рис. 21. Структура импорта России с учетом текущего санкционного режима, 2021 г.

Кроме того, наиболее полное и реальное импортозамещение, обеспечивающее достижение цели технологической и кооперационной независимости, как правило, должно происходить по всей технологической и производственной «цепочке», в то время как зачастую недостаточно осознающими проблему специалистами понимается и осуществляется как некое «затыкание брешей», дабы устранить «течь»

в различных отдельных частях этой «цепочки». Не говоря уже о том, что известно любому технарю-практику и производственнику: необходимо добиться сочленения замещающих элементов таких «цепочек» по всем «узлам», требуются адаптация и проверка эффективности «притирки» механизмов, многочисленные испытания, сертификация изделия с замещенными элементами и т.п., а для этого нужен тот самый, уникальный и главный экономический ресурс — ВРЕМЯ, которое (как ни банально это прозвучит) невозможно остановить и повернуть вспять. Следовательно, еще одна важнейшая особенность действенного импортозамещения — не «повторение пройденного», ибо это — фактическое отставание в технологическом развитии (пока вы будете «импортозамещаться», дублируя старое/существующее изделие, иностранные конкуренты, которых вы пытаетесь «заменить», уйдут вперед!), но получение в его результате нового, более высокого качества изделия и (или) его более продвинутых потребительских характеристик. Только такое импортозамещение будет реально работать и на реиндустриализацию экономики страны в том варианте, который мы имеем в виду.

Именно поэтому нарастить темпы импортозамещения в настоящее время довольно сложно. Однако возможно — с помощью системных реформ, направленных на достижение цели реиндустриализации российской экономики и воссоздания и укрепления технологического и промышленного суверенитета, что включает в себя целый комплекс мер с раскрытием важнейших элементов нашего экономического ПОТЕНЦИАЛА страны (технико-технологического, индустриального, научного, кадрового, валютно-финансового и т.п.).

Одним из основных условий, определяющих эффективность реиндустриализации, является ее реализация в гармонии с институциональным аспектом. Поистине глубокая, устойчивая и успешная реиндустриализация с долгосрочными полезными результатами возможна лишь тогда, когда изменятся базовые институции нашего общества. В данном случае мы не будем подробно останавливаться на этапах, правовых основах, рисках и барьерах реиндустриализации, все это было довольно подробно изложено в наших предыдущих работах (например, [Бодрунов, 2013а-с; Бодрунов, 2015b и другие]). В любом случае начинать системные реформы, на наш взгляд, необходимо с восстановления роли планирования (кратко-, средне- и (особенно) долгосрочного) и прогнозирования, а также создания стратегического

плана реиндустриализации и эффективных нормативно-правовых основ для его реализации [см.: *Bodrunov, 2022a*, а также одно из интервью С.Ю. Глазьева¹]. В данном контексте особое значение имеет много-страдальный Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», редакции которого обоснованно подвергались критике со стороны научного сообщества². В этой связи обнадеживают и начавшийся, пусть пока и скромный, поворот к переосмыслению роли плана как института в научном сообществе, в СМИ, и первые практические шаги Минпромторга по использованию элементов планирования; остро необходимо восстановление института планирования в правах, несправедливо поправанных в предыдущие десятилетия.

В контексте развития отечественной экономики ввиду предстоящего нооперехода роль стратегирования для России становится как никогда определяющей и даже центральной. На практике одной из «первых ласточек» в области реализации подобной инициативы стало стратегирование развития Кузбасса [см. Цивилев, 2020 (с активным использованием данного термина); Квинт (ред.), 2021 — рецензентом по данной монографии, входящей в состав целой «Библиотеки «Стратегии Кузбасса», выступил один из авторов].

Отметим, что в силу в первую очередь деиндустриализации предыдущих десятилетий и пролонгированных, являющихся во многом ее следствием, системных проблем, в настоящий момент отечественная экономика реализует далеко не весь спектр своих ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ возможностей, обозначенных нами выше.

Для того чтобы в полной мере раскрыть ПОТЕНЦИАЛ российской экономики и совершить технологический «рывок в будущее» и ноопереход, на наш взгляд, необходимо реализовать — целенаправленно и планомерно — стратегию опережающего развития и реиндустриализации с параллельным достижением целей национальной безопасности, включая следующие меры [приведено на основе: Глазьев, 2022]:

I. осуществить разработку стратегического плана по мобилизации имеющихся в наличии ресурсов в интересах создания условий для

¹ План или пропал. Экономист Сергей Глазьев – о том, зачем России Госплан. 13.01.2023. URL: https://me-forum.ru/media/news/15705/?utm_medium=email&utm_source=Unisender&utm_campaign=%D0%A0%D0%90%D0%A4.

² См.: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/?ysclid=lbsz0xkaib916624000.

опережающего развития экономики на базе технологий нового ТУ и обеспечения населения России необходимыми товарами, с разработкой и введением соответствующей нормативно-правовой базы, привлечением ГЧП и специальных инструментов финансирования Банка России для его эффективного исполнения;

II. не отказываясь от базовых конституционных принципов, осуществить формирование, с учетом нынешних условий, централизованной структуры управления реализацией базовых экономических решений с жесткими рамками их исполнения и ответственности, установление специального госконтроля над экспортом/импортом стратегически важных товаров в целях приоритетного обеспечения системообразующих предприятий всей полнотой необходимых ресурсов, с введением особого порядка формирования госрезерва;

III. обеспечить подчинение макроэкономической политики (в том числе такой ее компоненты, как ДКП) целям реиндустриализации и роста производства высокотехнологичной продукции с организацией доступного кредита;

IV. создать резервы стратегических видов сырья и материалов, которые требуются для выпуска специальных видов продукции и обеспечения национальной (в том числе экономической, финансовой, социальной) безопасности страны;

V. провести национализацию/ренационализацию необходимых финансовых структур (бирж, банков и прочего), обеспечив восстановление на этой основе управляемости курсом рубля и защиты национальной валютно-финансовой системы от спекулятивных атак, существенное повышение эффективности валютного контроля, деофшоризацию и прекращение «бегства капитала»;

VI. осуществить переориентацию с использования данных и оценок рейтинговых агентств, аудиторских, консалтинговых и юридических компаний недружественных стран в методиках расчетов и работе всех субъектов хозяйственной деятельности на применение результатов деятельности соответствующих российских организаций;

VII. углубить евразийскую экономическую интеграцию — прежде всего, по набору функций регулирования экономики; в качестве дополнения к ним могут рассматриваться валютная, денежно-кредитная, образовательная, научно-техническая политика;

VIII. осуществить полноценный переход на национальные валюты во взаимной торговле и инвестициях в рамках ЕАЭС и СНГ, и далее —

в БРИКС и ШОС, выведение совместных институтов развития из долларовой зоны, развитие собственных независимых платежных систем и систем обмена межбанковской информацией.

Ключевая идея стратегии опережающего развития заключается в опережающем становлении базисных производств нового технологического уклада, модернизации экономики на его основе и скорейшем выводе экономики на связанную с ним новую длинную волну роста. Для этого необходимо концентрированное вложение ресурсов в развитие перспективных производственно-технологических комплексов нового технологического уклада, что невозможно без системы целенаправленного управления финансовыми потоками. Создание такой системы управления, включающей механизмы денежно-кредитной, налогово-бюджетной и валютной политики, ориентированные на становление «ядра» нового технологического уклада, должно стать стержнем стратегии опережающего развития России. Макроэкономическая политика должна создавать условия для реализации общих приоритетов досрочного технико-экономического развития.

Сценарий опережающего развития экономики реализуем на основе повышения научно-технологического и производственного потенциала, расширения емкости внутреннего рынка, улучшения макроэкономической среды для продуктивной кооперации и реализации значимых евразийских инвестиционных проектов. Для его осуществления необходима переориентация макроэкономической политики на цели развития в соответствии с принципами нового мирохозяйственного уклада.

5.3 Россия в многополярном мире: ускорение развития и векторы сотрудничества в новом мирохозяйственном укладе

Слово «сотрудничество» всегда являлось для России и ее народа символичным и насыщенным глубоким смыслом. По нашему глубокому убеждению, оно обозначает не только участие в совместном труде или общие усилия, действия, работу, но и содружество, понимаемое как дружеское единство/единение («соединение воедино»), что предполагает и поддержку, и конструктивную помощь в трудные периоды. Это подчеркивает, что партнеры не боятся проблем, готовы совместно как делить трудности, так и приумножать взаимные выгоды

и плоды сотрудничества — в чем заключается поистине «высшая математика» жизни и отношений — между людьми, целыми народами и государствами — та самая «математическая логика», которая, собственно, и движет устойчивым и гармоничным развитием человеческой цивилизации.

Именно поэтому особое значение в нашем исследовании отведено векторам международного сотрудничества России, выступающей за построение многополярного мира и поддержание «единства в многообразии» и «разнообразия в единстве», и именно поэтому мы хотим завершить наше исследование размышлениями на эту тему.

Понимание выявленных нами и изложенных в нашей работе объективных закономерностей социально-экономического развития, а также логики развертывания мировой гибридной войны и субъективных проблем отечественной системы управления позволяет сделать следующие выводы и дать некоторые, представляющиеся нам важными, рекомендации.

Во-первых, те мировые центры предыдущего МХУ, которые не пошли по пути мира, а устремились в направлении приоритизации в своих целеполагании и практике достижения эгоистической экономической выгоды [см., например, Кондратьева, 2020, Ал.А.Громыко и др., 2022], «потопления» конкурентов, конфликтов (как «холодных», так и «горячих») и санкций — исторически обречены на потерю лидерского статуса. «Сияющий град на холме», со своей миссией «мирового надзирателя», тем самым обозначающий и подчеркивающий свою «исключительность» и стремящийся выделить себя как особую часть мира, в итоге рискует превратиться в «соляной столп» — библейский символ ослушавшихся высших запретов, на которых зиждется жизнь человеческой цивилизации. Ни для России, ни для Китая, ни для Индии, ни для их ближайших государств-союзников никогда не были характерны подобная парадигма и гегемонистские цели. Эти страны придерживаются стратегии достижения/сохранения лидерства не путем «сдерживания» конкурентов, а за счет усиления кооперации в главных направлениях, принципа развития не за счет кого-то, а вместе со всеми.

Во-вторых, необходимо помнить о том, что теоретическая опора и обоснование «справедливости» и «логичности», а также популяризация соответствующих идей есть не только у тех, кто выступает на «стороне добра», но — и на «стороне зла». Многие научные центры (здесь мы не будем указывать конкретные организации, институты и лиц —

большинство читателей вполне осознает, о ком и о чем идет речь), находясь в экономическом пространстве и зависимости от экономических элитарных кругов, вырабатывают и экономически же «обосновывают» решения исходя не из общечеловеческих ценностей, а в пользу конкретных частных экономических интересов. Такие структуры могут возникнуть в любой стране, поскольку они способны умело маскироваться и всегда имеют так называемую влиятельную крышу, обеспечиваемую их истинными, хотя зачастую глубоко завуалированными «работодателями» и заказчиками. Именно подобным образом, например, на наш взгляд, в значительной части (часто — сознательно, порой — даже неосознанно) подобный тренд в экономической «аналитике» привел и к образованию современного «мейнстрима» экономической мысли.

Кроме того, добавим к этому, широкая практика создания в последние десятилетия западными странами политико-экономических блоков показывает, что в большинстве своем (особенно в последнее время) они представляют собой на поверку не центры содействия мировому развитию, а либо прямо, без прикрас, декларируемые военные партнерства, либо объединения для целей противостояния кому-либо или чему-либо. И идейную платформу таких объединений готовят и продвигают (и даже можно сказать — «пробивают») в общественное сознание именно такие аналитические группы. Так, казалось бы, даже с недавних пор активно применяемый в мейнстриме аналитико-экономической сферы ставший популярным экономический термин «*think tank*», в переводе с английского обозначаемый у нас как «фабрика мысли» или «мозговой центр» и представляющий собой якобы независимую экспертно-аналитическую структуру, содержит слово «*tank*», вызывающее не просто известные косвенные ассоциации с проламывающим все и вся и «непробиваемым» наступательным типом вооружений, но имеющее в том числе и прямую военную коннотацию (боевая машина — танк). Конечно, для этого термина предлагается и иная, более «красивая» метафора: нам якобы стоит понимать «*tank*» как «резервуар», а «*think*» как топливо в виде «мысли», результат «деятельности» которого, соответственно, придает основу и ускорение стратегическому развитию социума, экономики, государства и т.п., а также институт, способный неуклонно и напористо продвинуть и отстаивать свои идеи. Однако, если обратиться к истории, то термин «*think tank*» в современной трактовке появился в период Второй мировой

войны и изначально применялся для определения американских и британских государственных — и именно военно-аналитических! — организаций; он постепенно вытеснил так называемый «*brain trust*» («мозговой трест»), обозначающий группу квалифицированных аналитиков-советников, известных еще со времен Рузвельта и поспособствовавших его победе в президентских выборах [приведено на основе: Балаян, Сунгуров, 2014: 7–9]. Таким образом, представляется, что необходимо не только с осторожностью использовать данный термин (а, возможно, и вообще отказаться от него как от очередного малоприемлемого «веяния западной моды»), но и, что гораздо более важно, тщательно анализировать истинные цели подобных структур, за которыми подчас вообще неизвестно что скрывается, но — «аргументированно» и настойчиво навязывается. Ведь надо помнить о хотя и нейтральности самого по себе ЗНАНИЯ как такового, но которому человек властен придать любой, в том числе — и подобный воинственный — «окрас».

В данном исследовании, прежде всего, предлагается, следуя мирному и взаимовыгодному пути социально-экономического развития, идти иным путем — создавать национальные, межстрановые и международные аналитические центры и сообщества для формирования соответствующего теоретического и практического фундамента, а также общественного мнения НА ОСНОВЕ НООЦЕННОСТЕЙ. Например, эта задача в настоящее время реализуется как в Китае (в рамках построения «сообщества единой судьбы человечества»), так и в РФ (взять хотя бы деятельность Вольного экономического общества (ВЭО) России, поддерживаемую и развиваемую обоими авторами¹, и ряда других крупных российских общественных ассоциаций). Подготовка основы под соответствующие идеи и проекты должна активнее происходить в рамках ШОС, БРИКС, ЕАЭС и т.п. интеграционных инициатив.

Наконец, в-третьих, формирующиеся мировые центры нового Интегрального МХУ уже сегодня, осознавая всю трагичность ситуации и оценивая реальные и потенциальные последствия мировой гибридной войны, очевидно (и от этого никуда им, вообще говоря, не деться!), должны принять на себя ответственность за судьбы мира, следуя ценностям воссоединения и братства, исповедуя принципы истинного солидаризма в таком следовании.

¹ См. подробную информацию о ВЭО России: <https://veorus.ru/?ysclid=lc052bjjib765856664>.

При этом на данном этапе для нашей страны имеет смысл обратить внимание на следующие рекомендации, широкая система которых приведена в [Глазьев, 2022] и которые мы полагаем, хотя и в некотором сокращении, целесообразным привести здесь:

I. Выработка странами-центрами нового МХУ собственной национальной и интегральной стратегии для одержания победы в мировой гибридной войне и выхода из «ловушки рефлексивного управления». При этом миссия России (как государства, в настоящее время принявшего на себя главный удар разрушительных для развития цивилизации сил и вынужденно осуществляющей активное этому противостояние) в данном ответственнейшем деле видится нами а) погруженной в глобальный контекст, б) состоящей в сплочении народов (как внутри страны, так и за ее пределами) в борьбе за мир на базе идей нооразвития, и в) наполненной истинным экзистенциальным смыслом, заключающимся в спасении человеческой цивилизации.

II. Обоснование целей реализации соответствующей стратегии как недопущение нацизма, расизма, ядерного терроризма, защита человечества от дегуманизации, устранение угроз разработки и применения биологического оружия, прекращение вмешательства одних стран во внутренние дела других суверенных государств и эксплуатации странами-эмитентами мировых резервных валют остального мира путем навязывания неэквивалентного экономического обмена и санкционных угроз, и т.п.

III. Создание поддерживающей борьбу за выживание человечества широкой международной коалиции (включая консервативно-социальные силы западных стран), инициатором которого могла бы выступить Россия, и разработка (в том числе на базе идей теории ноономики и концепции социально-консервативного синтеза) и практическое воплощение идеологической основы ее формирования как целостного экономического и общественно-геополитического образования.

IV. Восстановление исторической памяти совместного развития народов Евразии и осознанное конструирование предложенного Россией Большого Евразийского партнерства со всеми необходимыми для устойчивого развития контурами воспроизводства.

V. Инициация в БРИКС, ШОС и ЕАЭС программ скорейшего (совместного!) перехода к новому МХУ, основанных на принципах взаимного уважения национальных суверенитетов, равноправия, взаимовыгодности и справедливости в международных отношениях, строгого соблюдения международного права.

VI. Выработка «коалицией за переход к новому МХУ» позитивной программы переустройства мировой валютно-финансовой и экономической архитектуры на принципах взаимной выгоды, справедливости, уважения национального суверенитета и международном договоре (предусматривающем прозрачные правила эмиссии и обращения цифровой международной расчетной валюты, обеспеченной корзиной национальных валют стран-участниц этого договора и запасами производимых в них биржевых товаров, с созданием механизма ценообразования в этой валюте, формированием собственного биржевого пространства) для устранения:

1) бесконтрольной эмиссии нынешних мировых резервных валют, приводящей к злоупотреблениям эмитентов монопольным положением в собственных интересах и соответствующему нарастанию диспропорций и разрушительных тенденций в глобальной экономике;

2) неэффективных механизмов регулирования операций финансовых институтов, не способных обеспечить защиту национальных финансовых систем от спекулятивных атак, чрезмерных рисков трансграничного перетока спекулятивного капитала и образования финансовых «пузырей»;

3) барьеров для становления нового ТУ, включая нехватку инвестиций для широкого внедрения кластеров составляющих его базисных технологий, и т.д.

Участниками формирования новой справедливой и прозрачной мировой валютно-финансовой и экономической системы, наряду с Россией, Китаем, Индией и другими странами БРИКС и ШОС, могут стать страны АСЕАН, а также многие участники Движения неприсоединения.

VII. Увязывание идеологии евразийской экономической интеграции с современной парадигмой устойчивого развития и принципами Интегрального МХУ и перехода к НИО.2, построение ее политического воспроизводственного контура (на базе норм международного права и исходя из национального суверенитета, взаимовыгодности и добровольности сотрудничества на основе общих интересов) и гибкого экономического контура: для учета всей полноты разнообразия хозяйственных систем и свободы ведения внешнеэкономической деятельности, предотвращения внешних попыток дестабилизации национальных экономик, их втягивания в неэквивалентный обмен или в рамки технологического ограничения; обеспечения ее необходимыми для социально-экономического развития ресурсами; формирования и раз-

вития общего стратегического планирования и единого экономического, культурного, научно-образовательного и т.п. пространства.

VIII. Завершение процесса формирования в России государственной идеологии, соответствующей традиционным нравственным ценностям и закономерностям социально-экономического и научно-технического развития и основанной на принципе солидаризма и концепции социально-консервативного синтеза — не только и не столько вербально декларируемых, сколько практически подтвержденных в механизмах регулирования социально-экономического воспроизводства: в справедливом и комфортном для субъектов экономической деятельности прогрессивном налогообложении доходов и имущества; в универсальных социальных правах и гарантиях; в трудовых отношениях; в деловой этике и ответственности бизнеса; в процессах профессионального участия трудящихся в управлении предприятиями, граждан — в местном и государственном управлении; в восстановлении общенародной собственности на данные свыше природные ресурсы и в использовании их в формах, сохраняющих заинтересованность субъектов экономики в их эффективном хозяйственном применении, и на выстроенные всей страной объекты инфраструктуры; в точечно и рационально направленной национализации незаконно приватизированных ранее или поставленных под внешний контроль объектов инфраструктуры и стратегических предприятий-монополистов; в прекращении беспорядочного вывоза из страны капитала; в стимулировании созидательной деятельности акторов экономики госрегуляторами; в подчинении этой идеологии государственных СМИ; в «очищении» госаппарата от коррумпированных и некомпетентных кадров и, более того, в ориентировании всей системы госуправления на повышение общественного благосостояния, на обеспечение национальной безопасности и персональной ответственности за результаты своей деятельности; и, наконец, деолигархизации России и «отвязке» воспроизводства отечественной экономики от западного ценообразования на российские биржевые товары.

Не претендуя на полноту «пакета» представленных рекомендаций, авторы все же полагают, что для решения задач вхождения России в новый МХУ, очевидно, целесообразно без промедления приступить к их реализации, в первую очередь — связанных одновременно с применением и стратегии опережающего развития России, и плана международного коалиционного противостояния мировой гибридной

войне, линии фронтов которой, следует напомнить, проходят не только по территориям, но и в общественном сознании и в институтах управления воспроизводством экономики. Осуществление стратегии удержания мирового господства кем бы то ни было несовместимо с национальными интересами стран «ядра» нового МХУ и позитивным сценарием развития человеческой цивилизации — это факт. При этом любой крупный конфликт (и, в частности, украинский, сирийский, вокруг Тайваня и, к сожалению, многие другие) несет реальные риски перерастания во всемирную катастрофу, для избежания которой и предлагается в нашей стране осуществить приведенные выше меры — вполне и закономерные, и имеющие шансы на реализацию.

Для России, как и для других стран, «вливающихся» в развитие нового Интегрального МХУ, более приемлемо построение многополярного мира с балансом и гармонией сил внутри него, а также с приверженностью одного идеологии солидаризма, проявляемого как в решении проблем, так и во взаимной поддержке социально-экономического развития, нежели модели однополярного или биполярного миров с гегемонией выделенного лидера (с его ближайшими союзниками) либо с противостоянием двух государств/систем/блоков. В данном направлении уже выделяются соответствующие теоретические разработки [см., например: Дугин, 2013; Дугин, 2015 — в том числе, с систематизацией ранее представленных близких по смыслу концепций].

Представляется, что — вне зависимости от n -полярности мира — каждое государство имеет и будет выстраивать и далее так называемые векторы сотрудничества с другими странами и целыми регионами. Со временем эти векторы могут меняться: удлиниться, расширяться или истончаться, сдвигаться или даже перенаправляться — в зависимости от множества факторов. Как правило, неизменным, как показывает история международных отношений, остается лишь их физическое наличие для любого государства. И это надо учитывать.

В настоящее время принято говорить, что Россия «повернулась» со стороны на сторону («повернулась на Восток», «повернулась лицом к Востоку») вследствие ряда противоречий и недопонимания, возникших с западными странами-партнерами. Отдельные элементы этого ВЫНУЖДЕННОГО «поворота» усматриваются некоторыми аналитиками в изменениях, произошедших в политике, торговом, спортивном, культурном взаимодействии и т.п. и возникших вследствие многих причин — прежде всего, ввиду установления и развития санкционного

режима со стороны Запада в отношении России. Например, в первую очередь судят по активизации торговли с Китаем и так называемой переориентации критического экспорта: так, грузооборот между РФ и КНР в расчете по месяцам в млрд долл. США за январь — июль 2022 г. в среднем вырос по сравнению с соответствующим периодом 2021 г. (месяц к месяцу) примерно на 30%, объем поставок нефти из РФ в КНР за аналогичный период (из расчета месяц к месяцу в млн т) — примерно на 43%; на основе экспертных оценок и расчетов отмечается существенный рост наших поставок в КНР и других видов ресурсов: СПГ — почти на 29% (за первое полугодие), газа по трубам «Сила Сибири» — чуть выше чем на 63%, и угля — на 57% (год к году), меди — на 25% в годовом исчислении, а также алюминия, никеля и палладия¹. Кроме того, наметились и положительные тенденции для стран ЕАЭС: например, доля национальных валют в их взаимной торговле увеличилась с 63% в 2013 г. до 74% в 2019 г., а валютная структура их импорта при сравнении показателей за аналогичные годы отметилась сокращением долларовых операций с 43 до 37% — причем с замещением основного объема «вытесняемого» доллара национальными валютами [Винокуров, Лаврова, Петренко, 2021: 13–14].

Однако, являются ли произошедшие изменения в российской внешней политике действительно именно «поворотом» с Запада на Восток, — это еще большой вопрос: ведь до событий середины 2010-х гг. наша страна не была — просим у читателя прощения за выражение — «повернута задом» к восточным партнерам. И тому есть множество исторических примеров: так, еще в годы индустриализации первой китайской пятилетки (1953–1957 гг.), отмеченные ростом промышленного производства более чем в 2 раза и возведением заводов и комбинатов, силами СССР в Китае было построено 170 предприятий [Конотопов, Сметанин, 2012: 299]. По сравнению с советским периодом торговля с Индией сократилась на порядок.

На наш взгляд, корректнее было бы в данном случае говорить не о «повороте», а об изменении самой качественной структуры векторов сотрудничества России — в особенности с западными и восточными партнерами.

¹ Приведены данные и авторские расчеты на основе данных: Стратегическое импортозамещение: инвестиционные возможности и приоритеты в условиях глобального кризиса. Презентационные материалы ВШЭ (мастер-класс, Вдовин И.А., Петруца Р.В.), 2022 (<https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/792093986.pdf?ysclid=lbx84mfyvo750446788>).

Предлагается классифицировать эти векторы по нескольким категориям, выделив их союзнический тип с наиболее благоприятной средой для взаимодействия (включая направления по линиям БРИКС, ШОС, ЕАЭС и другие) и партнерские отношения с временно измененной вследствие «охлаждения» отношений стратегией взаимодействия, включая недружественные, согласно вновь введенному определению, страны.

Первая из означенных нами группа векторов поддерживается в том числе исходя из логики экономической взаимосвязанности и дополняемости стран-участниц, общности целей и задач, принципов и ценностей социально-экономического развития, исторической связности и т.д. — что уже не раз упоминалось и доказывалось нами выше.

Вторая группа векторов умышленно названа нами также «партнерскою», с упором на приоритет сотрудничества над противодействием и противостоянием. Почему мы подчеркиваем это в современных непростых условиях мировой гибридной войны, коей Россия стала вынужденным участником? И по какой причине РФ, тем не менее, «в отместку» не «поворачивается задом» к западным странам-санкционерам, помня известный петровский завет?

Именно потому, что в сознании многонационального российского народа идея солидаризма стояла и стоит в ранге высших жизненных ценностей и приоритетов. Более того, на протяжении всей своей истории он характеризуется особым сострадательным отношением (несмотря на переносимые и ранее, и впоследствии горести и тяготы) к странам и лицам, проявляющим к России недружественные действия или настроения, что наиболее емко выражено Л.Н. Толстым в романе «Война и мир» через слова М.И. Кутузова: «Пока они были сильны, мы себя не жалели, а теперь их и пожалеть можно. Тоже и они люди...» (а также в его острой и одновременно шутливой фразе, содержащей добродушно-стариковское пожуривание того, «кто к нам с мечом придет»: «А и то сказать, кто же их к нам звал? Поделом им, м... и... в г....» — чем в большей степени сейчас можно охарактеризовать сначала отказ ряда европейских стран от российских энергоносителей, а потом в их «метание» по поводу рассмотрения новых схем оплаты за газ или новых, хоть и более «дорогих», поставщиков, с возникновением первых же, в том числе ими же самими вызванных, трудностей).

Действительно, Россия всегда подчеркивает, что дорожит добрососедскими отношениями, готова на мирные переговоры и устранение любых «охлаждений» во взаимоотношениях с любыми, в том числе

и западными, партнерами. Кроме того, исторически установившиеся экономические связи с США, Японией, а уж тем более с европейскими государствами, объективно крайне сложно разорвать — что, к слову сказать, всегда являлось одной из спасительных сил для поддержания и сохранения идеи и практики солидаризма. Например, в настоящее время в России действует и поддерживается многочисленными субъектами хозяйственной деятельности такой феномен, как «параллельный импорт». Этот механизм открыт сразу по нескольким направлениям, включая американское (США, Канада), европейское (Швейцария, Великобритания), азиатское (Япония) и т.д. «Параллельно» импортируются различные категории товаров: бытовая и фототехника, автозапчасти и т.п. (общий объем накопленного за второе полугодие 2022 г. «параллельного импорта» оценивается более чем в 15 млрд долл. США). Конечно, недоброжелатели России могут утверждать, что данный механизм стоит рассматривать, скорее, как спасительный круг для самой РФ в условиях высокой импортозависимости отечественной промышленности и западных санкций. Однако на это мы можем возразить, приведя его отдельные весьма значимые особенности — такие, как высокие цены импортируемой продукции (в том числе вследствие выстраивания «цепочек» посредников), ИСКУССТВЕННО ЗАВЫШАЕМЫЙ спрос, отсутствие гарантий производителей и должного сервисного обслуживания. Этого скромного перечня, по нашему мнению, вполне достаточно для того, чтобы убедиться в учете Россией при «параллельном импорте» интересов производственных и торговых партнеров из недружественно настроенных ныне в отношении нее государств.

Как отмечалось выше, среди целей России особое место занимает ускорение социально-экономического развития, в том числе через международное сотрудничество, причем нами не обозначается приоритетный его вектор, а подчеркивается важность применения на практике идеи солидаризма. Мы не ошибемся, если подчеркнем главное: сохранение, расширение и углубление сотрудничества по всем векторам — вот истинная задача и ценность международного взаимодействия для России.

В завершение настоящей монографии хотелось бы отметить, что в отечественной литературе и науке не раз проводились символические параллели между образом России (и ее экономики) и кораблем, ход которого выстраивается сообразно естественным законам. Так, В. Лентьев сравнивал экономику с парусным судном, в котором кормило

(руль) — государственное регулирование/управление, а частная инициатива и интересы людей подобны ветру, наполняющему его паруса. Мы же, в современной манере, позволим себе сравнить Россию с космическим кораблем, «бороздящим просторы Вселенной». При этом само движение нашей «ракеты» подчинено как выявленным и проанализированным нами общим фундаментальным законам социально-экономического развития, так и управлению «центра полетов».

Для того чтобы наш полет был прорывным и благополучным, необходимо направить все усилия на достижение важнейшей цели — реализацию позитивного сценария развития Интегрального МХУ и качественный переход на благо российского народа и всего мира в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая монография написана авторами не только в целях формирования у читателей объективного представления о фундаментальных закономерностях социально-экономического развития и возможностях их применения в конкретной практической деятельности. Мы хотели также показать, как накопленный человечеством многовековой опыт, теории, концепции и догадки различных ученых, дополняясь и определенным образом изменяясь авторами в современных условиях с учетом требований и особенностей нового времени, «увязываются» воедино в формулируемых нами основных положениях и выводах о логике миросистемного развития и эволюции человеческой цивилизации. «Стоя на плечах гигантов» и предшественников (Г.В.Ф. Гегеля, Аристотеля, К. Маркса, Н.Д. Кондратьева и многих других), мы стремились создать для современников ясную картину настоящего и прогноза будущего, а для современного общества — некий «компас» как продукт научного и интеллектуального прогресса, позволяющий ему избрать верный путь для самосохранения и дальнейшего развития *«per aspera ad astra»*, через тернии экономического общества к «горним высям» ноономики и ноосферы.

Следует при этом отметить, что «компас» этот есть не «закостенелое устройство» с механически выстроенным набором догм. Реализованный нами в этом труде подход подвижен и гибок, и, надеемся, будет и дальше развиваться и дополняться новыми гипотезами и открытиями. Пока же в заключение настоящей работы мы расставим несколько важных акцентов, резюмируя вышеизложенное.

Итак, еще раз подчеркнем, что ключевой категорией теории ноономики является Знание. Знания формируют траектории трансформации человеческого общества на протяжении всей его истории [см. Бодрунов, 2020f]. Знание является базовой категорией, позволяющей объяснять смысл и содержание таких сопутствующих ей важных понятий, как потребности, ценности, культура, технологии, НТП и др. В свою очередь, эти сопутствующие категории с течением времени влияют на базовую. Так, расширение знания, познание человеком окружающего мира определяет новые потребности человека и общества. В свою

очередь, эти новые потребности стимулируют открытие новых сфер знания — уже для удовлетворения самих новых потребностей. Технологии и НТП, со своей стороны, предстают как формы воплощенного Знания. Существуют и так называемые высшие Знания, к которым относятся: религия, являясь в самом общем смысле данным свыше знанием; а также ценности и культура — как знания, приобретаемые человеком в процессе социализации. Эти высшие знания призваны, «сняв» нейтральность открываемого научного и т.п. знания, установить для него моральные и этические границы. Именно в этом смысле знание есть величайшая сила, как справедливо заметил Ф. Бэкон. Представляется, что без подобной основы, которую можно было бы назвать «ноофилософией», претендующей на выделение для себя определенной ниши среди различных направлений философской мысли, невозможно в принципе говорить о фундаментальных закономерностях развития человечества.

В рамках этой ноофилософии особое место занимает представленный в теории ноономики *PR*-закон, позволяющий выявить и обосновать логику технико- и социально-экономического, в том числе объяснить причины и механизмы смены технологических и мирохозяйственных укладов. Становление и смена ТУ определяются нарастанием взаимопроникновения и восприятия технологий, созданием на этой основе технологических «цепей» и связанных между собой технологических совокупностей, а также качественным повышением знаниеинтенсивности производства и знаниеемкости продукта с каждым новым ТУ. Теория смены технологических укладов отражает закономерности технико-экономического развития. Научная гипотеза о смене мирохозяйственных укладов описывает закономерности смены производственных отношений, институтов, систем управления. Вместе они составляют теорию общеэкономического развития, включая его социальную сторону и формируя целостную картину и основу для общественного устройства [см.: Глазьев, 1993; Глазьев, 2019 и многие другие работы автора].

В свое время Дж. К. Гэлбрейт, опираясь на исследованную им картину состояния промышленности и техноразвития середины XX в. в индустриально продвинутых США, назвал построенный там на этой основе тип общественного устройства Новым индустриальным обществом. Современный новый ТУ-VI и уже находящийся «на старте» новейший ТУ-VII выступают как материальная основа, а Интегральный МХУ — как

институциональная база для перехода к Новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2), т.е. они создают фундамент для формирования нового социального устройства, одновременно выступающего своеобразной «надстройкой» над ними.

Безусловно, НИО.2 — пока еще этап экономического развития, но уже здесь начинают превалировать ценности, а не экономические интересы. Формируемое в ходе его развития нооценностное «ядро» — это уже новая социальная база и предтеча нооразвития, которое, в свою очередь, является прямым путем к образованию ноо-общества, выстраиваемого на критериях разума и морально-этических норм, поворотной вехой траектории глобальной трансформации цивилизации в ноосферное существование, о котором писали В.И. Вернадский и Э. Ле Руа.

В данном контексте возникновения ноономики как неэкономического способа удовлетворения потребностей человека и социума, и, соответственно, материального основания для возникновения ноо-общества формирование ТУ-VII и Интегрального МХУ становятся поворотной точкой в истории развития человечества. Само название «Интегральный мирохозяйственный уклад» отсылает не только (и даже не столько) к известной идее так называемого интегрального общества, сколько к базовому смыслу понятий «интеграция» и «интеграционное пространство». И эта интеграция стран, регионов, обществ, обычно трактуемая в экономическом и политическом смыслах через выделенные Б. Балассой ее этапы¹, оказывается тем прочнее, чем более она основана на общих ценностях, взаимопонимании и солидаризме. Тем самым закладываются основы нового общественного устройства.

Ноо-общество, в нашем представлении, и есть та самая «идеальная» сфера, или «ноосфера», в общественном устройстве, о которой грезили классики-ноосферисты. Его генезис, ассоциируемый с «квадригой ноономики» (НТП, диффузией собственности, социализацией общества и солидаризмом), прослеживается уже в настоящее время. Его императивы: десимулятизация потребностей, переход к ноокритериальной базе ценностей, этические границы для безграничного знания и возникновение ноочеловека — воплощенного человека-разума и одновременно человека-души. Формирование такого общества в корне изменит современное представление о демократии, государстве

¹ См., например, одну из работ этого автора: Balassa B.A. (1961). The Theory of Economic Integration. London: G. Allen & Unwin Ltd, 1961.

и управлении социальным развитием. Посредством НТП и новейших технологических решений общество перейдет к самоуправлению, в котором подлинным «центром управления» станет нооценностное ядро, формирующее ноо-институты и феномен постгосударства, постепенно освобождающегося от функции принуждения. Человек в ноо-обществе будет жить в соответствии с личными и общими ноопринципами — это и есть в нашей трактовке истинная ноосфера, достижение которой возможно только в результате перехода к нооэкономике. Это — не идеальная утопическая картинка, а научно-обоснованная грядущая реальность, уже создаваемая странами нового МХУ: Китаем, который наиболее уверенно движется по пути нооперехода; Индией, постепенно выстраивающей на основе своей древней культурной традиции институты Интегрального МХУ; другими странами Юго-Восточной Азии, формирующими свои траектории продвижения к ноо-обществу, сочетающему духовную традицию с НТП.

Происходящая в настоящее время смена технологических и мирохозяйственных укладов — это самый сложный период мирового развития, характеризующийся обострением конфликтов в связи со сменой мировых лидеров и систем управления. Несмотря на риск прекращения позитивного развития нашей цивилизации вследствие противодействия властно-финансовой элиты назревшим изменениям, это время для масштабных экспериментов, всплеска творческой активности в обществе, поиска новых путей и форм развития. Именно сейчас, как никогда, особую важность приобретает планирование и стратегирование разноуровневой (от национальной до глобальной) трансформации для качественного и максимально быстрого нооперехода. Поэтому мы говорим о важности практической составляющей подхода, предложенного нами в данной монографии, и полагаем возможным его использование в качестве «компыаса» для всех стран, реализующих позитивный сценарий развития Интегрального МХУ. В том числе — это касается и России: для нее он может стать не только «компыасом», но и, смеем надеяться, практически полезным подспорьем для создания своего социально-экономического «чуда».

Мировая практика социально-экономического развития, особенно на протяжении прошлых десятилетий, наглядно убеждает: такие чудеса случаются. Но — случаются «не случайно», а лишь тогда, когда политика в сфере социально-экономического развития строится на твердых основаниях продуманной и неуклонно реализуемой стратегии.

Такую долгосрочную стратегию перехода к неэкономическому способу удовлетворения общественных потребностей и основанному на этом принципе социальному устройству как ноосферному пространству жизни людей позволяет выработать предлагаемый авторами подход. Ведь ноономика — плод дерева экономики, которая отомрет во имя новой жизни — подобно тому, как, согласно Евангелию от Иоанна, «если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авербух В.М.* Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор) [Текст] / В.М. Авербух // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2010. — № 71. — С. 159–166.
2. *Агадуллина Е.Р.* Дегуманизация: подходы к оценке не прямых предубеждений [Текст] / Е.Р. Агадуллина // Социальная психология и общество. — 2021. — Т. 12. — № 2. — С. 5–22. — DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120201>.
3. *Аганбеян А.Г.* От стагнации и кризиса — к социально-экономическому подъему России [Текст] / А.Г. Аганбеян // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. — 2021. — Т. 7. — № 2. — С. 4–27. — DOI: <https://doi.org/10.33029/2411-8621-2021-7-2-4-27>.
4. *Аганбеян А.Г.* О мерах по смягчению социально-экономических последствий от санкций, принятых «недружественными» странами против России в 2022 г. [Текст] / А.Г. Аганбеян // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. — 2022. — Т. 1. — № 2. — С. 36–56. — DOI: [10.37930/2782-618X-2022-1-2-36-56](https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-2-36-56).
5. *Аганбеян А.Г.* Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию [Текст] / А.Г. Аганбеян, А.Н. Клепач, Б.Н. Порфирьев [и др.] // Проблемы прогнозирования. — 2020. — № 6. — С. 18–26.
6. *Акаев А.А.* Становление ноосферной цивилизации в творчестве Ю.В. Яковца [Текст] / А.А. Акаев // Век глобализации. — 2018. — № 2. — С. 150–158. — DOI: [10.30884/vglob/2018.02.12](https://doi.org/10.30884/vglob/2018.02.12).
7. *Акаев А.А.* Стратегическое партнерство России и США: исторический опыт и перспективы [Текст] / А.А. Акаев, Ю.В. Яковец // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2018. — № 3. — С. 17–26.
8. *Алферов Ж.И.* Физика и жизнь [Текст] / Ж.И. Алферов. — СПб.: Наука, 2000. — 255 с.
9. *Анфиногентова А.А.* Использование всемирной базы данных «затраты — выпуск» для обоснования стратегии развития агропромышленного комплекса России [Текст] / А.А. Анфиногентова // Экономика и управление. — 2015. — № 3(113). — С. 4–10.
10. *Анфиногентова А.А.* Теоретико-методологические проблемы инновационного развития агропродовольственного комплекса России [Текст] / А.А. Анфиногентова, Н.А. Яковенко // Экономика региона. — 2011. — № 4. — С. 87–109.
11. *Балаян А.А.* Фабрики мысли: международный и российский опыт [Текст]: учеб. пособие / А.А. Балаян, А.Ю. Сунгуров. — СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2014. — 236 с.
12. *Бахтизин А.Р.* Гибрид агент-ориентированной модели с пятью группами домохозяйств и CGE модели экономики России [Электронный ресурс] / А.Р. Бахтизин // Искусственные общества. — 2007. — Т. 2. — Вып. 2. — URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800000085-2-1/>.

13. *Бахтизин А.Р.* Посчитать и действовать: агент-ориентированные модели помогут предсказать «Черных лебедей» [Текст] / А.Р. Бахтизин // Вольная экономика. — 2021. Июль-сентябрь. — С. 10–16.
14. *Бахтизин А.Р.* Развитие системы стратегического управления в условиях цифровизации [Текст] / А.Р. Бахтизин, Н.И. Ильин, М.В. Качан // Экономические стратегии. — 2022. — Т. 24. — № 1(181). — С. 20–33.
15. *Беккин Р.И.* Исламские теории социально-экономического развития в мусульманском мире: сходства и различия [Текст] / Р.И. Беккин // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2012. — Сер. 5. — Вып. 4. — С. 12–32.
16. *Бодрунов С.* Что такое ноономика? [Текст] / С. Бодрунов // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР, 2021. — 388 с. — С. 19–92.
17. *Бодрунов С.Д.* Модернизация общественных институтов: базовая антикризисная стратегия России [Текст] / С.Д. Бодрунов // Аэрокосмическое приборостроение России. Сер. 1. «Экономика авиаприборостроения». — 2009. — Вып. 9. — С. 5–16.
18. *Бодрунов С.Д.* Концепция нового индустриального развития России в условиях ВТО [Текст] / С.Д. Бодрунов. — СПб.: Институт нового индустриального развития (ИНИР), 2013а. — 172 с.
19. *Бодрунов С.Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России [Текст] / С.Д. Бодрунов. — СПб.: ИНИР, 2013b. — 680 с.
20. *Бодрунов С.Д.* Что делать? Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации [Текст] / С.Д. Бодрунов // Реиндустриализация России: возможности и ограничения (по материалам заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации). Аналитический вестник. — № 19(503); под общ. ред. В.Д. Кривова. — М.: Издание Совета Федерации, 2013. — С. 14–25.
21. *Бодрунов С.Д.* Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2015а. — № 4(46). — С. 9–23.
22. *Бодрунов С.Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России [Текст]. В 2 т. / С.Д. Бодрунов. — СПб.: ИНИР, 2015b.
23. *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка [Текст] / С.Д. Бодрунов. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016а. — 312 с.
24. *Бодрунов С.Д.* Индустриальное развитие и экономическая безопасность страны [Текст] / С.Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. — Т. 199. — М.: ВЭО России, 2016b. — С. 62–69.
25. *Бодрунов С.Д.* Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие [Текст] / С.Д. Бодрунов // Общество и экономика. — 2016с. — № 9. — С. 5–21.
26. *Бодрунов С.Д.* Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2016d. — № 2(48). — С. 5–14.

27. Бодрунов С.Д. О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2016е. — № 3(49). — С. 5–18.
28. Бодрунов С.Д. Возвращение индустриализации — возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2017а. — № 2(52). — С. 17–21.
29. Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество второго поколения: переосмысливая Гэлбрейта [Текст] / С.Д. Бодрунов // Гэлбрейт: возвращение; под ред. С.Д. Бодрунова. — М.: Культурная революция, 2017b. — 424 с. — С. 27–71.
30. Бодрунов С.Д. Четвертая индустриальная революция — пролог нового индустриального общества второй генерации [Текст] / С.Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. — Т. 205. — М.: ВЭО России, 2017с. — С. 262–284.
31. Бодрунов С.Д. К. Маркс. Четвертая технологическая революция. Ноономика [Текст] / С.Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. — Т. 211. — М.: ВЭО России, 2018а. — С. 367–389.
32. Бодрунов С.Д. Нооиндустриальное производство: шаг к неэкономическому развитию [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2018b. — № 1(55). — С. 5–15.
33. Бодрунов С.Д. Ноономика [Текст] / С.Д. Бодрунов. — М.: Культурная революция, 2018. — 432 с.
34. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2018d. — № 2(56). — С. 5–13.
35. Бодрунов С.Д. Ноономика как новая парадигма сбалансированного эколого-экономико-социо-технологического развития [Текст] / С.Д. Бодрунов // Энергия: экономика, техника, экология. — 2018е. — № 9. — С. 32–36.
36. Бодрунов С.Д. Ноосферное общество и ноопроизводство [Текст] / С.Д. Бодрунов // Новое качество материального производства: социально-экономическая трансформация. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики. Материалы научного семинара; под ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР, 2018f. — 99 с. — С. 16–35.
37. Бодрунов С.Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической [Текст] / С.Д. Бодрунов // Вопросы философии. — 2018g. — № 7. — С. 109–118.
38. Бодрунов С.Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2018h. — № 3(57). — С. 5–12.
39. Бодрунов С.Д. Генезис нового качества общественного развития: от нового индустриального общества второго поколения к ноономике [Текст] / С.Д. Бодрунов // Материалы научного семинара; под ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР, 2019а. — 51 с.
40. Бодрунов С.Д. НИО.2 и ноономика как ключевые ориентиры социально-экономической трансформации: предпосылки формирования и инструментарий развития [Текст] / С.Д. Бодрунов. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019b. — 76 с.

41. Бодрунов С.Д. Новоиндустриальные трансформации и их воздействие на интеграционные процессы на евразийском пространстве [Текст] / С.Д. Бодрунов // Разноуровневая и разноскоростная интеграция: контуры большого евразийского партнерства. Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ за 2018 год. — М.: Издание Совета Федерации, 2019с. — С. 116–122.
42. Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2019d. — № 4(62). — С. 6–18.
43. Бодрунов С.Д. Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. 2020а. — № 2 (64). — С. 4–14.
44. Бодрунов С.Д. Заметки о будущем: возможности интеграции ноономики и геополитэкономического подхода [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. 2020b. — № 2(64). — С. 188–193.
45. Бодрунов С.Д. На пути к ноономике: человек, технологии, общество [Текст] / С.Д. Бодрунов // Мир перемен. — 2020с. — № 2. — С. 24–39.
46. Бодрунов С.Д. Ноономика: базовые векторы генезиса [Текст] / С.Д. Бодрунов // Научные доклады ИНИР им. С.Ю. Витте. — СПб.: ИНИР, 2020d. — 23 с.
47. Бодрунов С.Д. Ноономика как модель социального устройства: предпосылки возникновения, сущность, механизм формирования. Вводная лекция к учебному курсу «Общая теория ноономики» [Текст] / С.Д. Бодрунов. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020е. — 39 с.
48. Бодрунов С.Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации [Текст] / С.Д. Бодрунов. — М.: ИНИР; Культурная революция, 2020f. — 224 с.
49. Бодрунов С.Д. Социализация: тернистый путь к ноономике [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2020g. — № 4(66). — С. 5–12.
50. Бодрунов С.Д. Теория ноономики [Текст]: курс лекций / С.Д. Бодрунов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020h. — 220 с.
51. Бодрунов С.Д. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2021а. — № 1(67). — С. 5–14.
52. Бодрунов С.Д. Как знания превращаются в фактор производства [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2021b. — № 4(70). — С. 5–21.
53. Бодрунов С.Д. Ноономика — базовый элемент новой концептуальной платформы стратегии опережающего развития [Текст] / С.Д. Бодрунов // Что делать? Полемиические заметки к вопросу о стратегии развития России. — М.: ВЭО России, 2021с. — 321 с.
54. Бодрунов С.Д. Ноономика как стратегический проект [Электронный ресурс] / С.Д. Бодрунов // Стратегирование: теория и практика. — 2021d. — Т. 1. — № 2. — С. 136–150. — URL: <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-2-136-150>.
55. Бодрунов С.Д. Ноономика: сущность и механизм перехода. Лекция в Уральском государственном экономическом университете [Текст] / С.Д. Бодрунов. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021е. — 29 с.
56. Бодрунов С.Д. От хомо экономикус — к хомо сапиенс [Текст] / С.Д. Бодрунов // Вопросы философии. — 2021f. — № 12. — С. 18–31.
57. Бодрунов С.Д. Пенетрация и риднесс (размышления о некоторых устойчивых закономерностях взаимодействия в естественных и общественных процессах)

- [Текст] / С.Д. Бодрунов // Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. — Т. V. Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий ИНИР им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества; под ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021г. — 638 с. — С. 401–407.
58. *Бодрунов С.Д.* Ресурсы роста: нооподход [Текст] / С.Д. Бодрунов // Урал — драйвер неоиндустриального и инновационного развития России: материалы III Уральского экономического форума (Екатеринбург, 21–22 октября 2021 г.). — Екатеринбург: УрГЭУ, 2021h. — 317 с.
59. *Бодрунов С.Д.* Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество [Текст]. Ч. 1 / С.Д. Бодрунов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. — 2022a. — Т. 1. — № 1. — С. 24–42.
60. *Бодрунов С.Д.* Новое индустриальное будущее для глобального мира [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2022b. — № 2(72). — С. 5–23.
61. *Бодрунов С.Д.* Ноономика и ноосфера: взаимосвязь и различия концепций [Текст] / С.Д. Бодрунов // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2022с. — № 1. — С. 7–31.
62. *Бодрунов С.Д.* Ноообщество: интегральное однородное общество на базе нооценностей, полилогия и постгосударство [Текст] / С.Д. Бодрунов // Тезисы к коллоквиуму Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, 2 декабря 2021 г. В. сб.: Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. — 2022d. — Т. 1. — № 2. — С. 148–151.
63. *Бодрунов С.Д.* От экономических интересов — к нооценностям [Текст] / С.Д. Бодрунов // Вопросы философии. — 2022e. — № 7. — С. 15–26.
64. *Бодрунов С.Д.* Современный технологический переход и его социально-экономические последствия [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2022f. — № 2(72). — С. 35–43.
65. *Бодрунов С.Д.* Технологический прогресс: предпосылки и результат социогуманитарной ориентации экономического развития [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2022g. — № 1(71). — С. 5–13.
66. *Бодрунов С.Д.* Коллоквиум Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте на тему «Пенетрация и риднесс». Стенограмма (06.09.2019 г.) [Текст] / С.Д. Бодрунов // Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. — Т. IV. Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий ИНИР им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества; под ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020a. — 422 с. — С. 376–379.
67. *Бодрунов С.Д.* Коллоквиум Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте на тему «Пенетрация и риднесс как универсальные свойства мироздания». Стенограмма (03.07.2019 г.) [Текст] / С.Д. Бодрунов // Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. — Т. IV. Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий ИНИР им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго

- поколения и нооиндустриального развития общества; под ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020b. — 422 с. — С. 371–375.
68. *Бодрунов С.Д.* Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее [Текст] / С.Д. Бодрунов // Ноономика. — Т. V. Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий ИНИР им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества; под ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. — 638 с.
69. *Бодрунов С.Д.* Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски [Текст] / С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг, Д.Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. — 2013. — № 1(35). — С. 19–49.
70. *Бодрунов С.Д.* Новая индустриальная революция и проблемы неравенства [Текст]: учебно-методическое пособие / С.Д. Бодрунов, Дж.К. Гэлбрейт; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. — М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2017. — 143 с.
71. *Бодрунов С.Д.* Концепция Нового индустриального общества: история и развитие [Текст] / С.Д. Бодрунов, Дж.К. Гэлбрейт; под ред. С.Д. Бодрунова. — Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2018. — 129 с.
72. *Бодрунов С.* По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономика [Текст] / С.Д. Бодрунов, Р. Десаи, А. Фриман. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2022. — 368 с.
73. *Бодрунов С.Д.* О базовых принципах формирования импортозамещающей промышленной политики в России [Текст] / С.Д. Бодрунов, Е.М. Рогова // Актуальные проблемы экономики и управления. — 2014. — № 4(4). — С. 7–12.
74. *Бодрунова С.С.* Ранние этапы истории британского политического спина [Текст] / С.С. Бодрунова // Средства массовой информации в современном мире. Тезисы научно-практической конференции 20–21 апреля 2005 г. — СПб.: СПбГУ, 2005. — С. 301–303.
75. *Бодрунова С.С.* Современные стратегии британской политической коммуникации [Текст] / С.С. Бодрунова. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. — 423 с.
76. *Бони Л.* Ликвидация бедности в Китае [Электронный ресурс]. Ч. 1 / Л. Бони // ASIA AND AFRICA TODAY. — 2020a. — № 8. — URL: https://www.ifes-ras.ru/files/abook_file/boni-asia-1.pdf.
77. *Бони Л.* Ликвидация бедности в Китае [Электронный ресурс]. Ч. 2 / Л. Бони // ASIA AND AFRICA TODAY. — 2020b. — № 9. — URL: https://www.ifes-ras.ru/files/abook_file/boni-asia-2.pdf.
78. *Брагина Е.А.* Экономика Индии под давлением COVID-19 [Текст] / Е.А. Брагина // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — Т. 13. — № 5. — С. 128–144. — DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-8.
79. *Бузгалин А.В.* По ту сторону мультикультурализма. Футуризм как снятие консерватизма: в поисках альтернатив мультикультурализму [Текст] / А.В. Бузгалин // Свободная мысль. — 2014. — № 5(1647). — С. 5–20.
80. *Бузгалин А.В.* Глобальный капитал [Текст]. В 2 т. Т. 1 / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). — М.: ЛЕНАНД, 2015a. — 640 с.

81. Бузгалин А.В. Глобальный капитал [Текст]. В 2 т. Т. 2 / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). — М.: ЛЕНАНД, 2015b. — 904 с.
82. Буздалов А.В. Парадоксы и мифы «православного социализма» [Текст] / А.В. Буздалов. — М.: Антимодернизм.Ру, 2019. — 304 с.
83. Букреев В.И. Расчеловечивание человека в мировой истории: истоки и глобальные последствия [Текст] / В.И. Букреев. — М.: Флинта; Наука, 2011. — 405 с.
84. Бушин В. Расчеловечивание. Причины бесконечных катастроф [Текст] / В. Бушин // Завтра. — 2018. Апрель. — № 15(1271).
85. Валько Д.В. Развитие экономики совместного использования и ее влияние на экономический рост [Электронный ресурс] / Д.В. Валько // Журнал экономической теории. 2021. — Т. 18. — № 1. — С. 56–68. — URL: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.4>.
86. Ван Вэнь. Грядущий век [Электронный ресурс] / Ван Вэнь // Эксперт клуба «Валдай» Ван Вэнь — о перспективах развития Дальнего Востока. Известия. 05.09.2022. — URL: <https://iz.ru/1390523/van-ven/griadushchii-vek>.
87. Васильев И.Е. Человек и обстоятельства в «Колымских рассказах» В. Шаламова [Текст] / И.Е. Васильев // Вестник Курганского государственного университета (КГУ). — 2009. — № 2. — С. 73–78.
88. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление [Текст] / В.И. Вернадский. — М.: Наука, 1991. — 271 с.
89. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера [Текст] / В.И. Вернадский. — М.: Айрис-пресс, 2012. — 575 с.
90. Винокуров Е. Повышение роли национальных валют ЕАЭС в международных расчетах [Текст] / Е. Винокуров, Н. Лаврова, В. Петренко // Доклады и рабочие документы, 21/1. — М.: Евразийский банк развития, 2021. — 29 с.
91. Воейков М.И. Эволюция государственного патернализма и ноономика / Ноономика и ноообщество [Текст] / М.И. Воейков // Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. — Т. 1. — № 1. — С. 129-135. — DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-129-135.
92. Воскресенский А. Реализация «Китайской Мечты» в период «Эпохи Си Цзиньпина»: что ожидать России? [Текст] / А. Воскресенский // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — № 10. — С. 5–16.
93. ВРНС. Устав Международной общественной организации «Всемирный Русский Народный Собор» (ВРНС) [Текст]. — М., 2017. — 22 с.
94. Вэй Чжичжун. Формирование шестого технологического уклада в КНР [Текст]: дипломная работа / Вэй Чжичжун. — Минск: Белорусский государственный университет, 2018.
95. Глазьев С. Евразийская интеграция — ключевое направление современной политики РФ [Текст] / С. Глазьев // Изборский клуб. Русские стратегии. — 2014. — № 2(14). — С. 44–57.
96. Глазьев С. Последняя геополитическая партия: США начинают и проигрывают [Текст] / С. Глазьев // Международная жизнь. — 2015. — № 8. — С. 2–24.
97. Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают [Текст] / С. Глазьев. — М.: Книжный мир, 2016. — 512 с.

98. Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? [Текст] / С. Глазьев. — М.: Книжный мир, 2017. — 640 с.
99. Глазьев С. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах [Текст] / С. Глазьев. — М.: Книжный мир, 2018. — 768 с.
100. Глазьев С. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов [Текст] / С. Глазьев // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР, 2021. — 388 с. — С. 93–131.
101. Глазьев С. Что происходит: авторский доклад Изборскому клубу академика Глазьева [Электронный ресурс] / С. Глазьев. — 2022. — URL: <https://glazev.ru/articles/11-analitika-i-prognozy/106003-chto-proiskhodit?ysclid=I8bh1rk1jq734715488>.
102. Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития [Текст] / С.Ю. Глазьев. — М.: Наука, 1990. — 232 с.
103. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития [Текст] / С.Ю. Глазьев. — М.: ВладДар, 1993. — 310 с.
104. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса [Текст] / С.Ю. Глазьев. — М.: Экономика, 2010. — 255 с.
105. Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» [Текст] / С.Ю. Глазьев. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. — 576 с.
106. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии [Текст] / С.Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. — 2016а. — Т. 52. — № 2. — С. 3–29.
107. Глазьев С.Ю. О неприемлемости проекта «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов» Банка России (особое мнение члена Национального финансового совета) [Текст] / С.Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. — 2018а. — № 6. — С. 3–26.
108. Глазьев С.Ю. Управление развитием экономики: курс лекций [Текст] / С.Ю. Глазьев. — М.: Издательство Московского университета, 2019. — 759 с.
109. Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов [Текст] / С.Ю. Глазьев // Экономическое возрождение России. — 2020а. — № 2 (64). — С. 15–32.
110. Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов [Текст] / С.Ю. Глазьев // На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления; под ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. — М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020б. — С. 76–104.
111. Глазьев С.Ю. За горизонтом конца истории [Текст]: монография / С.Ю. Глазьев. — М.: Проспект, 2021а. — 416 с.
112. Глазьев С.Ю. Оценка влияния санкций и других кризисных факторов на состояние российской экономики [Текст] / С.Ю. Глазьев, В.В. Архипова // Российский экономический журнал. — 2018. — № 1. — С. 3-29.

113. *Глазьев С.Ю.* Зарубежный опыт государственного прогнозирования, стратегического планирования и программирования [Текст] / С.Ю. Глазьев, Ю.В. Яковец. — М.: Государственный университет управления, 2008. — 124 с.
114. *Глотова В.В.* Гуманизм и границы современной науки [Текст] / В.В. Глотова, М.Б. Плохинова // Вестник Воронежского государственного технического университета. — 2012. — Т. 8. — № 10-1. — С. 129–132.
115. *Глушак О.В.* К вопросу о содержании VI технологического уклада в условиях цифровой экономики [Электронный ресурс] / О.В. Глушак, Н.В. Глушак // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2019. — № 2-2. — С. 244–252. — URL: <https://vael.ru/ru/article/view?id=319&ysclid=I95kvfmoan543074867>.
116. *Головнин М.Ю.* Вызовы для экономики России со стороны глобальных финансовых рынков [Текст] / М.Ю. Головнин // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2019. — Т. 218. — № 4. — С. 314–319.
117. *Горшков М.К.* Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа [Текст] / М.К. Горшков, В.В. Петухов. — М.: Весь Мир, 2018. — 381 с.
118. *Грибакина Э.Н.* Зло как составляющая морали [Текст] / Э.Н. Грибакина // Социально-гуманитарные знания. — 2019. — № 3. — С. 129–145.
119. *Григорьев В.Н.* Банковская система Индии [Электронный ресурс] / В.Н. Григорьев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. — 2020. — Т. 28. — № 4. — С. 661–667. — URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-661-667>.
120. *Гринберг Р.С.* Умным фабрикам нужны умные люди и умная экономика [Текст] / Р.С. Гринберг // Экономическое возрождение России. — 2016. — № 4(50). — С. 154–157.
121. *Гульмадова Е.Д.* Особенности современного развития экономики Индии и пути оптимизации внешнеэкономических отношений с Россией [Текст]: дис. ...канд. экон. наук / Е.Д. Гульмадова. — М., 2014. — 173 с.
122. *Гусейнов А.А.* Этика науки [Текст] / А.А. Гусейнов // Ведомости прикладной этики. — 2017. — № 50. — С. 103–116.
123. *Гэлбрейт Дж.К.* Общество изобилия [Текст]: пер. с англ. / Дж.К. Гэлбрейт; науч. ред. российского издания С.Д. Бодрунов. — М.: Олимп-Бизнес, 2018. — 404 с. (Серия ИНИР им. С.Ю. Витте «Современная экономическая мысль»).
124. *Гэлбрейт Дж.* Ноономика, глобализация и пандемия [Текст] / Дж. Гэлбрейт // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР, 2021. — С. 132–157.
125. *Делягин М.* Угроза глобального расчеловечивания — главный вызов, стоящий перед миром [Электронный ресурс] / М. Делягин // Комсомольская правда. — 17.01.2018. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26783.4/3816477/?ysclid=I8tvqojjst471809753>.
126. *Дементьев В.Е.* Парадокс производительности в региональном измерении [Текст] / В.Е. Дементьев // Экономика региона. — 2019. — Т. 15. — Вып. 1. — С. 43–56.

127. Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи [Текст]: пер. с англ. / Р. Десаи; науч. ред. российского издания С.Д. Бодрунов. — М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центр каталог, 2020. — 328 с.
128. Десаи Р. Ноономика и геополитическая экономия: естественные союзники [Текст] / Р. Десаи // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР, 2021. — С. 325–348.
129. Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовет Россию? [Текст] / С.С. Дзарасов. — М.: Алгоритм, 2012. — 304 с.
130. Дугин А.Г. Теория многополярного мира [Текст] / А.Г. Дугин. — М.: Евразийское движение, 2013. — 532 с.
131. Дугин А.Г. Теория Многополярного Мира. Плюриверсум [Текст]: учебное пособие / А.Г. Дугин. — М.: Акад. проект, 2015. — 358 с.
132. Дынкин А.А. Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз [Текст] / А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. — М.: ИМЭМО РАН, 2021. — 136 с.
133. Дягилев В.В. Мифические ценности современного мира: куда мы идем? [Текст] / В.В. Дягилев, Т.А. Замиралова // Власть. — 2020. — Т. 28. — № 3. — С. 148–152.
134. Европа в кризисном мире [Текст]: кол. монография / Ал.А. Громыко и др.; отв. ред. Ал.А. Громыко / ФГБУН ИЕ РАН. — М.: ИЕ РАН, изд. «Весь мир», 2022. — 376 с.
135. Елисеев М.С. Евразийское пространство: геоэкономический аспект развития [Текст] / М.С. Елисеев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2013. — № 14. — С. 49–57.
136. Елисеева И.И. Динамический потенциал — недостающее звено в исследовании инновационной деятельности [Текст] / И.И. Елисеева, В.В. Платонов // Финансы и бизнес. — 2014. — № 4. — С. 102–110.
137. Ермакова Ж.А. Технологические приоритеты как основа научно-технического развития промышленного комплекса региона [Текст] / Ж.А. Ермакова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2012. — № 8(144). — С. 105–109.
138. ЕЭК. Механизмы реагирования на угрозы макроэкономической стабильности в условиях глобального экономического кризиса, вызванного пандемией. Аналитический доклад. Май 2020 [Текст]. — М.: Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), 2020.
139. Жаворонков А.Г. Разум как привилегия европейцев? Кант и проблема расизма [Текст] / А.Г. Жаворонков // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2021. — № 60. — С. 89–96.
140. Иванов О.Б. План Правительства: от восстановления — к реальному подъему экономики [Текст] / О.Б. Иванов, Е.М. Бухвальд // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2020. — № 4. — С. 7–23. — DOI: 10.24411/2071-6435-2020-10031.
141. Иванова И.С. Проблема истинных и ложных ценностей в работе Э. Фромма «Бегство от свободы» и отношение к ней в современной России [Текст] / И.С. Иванова // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». — 2016. — № 6. — С. 72–78.

142. *Ивантер В.В.* Прикладное прогнозирование национальной экономики [Текст]: учебное пособие / В.В. Ивантер [и др.]; под ред. В.В. Ивантера, И.А. Буданова, В.Г. Коровкина [и др.]. — М.: Экономистъ, 2007. — 896 с.
143. *Ильин А.Н.* Дегуманизация западного мира [Текст] / А.Н. Ильин // Ценности и смыслы. — 2019. — № 1(59). — С. 120–138.
144. *Казаков М.А.* Политическое манипулирование: теория и практика [Текст]: учебно-метод. пособие [Текст] / М.А. Казаков. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. — 18 с.
145. *Казакова А.А.* Инклюзивный рост: проблема социологической концептуализации [Текст] / А.А. Казакова // Теория и практика общественного развития. — 2016. — № 4. — С. 33–36.
146. *Казин А.Л.* Православный социализм как русская национальная идея [Текст] / А.Л. Казин // Вопросы социальной теории. — 2020. — Т. XII. — С. 150–159.
147. *Квинт В.Л.* К анализу формирования стратегии как науки [Электронный ресурс] / В.Л. Квинт // Вестник ЦЭМИ. — 2018. — № 1. — URL: <https://cemi.jes-su/s111111110000121-6-1/>.
148. *Квинт В.Л.* Концепция стратегирования [Текст] / В.Л. Квинт. — СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. — Т. 1. — 132 с.
149. *Квинт В.Л.* Концепция стратегирования [Текст] / В.Л. Квинт. — Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. — 170 с.
150. *Квинт В.Л.* Стратегирование экономического и инвестиционного развития Кузбасса [Текст] / В.Л. Квинт. — Кемерово: КемГУ, 2021. — 364 с.
151. *Квинт В.Л.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика [Текст] / В.Л. Квинт, С.Д. Бодрунов. — СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2021. — 351 с.
152. *Киндлбергер Ч.* Мировые финансовые кризисы. Мании, паники и крахи [Текст] / Ч. Киндлбергер, Р. Алибер. — СПб.: Питер, 2010. — 544 с.
153. *Клейн Л.* Расизм и «психология народов» [Текст] / Л. Клейн // Развитие личности. — 2009. — № 4. — С. 56–90.
154. *Клейнер Г.* Микроэкономика знаний и мифы современной теории [Текст] / Г. Клейнер // Высшее образование в России. — 2006. — № 9. — С. 32–34.
155. *Клейнер Г.Б.* Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний [Текст] / Г.Б. Клейнер // Экономическое возрождение России. — 2020а. — № 1(63). — С. 35–42.
156. *Клейнер Г.Б.* Системная реконструкция российского социально-экономического пространства [Текст] / Г.Б. Клейнер // Экономическое возрождение России. — 2020б. — № 2(64). — С. 59–69.
157. *Клейнер Г.Б.* Интеллектуальная теория фирмы [Электронный ресурс] / Г.Б. Клейнер // Вопросы экономики. — 2021. — № 1. — С. 73–97. — URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-73-97>.
158. *Клепач А.Н.* Российская экономика в новой геоэкономической реальности [Текст] / А.Н. Клепач // Экономическое возрождение России. — 2022. — № 3(73). — С. 45–51.
159. *Ковальчук М.В.* Природоподобные технологии: новые возможности и новые вызовы [Текст] / М.В. Ковальчук, О.С. Нарайкин, Е.Б. Яцишина // Вестник

Российской академии наук. — 2019. — Т. 89. — № 5. — С. 455–465. — DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-5873895455-465>.

160. *Козачек А.В.* Седьмой технологический уклад: возможные глобальные экологические проблемы и соответствующие аспекты профессиональной подготовки инженера-эколога [Текст] / А.В. Козачек // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2015. — Т. 17. — № 5(2). — С. 477–489.
161. *Колганов А.И.* Что дает психология для понимания экономических процессов? (О книге Ю.Я. Ольсевича «Психологические основы экономического поведения») [Текст] / А.И. Колганов // Вопросы теоретической экономики (ВТЭ). — 2017. — № 1. — С. 132–139.
162. *Колганов А.И.* Эволюция содержания человеческой деятельности и изменение структуры экономики [Текст] / А.И. Колганов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. — 2022. — Т. 1. — № 1. — С. 65–80. — DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-65-80.
163. *Колганов А.И.* Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс [Текст] / А.И. Колганов, А.В. Бузгалин // Социологические исследования. — 2014. — № 1. — С. 80–94.
164. *Комогорцев А.* Новая политическая антропология: возвращение теории Поршнева — Диденко [Электронный ресурс] / А. Комогорцев. — URL: https://zavtra.ru/blogs/novaya_politicheskaya_antropologiya?ysclid=I7a56f67iv493646104.
165. *Кондратьева Н.Б.* Европейская модель интеграции рынков. Становление и перспектива [Текст]: монография / Н.Б. Кондратьева / РАН, ФГБУН ИЕ РАН. — М.: РАН, 2020. — 384 с.
166. *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз [Текст] / Н.Д. Кондратьев. — М.: Наука, 1991. — 569 с.
167. *Конотопов М.В.* Экономическая история мира [Текст]. В 6 т. Т. 1 / М.В. Конотопов; под общ. ред. М.В. Конотопова. — М.: КноРус, 2008. — 496 с.
168. *Конотопов М.В.* Экономическая история [Текст]: учебник / М.В. Конотопов, С.И. Сметанин. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2012. — 608 с.
169. *Котлер Ф.* Основы маркетинга [Текст]: пер. с англ. / Ф. Котлер, Г. Армстронг, Дж. Сондерс [и др.]. — М.: Издательский дом «Вильямс», 2003. — 944 с.
170. *Котц Д.М.* Взлет и падение неолиберального капитализма [Текст]: пер. с англ. / Д.М. Котц; науч. ред. издания на русском языке С.Д. Бодрунов. — М.: ИНИР им. С.Ю. Витте; Центркаталог, 2022. — 261 с.
171. *Крюков В.А.* О необходимости осуществления активной структурной и промышленной политики в Азиатской России [Текст] / В.А. Крюков // Экономическое возрождение России. — 2022. — № 3(73). — С. 5–17.
172. *Кудрин Б.И.* Исследования технических систем как сообществ изделий — техноценозов [Текст] / Б.И. Кудрин // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. — 1980. — С. 236–254.
173. *Кудрин Б.И.* Технетика: новая парадигма философии техники (Третья науч. картина мира) [Текст] / Б.И. Кудрин. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. — 40 с.

174. *Кузык Б.Н.* Национальная стратегия инновационного прорыва [Текст] / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец // Экономика и управление. — 2006. — № 5(26). — С. 2–8.
175. *Кулешов В.В.* Оценка роли природных ресурсов в обеспечении экономического роста страны: когнитивный анализ и принятие решений [Текст] / В.В. Кулешов, А.В. Алексеев, М.А. Ягольницер // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-Сибирь. — 2018. — Т. 1. — № 3. — С. 297–307.
176. *Кулешов В.В.* Стратегия социально-экономического развития Сибири: институциональные условия и механизмы реализации [Текст] / В.В. Кулешов, В.Е. Селиверстов // Экономика региона. — 2005. — № 4(4). — С. 5–24.
177. *Кутырев В.А.* Смотрите, кто пришел... О конце сознания и начале мышления [Текст] / В.А. Кутырев // Эпистемология & Философия науки. — 2007. — Т. XIII. — № 3. — С. 37–48.
178. *Лазаревич Н.А.* Человеческое развитие в контексте социотехнической коэволюции [Текст] / Н.А. Лазаревич // Труды БГТУ. — Сер. 6. История, философия. — 2021. — № 1 (245). — С. 142–145.
179. *Ланге О.В.* Современные манипулятивные технологии: вопросы теории и методологии [Текст]: дис. ...канд. полит. наук / О.В. Ланге. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015.
180. *Лексин В.Н.* Оценка результативности государственных программ социально-экономического развития регионов России [Текст] / В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев // Проблемы прогнозирования. — 2016. — № 4(157). — С. 81–94.
181. *Лепехова Е.С.* Буддизм и социализм в философии Сэно Гиро (1890–1961) [Текст] / Е.С. Лепехова // Философский журнал / Philosophy Journal. — 2022. — Т. 15. — № 2. — С. 109–121.
182. *Лепский В.Е.* Исходные посылки к становлению социогуманитарной эргономики стратегического проектирования [Текст] / В.Е. Лепский // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. — 2011. — № 3(58). — С. 29–35.
183. *Лепский В.Е.* Методологические аспекты инновационного развития России [Текст] / В.Е. Лепский, В.И. Аршинов, Р.Г. Василев [и др.] // Экономические стратегии. — 2010. — Т. 12. — № 7-8 (81-82). — С. 46–59.
184. *Луконин С.А.* Трансформация социально-экономической модели Китая в условиях пандемии [Текст] / С.А. Луконин, Е.О. Захлязьминская // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — Т. 13. — № 6. — С. 198–216. — DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-11.
185. *Львов Д.С.* Теоретические и прикладные аспекты управления НТП [Текст] / Д.С. Львов, С.Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. — 1985. — № 1.
186. *Львов Д.С.* Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы [Текст] / Д.С. Львов, А.Г. Поршнев; рук. авт. кол. Д.С. Львов, А.Г. Поршнев. — М.: Экономика, 2002. — 701 с.
187. *Лэйн Д.* Капиталистическая трансформация государственного социализма. Создание и развал государственного социализма и что произошло дальше [Текст] / Д. Лэйн; науч. ред. издания на русском языке С.Д. Бодрунов. — М.: ИНИР им. С.Ю. Витте; Центркаталог, 2022. — 320 с.
188. *Маевский В.И.* О политизированных теориях и их замещении [Текст] / В.И. Маевский // Экономическое возрождение России. — 2022. — № 2(72). — С. 28–34.

189. *Маевский В.И.* Волны Кондратьева и современная макроэкономика [Текст] / В.И. Маевский // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2022. — № 239.
190. *Макаров В.Л.* Экономика знаний: уроки для России [Текст] / В.Л. Макаров // Россия и современный мир. — 2004. — № 1. — С. 5–24.
191. *Макаров В.Л.* Моделирование и оценка национальной силы России [Текст] / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Н.И. Ильин // Экономические стратегии. — 2020. — Т. 22. — № 2(168). — С. 6–19.
192. *Макаров В.Л.* Матрица финансовых потоков — инструмент реализации экономической политики страны [Текст] / В.Л. Макаров, А.И. Агеев, А.Р. Бахтизин [и др.] // Экономические стратегии. — 2021. — Т. 23. — № 4(178). — С. 22–35.
193. *Макконнелл К.Р.* Экономикс: принципы, проблемы и политика [Текст]: пер. / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 972 с.
194. *Мальцев А.А.* Гетеродоксальная экономическая теория: текущее состояние и пути дальнейшего развития [Текст] / А.А. Мальцев // Экономическая политика. — 2018. — Т. 13. — № 2. — С. 148–169. — DOI: 10.18288/1994-5124-2018-2-08.
195. *Мареев С.Н.* История философии (общий курс) [Текст]: учебное пособие / С.Н. Мареев, Е.В. Мареева. — М.: Академический Проект, 2003. — 880 с.
196. МВФ. Перспективы развития мировой экономики: война задерживает глобальное восстановление [Текст]. — Вашингтон: Международный валютный фонд (МВФ), апрель 2022. — 191 с.
197. *Мильнер Б.* Лекция 1. «Экономика знаний» и новые требования к управлению [Текст] / Б. Мильнер // Проблемы теории и практики управления. — 2008. — № 1. — С. 108–120.
198. *Минакир П.А.* Региональные стратегии и имперские амбиции [Текст] / П.А. Минакир // Пространственная экономика. — 2015. — № 4. — С. 7–11.
199. *Минакир П.А.* Экономика пандемии: российский путь [Электронный ресурс] / П.А. Минакир // Пространственная экономика. — 2020. — Т. 16. — № 2. — С. 7–18. — URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.007-018>.
200. *Миндели Л.Э.* Концептуальные аспекты формирования экономики знаний [Электронный ресурс] / Л.Э. Миндели, Л.К. Пипия // Проблемы прогнозирования. — 2007. — № 3 (102). — С. 115–136. — URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2007/fp/3/10.pdf?ysclid=lf707da7hch32270143>.
201. *Миронов С.М.* Социалистическая идеология в современном мире. Социализм и Россия [Текст] / С.М. Миронов // Социология власти. — 2010. — № 3. — С. 6–17.
202. *Миронов В.В.* Философия [Текст]: учебник / В.В. Миронов. — М.: Проспект, 2011. — 240 с.
203. *Михеев В.В.* Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз [Текст] / В.В. Михеев, В.Г. Швыдко (ред.). — М.: ИМЭМО РАН, 2020. — 182 с.
204. *Морогин В.Г.* Методологические перспективы палеопсихологической теории антропогенеза Б.Ф. Поршнева [Текст] / В.Г. Морогин, В.А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. — 2018. — № 5. — С. 223–234.
205. *Некпелов А.Д.* Глобализация и стратегия развития экономики России [Текст] / А.Д. Некпелов // Проблемы прогнозирования. — 2001. — № 4. — С. 3–16.

206. *Некипелов А.Д.* Об экономической стратегии и экономической политике России в современных условиях [Текст] / А.Д. Некипелов // Научные труды ВЭО России. — 2021. — Т. 230. — № 4. — С. 76–89.
207. *Некипелов А.Д.* Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. Научный доклад [Текст] / А.Д. Некипелов, В.В. Ивантер, С.Ю. Глазьев (ред.). — М.: РАН, 2013.
208. НИУ ВШЭ. Индикаторы науки: 2022: статистический сборник [Текст] / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир [и др.]. — М.: НИУ ВШЭ, 2022. — 400 с.
209. *Новиков Д.А.* Кибернетика: Навигатор. История кибернетики, современное состояние, перспективы развития [Текст] / Д.А. Новиков. — М.: ЛЕНАНД, 2016. — 160 с.
210. *Новиков С.В.* Аддитивные технологии: состояние и перспективы [Электронный ресурс]: учебное пособие / Д.А. Новиков, К.Н. Рамазанов. — Уфа: УГАТУ, 2022. — URL: https://www.ugatu.su/media/uploads/MainSite/Ob%20universitete/lzdateli/El_izd/2022%E2%80%909041.pdf?ysclid=17roo9pesw714141150.
211. *Окрепилов В.В.* Качество жизни: ориентиры стратегии 2030 [Электронный ресурс] / В.В. Окрепилов // Экономика качества (электронный журнал). — 2017. — № 1(17). — URL: <http://eq-journal.ru/pdf/17/%D0%9E%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2.pdf>.
212. *Окрепилов В.В.* К планированию на новой основе: от количества продукции к качеству жизни населения [Текст] / В.В. Окрепилов // Экономическое возрождение России. — 2021. — № 4(70). — С. 22–27.
213. *Окрепилов В.В.* Устойчивое развитие наукоемких предприятий в экономике знаний [Текст] / В.В. Окрепилов // Экономическое возрождение России. — 2022. — № 3(73). — С. 18–23.
214. *Ольсевич Ю.Я.* Современный кризис «мейнстрима» в оценках его предшественников (предварительный анализ) [Текст] / Ю.Я. Ольсевич. — М.: Институт экономики РАН, 2013. — 46 с.
215. ООН. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. Генеральная Ассамблея ООН [Электронный ресурс]. — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf.
216. ООН. Доклад о целях в области устойчивого развития, 2021 год [Текст]. — ООН, 2021.
217. *Павлов П.Н.* Технологическая динамика: институциональный подход [Текст] / П.Н. Павлов. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — 190 с.
218. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания [Текст] / К. Перес. — М.: Дело, 2011. — 231 с.
219. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке [Текст] / Т. Пикетти. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.
220. *Подберезкин А.И.* Евразия и Россия [Текст] / А.И. Подберезкин, К.П. Боришполец, О.А. Подберезкина. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 517 с.
221. *Ползунова Н.Н.* Реализация стратегии импортозамещения через развитие машиностроения [Текст] / Н.Н. Ползунова // Экономика и управление в машиностроении. — 2022. — № 3. — С. 20–27.

222. *Полтерович В.М.* Стратегии институциональных реформ. Китай и Россия [Текст] / В.М. Полтерович // Экономика и математические методы. — 2006. — Т. 42. — № 2. — С. 1–17.
223. *Пороховский А.А.* Человек и робот: технологизация versus гуманизация ноономики [Текст] / А.А. Пороховский // Экономическое возрождение России. — 2021. — № 1(67). — С. 39–47. — DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-39-47.
224. *Порфирьев Б.Н.* Парадигма низкоуглеродного развития и стратегия снижения рисков климатических изменений для экономики [Текст] / Б.Н. Порфирьев // Проблемы прогнозирования. — 2019. — № 2(173). — С. 3–13.
225. *Путин В.В.* Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 4(25). — С. 8–11. — URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-8-11>.
226. *Рейнхарт К.М.* На этот раз все будет иначе. Механизмы финансовых кризисов восемь столетий одни и те же [Текст] / К.М. Рейнхарт, К.С. Рогофф. — М.: Карьера Пресс, 2012. — 528 с.
227. *Ридигер А.В.* Тенденции прогресса и регресса в развитии научного потенциала высшей школы [Текст] / А.В. Ридигер // Интеллигенция в новой реальности: сборник статей XXII Международной теоретико-методологической конференции, РГГУ, 30 сентября — 1 октября 2021 г.; под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2021. — 360 с. — С. 133–147.
228. *Рубинштейн А.Я.* Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма [Текст] / А.Я. Рубинштейн, А.Е. Городецкий, Р.С. Гринберг (ред.). — СПб.: Алетей, 2020. — 424 с.
229. *Сизикова В.А.* «Конфуцианский капитализм» или «конфуцианский социализм»? Исторические и политико-философские истоки формирования современной политической модели КНР [Текст] / В.А. Сизикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Всеобщая История. — 2013. — № 2. — С. 8–18.
230. *Сизова Н.Е.* Концепция «христианского социализма» как модель общественного идеала у С.Н. Булгакова [Текст] / Н.Е. Сизова // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 400. — С. 100-103. — DOI: 10.17223/15617793/400/15.
231. *Смолин О.Н.* Противоречия технологических и социально-экономических трансформаций: новая роль знаний в процессе движения к ноономике [Текст] / О.Н. Смолин // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР, 2021. — С. 158–177.
232. *Соколов Д.В.* Рецензия на книгу Roberto Mangabeira Unger «The Knowledge Economy (2019)» [Текст] / Д.В. Соколов // Управление наукой: теория и практика. — 2019. — Т. 1. — № 1. — С. 221–225.
233. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени [Текст] / П.А. Сорокин. — М.: Наука, 1997. — 350 с.
234. *Степанов А.Д.* Русская идея. XXI век [Текст] / А.Д. Степанов. — СПб., 2021.

235. *Стил В.* Корсет [Текст] / В. Стил // *Культурология*. — 2011. — № 3(58). — С. 208–214
236. *Суббето А.И.* Ноосферизм [Текст] / А.И. Суббето. — СПб.: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001
237. *Сулейманов Т.Ф.* Христианский социализм как отражение доктрины социального христианства [Текст]. Ч. I / Т.Ф. Сулейманов, У.А. Кашапов, В.А. Касенкин // *Евразийство и мир*. — 2020. — № 2. — С. 41–56.
238. *Сундиев И.Ю.* Институциональное расчеловечивание как метатехнология социальной деструкции [Текст] / И.Ю. Сундиев, А.Б. Фролов // *Экономические стратегии*. — 2016. — № 7. — С. 108–123.
239. *Талеб Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости [Текст] / Н.Н. Талеб. — М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2012. — 736 с.
240. *Толкачев С.А.* Концепция циклической последовательности распространения базисных технологий в экономике и онтологическая обусловленность теорий индустриального общества [Текст] / С.А. Толкачев, А.Ю. Тепляков // *Экономическое возрождение России*. — 2019. — № 4(62). — С. 19–36.
241. *Толстикова В.А.* Христианский социализм как мировоззренческий фактор развития гражданского общества [Текст] / В.А. Толстикова // *Наука. Искусство. Культура*. — 2015. — Вып. 4(8). — С. 88–101.
242. *Уланов М.С.* Буддизм и этико-философские основы развития современных экономик [Текст] / М.С. Уланов, Г.В. Уланова // *ЭКО*. — 2012. — № 6(456). — С. 177–187.
243. *Ферсман А.Е.* Геохимия [Текст]. В 4 т. Т. 2 / А.Е. Ферсман. — Ленинград: Госхимтехиздат. Ленингр. отд-ние, 1934. — 354 с.
244. *Фетисов Г.Г.* Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков [Текст]. В 5 т. / Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов (ред.). — М.: Мысль, 2004–2005.
245. *Хабибуллина З.Р.* От креативного работника — к человеку ноономики [Текст] / З.Р. Хабибуллина // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. — 2021. — № 2. — С. 97–106. — DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_97_106.
246. *Худокормов А.Г.* Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке) [Текст] / А.Г. Худокормов. — М.: Институт экономики РАН, 2012. — 38 с.
247. *Цаголов Н.А.* Курс политической экономии [Текст]. В 2 т. / Н.А. Цаголов (ред.). — М.: Экономика, 1973.
248. *Цветков В.А.* Формирование глобальной Евразии: проблемы сопряжения транзитных систем [Текст] / В.А. Цветков, К.Х. Зоидов, А.А. Медков [и др.]; под ред. В.А. Цветкова, К.Х. Зоидова. — М.: ИПР РАН, 2018. — 131 с.
249. *Цивилев С.Е.* Кузбасс 2035: национальные интересы и стратегические приоритеты развития региона [Текст] / С.Е. Цивилев // *Экономика в промышленности*. — 2020. — Т. 13. — № 3. — С. 281–289. — DOI: 10.17073/2072-1633-2020-3-281-289.
250. *Чен Эньфу.* Китайский новаторский марксизм [Текст] / Чен Эньфу // *Избранные произведения*. — М.: Родина, 2021. — 1056 с.

251. *Чен Эньюфу*. Интеллектуальная экономика как форма ноономики и ее социально-экономические последствия [Текст] / Чен Эньюфу, Гао Сиян // *А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия*; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР, 2021. — С. 178–206.
252. *Шачин С.В.* К проблеме общественного устройства в эпоху ноономики: опыт синтеза политэкономического подхода С. Бодрунова и социально-философского подхода А. Хоннета и Ю. Хабермаса [Текст] / С.В. Шачин // *Вопросы политической экономии*. — 2021. — № 1(29). — С. 121–134.
253. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция [Текст] / К. Шваб. — М.: Эксмо, 2016. 138 с.
254. *Шестовских Н.А.* Концепция «христианского социализма» в работах русских религиозных философов (конец XIX — начало XX в.) [Электронный ресурс] / Н.А. Шестовских // *Известия Уральского федерального университета*. — Серия 3: Общественные науки. — 2019. — Т. 14. — № 2(188). — С. 193–204. — URL: <https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/74489/1/iuro-2019-188-19.pdf?ysclid=I9p80joa4d21067485>.
255. *Широв А.А.* Проблемы воспроизводства в современной российской экономике [Текст] / А.А. Широв // *Вопросы политической экономии*. — 2019. — № 2. — С. 37–46.
256. *Широв А.А.* Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз. Научный доклад ИНП РАН [Текст] / А.А. Широв (ред.). — М.: Артк Принт, 2022. — 296 с.
257. *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum* [Текст] / К. Шмитт. — СПб.: Владимир Даль, 2008. — 670 с.
258. *Щербаков Г.А.* Генезис и развитие научных представлений о роли инноваций в экономическом процессе [Текст] / Г.А. Щербаков // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. — 2019. — Т. 10. — № 4. — С. 470–486.
259. *Щипков В.А.* Секулярные основания и утопические черты идеологии трансгуманизма [Текст] / В.А. Щипков // *Вестник Московского университета*. — Серия 12: Политические науки. 2018. — № 3. — С. 7–24.
260. *Яблонских Ю.П.* Нравственность как значимый регулятив современного образования [Текст] / Ю.П. Яблонских // *Проблемы современного педагогического образования*. — 2018. — № 59-2. — С. 404–407.
261. *Ядгаров Я.С.* История экономических учений [Текст]: учебник / Я.С. Ядгаров. — М.: ИНФРА-М, 2007. — 480 с.
262. *Яковец Ю.В.* Диалог и партнерство цивилизаций [Текст] / Ю.В. Яковец, С. Фарах. — М.: Международный институт Питириاما Сорокина — Николая Кондратьева, Институт экономических стратегий, 2014. — 436 с.
263. *Бадруноу С.Д.* Нааноміка [Текст] / С.Д. Бадруноу. — Мінск: Місанта, 2021. — 327 с.
264. *Arrighi G.* *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times* [Text] / G. Arrighi. — London: Verso, 1994. — 400 p.
265. *Bodrunov S.* *Prospects of Transitioning to a New Model for Socioeconomic System Organization (Noonomy)* [Text] / S. Bodrunov // *Global Journal of Human-Social Sciences*. — October 2019. — Vol. 19. — No. A11 (2019). — DOI: 10.34257/GJHSSAVOL19IS11PG1.

266. *Bodrunov S.* Noonomia [Text] / S. Bodrunov. — Mexico: Plaza y Valdes S.A. de C. V., 2020. — 437 p.
267. *Bodrunov S.* Noonomy as the Material Basis for a Prospective Humanitarian Model of Public Order [Text] / S. Bodrunov // Sustainability. — 2021. — 13(3). — 1454. — DOI: 10.3390/su13031454.
268. *Bodrunov S.* Modern development strategy requires turnabout to planning [Text] / S. Bodrunov // World Review of Political Economy. — October. — 2022a. — Vol. 13. — No.3. — P. 391–400. — DOI: 10.13169/worlrevipoliecon.13.3.0391.
269. *Bodrunov S.* Noonomia [Text] / S. Bodrunov. — Sao Paulo: Aramarani, 2022b. — 412 p.
270. *Bodrunov S.* Noonomija [Text] / S. Bodrunov. — Tisak: Kartular, Split, 2022c. — 257 p.
271. *Bodrunov S.* Noonomy [Text] / S. Bodrunov. — Tel Aviv: Alu-Et Publishing House, 2022d. — 242 p.
272. *Bodrunov S.* Anthology of Noonomy: Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences [Text] / S. Bodrunov [et al.]. — Brill, 2022. — 225 p.
273. *Freeman A.* Creativity: London's Core Business [Text] / A. Freeman. — London: GLA, 2002.
274. *Galbraith J.K.* The New Industrial State [Text] / J.K. Galbraith. — Princeton University Press, 1967. — 576 p.
275. *Galbraith J.K.* Neoclassical Economics in a Biophysical World [Text] / J.K. Galbraith // Экономическое возрождение России. — 2021. — № 1(67). — С. 103–108.
276. *Glazyev S.Yu.* Matrix of the Industrial Wave of Civilizational Development [Text] / S.Yu. Glazyev, A.E. Ajvazov, V.A. Belikov // Journal of Economic Theory. — 2018. — No. 12(1). — P. 8–21.
277. *Glazev S.Y.* Russia, India and China: Cooperation and New Role in the Development of International Relations [Electronic resource] / S.Y. Glazev, V.V. Arkhipova // Global Journal of Emerging Market Economies. — 2022. — Vol. 14. — Iss. 3. — URL: <https://doi.org/10.1177/09749101221082723>.
278. IMF. World Economic Outlook Database [Text]. — International Monetary Fund, April 2022.
279. *Kurtines W.M.* Science and Morality: The Role of Values in Science and the Scientific Study of Moral Phenomena [Text] / W.M. Kurtines, M. Alvarez, M. Azmitia // Psychological Bulletin. — 1990. — Vol. 107. — No.3. — P. 283–295.
280. *Kvint V.* Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications [Text] / V. Kvint. — New York; London: Routledge, 2016. — 519 p.
281. *Kvint V.L.* Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy [Text] / V.L. Kvint, S.D. Bodrunov. — Oakville, USA: Apple Academic Press, 2022. — 228 p.
282. *Le Roy E.* L'exigence Idéaliste et le Fait de L'Évolution [Text] / E. Le Roy. — Paris: Boivin & Cie, 1927. — 270 p.
283. SCIO PRC. China's Epic Journey from Poverty to Prosperity. The State Council Information Office of the People's Republic of China (SCIO PRC) [Electronic resource]. — September 2021. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11793915?>

284. *Teilhard de Chardin P.* L'Hominisation. Introduction à une étude scientifique du Phénomène humain [Text] / P. Teilhard de Chardin // Pierre Teilhard de Chardin Oeuvres, t. 3: La vision du passé. — Paris: Du Seuil, 1925/1957. — P. 75–111.
285. UNCTAD. Technology and Innovation Report 2021. Catching Technological Waves. Innovation with equity [Text] // United Nations. — Geneva, 2021.
286. UNDP-MBRF Global Knowledge Index 2021. United Nations Development Programme (UNDP), Mohammed Bin Rashid Al Maktoum Knowledge Foundation (MBRF) [Text]. — December 22, 2021. — 555 p.
287. *Unger R.M.* The Knowledge Economy. 2019 [Electronic resource] / R.M. Unger. — URL: <https://www.oecd.org/naec/THE-KNOWLEDGE-ECONOMY.pdf>.
288. *Wang Wen.* Why China's Rise Will Continue [Text] / Wang Wen // Horizons. Summer 2022. — Iss. № 21. — P. 84–97.
289. WIPO. Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis [Text]. — Geneva: World Intellectual Property Organization (WIPO), 2021. — 206 p.
290. World Bank. Measuring Knowledge in the World's Economies: Knowledge Assessment Methodology and Knowledge Economy Index. Knowledge for Development Program (K4D). World Bank. 2008 [Electronic resource]. — URL: https://web.worldbank.org/archive/website01030/WEB/IMAGES/KAM_V4.PDF.
291. *Zepp-LaRouche H.* The New Deal for Humanity Is Not Green, But Human! [Text] / H. Zepp-LaRouche // Executive Intelligence Review. The Great Leap Backward. LaRouche Exposes The Green New Deal // February 21, 2021. — Vol. 48. — № 7. — P. 3–8.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	5
Введение. О факторах устойчивого развития человечества и переустройстве мира.	9
Введение на английском	14
Введение на китайском	18
Глава 1 Пересмотр основ экономической теории.	22
1.1 Об общих законах развития и философском «каркасе» исследования.	22
1.2 Кризис обществознания и экономической теории: «кривые зеркала» современной науки.	30
1.3 НТП как главный фактор развития	44
1.4 Взаимовлияние НТП и процессов формирования общественных институтов.	63
1.5 Проблемы управления социально-экономическим развитием.	76
Глава 2 Мировое экономическое развитие как смена технологических и мирохозяйственных укладов.	91
2.1 Технологические уклады: хронология, факторы, практическое значение	91
2.2 Новый VI технологический уклад как материальная основа НИО.2	99
2.3 Мирохозяйственные уклады: этапы развития и факторы.	118
2.4 Характеристика нового Интегрального мирохозяйственного уклада как институциональной основы перехода от знаниеинтенсивного производства к НИО.2 — общественному устройству следующего поколения	124
Глава 3 Предпосылки современной глобальной трансформации	146
3.1 Состояние мировой экономики в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов.	146

3.2	Угрозы человеческой цивилизации в ходе текущей смены технологических и мирохозяйственных укладов: многослойность кризисов	156
3.3	Пределы эволюции общественного развития: тенденции расчеловечивания.	168
3.4	Нравственные императивы в формировании нового общественного устройства: религия, культура, ценности.	188
Глава 4 Ноономика как основа грядущего развития		200
4.1	Контурь VII технологического уклада	200
4.2	Ноономика как неэкономический способ удовлетворения потребностей и управления развитием на основе понимания его закономерностей	208
4.3	Генезис ноо-общества: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм.	218
4.4	Императивы формирования ноо-общества: десимулятизация потребностей, переход к ноокритериальной базе ценностей, этические границы безграничного познания, ноочеловек	233
4.5	Ноопереход: переоценка масштаба и границ возможностей	250
Глава 5 «Россия в меняющемся мире»		260
5.1	Загадки отечественной экономики и возможности для прорыва в будущее	260
5.2	Место России в новых технологическом и мирохозяйственном укладах: индустриализация — деиндустриализация — реиндустриализация. Выбор пути к обеспечению лидерства	278
5.3	Россия в многополярном мире: ускорение развития и векторы сотрудничества в новом мирохозяйственном укладе	300
Заключение.		312
Список используемой литературы		317

Научное издание

**С.Д. Бодрунов
С.Ю. Глазьев**

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ОСНОВ НООНОМИКИ
КАК ГРЯДУЩЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО
УСТРОЙСТВА:
ЗНАТЬ И ДЕЙСТВОВАТЬ**

Монография

Подписано в печать 16.03.2023. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура *Newton*
Усл. печ. л. 21,25. Тираж 1000 экз.

ООО «Центркаталог»
123317, г. Москва, пер. Стрельбищенский, д. 30, стр. 1А-п.4, офис 429
Тел.: +7(926)000-33-92; +7(925)217-28-14
E-mail: zk-izdat@yandex.ru <https://zk-izdat.ru>

Для заметок
